

18+

Михаил Каюрин

Чёрная стезя. Часть 1

Опалённые революцией

Михаил Александрович Каюрин

Чёрная стезя. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67031504

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92714-8

Аннотация

История семьи Ярошенко, выходцев из украинского села. Три поколения проходят через тяжёлые испытания. Глава семейства Марк, георгиевский кавалер, за отказ вступления в колхоз сослан с семьёй на Урал. В 1937 году по ложному доносу приговорён к 10 годам лагерей НКВД, где его постигает смерть. Сын Иван прошёл через жернова Сталинградской битвы, уцелел на Курской дуге и сложил голову на Украине. Не миновала чёрная стезя и внука Михаила, однако судьба сложилась более благосклонно, отводя его от смертельного исхода. Подводная лодка К-8, на которой ему предстояло служить, погибла в Бискайском заливе за неделю до его прибытия в экипаж. Он чудом уцелел в Аравийской пустыне во время бомбёжки израильского самолёта. Годом позже едва не сгорел при пожаре в отсеке подводной лодки. А потом удары судьбы последовали один за другим. Его предал офицер, которого он спас, отвергла девушка, которую любил, изменила жена, от него отреклась дочь...

Михаил Каюрин

Чёрная стезя. Часть 1

Опалённые революцией.

Пролог.

Лицо Марка Ярошенко с раннего утра было лучезарным. Его обурежала беспредельная радость: жена Евдоха, наконец-то, подарила ему долгожданного сына. До этого дня каждые два года на свет появлялись одни дочери. Четыре мокрохвостки наплодилось уже, а вот сына Бог не давал. Дочерей было бы пять, однако старшенькая Полина на третьем году жизни внезапно заболела и вскоре умерла. Господь, вероятно, услышал его молитвы и, в конце концов, смилостивился. Сегодня с восходом солнца Марк услышал пронзительный крик выбравшегося на свет наследника.

Прошло больше двух часов с того момента, когда его сын дал о себе знать, однако бабки-повитухи всё ещё крутились вокруг роженицы. За закрытыми дверями слышались их шаркающие шаги и приглушённые голоса. В комнату Марка не пускали, хотя он порывался пройти к жене несколько раз.

– Ещё рано, – недовольно пробурчала в первый раз бабка Маруся по отцовской линии. Она вышла из комнаты и хлопнула дверь перед носом Марка.

– Пусть дитя обсохнет, а Евдоха поспит. Уморилась бедняга, измучил её сын, пробираясь на свет божий. Богатырь уродился.

Бабка умолкла на секунду, припоминая, с какой целью она вышла из комнаты и, вспомнив, направилась в кухню.

– Да не путайся ты под ногами у меня, – бросила она на ходу. – Дел у тебя нет, что ли? Будет ещё время посмотреть на сына.

Второй раз Марк попытался увидеть сына после завтрака.

– Какой ты неугомонный, Марочко! Спит твоя жена, и сын твой спит. Говори тихонько.

Показать новорожденного она пообещала через пару часов.

Бабка Маруся была единственным человеком в семье Ярошенко, которой Марк позволял говорить с собой таким тоном. Он являлся главой семейства, и никому из домашних лиц не было позволительно спорить с ним или повышать голос. Марку шёл тридцать второй год, но, несмотря на молодость, ему выпало в жизни повидать многое. ... Марк

отвоевал на фронте за веру царя и отечество без малого два года. Боевой путь солдата царской армии он начинал в Галиции в августе 1914 года в составе Юго-Западного фронта.

Потом было тяжёлое отступление на восток, холодная и

голодная зима в окопах в полусотне вёрст от города Станислава.

Лишь в конце июля 1916 года, собрав силы, русская армия опять пошла в наступление. На переправе через реку Стоход Марк Ярошенко поймал пулю австрийского солдата.

Главой большого семейства ему суждено было стать после смерти отца.

Отец его, Сидор Михайлович Ярошенко, четыре года назад сложил голову на поле брани гражданской войны. Он исполнил свой солдатский долг поровну между обеими противоборствующими сторонами, словно отвесил его на весах, отслужив полгода вначале в белой армии, а затем такой же срок в красных частях.

Отец служил возницей в обозе и однажды угодил под разрыв случайного снаряда, прилетевшего со стороны белых. Повозка разлетелась вдребезги, коня убило наповал, а боец красной армии Сидор Ярошенко получил смертельное ранение, будто в отместку за свой переход к красным.

В гражданскую войну Марк избежал мобилизации как в белую, так и в красную армию. Ещё в 1916 году в результате ранения его списали подчистую. Из госпиталя он вернулся домой с двумя отметинами об этой войне в виде двух небольших ямок на теле, затянутых тоненькой кожей. Одна ямка была на спине под левой лопаткой, а другая – напротив, на левой стороне груди. Австрийская пуля прошла навывлет. Осколок же лишил Марка фаланги большого пальца и пол-

ностью оторвал указательный палец на правой руке. Порог родной хаты защитник царя и отечества переступил с георгиевским крестом на гимнастёрке.

У Марка не было братьев. Три старших сестры давно вышли замуж и жили своими семьями в соседних сёлах. Мать ушла в лучший мир через год после гибели мужа. Все женские дела сейчас лежали на плечах бабки Маруси.

Евдоха была у неё в помощницах. Она молчаливо и безропотно исполняла все распоряжения бабки Маруси, хотя целая орава собственных ребятишек отнимала у неё уйму времени. Очень часто Евдоха ложилась спать позже всех. Но Марк никогда не слышал, чтобы жена роптала на тяготы жизни. За это он и любил её.

Евдокия Жалейко была из бедной семьи. Ветхая родительская хата под соломенной крышей стояла на отшибе в конце деревни. В полусотне метров от хаты проходила дорога на мельницу. С этой самой дороги и присмотрел однажды себе невесту шестнадцатилетний Марк, сидя в телеге на мешках с зерном. Увидев у колодца худенькую чернобровую дивчину с толстой косой, он сразу потерял покой и сон.

Дуня была моложе Марка на один год, на день помолвки ей едва исполнилось шестнадцать лет. Бабка Маруся не одобряла ранний брак единственного внука, тем более с дочерью бедняка. При удобном случае она высказывала своё недовольство, которое витало в её голове.

Сидор соглашался с нею, но через полгода, насмотрев-

шись, как изводится от любви Марк, он в конечном итоге махнул рукой на всё и направил к Андрею Жалейко сватов.

Так бесприданница Дуня влилась в безбедное семейство Ярошенко.

... Марк отправился на конюшню к волам. На сегодня у него был запланирован выезд в поле – земля уже выстоялась для вспашки, и нельзя было упускать ни дня. Рождение сына спутало ему намеченные планы – он не мог покинуть хату, не увидев новорожденного.

В конюшне Марк застал деда Трифона – отца своего бабки.

Дед возился в стойле у вороного жеребца Орлика. Вычистив полы, он скрёб щёткой холку коня. Орлик вздрагивал, нервно перебирал копытами и косил лиловым глазом на старика. Тот в ответ хлопал коня по хребтине и что-то успокаивающе бормотал любимцу.

– Ну, что, дед? Готов твой Орлик работать?

– А как же. Конечно готов.

– А волы?

– И волы готовы.

– Хорошо, дед, очень хорошо. Вот только гляну одним глазком на новорожденного наследника, и поедем мы с тобой в поле. Пахать требуется. Ты согласен?

– Я-то что? Поедем, если требуется. Только проку с меня, как от старого козла – одни убытки.

– Не прибедняйся, дед, – рассмеялся Марк. – Ты мужик

ещё в силе. Вон как Орлика обхаживаешь! Трёшь ему холку так, что он даже не может устоять на ногах.

Дед Трофим был вторым мужчиной в большом семействе Ярошенко. Ему шёл восемьдесят второй год, но он был ещё крепок и выполнял большой объём физической работы по хозяйству, которой хватало для него с лихвой.

В большой конюшне содержались два вола, лошадь, корова с годовалой тёлкой, пара свиней, куры, индюки, коза и несколько овец. Такое поголовье скотины требовало постоянного ухода.

Дед вставал до восхода солнца и сразу отправлялся в конюшню. Он любил возиться со скотиной и пропадал в конюшне до позднего вечера.

На Марке лежали более тяжёлые работы.

– Пошутил я, дед. Оставайся с бабами, справлюсь один, как-нибудь.

Марк помог деду натаскать соломы, принёс из амбара мешок с зерном, наносил из колодца воды для скотины, и только потом вновь направился в хату, чтобы увидеть сына.

Бабка Маруся, наконец-то, пустила его к жене.

Евдоха полулежала на взбитых подушках и кормила новорожденного грудью. Малец с закрытыми глазами неумело, и, как показалось Марку, лениво елозил по соску крохотными губами. Вправляя сосок в рот младенца, она тихо, почти беззвучно смеялась сдавленным смешком.

– А ну-ка, Дуня, дай мне полюбоваться на хлопца! Где его

писюнька? – пробасил в дверях голос Марка.

– Чего глотку дерёшь? С ума сошёл? – проговорила ему в спину бабка Маруся. – Нельзя так орать, тихонечко нужно.

Марк подошёл к кровати и остановился в нерешительности. Потом наклонился над свёртком, восторженно произнёс:

– Сынку... чертяка ты мой...

Других ласковых слов у Марка не нашлось. Он стоял и улыбался от счастья, глядя то на дитя, то на жену. Затем обменялся с Евдохой несколькими фразами о домашних делах и вышел из комнаты. Радостно насвистывая, направился к конюшне. Теперь он убедился воочию, что не произошло никакого подвоха, что у него, наконец-то, действительно появился на свет сын.

Когда Евдоха забеременела в шестой раз, он пригрозил, что убьёт её, если она снова принесёт ему в подоле мокровостку.

Сейчас Марк вспомнил об этом и тихо рассмеялся.

Пашня располагалась в двух верстах от деревни. Марк остановил волов у края, прошёлся вдоль межи. Несколько раз он останавливался, набирал в пригоршни землю. Растирал между ладонями, внимательно рассматривал. Оставшись довольным, вернулся к волам. Прежде чем начать пахоту, обратил взор в небо и трижды перекрестился. Потом поплевал на ладони, ухватился за ручки плуга.

– С Богом, – проговорил Марк вполголоса и всем телом

навалился на плуг.

Пара круторогих быков натянула постромки. Лезвие плуга, сверкнув на солнце отбеленной сталью, вонзилось в жирную влажную землю и стало резать борозду.

Марк уверенно шёл за плугом и наблюдал, как эта земля, словно чёрное масло из-под большого ножа, нарезалась узким сплошным куском и с покорностью переворачивалась, будто ложилась на безразмерный ломоть хлеба. Он любил землю, знал её потребности и нутром чувствовал немые просьбы пашни, ставя землю в один ряд с живностью.

Когда земля иссыхала под лучами палящего солнца, и её поверхность трескалась, как поражённая болезнью кожа, а потом истиралась сухим горячим ветром до серого пепла, Марк, не стыдясь сторонних глаз, становился на колени посреди поля и просил у Бога дождя. Он устремлял свой вопрошающий взор в яркую синеву неба без единого облачка и долго молился.

И не было ещё случая, чтобы его молитвы не были услышаны небесами. Пусть не сразу, а лишь через несколько дней насупившиеся небо вдруг оглушительно взрывалось, испуская ослепительные молнии, и затем сбрасывало на пашню плотные потоки воды. Измученная зноем земля жадно поглощала влагу, выпивая в низинах пашни большие лужи за считанные минуты.

Шагая за плугом, Марк в очередной раз подумал, что поступил правильно, не примкнув к большевикам...

... Впервые он услышал о них в окопах зимой 1916 года. Это было за год до февральской революции. Русские солдаты к тому времени уже устали от войны и начинали роптать. В армии начиналось брожение. Большинство солдат всё ещё не знало о причинах и целях войны, неожиданно свалившейся им на голову. Они устали от голода, холода, вшей, офицерских зуботычин и многих унижений, которые приходилось терпеть рядовому бойцу. На робкие вопросы солдат офицеры замысловато отвечали, что какой-то серб убил австро-венгерского эрцгерцога с женой, и за это австрияки и германцы, якобы, решили побить всех сербов. Кто такие сербы, где живут, многие солдаты не знали и не понимали, почему «из-за какого-то убийца-сербя Германия удумала воевать»?

На передовой появились первые агитаторы большевиков. Они толковали неграмотным крестьянам, что людей ведут на убой только по капризу царя, и поэтому такого правителя надо свергнуть, а войну остановить.

Агитаторы произносили такие лозунги, которые были понятны любому солдату. «Долой войну!» «Мир – народам!» «Земля – крестьянам!» «Фабрики – рабочим!» «Власть – советам!»

Марк невольно стал прислушиваться к их речам, поскольку в пламенных выступлениях говорилось о мире, земле и хлебе. Плюгавенькие человечешки в пенсне призывали создавать солдатские советы, которые будут контролировать

действия на фронте и укрощать зарвавшихся офицеров.

На какое-то время в сердце Марка вспыхнула революционная искра, но очень быстро потухла, так и не сумев воспламенить в нём большевистского огня.

То, что некоторая часть офицеров являлась мразью, Марка не нужно было убеждать. За время службы он сполна испытал их скверные поступки на собственной шкуре.

Для таких офицеров рядовой состав – сброд, быдло, скотина, с которой даже не стоит церемониться, отправляя на верную смерть порой без оружия и боеприпасов. И когда речь заходила о земле, которую большевики обещали поделить поровну с неимущим классом – в головах солдат появлялись мысли о поддержке предстоящего мятежа.

Марк придерживался иного мнения. В своей деревне он насмотрелся на так называемых бедняков. В его глазах всё они были бездельниками и пьяницами, за исключением отдельных личностей, вроде его тестя, которого несправедливо обидела судьба. Но и тесть когда-то жил в семье небедного крестьянина Власа Жалейко.

Виной бедности стал пожар, который спалил добротный дом, большую часть хозяйства и самого Власа с жинкой и двумя детьми. Спасти удалось лишь самого младшего – тринадцатилетнего Андрея Жалейко, будущего тестя Марка. Рухнувшая крыша покалечила хлопцу ногу, он остался хромым на всю жизнь.

Три года Андрейко был наёмным работником у мельни-

ка, а потом, окрепнув и скопив небольшие гроши, отстроил часть сгоревшего родительского дома. В середняки не выibilся, но и не нищенствовал.

Справедливо ли будет отнять землю у зажиточных, но трудолюбивых крестьян, которые трудятся на ней от зари до зари, и отдать её этим шаромыжникам? Чем обернётся такая затея? Тут уж ни думать, ни сомневаться не приходится: через пару лет ухоженная земля зарастёт бурьяном!

Размышляя таким образом, Марк пришёл к окончательному выводу: ему не по пути с большевиками. И как только такая мысль появилась в голове, все его сомнения развеялись сами по себе.

После госпиталя он вернулся в родное село и стал жить так, как жил до призыва на войну, занимаясь единоличным хозяйством.

И в гражданскую войну он даже мысленно не был на чьей-либо воюющей стороне. Проходили через село белые – Марк не испытывал к ним ненависти, но и не одобрял их действий. И к красным он не испытывал особых симпатий, поскольку те, как и белые, требовали от него продовольствия, а, пополнив свои запасы, вели себя так, будто выдача зерна, муки и сала была узаконенной обязанностью сельского труженика. И плевать было и белым, и красным, как будет переживать зиму сам Марк с малыми детишками, да со стариками в придачу.

Всё это, к счастью, осталось в прошлом. Большевики сме-

ли с престола царя, власть сменилась, но у него в собственности, слава Богу, по-прежнему оставалась земля. Был добротный дом, полный двор живности, была жинка и детки, наконец-то появился наследник. Что ещё нужно для счастья простому крестьянину?

...Появившийся на горизонте всадник прервал размышления Марка. Лошадь под незнакомцем шла галопом, оставляя за собой плотный хвост пыли.

Совсем скоро стал слышен топот копыт, еще через минуту появилась возможность разглядеть самого всадника. Конь перешёл на рысь, замедлил бег и остановился у края вспаханного поля. Ноздри разгорячённого рысака широко раздувались, он громко всхрапывал и часто перебирал ногами, словно намеревался исполнить танец перед появившимся человеком.

– Эй, пахарь! Не видал ли здесь подводу с двумя мужиками? – не удосуживаясь поприветствовать Марка, сходу задал вопрос всадник. Был он в кожаной куртке и форменной фуражке со звездой, на поясе висел маузер в деревянной кобуре.

Марк остановил волов, повернулся к всаднику всем телом. Помедлив, сделал несколько шагов навстречу. Лицо человека в седле показалось ему знакомым, и Марк тотчас вспомнил его.

Это был тот самый командир отряда Красной Армии Кривошеев Афанасий Дормидонтович, который в декабре 1918

года хотел конфисковать у семьи Ярошенко единственного коня для нужд революции.

Марк тогда воспротивился и готов был отстаивать жеребца даже ценой собственной жизни. К тому времени он ещё не успел полностью остыть от инцидента с унтер-офицером белой гвардии, стоявшего на постое в их селе неделю назад, и поэтому требование красного командира подействовало на него, как ветер на затухшие угли, моментально воспламенив мозг.

У белой гвардии, что квартировала в селе, кончались запасы продовольствия, её командир решил пополнить их за счёт жителей села насильственным путём.

Трое заготовителей во главе с унтер офицером двигались по селу, не пропуская ни одной хаты. Не обошли стороной они и семейство Ярошенко. Их встретил глава семейства – Сидор, отец Марка. Выслушав представителей белой гвардии, он согласился помочь в добровольном порядке, но готов был поделиться лишь одним мешком зерна и куском сала фунтов на семь. Этого унтер-офицеру показалось недостаточно, он распорядился осмотреть амбар.

Когда двое белогвардейцев двинулись выполнять распоряжение командира, на пути встал Марк.

– Стоять, – сказал он негромко, его голос прозвучал зловеще. – Я сам принесу вам зерна и сала ровно столько, сколько сказал мой батька. И не фунтом больше. В амбаре вам делать нечего.

Отец смотрел на сына удивлённо и с неподдельным страхом. И было от чего округлиться его глазам. Марк говорил на чистом русском языке и вёл себя так, будто был старшим по званию и отменял поступившее распоряжение унтер – офицера.

– Что-о?! – завопил в бешенстве поручик, выхватывая из ножен шашку. – Как ты смеешь?! Прочь с дороги, скотина!

– Стой, поручик, не двигайся, – ничуть не испугавшись, всё так же негромко осадил унтер-офицера Марк. – Не доводи до греха. Шашкой я умею махать не хуже тебя. Только в Галиции я ею рубил головы врагам Отечества, а не размахивал перед глазами безоружных крестьян.

Их глаза встретились. Маленькие, чёрные, колючие от гнева, испуганно стреляющие из-под тонких ниточек бровей поручика и карие, большие, вспыхнувшие огнём решительности, глаза Марка.

Некоторое время они стояли в полушаге друг от друга, испепеляя один другого в гробовой тишине. Потом Марк развернулся и направился в амбар. Он принёс мешок зерна и бросил его перед ногами унтер-офицера. Сидор положил сверху увесистый кусок сала, завёрнутый в холщовую тряпку.

С минуту поручик продолжал стоять, сверля Марка буравчиками мышиных глаз. Гнев его не улетучился. Желваки, твёрдые, как два небольших речных голыша, периодически перекатывались на узких худых скулах.

– Чего уставились?! – визгливо прикрикнул он на солдат. – Несите в сани, живо!

Мобилизованные мужики, совсем не похожие на военных, сорвались с места, и, путаясь в полах длинных шинелей, с удивительной расторопностью ухватились за мешок, понесли. Поручик напоследок зыркнул на Марка пылающими глазами и, чётко развернувшись, будто исполнил элемент строевой подготовки на плацу, быстро зашагал со двора.

Через два дня в хату зашёл вестовой из штаба, сунул под нос Сидора Ярошенко какую-то бумагу с печатью и громко сообщил, что тот мобилизован на службу в белую армию.

Спустя неделю белое войско без боя покинуло село.

Не успела снежная позёмка замести лошадиные следы за околицей, как с противоположной стороны в село вполз потрепанный, обмороженный и голодный отряд красноармейцев. На переднем коне восседал человек, который сейчас предстал перед Марком...

– Ба! Какая встреча! – осклабился всадник в самодовольной усмешке. – Глазам своим не верю! Защитник царя и отечества! Жив ещё, георгиевский кавалер? Не подавился хлебом, украденным у советской власти?

– Как видишь, – не разделяя радости от встречи, угрюмо отозвался Марк. – Благодаря щедрости и доброте товарища Загоруйко ноги с голоду не протянул.

– Попридержи язык-то, контра недобитая, – прошипел, будто потревоженная змея, представитель новой власти. –

Думаешь, я не знаю, как ты утаивал хлеб от советской власти? Думаешь, если его у тебя не нашли, то ты чист перед ней? Как бы ни так! Придёт время, большевицкая власть за всё спросит, не сомневайся!

Неостывший от бега конь Кривошеева крутнулся на месте, недовольно всхрапнул.

– Повторяю вопрос: видел ли ты повозку с двумя мужиками?

– При мне здесь никто не проезжал, не видел. Разве что утром, когда я был в селе, – Ярошенко неопределённо повёл плечами.

Кривошеев вцепился недоверчивым взглядом в лицо Марка, затем с растяжкой, явно недовольный ответом, проговорил:

– Ну, не видел, так не видел, какой с тебя спрос? Но учти: если соврал – ГПУ спросит за укрывательство! По всей строгости закона спросит!

– Так эти двое – контра? – прикинувшись простаком, миролюбиво спросил Марк. – А вы, осмелюсь полюбопытствовать, в каком сейчас звании-должности?

Кривошеев с подозрением уставился на Марка. Ему показалось странным проявленное любопытство пахаря и настояжила услужливая манера общения. Ярошенко оставался в его памяти строптивым и заносчивым.

Вспомнился день, когда Марк в категоричной форме отказался передать своего коня в распоряжение отряда Крас-

ной Армии. Тогда его поведение было не таким смиренным, как сейчас. Кривошеев до сих пор помнит железную хватку его ручищ. Чуть было руку не сломал, паршивец, вырывая поводья жеребца.

«Чувствует свою вину перед советской властью, – рассудил Кривошеев. – Боится, что я могу припомнить прошлое, вот и лебезит».

– Я – начальник Беловодского ГПУ, – сообщил он для острастки. – Направлен советской властью, чтобы очистить район от контрреволюционной нечисти.

– О-о, большой чин, как я полагаю, – с неуловимой издёвкой в голосе отметил Марк. – Надо полагать, и помощники у вас имеются?

– А тебе какое дело? – напрягся Кривошеев и хищно прищурился.

– Соображаю, как скоро ГПУ выловит всех врагов народа, – с трудом сдерживая усмешку, с серьёзной миной на лице проговорил Марк.

– Не твоего ума дело, кто и как будет отлавливать белогвардейскую сволочь! – ощетинился Кривошеев. – Пашешь землю – вот и паши, и не суй нос в чужие дела.

– Странно как-то, – продолжил Марк, делая вид, что не заметил взвинченности Кривошеева.

– Чего тебе странно?

– То, что такой большой начальник самолично и в одиночку занимается поимкой бандитов. Неужели больше некому

ловить?

Я бы и тебя ловил самолично, окажись ты в бегах. Обошёл бы без помощников. Служба у меня такая: брать за грудки непокорных врагов и выводить на чистую воду. Эти двое – такая же скрытая контра, как и ты, Ярошенко. Вот приструню их, потом тобой займусь, если не прекратишь контрреволюционную деятельность.

– Не понимаю, о чём вы? – удивился Марк.

– Не прикидывайся невинной овцой. В ГПУ поступили сведения, чем ты занимаешься, – злобно проговорил Кривошеев. – Кто организует религиозные сходки по вечерам? Кто ходит по хатам с агитацией про Бога?

– Ничем подобным я не занимаюсь, товарищ начальник Беловодского ГПУ. А вот петь люблю, не отрицаю. Разве это противозаконно? – произнёс Марк невозмутимо.

– Петь-то не возбраняется, – сказал Кривошеев. – Только вот поёте вы, почему-то, не революционные песни, и не гимн интернационала. Ваши песни Бога прославляют, а не советскую власть. А религия, как сказал вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин, – это опиум для народа. Поэтому и церковь в вашем селе закрыли, и попа прогнали. Однако, вам неймётся. По ночам стали собираться. Молитесь и поёте. Подобные действия – это антисоветская пропаганда и контрреволюционная деятельность. Так что, делай выводы, поп самозванный! Не угомонишься – загремишь в Сибирь.

– Ложные сведения у вас, товарищ начальник ГПУ Бе-

ловодского района, – на лице Марка мелькнула безобидная улыбка.

– Я тебе не товарищ, не умничай, – с раздражением выговорил Кривошеев и резко потянул за уздцы. Конь встал на дыбы, захрапел, потом громко заржал. Кривошеев ослабил поводья, опустил коня, тот нервно перебирал ногами на месте.

– Подумай о детях. Ты ведь у них единственный кормилец. Дед-развалюха не сможет заменить тебя, если дело закончится арестом.

– Веру в Бога я держу внутри себя и никого за неё не агитирую, товарищ начальник ГПУ. С ней я мёрз в окопах, ходил в штыковую атаку и только благодаря этой вере остался жив. Так-то вот.

– Тебе виднее, – пробурчал Кривошеев. – Моё дело предупредить. Только учти: поблажек твоему семейству не будет. Не посмотрю, что твой отец был бойцом Красной Армии. Пощады не жди.

Марк промолчал и, опустив голову, направился к волам.

– Стой! – крикнул ему в спину Кривошеев. – Спросить хочу.

Тот остановился, опять обернулся.

– Спрашивай.

– Где ты выучился русскому языку?

Марк усмехнулся, проговорил невесело:

– Учитель был норовистый, вроде тебя. Терпеть не мог,

когда с ним разговаривали с примесью украинской мовы. Рефлекс во мне выработал во избежание зуботычин.

– Ха! А у меня другие сведения, – осклабился Кривошеев.

– Какие? – не удержался от вопроса Марк.

– Слышал я, будто ты гимназию окончил, а на фронте сильно хотел стать офицером. Был даже зачислен на учёбу в школу прапорщиков. Только вот примазаться к белогвардейскому стаду тебе помешала австрийская пуля. – Кривошеев злорадно хохотнул.

Ответа не последовало. Марк снова опустил голову, дошёл до покорно стоящих волов и с силой вцепился в ручки плуга.

– А ты, оказывается, хитрый хохол, – вполголоса процедил Кривошеев. – Ничего-о, пройдёт время, и случай подвернётся, чтобы отправить тебя куда-нибудь на перевоспитание. Был бы человек, а провинность всегда отыщется. Людей без греха не бывает.

Начальник ГПУ был осведомлён правильно. Марк Ярошенко действительно окончил гимназию. Он был единственным сыном в семье, и его отец, полуграмотный крестьянин Сидор, приложил все силы, чтобы обучить Марка грамоте. Он отвёз сына на учёбу в Луганск. Гимназию Марк окончил с отличием.

И про школу прапорщиков Кривошеев сказал правду.

...К началу 1916 года положение на фронте сложилось крайне тяжелое. Особенно сложно было на Юго-Западном

фронте. Отборные гвардейские полки, преданные царю и Отечеству, несли огромные потери. Их отправляли на самые опасные и тяжёлые участки фронта. Они гибли несколькими сотнями в каждом бою, словно сгорали в адском огне. Кадровых офицеров не хватало, эту нишу военное руководство заполняло грамотными и храбрыми солдатами, направляя их в спешном порядке в школу прапорщиков.

Однажды летом 1916 года на рубеже реки Стоход завязался жаркий бой. Солдаты сходили в атаку за сутки около десяти раз, и каждый раз откатывались назад под плотным огнём австрийских войск.

На рассвете они, израненные и озлобленные, в каком-то отчаянно-диком порыве, с безудержной яростью повыскакивали из окопов и с криками «Ура!» стремительно понеслись на неприятеля.

Австрийцы дрогнули и не смогли устоять неистовству русских солдат, не успели отсечь атакующих ружейным огнём. Завязалась рукопашная схватка. Бой получился быстротечным. Спасаясь от русских штыков, австрийская пехота в панике покинула передний край.

На следующий день на передовую приехал сам генерал Брусилов. Он лично поблагодарил солдат за героическую атаку, а особо отличившимся в бою солдатам вручил георгиевские кресты. Среди награждённых был и Марк Ярошенко, который одним из первых ворвался во вражеские окопы. Прикрепляя «Георгия» к гимнастёрке Марка, генерал спро-

сил его:

– Давно воюешь, солдат?

– С самого начала военной кампании, ваше высокоблагородие! – отрапортовал Марк лихо.

– Грамотный?

– Окончил Луганскую гимназию, ваше высокоблагородие!

– Прапорщиком хочешь стать? – с улыбкой и отеческой ноткой в голосе спросил генерал.

От неожиданного вопроса Марк опешил, растерялся и не смог быстро ответить. В горле в один момент пересохло, язык стал тяжёлым и не ворочался. Он у него будто онемел, и было от чего. Сам генерал Брусилов предложил ему стать офицером! Скажи кто-нибудь об этом ещё час назад, Марк бы от души посмеялся над глупой шуткой.

– Можешь не отвечать, солдат. По лицу вижу, что хочешь. Нет солдата ни в одной армии мира, у которого бы в вещмешке не был спрятан маршальский жезл.

Генерал повернулся к штабс-капитану, сопровождавшему командующего Юго-Западным фронтом, сухо распорядился:

– Оформите направление в школу прапорщиков. Солдат Ярошенко заслужил право быть офицером. – И пошёл дальше вдоль строя, останавливаясь для вручения награды очередному герою.

Марк долго ещё не мог прийти в себя от слов генерала. Он не мог поверить в то, что произошло, и не знал: радо-

ваться ли ему такой новости, или печалиться? Здесь, в окопах, текла своя жизнь, скрытая от глаз высшего руководства. Генерал Брусилев что? Побывал на передовой однажды и уехал, а ему, Марку Ярошенко, предстоит и дальше здесь жить. Сидеть в окопах, ходить в атаки, выслушивать оскорбления и подчиняться бездарному и вечно пьяному поручику Смоленскому. По словам самого поручика, он был потомком князя Смоленского, родственника великого фельдмаршала Кутузова. Поручик не только не любил Марка Ярошенко, он его открыто ненавидел и презирал. Этот офицер всегда находил повод для издевательств, высмеивал при всех, называя Марка хохлацким мурлом или мешком с навозом.

Как-то, получив очередную порцию оскорблений, Марк наткнулся на прапорщика Осенина. Тот отвёл его в сторонку и по секрету поведал, что поручик Смоленский, оказывается, будучи ещё в юнкерах, влюбился в какую-то даму, которая предпочла его пламенную страсть богатому украинцу. С тех пор он, заслышав украинскую речь, вскипает до бешенства.

– Забудь на время хохлацкий язык, он раздражает Смоленского, давит ему на перепонки, – посоветовал умудрённый опытом прапорщик. – Наговоришься дома, когда вернёшься с войны. Понятно?

– Понятно, – повторил вслед за прапорщиком Марк и уже на следующий день начал общаться с сослуживцами только на русском языке.

Совет оказался дельным, стычек с поручиком действительно поубавилось. Но скрытая ненависть в этом человеке всё же осталась, она просто затаилась в сознании поручика и продолжала жить в нём, как инстинкт у хищного зверя при виде лёгкой добычи.

Приняв на грудь полкружки самогона или водки, Смоленский ударялся в воспоминания о светской жизни в Петербурге, о пьяных вечеринках и волочениях за дамами. Захмелев, выходил из своего укрытия и шёл к солдатам в поисках развлечений. Он уже не мог сдерживать себя, поскольку серая окопная жизнь ему опостылела, а изменить в ней что-то коренным образом не хватало ни сил, ни воли, ни мужества.

Что будет потом, когда Марк вернётся обратно в свой полк, но уже в чине прапорщика? Не следует питать наивной надежды, что отношение поручика к нему сразу изменится, станет пусть не дружеским, то хотя бы терпимым. Скорее, наоборот. Завидев на плечах неотёсанного мужика блестящие погоны прапорщика, он ещё больше расвирепееет, ещё больше будет оскорблять его, воротить нос при встрече, а все гадости станут более изошрёнными и вырастут вдвое.

Переживания Марка длились недолго. Через неделю австрийцы пошли в наступление, и Марк, отбиваясь от нападавших, получил тяжёлое ранение. Видимо, стать прапорщиком ему было просто не суждено.

...Марк пахал до сумерек, остановившись лишь однажды, чтобы дать передышку волам. И всё время, вглядываясь в

бегущий вал вывороченной земли, он будто переворачивал страницы последних лет своей жизни.

Неожиданная встреча с начальником ГПУ вывела Марка из равновесия, словно кончиком ножа безжалостно сделала надрез на едва затянувшейся ране, заставила эту рану вновь кровоточить.

Всего лишь год село жило в относительном благополучии, и Марку уже стало казаться, что все невзгоды позади. Чёрным пятном в памяти отложилась продрозвёрстка «военного коммунизма». Словно огромная метла тогда прошла по амбарам крестьян. Продотряды, созданные из рабочих Луганска, зверствовали, выскребая зерно до блеска досок.

Лето 1921 года было засушливым, зерновые сгорели. Урожай составил лишь небольшую часть от обычного, и даже эти крохи крестьянам не удалось отстоять.

Зимой начался голод, и многие семьи не выжили, умерли от истощения. Семья Ярошенко чудом избежала такой участи. Семейство спас дед Трифон. Ему случайно удалось подслушать разговор одного из членов продотряда о готовящейся облаве.

Всю ночь дед с Марком рыли глубокую яму в углу коровника. Загрузив туда более половины запасов зерна, они закидали яму соломой, присыпали метровым слоем земли и навалили сверху большую кучу навоза. Потом тщательно убрали все следы своей работы. Остатки зерна оставили лежать на видном месте.

Наутро к ним нагрянули активисты. Они располагали сведениями о примерном количестве зерна и муки каждого единоличника.

– Что такое!?! Где остальное!?! – выкатив круглые глаза с красными прожилками, в негодовании спросил старший отряда, мужик лет сорока с мясистым лицом и усами Тараса Бульбы. – Разве мы не знаем, сколько должно быть? Куда спрятал? Говори!

– Всё здесь, – не моргнув глазом, с вызовом заявил Марк.

– Да пусть он не врёт! – пискляво выкрикнул известный лентяй и побирушка Олесь Кряка, зачисленный недавно в комитет бедноты.

Он ещё скажет вам сейчас, что все они голы и им есть нечего. Не слушайте кулака.

– Спрятали хлеб от советской власти, сукины дети, прикинулись беднотой? – старший отряда с ненавистью и презрением посмотрел на деда Трифона. – Может, ты скажешь, где зерно укрыв?

– Не трогайте деда, он ничего не знает. Я хозяин дома, с меня и спрашивайте.

– Хо! – удивился старший. – А ты чего по-русски балакаешь? Москаль, что ли?

– Я говорю с вами языком Ленина! – со снисходительной усмешкой проговорил Марк. – А вы, кстати, даже не представились и документ на право обыска не предъявили, хотя обязаны это сделать, поскольку политика военного комму-

низма закончилась. Сам Владимир Ильич Ленин сказал это народу.

Лицо старшего исказилось до неузнаваемости, по нему прокатилась судорога. Мясистые щёки мелко затряслись, ноздри раздулись, как у носорога, а толстые губы поползли в сторону. Остекленевшие глаза упёрлись в лицо Марка. С шумом заглывая воздух через широко открытый рот, словно его горло перехватил спазм, он на время потерял дар речи. Потом, преодолев охватившее его оцепенение от неслыханной дерзости, схватил Марка за грудь, крикнул ему в лицо:

– Ты что сказал!?! Повтори!!

Марк неуловимым рывком сбросил с себя руки старшего активиста, отступил на шаг.

– Я попросил вас представиться и показать документ на обыск, – спокойно повторил он. – Политика военного коммунизма возможна только при наличии излишек. В нашей семье таковых нет, всё зерно у вас перед глазами. Это на прокорм семьи и на посев в следующем году. Нынешняя засуха не позволила вырастить хороший урожай.

Всё это Марк проговорил, не повышая голоса, с некой монотонностью, чем ещё больше разозлил старшего представителя продотряда. Тот с трудом сдерживал себя, чтобы в очередном приступе гнева не схватить Марка за горло. Прерывисто дыша, торопливо сказал:

– Я начальник продовольственного отряда... Загоруйко Николай Матвеевич... имею полномочия на осмотр лю-

бого крестьянского двора. По своему усмотрению... могу изымать в пользу государства любое количество продовольствия. Понял, умник?

– Вы, Николай Матвеевич, как я вижу, тоже неплохо владеете русским языком, – уголки рта Марка издевательски шевельнулись. – В ссылках, наверно, образование получили?

Загоруйко не посчитал нужным отвечать на вопрос. Он гневно сверкнул глазами и решительно шагнул мимо Марка. Жёстким, злобным голосом скомандовал:

– Приступайте! Обыщите каждый метр, обшарьте каждый угол! Зерно спрятано, факт! Найдите мне его!

Пять агитаторов шустро распределили территорию двора между собой, принялись искать зерно. Эти люди были приезжими, не из местных. Делалось это из опасения мести со стороны озлобленных крестьян. Никто из них не хотел задаром отдавать хлеб. Те, у кого начисто выметали амбары, нередко расправлялись с особо ретивыми членами продотрядов. Подкарауливали и убивали.

Обыск продолжался несколько часов. Всё это время Марк и дед Трифон стояли в стороне в полном молчании, невозмутимо наблюдали за «работой» активистов. Были вскрыты полы в доме, штыками винтовок истыкана и исковеркана вся земля вокруг, в нескольких местах продырявлены стены. Негодуя от явной неудачи, представители рабочего класса со злорадством изъяли из амбара почти всё хранящееся на виду зерно, оставив, в насмешку, небольшую кучку в несколь-

ко пудов.

Через неделю они снова пришли в дом Ярошенко. На этот раз на рассвете, надеясь, по всей вероятности, застать хозяев за вскрытием тайника, и вновь искали припрятанное зерно.

Через час ушли ни с чем.

Чтобы прожить зиму, Марк ополовинил поголовье живности, часть мяса продал на Беловодском рынке, остальное ушло на пропитание. Голод 1921 года прошёл мимо их двора.

Продразвёрстка продолжилась и в последующие годы. И в последующие два года Марк с дедом утаивали свой хлеб, используя имеющийся тайник. И если бы они так не поступали, пришлось бы ликвидировать всю скотину. А что потом? Что случилось бы с их семьёй, когда закончилось мясо? Тут и сомневаться не приходилось: он со своими домочадцами пополнили бы ряды бедняков, пришлось бы наниматься на любую работу, чтобы прокормиться и не умереть с голоду.

С началом действия НЭП (новая экономическая политика) напряжение на селе несколько поутихло. Марк даже начал строить планы на будущее. Каждому единоличнику теперь был известен размер налога, его можно было выплачивать продуктами или деньгами. О величине налога становилось известно уже весной. Марку в это время и в голову не приходило, что через несколько лет жизнь на селе круто изменится, а сам он вместе с семьёй будет выслан в глухой таёжный посёлок Шайтан на Урале.

...Он шёл за плугом и размышлял, как поступит с урожаем этой осенью. Подсчитывал в уме, сколько зерна и муки нужно будет оставить для себя, а сколько можно будет продать, и как потом поступить с вырученными деньгами.

Иногда его мысли шли в другом направлении. Марк думал о новорожденном сыне, о его будущем. Потом он вновь возвращался мыслями к встрече с Кривошеевым, к его угрозе насчёт тайных сходов верующих.

Люди, лишённые возможности молиться в храме, искали для себя отдушину. Они стали собираться на церковные праздники в хате матери того самого священника, который долгие годы служил в небольшой церквушке их села.

После того, как церковь закрыли, а святого отца под конвоем увели вооружённые люди, роль организатора богослужения взяла на себя его мать, семидесятипятилетняя Стефания. По общей просьбе верующих она попросила Марка Ярошенко стать её помощником.

Он знал, что это небезопасно, поскольку при аресте батюшки было зачитано указание Ленина председателю ВЧК Дзержинскому. В памяти отложились слова: «попов надлежит арестовывать, как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше...»

Марк согласился не сразу. Месяца два ушло у него на терзания. Под умоляющими взглядами верующих односельчан согласился. В его задачу входила организация и проведение

песнопений по случаю больших религиозных праздников.

Природа наградила Марка чистым баритоном, его голос был ведущим в хоре. Марка слушали с нескрываемым упоением ещё до закрытия церкви, когда пение проводилось в ней регулярно.

Теперь Марк не знал, как поступить. Отказаться от песнопения было выше его сил. Красота праздничной литургии каждый раз трогала его до глубины души. Петь в хоре, доставляя радость верующим, было его потребностью и призыванием.

Он был глубоко верующим человеком, и вера эта укреплялась в нём с каждым новым днём. Все яркие и значимые события, которые происходили в его жизни, он непременно связывал с волей божьей.

Чудом уцелел на войне, отвоевав в Галиции почти два года, и это при том, когда рядом с ним каждый день десятками погибали такие же простые солдаты, как он. А что означает ниспосланный с небес дождь во время страшной засухи, который был недолгим и прошёл стороной, пролив только его поле? А спасение от голода, или появление на свет долгожданного сына, – это ли не благодарность Господа за веру в него?

Марк вспомнил слова священника Феофана, слышанные им в гимназии на одном из уроков, которые отложились в голове на всю оставшуюся жизнь.

– Что судил Бог – тому следует покориться. Горевать и

убиваться – не имеет смысла. Будьте верны нашему Господу. Любите его, и он будет премилостивым к вам. Бог станет заботиться о вас больше, чем самый добрый отец о своих детях.

Так сказал тогда отец Феофан.

Эти слова всякий раз всплывали в памяти, когда наступали тяжёлые испытания для него.

«Надо соблюдать особую осторожность, – подумалось ему. – Что, если песнопения проводить не в день церковного праздника, а, допустим, накануне, или после него? А для безопасности расставить на околице шустрых хлопцев на это время, чтобы присматривали за дорогой из Беловодска? Дорога за селом прямая, ровная, всадник виден за две версты. Если так поступить, тогда Кривошеева можно и не страшиться, врасплох он нас не застанет. А то, о чём потом наплетут в ГПУ недоброжелатели – к делу не пришить. Близок локоть – да не укусишь».

Подумав так, Марк повеселел. Мысли опять вернулись к сыну. Рано или поздно его надо будет крестить. Как это сделать сейчас, когда все церкви в округе либо закрыты, либо разрушены? Пригласить батюшку домой? Но и здесь вопрос: где отыскать священника в это тяжёлое время? Напуганы священнослужители бесчинствами ГПУ. В соседнем селе батюшку повесили год назад на глазах у людей. Казнили без суда и следствия только за то, что тот не подчинился распоряжению ГПУ, не покинул церковь и продолжал вести бого-

служение. В Евсуге и Колядовке под страхом расправы священники спешно оставили службу и попрятались, где смогли.

«Не может быть, чтобы в округе не осталось ни одного священника, – подумал Марк. – Добрые люди помогут мне его найти, а там уж я ничего не пожалею ради святого дела».

Марк пахал до позднего вечера, пока отшлифованная сталь плуга не посерела и не слилась с сумерками. Он вывел волов с пашни, дал им передохнуть. Сам присел неподалёку, взглянул на горизонт.

Небо по краям темнело и густело, словно пропитывалось чёрной краской, от чего казалось, будто оно тяжелело, и под этой тяжестью медленно опускалось на пашню, выдавливая из воздуха прохладу.

«За пару дней управлюсь, – подумал Марк. – А до Пасхи, дай Бог, и отсеяться успею. Дед Трифон поможет».

Он встал, перепряг волов, загрузил плуг в телегу, уселся с краю и, дёрнув вожжи, негромко произнёс:

– Цоб, цоб.

Волы послушно повернули влево и медленно потянули телегу в село.

***

В это же самое время за тысячи вёрст от села Шулимовка

в глухом таёжном посёлке Шайтан, крепко вцепившегося в скалистый берег реки Чусовой, распрягал лошадь черново-лосый молодой парень.

Был он выше среднего роста, сухощав, но плечист. В его неторопливых уверенных движениях усматривалась настоящая мужицкая хватка.

Парень прибыл в урочище из деревни Антыбары, что в тридцати верстах вниз по течению. Ему было шестнадцать лет, он получил свой первый самостоятельный подряд. Другому в его возрасте не доверили бы такую работу. Но, к счастью, сработала фамильная известность в округе покойных отца и деда.

Представители власти знали их и высоко ценили ответственность, с которой те относились к взятым на себя обязательствам.

По подряду надлежало построить пять барачков. Один капитальный, из брёвен, и четыре дощатых с засыпными стенами. С какой целью строились бараки и кому будет суждено селиться в них – парень не знал и не интересовался. Он был безмерно рад, что удалось отхватить такую денежную работу. Не каждому желающему подзаработать идёт в руки такая удача! Юного подрядчика поставили в известность, что принимать бараки будут строго, никакой халтуры в работе недопустимо. Если обнаружится малейший брак – денег он не получит.

В бараках, возможно, поселятся лесорубы или сплавщи-

ки, прибывающие по найму на металлургический завод. Предприятие после революции перешло в руки советской власти, а та очень рьяно принялась раскручивать производство на полную катушку.

Древесного угля постоянно не хватало, из-за нехватки специалистов на заводе появлялся хаос, туда частенько навывались работники ГПУ. Заготовкой древесины занялись по всей округе, организуя лесозаготовительные артели.

«Моя задача – построить бараки, сдать комиссии в указанный срок, получить жалованье и вернуться в деревню, – рассуждал парень. – Остальное меня не касается».

Деньги были нужны позарез. Из трудоспособных членов семьи он совсем неожиданно остался в единственном числе, на него легла ответственность за её содержание. Мать его, Анастасия Порфирьевна Кацапова, за всю свою жизнь никогда не трудилась. Думать о куске хлеба ей не доводилось, поскольку заработка мужа и свёкра вполне хватало на безбедную жизнь.

Мужчины сплавляли по реке железную руду для завода. Зимой лошадьми на санях они вывозили её из рудника, складировали на берегу и строили барку. К весне формировали артель из деревенских мужиков и ждали весны. Затем, когда река вскрывалась ото льда, спускали барку на воду, грузили руду и доставляли на завод.

Взамен этого Анастасия регулярно рожала мужу детей и вместе со свекровью вела домашние дела.

Кацаповы, в отличие от других жителей деревни, не выращивали хлеб и не имели земельного надела под эти цели. Большая семья жила за счёт заработков мужской половины. Такой уклад жизни сложился в их роду давно, ещё со времён основания завода французами.

Из живности в семействе было две коровы, четыре лошади, несколько овец и два десятка кур. За добротной избой скатывался к реке участок под огород площадью в одну десятину.

Так продолжалось до прошлой осени, пока из всех кормильцев остался в одночасье лишь один Александр. Жизнь безжалостно уничтожила сложившиеся семейные устои, словно отсекала их от будущего одним взмахом топора.

В 1922 году от сердечного приступа неожиданно скончался дед. Следом за ним, застудив лёгкие, умер отец. Осенью призвали в армию старшего брата Сергея. Сестра Саня вышла замуж за офицера Красной Армии и отправилась с мужем на проживание по месту службы.

Детей у Анастасии народилось пятнадцать, а выжили только четверо. Остальных Бог прибрал ещё в детстве. Трижды вынашивалась двойня и все три раза дети погибали при родах. Если бы роды проходили в больничных условиях, всё было бы, конечно, иначе. Но в деревне не было фельдшера. К тому же, при наступлении родов муж со свёкром, как на грех, находились на заработках.

Сын Петя в возрасте четырёх лет выпал по недогляду из

окна и разбился насмерть, ударившись головой о край бревна. Ещё один сын, Георгий, умер в четырнадцать лет. Выбежал в мороз на улицу раздетый и застудился. Воспаление лёгких пытались лечить в домашних условиях. В город, в больницу, повезли лишь через неделю. Было уже поздно, врачи оказались бессильны.

Теперь с Александром остался младший брат Егор. Летом ему исполнится четырнадцать лет. Он тоже являлся на хлебником, поскольку был инвалидом. На спине Егора вырос горб.

Александр распряг коня, отвёл его в дощатый сарай, выделенный старостой для постоя.

Жить он собирался у одинокой бабки Агафьи, полуразвалившаяся изба которой стояла на краю посёлка. Бабка была из кержаков, жила обособленно и очень часто молилась.

Маленькая комнатка с одинокой иконой в углу вполне устраивала Александра. Он успел осмотреть будущее жилище ещё в первый свой приезд. Бабка не проявила особой радости к нему, провела в комнатку и безмолвно удалилась.

Основную часть бригады удалось собрать без особого труда за один день. Это были местные мужики, живущие за счёт случайных заработков и приусадебного участка. Почти все из них люди семейные, серьёзные, покладистые. Они заверили Александра, что до следующего его приезда бригада будет укомплектована полностью.

Едва Александр успел затворить дверь сарая, как где-то

внизу, за Шайтан-скалой, послышался утробный звук. Он пронёсся далеко по реке и, не успело угаснуть его эхо, как звук повторился вновь, уже с большей силой. А потом затрещало по всей реке, будто от берега отвалился многотонный кусок скалы и, грохоча, медленно покатился по руслу, продавливая и круша метровый слой льда.

«Ледоход начался, – сразу догадался Александр. – Завтра мужики наверняка выйдут на берег с саками».

Он и сам был не прочь почерпать этим простым орудием лова ошалевшую от избытка кислорода рыбу.

В этом деле главное иметь шест подлиннее, да силёнки побольше. Бывает, в сетку набьётся сразу с полведра мелочи, а тащить её к берегу между льдинами не так-то просто. Черпак становится тяжёлым, неуправляемым, его тянет на дно и сносит быстрым течением. Тут нужна особая сноровка. Неожиданно вынырнувшая из воды льдина может зацепить черпак и в одну секунду вырвать из рук шест.

Идти на ночлег было ещё рано, Александр направился посмотреть на ледоход. Вернее, на первый этап – ледолом, когда неподвижное мерзлое русло оживает на глазах.

Лёд трещит и рвётся на части. Трещины бегут по нему, словно молнии по небу – мгновенно, непредсказуемо, и сопровождаются сильным грохотом. Потом, когда лед расколется на части, начинается движение.

Шалое течение подхватывает огромные льдины, разворачивает их, ломает на более мелкие части, подымает высоко

вверх. Они на мгновение скалятся синим изломом, переливаясь в лучах засыпающего солнца, и скрываются под водой.

Ледоход начинается спустя несколько часов, уже глубокой ночью. За это время неведомый портной успевает раскроить огромные льдины на множество мелких. Им становится тесно в русле реки, они начинают бесноваться.

Утром реку уже не узнать. Будто напуганная гулом крошащихся льдин, она ускоряет свой бег. В порыве пугливого бегства рушит, выворачивает, ломает всё на своём пути. На изгибах русла льдины не успевают за течением. Они нагромождаются друг на друга, скрежещут и грозно наползают на берег. Ледяные глыбы пропарывают, будто плугом, прибрежный галечник и мёрзлую землю и замирают в нескольких метрах от кромки воды.

Весь процесс ледохода знаком был Александру до мелочей. Больше часа он стоял на вершине угрюмой Шайтан-скалы, наблюдал, как просыпалась от полугодовой спячки Чусовая. Стоял и размышлял.

В этот момент ему казалось, что река, вздрагивая и шевеля ледяным панцирем, проверяет всю силу и мощь, обрётённую за зиму.

«Вот и жизнь, как лёд на реке, не может двигаться вперёд без трещин, – подумалось ему вдруг. – Только на реке это природное явление происходит с неизменной закономерностью, а в жизни всё непредсказуемо и трагично. И ломается жизнь, как правило, в самый неподходящий момент.

Реке что? Сбросит ледяной панцирь, как змея кожу, побушует половодьем некоторое время, да и продолжит свой бег, как ни в чём небывало. А как быть мне, как дальше шагать по жизни? Одним огородом долго не прокормиться. Картошки и морковки недостаточно для жизни. Человеку требуется много других вещей, без которых в доме не обойтись. И на все приобретения нужны деньги».

Александр вспомнил счастливые дни, когда были живы отец с дедом. При них о деньгах особо не задумывались. Деньги в семье были всегда. Мужчины сплавляли руду, гоняли плоты с лесом, занимались извозом на лошадях. Эта работа хорошо оплачивалась приказчиками графа. Летом заготавливали сено, излишки продавали, на вырученные деньги закупали зерно и муку.

Жизнь была свободной и вольготной, текла тихо и размеренно. Всем домочадцам почему-то казалось, что так будет всегда. Ан – нет же, хлестанула по рукам судьба окаянная! Стеганула острой плетью и одним взмахом обескровила их, сделала слабыми и беспомощными.

«Какой теперь прок от таких рук без рабочего имущества? – думал Александр первое время, обескураженный случившимся. – Разве что выставить перед собой ладонями вверх и ждать того, что положат в них из милости?»

«Ну, уж нет! Не быть такому никогда! – воспротивился он пришедшей на ум постыдной мысли и пошёл по округе в поисках заработка. – Вот построю эти бараки, а там, глядишь, и

шитики вернут обратно, можно будет подрядиться на сплав. Сблатую мужиков в помощь, не устоят кержаки-скряги и соблазняются на хороший заработок. Дело-то, ёксель-моксель, разом раскрутится и побежит ходко, что плот по большой воде».

Так думал Александр, вспоминая, как в конце зимы к ним в дом пришли комиссары и потребовали отдать шитики для нужд завода. От неожиданности он тогда стушевался и долго соображал: как можно отдать собственные лодки задаром? С чего вдруг? Шитики, с которыми связана вся семейная жизнь, и которые являются одним из источников денежного дохода? Как бы поступил батя, окажись он сейчас на его месте, что бы ответил нежданым комиссарам? Наверняка не согласился бы, как не согласился на постой колчаковцев в их доме в 1918 году.

Александр словно бы услышал подсказку отца и ответил отказом, чем вызвал недовольство представителей власти.

Один из них, щуплый, небольшого роста мужичок с серым, как свежая древесная зола, лицом и оттопыренными ушами, видимо, главный, раздражённо протараторил:

– Не отдашь добровольно – проведём экспроприацию, как у несознательного антибольшевистского элемента. Есть у нас такое право искоренять буржуйские замашки, – лопухий комиссар плотно сжал бескровные губы и заглотал их внутрь. Куцая бородёнка у него тотчас подпрыгнула вверх и остановилась, нацелившись острым клинышком, как дуло

револьвера, в грудь Александра. – А пока что я предлагаю тебе добровольно отдать шитики под расписку советской власти.

Александр впервые слышал слово «экспроприация», и не знал, что оно означает, однако, из солидности, уточнять не стал. До него дошёл смысл сказанного. Стало понятно: если продолжать артачиться – можно лишиться двух шитиков навсегда.

– А док'умент с печатью дадите? – с солидностью спросил он.

– Какой док'умент? – поинтересовался «экспроприатор» с ухмылкой, быстро сообразив, что дело сделано. Две нужные для завода лодки, как две желанных синицы, уже находятся в его руках. Без шума и драки.

– Как какой? – насторожённо спросил Александр, отыскивая в памяти название документа. Он припомнил, что видел однажды у отца такую бумагу с печатью. Название всплыло тотчас.

– Док'умент... аренды, вот!

– Да, да, документ на аренду, конечно, – расплылся в ехидной улыбке комиссар. – Как же без документа? Ираклий, дай чистый лист бумаги и карандаш, – обратился он к молчащему всё это время коренастому горбоносому мужику лет тридцати пяти. Мужик этот, с густой чёрной бородой во всё лицо и с такими же чёрными глазищами навывате, был похож на жителя южных гор, и сопровождал комиссара, по всей

видимости, с целью запугивания и физической защиты, если таковая вдруг понадобится.

На бородатом мужике была новая шинель очень большого размера, на голове по самые брови нахлобучена будёновка с поблекшей звездой, на плече болталась на ремне тощая потёртая сумка. Оружия при нём не было. Наган висел на поясе вислоухого.

Ираклий извлёк из сумки лист серой бумаги отвратительного качества, услужливо положил на стол. Потом рука его опустилась в карман шинели, в ней появился огрызок карандаша.

– Вот, – сказал он, протягивая карандаш, и снова умолк.

Комиссар присел за стол, принялся старательно выводить слова в «документе», мусоля карандаш во рту после каждой буквы. Губы его беззвучно шевелились, он мысленно повторял рождённую фразу.

Наконец, после продолжительных мучений «док'умент» был составлен.

– Бери, читай, – с чувством облегчения проговорил представитель власти, указывая взглядом на свой труд. – Или грамоте не обучен? Зачитать?

Александр, не проговорив ни слова в ответ, взял в руки исписанный листок, принялся читать.

В деревне он окончил четыре класса церковно-приходской школы, поэтому чтение и письмо для него не составляло особой трудности. Он был одним из немногих, к кому об-

ращались жители деревни за помощью по причине сплошной неграмотности. Множество раз ему доводилось читать чужие письма, а потом и отвечать на них.

– Пошто в бумаге не указано, сколь долго продлится ... аренда? – оправившись от первоначальной растерянности, сурово спросил Александр. – И где печать гербова?

От неожиданного вопроса комиссар опешил, заморгал, нижняя губа его нервно подёрнулась.

– Ишь, чего захотел! Твои шитики пробудут в распоряжении советской власти ровно столько, сколько она посчитает нужным, – сдерживая подступившую злость, ответил он.

– Так не пойдёт, – твёрдо заявил Александр. – Укажите срок. Эти шитики кормят мою семью, и я должен знать, когда могу рядиться в подряд.

Комиссар понимал, что его бумага ничего не стоит и составлена только для проформы. Он решил не спорить с настырным парнем. Взял и дописал: «Аренда дадена сроком на один год». Поставил дату и свою закорючку, которая тут же расплылась от слюны, скатившейся с кончика карандаша, и стала похожа на прибитую муху.

– Печати не имеется, – с ухмылкой добавил он. – Советской власти ты должен верить без печати. Она, парень, самая справедливая власть в мире! А почему, думаешь?

– Почему? – не удержался от вопроса Александр, заглядывая в глаза комиссару, будто загипнотизированный.

– Потому что советскую власть возглавляет партия боль-

шевииков. А она, брат, и революцию-то делала только в интересах рабочих и крестьян. Таких тружеников, как ты. – Комиссар взял со стола «документ» и передал Ираклию. Бородач молча положил исписанный листок бумаги в сумку. На немой взгляд Александра комиссар ответил коротко:

– Получишь, когда шитики будут в затоне завода.

На следующий день Александр самостоятельно отбуксировал лошадьми обе лодки вверх по течению к речному причалу завода, взамен получил «документ» о сдаче в аренду своего имущества.

Обратившись в воспоминания, Александр не сразу заметил, как вокруг всё обесцветилось, посерело, русло реки внизу стало быстро размываться и очень скоро потеряло очертания. На небе проклюнулись первые звезды и, словно торопясь, принялись передавать на землю таинственные световые сигналы. Воздух у реки увлажнился, потяжелел, и пополз от нее в посёлок, пронизывая холодом.

Александр поёжился и зевнул. Пора было отправляться на ночлег. Он взглянул напоследок вниз, но ничего, кроме сплошного чёрного покрывала, уже не увидел. Повернулся и пошёл к крайней избе, которая с этого часа стала его пристанищем.

«Вот и весна пришла, – подумал он радостно. – Ещё немного, и проснётся тайга, зашумит по-весеннему. Начнёт пробуждаться всё вокруг: кустарники, луга, птицы, зверушки. Очнётся таёжный мир, набухнут почки на деревьях, про-

бьются сквозь прошлогоднюю траву цветы на лугах. Зачирикают птицы, начнут вить гнёзда, заговорят звери на своём зверином языке, самцы станут обхаживать самок.

Зашумит тайга, источая вокруг неповторимые запахи, а затем смешает их в единый букет ароматов – пряный запах тайги».

...Шёл 1924 год – второй год после образования Союза Советских Социалистических Республик.

Глава 1

Афанасий Дормидонтович Кривошеев встал из-за стола и нервно заходил по кабинету. Он был мрачнее тучи. Голова после бессонной ночи, казалось, потяжелела вдвойне и едва держалась на плечах. Шея, как усохший ствол дерева, перестала поставлять кровь в мозг, и от этого сознание туманилось, перед глазами плыли тёмные круги и прыгали мушки. Было ощущение, что отяжелевшая голова вот-вот отвалится и упадёт на пол, как перезревший плод с дерева.

Будто опасаясь такого исхода, Кривошеев ухватил её обеими руками и сильно сжал. Подержал несколько секунд, затем принялся усиленно растирать виски, массировать шею. Обойдя вокруг стола, подошёл к окну, распахнул форточку и стал смотреть через заплаканное стекло.

Было раннее утро 15 октября 1937 года. Накануне вечером пошёл первый снег. Он падал всю ночь, мокрый, тяжёлый, успев к утру забелить грязную землю и развесить повсюду белые шапки.

«Завтра же растает и понаделает слякоти вокруг, – подумалось ему невесело. – Народ тут же натащит в контору грязищи с обувью, в коридорах делается, как в свинарнике. Придётся мыть полы ежедневно, а то и два раза на день. Не дай бог нагрянет областное начальство. Оно, как известно, любит чистоту и порядок. Придётся в очередной раз угова-

ривать сварливую уборщицу, чтобы та поработала за пределами рабочего дня».

... Начальником районного отдела НКВД в городе Чусовом Кривошеев стал ровно год назад. В тот день была оттепель, погода стояла такой же ненастной и скверной, как сейчас. Шёл мокрый снег, его новенькие хромовые сапоги утопали в жидкой снежной каше. В отличие от сегодняшнего состояния, год назад его настроение было если не радостным, то во всяком случае весьма приподнятым.

После пяти лет службы на Соловецких островах Кривошеев был переведён сюда, в этот небольшой промышленный уральский городок. Для него это было большой удачей, поскольку удалось избежать ареста, и, возможно даже, расстрела.

1 октября 1936 года глава НКВД Генрих Ягода оставил свой пост, на его место был назначен карьерист и дилетант Николай Ежов – «железный нарком».

Слухами земля полнится, домчались они и до Соловков. Кривошеев узнал о существующих трениях между этими личностями. Его внутреннее чутьё подсказывало, что в самое ближайшее время в органах грядут большие перемены и «зачистки».

Поразмыслив, он пришёл к выводу, что смена высшего руководства, возможно, и не отразится на сотрудниках среднего звена, но только не на Соловках. Здесь существовала другая жизнь, другие условия содержания узников.

На Соловках, вообще, была не жизнь, а театр абсурда. Там выпускался журнал «Соловецкие острова», существовала «Книга отзывов», лагерь считался образцово-показательным в системе исправительных учреждений. Одновременно с этим он являлся лагерем смерти с применением изощрённых методов пыток и казни.

Новый руководитель ведомства, без всякого сомнения, не упустит момента выслужиться перед вождём нации. Паны начнут драться, а чубы затрещат у холопов.

Кривошеев начал лихорадочно искать пути бегства из лагеря смерти, и, надо отметить, ему очень быстро и несказанно повезло.

Внезапно скончался его отец, Кривошееву удалось вырваться на похороны. В дороге судьба свела его с начальником отдела кадров областного УНКВД г. Перми. Тот возвращался из управления СевДвинЛага, куда ездил по каким-то делам. Афанасий Дормидонтович безошибочно смекнул, что перед ним именно тот человек, который сможет развязать крепкий узел. Случай подвернулся самый подходящий.

Всю дорогу Кривошеев умасливал попутчика, заискивал перед ним, как обычная шестёрка перед паханом в лагере, беспрестанно сетовал на свою судьбу и семейные обстоятельства.

Всё получилось, как нельзя лучше. На похороны отца он, правда, не успел и приехал только на второй день после погребения. Но этот факт его ничуть не удручил. Главное, он

избежал трагических для себя последствий.

Его попутчик оказался действительно очень влиятельным человеком и сдержал своё слово. Конечно, если бы не кадровые перестановки наверху, Кривошеев ни за что не покинул бы место службы на Соловках. Там он был царь и бог, перед ним трепетали все.

За малейшую провинность узника ожидала казнь или пытка. Карательные «процедуры» можно было проводить, не обременяя себя судебными формальностями, не задумываясь ни на секунду об ответственности. Когда на остров прибывали новые узники-интеллектуалы и по своей наивности спрашивали о правах заключённого, Кривошеев, упиваясь своей безграничной властью над бывшими офицерами, дворянами, священниками, и другими интеллигентами-разночинцами, цинично произносил:

– Усвойте раз и навсегда: здесь республика не советская, а соловецкая! Да будет вам известно, что нога прокурора ещё ни разу не ступала на эту землю! И заверяю вас: не ступит никогда! Зарубите себе на носу мои слова! Все вы направлены сюда не для исправления! Горбатого исправить может только могила! И даже похороны для вас здесь не предусматривают гроба!

Всё это он говорил, выстроив узников перед лагерным управлением, обратив их взоры на клумбу, выложенную в символе Соловков – белого слона на красном фоне.

Звериное чутьё Кривошеева не подвело. В начале 1937

года в СЛОН (Соловецких лагерях особого назначения) действительно начались чистки. Практически все его сослуживцы по лагерю были арестованы и затем расстреляны.

На Соловецкие острова Кривошеев попал за свои прегрешения на Украине. Когда началась коллективизация, он проявил недюжинное рвение, «фильтруя» сельское население вверенного ему района. В каждом крестьянине ему виделся кулак и вредитель.

Из-за нехватки хлеба в стране в 1928 году правительство молодого государства вновь прибегло к насильственному методу его изъятия. Началась новая подразвёрстка – с обысками, угрозами, расправами. Просьбы и уговоры не помогали, мужики отказывались отдавать свой хлеб. И тогда началась «сплошная коллективизация».

В Беловодском, Евсугском, Колядовкском и Городищенском районах этот процесс затянулся до половины 1931 года. Крестьян пугало слово «колхоз», им по-настоящему страшно было отдавать кровный кусок земли и скотину в коллективную собственность. Часть из них, боясь преследования, и, имея из живности одну корову или свинью, с неохотой, но всё-таки подчинилась власти, вступила в колхоз. Остальные, более зажиточные, выбрали наблюдательную позицию, своевременно оплатив продовольственный налог. Такой подход впоследствии только укрепил их веру в правильность принятого ими решения.

Зимой эти люди стали очевидцами того, как голодал скот

в общем стаде, как разворовывались колхозные амбары. Потом, уже осенью 1929 года, после уборки зерновых, несогласные ахнули от неожиданности, увидев, какая часть урожая осталось в распоряжении каждого колхозника. После такой картины крестьяне, не вступившие в колхоз, начали массовый забой скота, опасаясь, что он будет изъят насильственным путём.

Власти негодовали. При городском управлении НКВД был создан штаб по оперативному контролю за ходом коллективизации в селах. На заседание штаба вызывались руководители ГПУ районов вместе с председателями сельсоветов. Там их знакомили со свежими решениями правительства, там же они получали специальные инструкции и распоряжения.

Кривошеев, будучи исключительно предан делу партии, являясь безупречным исполнителем любого распоряжения руководства, на видном месте своего кабинета вывесил слова Сталина, заключённые в рамочку.

«Кулаки разбиты, но они ещё далеко не добиты. Более того, они нескоро ещё будут добиты, если коммунисты будут зевать и благодушествовать, полагая, что кулаки сами сойдут в могилу».

Эти слова он воспринял, как руководство к действию, и приступил к репрессивным методам. С группой работников ГПУ и председателем сельсовета он лично ходил по домам крестьян, которые резали скот.

Кривошеев не щадил ни детей, ни стариков, отбирая у них всё, что было. Для острастки он стрелял в потолок или даже поверх голов трясущихся от страха людей, а их самих потом силой выталкивал на улицу и запирал дом. «Воспитание» запугиванием возымело действие.

К началу 1930 года ему удалось загнать в колхоз около восьмидесяти процентов крестьян. Кривошеев справился бы и на все сто процентов, если бы его бесчинства не остановило руководство ОГПУ после выхода очередной статьи Сталина «Головокружение от успехов».

Вождь страны советов осуждал принудительную запись в колхоз, называя её политикой унтера Пришибеева.

Кривошеев, получив нагоняй от начальства, несколько раз перечитал эту статью, долго вертел её в руках, но заключать в рамку, аналогично предыдущей, не стал, положил в ящик стола. Не стал снимать со стены и прежнее высказывание Сталина о кулачестве. Внутреннее чутьё подсказывало ему, что это просто хитрая уловка вождя, временное затишье перед генеральным наступлением на кулаков.

Переждав пару месяцев, он продолжил карательные действия в отношении оставшихся единоличников.

«Коллективизацию никто не отменял, – спокойно размышлял тогда Кривошеев. – Значит, все мои действия будут оправданными. В статье Сталина не прописаны дальнейшие действия ответственных лиц. Подумаешь, попугал особо твердолобых! Ведь делал я это в интересах революции!

Известное дело: лес рубят – щепки летят. Так было и будет всегда, если проводится массовое мероприятие по уничтожению классового врага».

И он зверствовал ещё полтора года, действуя с каждым разом всё больше и более изощрённо. В начале лета 1931 года в Беловодском районе не осталось ни одного единоличника. Все они были высланы на Урал. Однако, при выселении кулаков произошло одно странное обстоятельство: большая часть имущества и скота затерялось где-то по пути в колхоз. Попросту говоря – разворовано. Найти злоумышленников не удалось. Чтобы не выметать сор из избы, Кривошеева отправили на службу в Соловецкий лагерь. Там приветствовались такие сотрудники ОГПУ, как он.

... Надышавшись свежим воздухом, насыщенным холодной влагой, Кривошеев почувствовал некоторое облегчение. Прыгающие перед глазами чёрные мушки исчезли, в голове просветлело. Он вернулся за стол, придвинул к себе тонкие папки с делами арестованных за неделю, отыскал нужную под № 4419/4, раскрыл.

«Ярошенко Марк Сидорович, 1893 года рождения, уроженец села Шулимовка, Беловодского района, Луганской области, Украинской ССР», – в который раз читал Кривошеев первую страницу дела.

Далее следовала подробная биографическая информация на арестованного, начиная с года поступления в гимназию и заканчивая постановлением об аресте от 13 октября 1937

года. Здесь же было подшито и письмо-донос на Марка Ярошенко от начальника Чусовской углебиржи.

Всё это Кривошеев прочитал ещё до ареста Ярошенко, но сейчас ему захотелось почему-то пересмотреть дело заново, почитать более внимательно, как будто после тщательного прочтения, среди известных уже справок, протоколов, писем и рапортов мог обнаружиться ещё один документ, которого ранее в папке не было. Документ, от которого бы на лице Кривошеева появилась злорадная ухмылка.

«Ведь знаю же, что он контра по духу своему, самый, что ни на есть, злостный враждебный элемент. По клоповому запаху чую, что это так, а веского доказательства не имею, – со злостью подумал Кривошеев. – Ну, ничего, клоп вонючий, раздавлю я тебя и без веских доказательств, и запах свой будешь выветривать далеко отсюда. Сейчас достаточно одного факта, чтобы оперативная тройка впаляла десятку!»

Кривошеев захлопнул папку и швырнул на край стола. Потом встал, подошёл к двери, и, приоткрыв её, крикнул в коридор:

– Дежурный! Бражников!

К двери тотчас подскочил высокий верзила с красным, как у варёного рака, лицом и маленькими свинячьими глазками. Из-под фуражки в разные стороны торчали давно немытые, сбившиеся в сосульки рыжие волосы.

– Слушаю, товарищ майор, – прогорланил он в лицо Кривошеева, выбросив под козырёк фуражки толстую руку с

вздувшимся бугром жира на тыльной стороне ладони. Гимнастёрка была явно мала ему, замусоленный край рукава скатился вниз, обнажив на запястье рыжую густую растительность.

– Ты что орёшь, как в лесу?

– Виноват, товарищ майор, – тут же перешел на шёпот дежурный.

– Распорядись, чтобы мне привели из КПЗ Ярошенко Марка Сидоровича. Его мы накануне арестовали.

– Помню, товарищ майор. Это тот, за которым малая сучка босиком бежала до самой конторы, пока я её не шуганул прикладом. Щас, сделаю.

Кривошеев окинул Бражникова цепким взглядом, будто удивляясь, почему тот всё ещё продолжает торчать перед ним навтыяжку, и совсем неожиданно сказал:

– Жениться тебе надо, Бражников.

Рыжий верзила вытаращил глаза от удивления, в них застыл немой вопрос.

– Что уставился? Жениться тебе надо, говорю. Ходишь, как... Кривошеев хотел сказать «как свинья», но в последний момент почему-то передумал, закончил иначе: ...как немый арестант.

– Если вы о моей форме, товарищ майор, так я сегодня как раз собирался стирку провернуть.

– Ладно, иди, пусть охрана приведёт мне этого Ярошенко. – Допросить надо.

– Щас, – услужливо повторил Бражников и, развернув неповоротливое тело с толстым выпирающим задом, грузно и суетливо засеменял по коридору, на ходу придерживая рукой спадающую с затылка фуражку.

Глядя на удаляющуюся фигуру дежурного, Кривошеев почему-то вспомнил тюремного надзирателя Турицына в Екатеринбургской жандармерии, куда он сам угодил в молодости за распространение большевистских прокламаций. Случилось это незадолго до февральской революции 1917 года.

Турицын был такой же тучный и неповоротливый, как Бражников, ходил в вечно замазленном мундире с торчащим из кармана концом грязного носового платка. Волосья шея блюстителя тюремного порядка, его лоб с двумя короткими продольными морщинами с изломом посередине, беспрестанно лоснились от пота. Турицын постоянно протирал выступающую испарину и пугливо озирался по сторонам, будто совершал что-то неприличное и непристойное.

«Власть поменялась, а в тюремные охранники подбираются люди по тем же признакам, что и в царские времена, – подумалось Кривошееву, – такие же безмозглые, жестокие, у которых напрочь вытравлено чувство жалости и сострадания».

Бражников раздражал Кривошеева своей нерасторопностью, тупостью и недалекостью. Иногда это раздражение переходило даже в ненависть, однако ни разу в голове

Кривошеева не возникала мысль, чтобы убрать этого тупоголового сотрудника куда-нибудь подальше от себя.

Избавиться от него Кривошеев мог без труда, но не делал этого. Такой Бражников был нужен ему, был просто необходим, как цепной пёс хозяину, который мог бы прыгать вокруг него, радовать псиной верностью, лизать руки из благодарности, а в следующий момент, получив команду «фас!», наброситься на человека, схватить за горло стальными челюстями и загрызть до смерти.

Бражников был у Кривошеева и денщиком, и телохранителем, и послушным карателем в одном лице. Его побаивались даже многие сотрудники отдела, опасаясь из-за него попасть в немилость начальнику.

Прошло около пяти минут, когда Бражников, стукнув для порядка кулаком в дверь, распахнул её настежь.

– Вот, доставили врага народа, товарищ майор, – сказал он с самодовольной усмешкой.

В коридоре, чуть ссутулившись, с отведёнными за спину руками, стоял Ярошенко. Позади него застыл конвойный с винтовкой на плече.

– Заводите, – бросил негромко Кривошеев.

Бражников с силой ткнул арестованного кулаком между лопаток. Ярошенко согнулся от удара и, споткнувшись, резко подался вперед, но на ногах всё же удержался, не упал.

Остановившись в шаге от стола, за которым восседал Кривошеев, арестант пристально посмотрел на него, сразу узнал

и презрительно усмехнулся. Лицо узника было в кровоподтёках и ссадинах.

– Это ты его так... разрисовал? – спросил Кривошеев, зная о неудержимой страсти Бражникова к побоям и издевательствам над арестантами.

– Дак... это... сопротивление он оказал при задержании, вражеская морда, – хищно осклабился Бражников. – Убегнуть хотел, вот и пришлось погладить пару раз по харе. Пожурить за провинность, так сказать, вместо причитающегося расстрела. Благодарить меня ещё должен, хохлацкая рожа, за это... как его? гуманное отношение к личности, вот!

– Ну, ну, гуманист хренов! – недовольно выговорил Кривошеев. – С таким лицом ему скоро предстоит явиться перед судом «тройки». Ты не подумал об этом?

– До суда две недели, не меньше, товарищ майор. Фингалы сойдут к тому времени, а убегать от меня он больше не будет.

– Свободен, Бражников, – Кривошеев брезгливо поморщился.

– Слушаюсь! – самодовольным голосом произнёс «гуманист» и покинул кабинет, почему-то необычно тихо затворив за собой дверь. Конвойный остался стоять в коридоре.

– Ну, здравствуй, Марк Сидорович, – вкрадчиво проговорил Кривошеев. – Присаживайся, поговорим по душам. Как я полагаю, не ожидал такой встречи?

Арестованный посмотрел по сторонам, будто пытаясь что-то отыскать взглядом, и только потом неторопливо присел на

предложенный стул. Усталое лицо со следами побоев не выражало никаких эмоций, оно выглядело изнурённым и равнодушным.

– Ты не хочешь поздороваться со мной? – с насмешкой спросил Кривошеев. – На рукопожатие не претендую – понимаю: самолюбие не позволяет. А просто пожелать здоровья друг другу при встрече тоже не в твоих правилах? Разве христианская вера не позволяет верующим этого делать?

На лице следователя появилась притворная любезность. Со стороны могло показаться, что он искренно сожалеет о случившемся и сочувствует арестованному.

Марк Ярошенко продолжал молчать, при этом держал голову прямо, взгляда не отводил.

– Неужели тебе совсем нечего сказать мне? Всё-таки, шесть с половиной годков утекло с последней нашей встречи. Много воды утекло за это время. Расскажи, как жил, о чём думал все эти годы? Поделись впечатлениями о суровом Урале, ты же любишь философствовать.

– Зря стараешься, Афанасий Дормидонтович, – глухим, невзрачным голосом проговорил арестант. – Спрашивай, что требуется для протокола, да и дело с концом. Много баить здесь не подбает.

– Ишь ты, какие слова перенял у местных дундуков! Любопытно. А чему ещё они тебя научили? Тихий саботаж – тоже их работа?

– Какой саботаж? – вялым голосом спросил Марк. – О чём

это ты?

– А всё о том же, – уже с властной интонацией в голосе сказал Кривошеев. – Недовольство нормой загрузки дров в печь высказывал? Заявлял о прекращении работы, если норма не будет пересмотрена?

– Ах, во ты о чём, – усмехнулся Ярошенко. – Теперь понятно, откуда ветер дует, – он глубоко вздохнул и шумно выдохнул, будто избавился от какой-то преграды внутри, которая долгое время мешала ему дышать полной грудью, и уже облегчённо продолжил:

– Насколько мне известно, в нашей стране не запрещена свобода слова. Разве не справедливость была главной целью революции?

– Ты революцию не делал, Ярошенко, и не тебе судить о её главных целях. В то лихое время ты в навозе копался, а сейчас заявляешь о своих правах, – Кривошеев пренебрежительно сжал губы, в глазах на миг блеснули два хищных огонька, очень похожих на взгляд волка, который Марку довелось увидеть однажды в тайге. – Нормы установлены советской властью, и всякого рода отребью не дано их обсуждать! Вот отправят тебя в лагерь, тогда сравнишь, какие там нормы, а какие здесь.

Марк приподнял ладони и пошевелил пальцами, словно собирался сжать кулаки и наброситься на Кривошеева, но затем снова положил на колени.

– Менять нормы выработки я не призывал, а лишь попро-

сил мастера выгружать дрова на входе в печь. На том расстоянии, которое заложено в нормах, а не за полсотни метров от неё. Перетаскать десять кубометров за смену и загрузить печь при таких условиях невозможно. Норма становится невыполнимой, и, значит, каждую смену я терял кусок хлеба, – Марк внимательно посмотрел в глаза Кривошееву. – А у меня малые ребятишки, они есть хотят.

– О ребятишках вспомнил? – оживился вдруг Кривошеев. – А думал ли ты о них, когда бросал печь безнадзорно и, сломя голову, бежал в церковь?

– Не было такого, гражданин следовательно. Печь я ни разу не оставлял без присмотра, – ответил Марк, с горечью понимая, что здесь, в этом кабинете ему не дано доказать обратного, а значит, и в суде оправдания не будет, значит дальнейший разговор бесполезен. В этом кабинете уже заранее всё решено. И он умолк.

Кривошеев безотрывно смотрел на арестованного, будто гипнотизировал его и ждал результата в виде откровенного признания. Ждал, когда тот вскочит со стула, упадёт на колени и начнет умолять о помиловании. А он, вершитель судьбы этого несчастного человека, будет ходить подле него, упиваясь властью над ним. Как это было совсем недавно в Соловецком лагере.

Но такого не происходило. Ярошенко по-прежнему сидел и молчал, словно набрал в рот воды. Потом, будто встрепенувшись от каких-то потаённых дум, неожиданно заговорил:

– А ведь ты мстишь мне, Афанасий Дормидонтович! Мстишь за те слова, которыми я тебя наградил перед высылкой из Украины. Радуешься, что судьба вновь свела нас с тобой, и торжествуешь в преддверии этой мести. Удачная возможность поквитаться...

Голос Марка, вспыхнув вначале, потух на последних словах. Эти слова были произнесены таким тоном, будто Марк сожалел о чём-то.

– Всё, что изложено в доносе, – выеденного яйца не стоит, и ты это знаешь, – заговорил он вновь после непродолжительной паузы. – За такую провинность можно только пожурить, наказать рублём. Но ты решил воспользоваться безграничными правами сотрудника НКВД. Тебе достаточно гнусного доноса, чтобы упрятать меня за решётку. Ты эту возможность не упустишь, раздуешь потухший огонь, чтобы я в нём сгорел заживо.

– Смелый ты, однако, Марк Ярошенко. Вольно и красиво излагаешь, – Кривошеев встал, заходил по кабинету.

На несколько минут воцарилась тишина, изредка нарушаемая странным шарканьем сапожных подошв конвойного за дверь. Тот, видимо от безделья, тёр для чего-то носком сапога половицы.

– Напуганные арестанты обычно скулят, просят о помиловании, оговаривают один другого, некоторые даже валяются в ногах ради скорейшего освобождения, – продолжил Кривошеев и вернулся за стол. – А в тебе, как я и предполагал,

контрреволюционный дух не выветрился до сих пор. Вот и решил я пригласить тебя на задушевную беседу. Убедиться, так сказать, не ошибаюсь ли в своих предположениях? Вдруг покраснела душа белой контры? Вдруг созрела на уральских просторах за шесть лет? Вдруг у тебя изменились взгляды на жизнь?

– Душа человека не имеет цвета, – тихо и грустно проговорил арестованный. – Она либо принимает Бога, либо переходит на сторону дьявола. Другого ей не дано.

– Твоя душа, надо полагать, находится у Бога за пазухой, а моя, очевидно, управляется волей дьявола. Так что ли?

– Зачем спрашиваешь, если ты сам ответил на свой вопрос?

– Ну что, Марк Сидорович, твои рассуждения мне понятны. Только вот я мыслю совсем иначе. Душа – это что закваска для вина, от которой, как известно, напрямую зависит крепость и качество. Заложили дитю в раннем возрасте неверное представление о жизни – и всё, пропал человек для общества, перевоспитать его уже невозможно. Как невозможно из дрянной бормотухи получить отменное вино, – Кривошеев самодовольно улыбнулся, удивившись возникшим у него неожиданным способностям выражаться аллегориями.

Это открытие его окрылило, он почувствовал непреодолимое желание вовлечь Марка Ярошенко в продолжение интересной, как ему показалось, дискуссии о жизни. Захотелось

выслушать его точку зрения о революционных преобразованиях в стране.

В лице сидящего перед ним арестанта Кривошеев видел закоренелого классового врага. Ему было весьма любопытно узнать его мнение, поскольку Ярошенко был не таким, как все остальные представители враждебного класса – хитрые, обзлѐнные и мерзкие. Этот человек был какого-то особенного склада характера, совсем не похожий на тех, с кем ему приходилось сталкиваться.

«Георгиевский кавалер не так глуп, как мне казалось раньше, – отметил про себя Кривошеев. – Есть в нём какой-то особый дух, который делает его сильным и негибачаемым, невзирая на жизненные передряги. И черты характера заложены в него, как слоёная начинка пирога. Он и крестьянин, и офицер, и интеллигент в одном лице. И поп, преданный Богу, в придачу. Ему необъяснимо легко и быстро удаётся перевоплощаться из одной личности в другую в зависимости от ситуации. Хамелеон какой-то, чёрт подери!»

Кривошеев поймал взгляд Марка и неожиданно спросил: – Скажи-ка мне, Марк Сидорович, только откровенно, почему ты противишься власти большевиков? Почему не воспринимаешь революционные перемены, как большинство советских граждан? Ведь все преобразования, без исключения, направлены на благо людей?

Марк ответил не сразу, размышлял о чём-то, и только спустя некоторое время, негромко, с хрипоцей, заговорил:

– Противиться – это значит оказывать противодействие. Я же не совершил ни одного поступка, после которого меня можно поставить в один ряд с вредителями. В Галиции, в окопах, я слышал от большевиков, что революционные перемены будут направлены на восстановление справедливости в обществе, на свободу и равенство всех людей, – голос арестованного окреп, сделался более звучным. – Они обещали, что после свержения царя крестьяне получают землю, на ней можно будет свободно трудиться и самостоятельно распоряжаться продуктами своего труда. А что на самом деле произошло? Насилие и грабёж. Забрали скот, хлеб, лишили жилья. Ребятишек малых пустили по миру с сумой. Разве такую справедливость ждали трудолюбивые крестьяне? В чём их провинность, чтобы с ними так поступать? Ведь это они кормили таких, как ты, нахлебников.

– Но-но, попридержи свой поганый язык! – взвинулся Кривошеев. – За такие слова, мил человек, тебе, пожалуй, и десятки будет маловато! Ты сейчас подтвердил, как ненавистна тебе советская власть, открыто заявил, что не согласен с политикой государства. А это уже, брат, статья 58 тире10 УК РСФСР.

– Думаешь, напугал меня? – совершенно спокойно произнёс Марк. – Ничуть. Эту статью ты мне заранее приклеил, Афанасий Дормидонтович. Без суда и следствия. Ты обрёк меня на неволю умышленно в тот момент, когда взял ручку, чтобы подписать ордер на арест.

– Не строй из себя невинную овцу. Тебя арестовали по подозрению в совершении контрреволюционных действий, – перебил Кривошеев. – Следствие НКВД разберётся во всём.

– Не надо лукавить, будто я рублю под собою сук, – сказал Ярошенко. – Моя судьба давно уже решена тобою. А беседу эту ты затеял лишь для того, чтобы развеять в себе некоторые сомнения, которые гложут тебя изнутри. Смута терзает твою душу. Ты боишься той жестокости, что процветает в вашей конторе. Боишься судного дня, который рано или поздно наступит. Тебя настораживают трения во власти на самом верху. Со стороны видно, как мучает тебя бессонница. Вон лицо-то какое серое. Или я ошибаюсь?

Кривошеев насупился и промолчал. Карандаш, который он вертел в руках заметно дрожал. Чувствовалось, что слова Марка попали в точку.

Ярошенко, поняв, что его высказывание возымело действие, продолжил атаку:

– Ты хотел бы уяснить для себя, почему одного за другим сажают в тюрьмы видных полководцев, именитых врачей, директоров производства. Ты не знаешь, кому задать этот потаённый вопрос, разъедающий тебя изнутри. Боишься, Афанасий Дормидонтович, что после этого вопроса сам можешь оказаться в тюремной камере. А наедине со мной можно говорить на любую тему, не страшась последствий. Я для тебя настоящая отдушина, в которой нуждается твоя душа.

Наступила небольшая пауза. Марк Ярошенко внимательно всматривался в лицо Кривошеева, пытаясь уловить внутреннюю реакцию собеседника. Но тот продолжал молчать, нервно перекатывая карандаш меж пальцев.

Арестант хмыкнул и вновь продолжил:

– Тебе очень хочется услышать мнение со стороны, чтобы облегчить свои терзания. Это как глоток воды в июльский зной. Твоя душа требует исповеди. Чем не подходящий случай, не так ли? Я безопасен, за дверями конвой, делай, что заблагорассудится, спрашивай о чём угодно – никто не заподозрит твоих истинных устремлений. Можно и побить в конце беседы, для маскировки, для отвода глаз. Бражников, вон, успел уже отвести душу.

Кривошеев, шумно сопя, дослушал арестованного до конца, не перебивая. В конце монолога арестанта его лицо налилось кровью, на шее вздулась вена и шевелилась, будто живая, брови взлетели высоко вверх. Сдерживая себя усилием воли, чтобы не запустить в лицо Ярошенко чернильницу, ухватившись за край стола, он со злостью выдохнул:

– Ну, знаешь, ты перешёл всякие границы, чёрт возьми! Что ты такое городишь? Хотя, – Кривошеев достал из кармана платок, вытер вспотевший лоб, – такое поведение мне знакомо. Это обычная реакция любого преступника, когда его загоняют в угол – шипеть в бессилии или выкрикивать оскорбления. Это животный инстинкт, так сказать. Собака тоже рычит и скалится, когда предчувствует свою гибель.

– Я не преступник и не собака, да и умирать пока не собираюсь, – вставил Марк Ярошенко. – Говорю то, что не осмелится сказать тебе ни один человек, даже из самого близкого твоего окружения. И ты, злобствуя сейчас, внутренне рад тому, что услышал от меня.

– Говори, да не заговаривайся. Всё, о чём ты тут мелешь, будет занесено мною в протокол допроса.

– Ты не сделаешь этого, – убеждённо сказал Марк и усмехнулся.

– Почему? – Кривошеев с удивлением глянул на арестованного.

– Ложный протокол я не подпишу, а правдивый составлять не в твоих интересах – самого заподозрят в инакомыслии.

– Ну, ладно, ладно, не шебаршись, – поспешно выговорил Кривошеев каким-то деревянным голосом, и в этом тоне, в этой внезапной суетливости Ярошенко почувствовал, что разговор ещё не окончен.

– Что ты ещё хочешь услышать от меня? – спросил он сухо, облизнув пересохшие губы. Кривошеев заметил это движение, тотчас налил в стакан воды из графина, придвинул к арестованному. Тот взял его двумя руками, выпил.

– Правду, Марк Сидорович, и только правду, – с издёвкой сказал Кривошеев. – Какая сила толкает тебя в церковь, о чём ты думаешь, когда направляешься туда? Кто твои друзья, какие разговоры ведутся у вас по вечерам, что обсужда-

ете. Одним словом, мне хотелось бы знать, чем ты живешь, и чем живут твои знакомые, твои земляки. В вашем бараке, насколько мне известно, есть ещё несколько семей, высланных из Украины. Вот и расскажи мне обо всём подробнее. А я уж сделаю нужные выводы, – Кривошеев сощурил глаза, – правильные выводы. Надеюсь, ты понимаешь меня?

– Что тут непонятного? – усмехнулся Марк. – Предлагаешь обратиться в дятла, как выражаются уголовники, и постучать на соседа.

– Ну, зачем же так? Просто представишь следствию объективную информацию, только и всего. – Кривошеев сцепил руки на затылке, подержал так несколько секунд, затем, высвободив ладони, потёр ими виски и шею. – Фамилии можешь не называть, – дополнил он неожиданно, – я не настаиваю.

Кривошеев произнёс это сдержанно и спокойно, удивляясь внутренним переменам. Ещё несколько минут назад ему хотелось швырнуть в лицо наглеца что-нибудь тяжёлое, чтобы заставить его замолчать, но кипящая злоба неожиданно угасла, на смену ей пришло простое любопытство.

«Уничтожить его я могу в любой момент, он обречён. А вот послушать умные рассуждения уже не получится, если расшибить мозги», – откуда-то из глубины сознания выплыла внезапная мысль.

«Чтобы бороться с идеологическим противником, нужно тщательным образом изучить систему его взглядов на окру-

жающий мир, постараться понять его психологию», – опять из каких-то потаённых уголков памяти выскочила неизвестно где и когда услышанная или прочитанная фраза.

Кривошеев долго рассматривал Ярошенко, будто определял его истинную значимость для себя. Он поймал себя на том, что у него нет желания отправлять арестанта обратно в камеру. Ему позарез хотелось послушать рассуждения этого человека о религии. Такой возможности ему не представится уже никогда, а знать, каким пряником заманивают людей в церковь, на чём держится сила духа верующих, было заманчиво.

Прошла минута размышлений, наконец, он сказал:

– А ты занятный собеседник, Марк Сидорович. В твоих словах много любопытных вещей. Я бы с удовольствием тебя послушал ещё.

– Я не певчая птаха, чтобы меня слушать. Всё, что хотел сказать – сказал, отправляй в камеру.

– Отправлю, не спеши. Ответишь на мои вопросы и вернёшься в свою вонючую камеру.

– Я же сказал: стучать не собираюсь. А что касается церкви, так тебе не понять моих убеждений. Вера – это зов души, неистребимая потребность общения с Богом всех православных. А ты – антихрист.

– Ну, хорошо, давай оставим тему о религии. Ответь мне тогда на другой вопрос. Почему ты считаешь, что государство обидело простых крестьян?

– У тебя неверное представление о государстве. Крестьян обидело не государство.

– Во как! И кто же? – в глазах Кривошеева заблестели огоньки любопытства.

На лице Марка Ярошенко появилась и тут же пропала саркастическая улыбка. Странно хмыкнув, он начал свой новый монолог:

– Государство – это общность и единство народа. У руля правления этой общности должны стоять люди, способные мыслить и действовать в интересах простого человека – широко и мудро. Между ними и народом должны быть неразрывные связи, чтобы понимать друг друга. Так представлялась новая жизнь простому человеку. Такое государство можно только любить и восхвалять. Однако, ожидания после революции не оправдались. Власть испугалась предоставить истинную свободу, которую обещала. Настоящая правда стала страшить её. Потребовался платок на говорливый роток, и на помощь призвали НКВД. Людей, имеющих собственное мнение, враз объявили отбросами общества и принялись сбрасывать в зловонную яму КПЗ, на краю которой с большим черпаком в руках стоит следователь-ассенизатор, вроде тебя. От него уже не увернуться. Он гребёт всех без разбора, как послушный и бездумный механизм, чтобы наполнить лагеря бесплатной и управляемой рабочей силой для выполнения грандиозных планов верхушки власти. Вот на кого за-таил обиду крестьянин. Раньше у него была мечта о счастье,

а такие, как ты, вывихнули её и теперь он стонет от боли. Доступно объяснил?

Некоторое время Кривошеев тупо смотрел на Марка, глаза его сделались стеклянными и будто омертвели. Казалось, слова арестанта, словно разорвавшаяся граната, смертельно поразили его, а сам он через секунду-другую обмякнет и повалится мешком на пол.

– Ты что тут плетёшь, сволочь!? – очнувшись от шока, взревел Кривошеев. – Охрана! Бражников! Где вы, чёрт возьми!

Охранник коршуном влетел в кабинет, подскочил к Марку Ярошенко, замер в ожидании команды.

– Уведите!

В этот момент в дверях появился Бражников.

– Пытался бежать? – спросил он со злорадной усмешкой, что было равнозначно вопросу: побить?

Кривошеев немного помедлил с ответом, потом вяло сказал:

– Нет, вёл себя тихо.

– Понял, товарищ майор, – Бражников радостно оскалился, – тихо.

– Вставай, пошли, – буркнул охранник и снял с плеча винтовку. Марк поднялся и направился к двери...

Глава 2

Камера была тесной и грязной. Семь двухъярусных нар, вместо положенных трёх, едва умещались вдоль стен. В левом углу на небольшом расстоянии от крайних нар располагалась параша. Хотя она была засыпана хлоркой и прикрыта деревянным щитом, из неё сочилась вонь, растекаясь по всей камере.

Посредине камеры стоял истыканный и поцарапанный острыми предметами деревянный стол, на котором в беспорядке были разбросаны обрывки старых газет, скомканные пачки из-под папирос, консервные банки с грудой окурков и много другого мусора.

Обычно за столом сидели блатные и играли в карты. Со вчерашнего дня блатных не стало, их отправили на пересыльный пункт в Пермь. Мусор после них никто не убирал.

В КПЗ находилось одиннадцать человек, все они были арестованы за контрреволюционные террористические намерения или по другим политическим мотивам. Большая часть арестованных состояла из спецпоселенцев, высланных из родных мест при коллективизации в конце 20-х годов. Они не догадывались, что попали в так называемый «лимит на репрессии».

План на разоблачение «врагов народа» с некоторых пор стал устанавливаться для территориальных управлений

НКВД лично Николаем Ежовым. Местным руководителям НКВД разрешалось увеличивать разрядку на аресты «политических». Лимит на арест «антисоветских элементов» на второе полугодие 1937 года по стране составил почти 260 тысяч человек!

В камере находилась разномастная рабочая публика. За семь-восемь лет принудительной трудовой деятельности поселенцы выше статуса чернорабочего подняться не смогли. Некоторые из них были знакомы между собой, другие сблизились уже в камере. Они собирались по два-три человека, усаживались на нижних нарах, о чём-то приглушённо разговаривали. Все эти люди наивно полагали, что арестованы ошибочно, что следователь вот-вот разберётся в досадном недоразумении, и их незамедлительно отпустят на свободу. Но внутри каждого из них сидел страх ожидания.

Никого из этих людей Марк не знал и не предпринимал попыток к знакомству. Они его не интересовали. Да и разговаривать с кем-либо ему не хотелось совсем. Весь день он лежал на дощатых нарах и вставал лишь тогда, когда приносили пищу или требовалось по нужде. Побаливало избитое тело. Бражников, получив согласие на «тихое» рукоприкладство, перед дверями камеры успел-таки «поработать» с ним, прежде чем отворил её.

Марк был единственным арестантом, который знал истинное положение вещей. Знал, что никто из арестованных не будет оправдан, все они уже обречены на страдания в лаге-

рях. О том, что творится в органах НКВД, ему поведала дочь Раиса. В середине лета она приезжала в гости.

... В июне 1931 года, когда семью раскулачили и выслали на Урал, Раисе было семнадцать лет. Через год в Чусовом начался страшный голод. Семья Ярошенко оказалась в бедственном положении. На крохи, которые Марку удавалось заработать, прокормить детей было практически невозможно. Списавшись с родной сестрой, которая жила в Луганске, он решился отправить к ней старших дочерей – Раису и Фросю. Двое младших детей – Васса и Ваня, – оставались с ним. С большим трудом удалось насобирать денег на билет до Москвы.

– Доедете до Москвы – сразу идите в отделение милиции, – проинструктировал он Раису. – Скажете, что родители у вас умерли от голода, а вы решили вернуться к родственникам на Украину.

Рискованный замысел удался, дочери без проблем добрались до Луганска. В Москве их продержали в отделении милиции несколько дней, составили протокол со слов Раисы, а потом, вручив один билет на двоих, посадили в поезд.

Сестра Марка – Ксения – была бездетной, работала с мужем на заводе, жили они в небольшом частном доме на окраине Луганска. Раисе удалось устроиться на работу, а Фрося пошла в школу. В 1936 году она окончила семь классов, и по настоятельной просьбе матери Раиса привезла её назад в Чусовой. Сама же вернулась назад.

Через год Раиса вновь решила навестить родственников. Она и рассказала о том, что услышала в поезде...

... Глубокой ночью, на какой-то станции перед Свердловском в вагон вошли двое мужчин в полувоенной форме и присели с краю у окна. В руках одного из них был увесистый портфель. Раисе досталось место у двери в тамбур, из него доносился стук колёс, она долго не могла заснуть.

Приоткрыв глаза, Раиса видела, как эти двое дождались момента, когда тронулся поезд, и отправились в тамбур. Они пробыли там до самого Свердловска, постоянно о чём-то оживлённо говорили, иногда горячо спорили. Раиса догадалась, что там они распивали водку, потому что через приоткрытую дверь в тамбур иногда доносился звон стакана о бутылку. Пока шёл поезд, разобрать слова было невозможно, но, когда он останавливался, Раиса становилась невольной свидетельницей разговора подвыпивших мужчин.

Вначале они говорили о какой-то поездке в Москву, потом стали обсуждать лесозаготовки, и на этом монотонном разговоре Раиса незаметно задремала.

Очнулась, когда поезд, лязгнув буферами, остановился на небольшом полустанке. Мужчины всё ещё находились в тамбуре и продолжали бубнить.

– Ну и как ты справляешься с планом? – донеслось до неё.

– Пока вписываюсь в лимит, – приглушённо хохотнул другой мужчина. – В моей округе достаточный резерв, чтобы не оказаться в числе отстающих, – мужчина опять негромко

рассмеялся.

– За счёт спецссылы?

– Да, сажаем бывшее кулачье. Помогаем им найти дорогу в лагерь. Отдохнули в таёжной тиши после коллективизации, пора и под лай собачек потрудиться на благо страны. Разоблачать антисоветский элемент проще пареной репы. Доносы на них поступают регулярно.

– У нас ссыльных тоже достаточно, но с доносами трудновато, приходится подталкивать «бдительных» граждан. – Мужчина сделал ударение на предпоследнем слове. – Сажаем за пустяки на недельку, они со страху пишут то, чего и не было.

– А тройковый суд как? Проверяет обвинения? Возвращает на доследование, если кто-нибудь вздумает правду отстаивать?

– Пока таких случаев не было. Да и есть ли время у оперативной тройки копаться в делах классовых врагов? У них тоже всё поставлено на поток, судят списком. План Николая Ивановича Ежова исполняется неукоснительно.

– Ты прав, – после паузы вновь послышался голос того мужчины, который задавал вопрос о тройковом суде. – Попробуй разоблачить врагов меньше установленного лимита! Сразу обвинят в связях с троцкистами, или заподозрят в попустительстве уголовной преступности.

– Да-а, и нашего брата чистит железный нарком. Всем вокруг раздал ежовые рукавицы для работы.

– Интересно, долго продлится такая чистка?

– По всей вероятности, пока не пересажаем всех врагов народа.

В это время брякнули поочерёдно сцепки вагонов, затухнув в конце состава. Колёса неслышно сдвинулись с мёртвой точки, и уже через минуту застучали на стыках рельс в обычном ритме. О чём дальше шёл разговор в тамбуре, Раиса разобрать уже не смогла. Но и того, что она невольно подслушала, было достаточно, чтобы лишиться сна до конца пути. Она лежала с открытыми глазами и думала об отце.

«Если всё, что я услышала – правда, то ареста отцу не миновать, – пронеслось у неё в голове. – Рано или поздно очередь дойдёт и до него. Что можно сделать, чтобы отца не посадили? Может, укрыться ему на время где-нибудь? Но где и как? Уехать со мной на Украину он не может, запрещено. Если сбежит – арестуют маму, будут допрашивать, в конечном итоге допытаются. Найдут отца и расстреляют, не пожалеют. Судя по разговору, убить человека этим людям – что порубить кочан капусты. Отрешить отца от церкви, чтобы не было лишнего повода для ареста? Не получится. Отец на виселицу пойдёт, но церковь посещать будет. Да это и не выход. Невозможно остановить запущенную сверху машину. Разве может человек удержаться на краю пропасти, если земля под ногами зыбкая? – Раиса поёжилась, представив на миг, как эти двое, похохатывая, оформляют ордер на арест отца. – Какие же они подонки!»

До конечной станции она не сомкнула глаз. Лежала и размышляла о различных вариантах как уберечь отца от ареста, но каждый раз её мысли заходили в тупик. Выхода найти так и не удалось...

Раиса пробыла в Чусовом почти месяц, и каждый день убеждала отца, чтобы он позаботился о себе.

– Папа, нельзя сидеть сложа руки, – проговорила дочь на следующее утро после приезда. – Нужно что-то делать!

– Знаю, что надо, но не знаю – что. В том-то и беда, доченька, что от сумы и тюрьмы нет рецепта, – ответил Марк, и на этом разговор прекратился.

Раиса не успокоилась, подключила к разговору мать. Через пару дней они уже вдвоём заседали на него. Обычно Евдокия не вмешивалась в дела Марка, вела домашнее хозяйство, занималась ребятишками и скромно помалкивала. Под нажимом Раисы она робко спросила:

– Марко, вдруг тебя арестуют? Как нам жить без хозяина в доме? Подумай о детях, – из глаз Евдохи выкатились росинки слёз. – Не ходи в церковь, не гневи власть своей непокорностью.

– Правда, папа, не ходил бы ты в церковь, не мозолил лишний раз глаза доносчикам, – упрашивала Раиса. – Молись дома, кто тебе запрещает? Неужели нельзя обойтись без церкви?

В тот раз он ничего не ответил дочери, весь день ходил, подыскивая нужные слова. Как объяснить ей, отрицающей

существование Бога, о своих чувствах, которые он испытывает каждый раз, переступая порог церкви? Сможет ли она понять его душевное умиротворение в стенах храма? Как донести до неё суть своего благочестия?

На следующий утро, когда вопрос повторился, он нашёл, что сказать.

– Видишь ли, доченька, дело не только во мне...

Марк вспомнил, как после этих слов он вдруг замолчал, обдумывая заново начало разговора, хотя накануне ответ, казалось, был готов.

Раиса не выдержала паузы, спросила:

– Прости, папа, но я не поняла. Что значит: дело не только в тебе? Арестуют ведь тебя, а не чужого дядю. Потом осудят, не разбираясь, под предлогом какой-нибудь антиреволюционной пропаганды. А тот, в котором это самое дело – будет гулять на свободе?

– Ты правильно сказала вчера, Раечка. Молиться можно и дома. Но Божий храм – это не просто молельная комната, не просто помещение, в котором верующие могут собираться группами для общения с Богом, – Марк на секунду умолк и задумался, а затем продолжил уже более уверенным голосом:

– Понимаешь, доченька, в храме царит особый мир и таинственное благоухание Православия, которое создано тысячи лет назад. Всё это время храм являлся единственным местом, где человек начинает задумываться о сотворении

мира, кается в свершённых грехах, просит помощи у Бога. В храме слабые люди обретают силу, а заблудшие – веру. Большая роль в этом процессе отводится песнопению, церковному хору. Бог наградил меня сильным и красивым голосом и привёл в храм, чтобы я мог радовать своим пением прихожан.

– Боже мой, папа, о чём ты говоришь? – Раиса поежилась, взглянув на отца. – Когда тебя арестуют, церковь сразу закрывается, да? Не сможет существовать без тебя?

– Жаль, что ты меня не поняла, дочка, – с сожалением ответил он тогда, и больше они не возвращались к этому вопросу.

Отпуск закончился, но дочь не вернулась на Украину, посчитав, что здесь она будет нужнее для семьи. В отличие от родителей, у неё теперь был паспорт, она трудоустроилась на заводе и получила отдельную комнату в бараке. Жизнь потекла дальше. Марк продолжал работать на угольных печах, Евдокия трудилась в артели по изготовлению предметов из лыка.

Первой жертвой репрессий стал сосед по барaku – Шпак Тимофей Николаевич. Он проживал у них за стенкой с женой Надеждой и двенадцатилетней дочерью Валей. Жили они тихо, замкнуто, ни с кем особо не общались.

Тимофей был маленького роста, худой, с тонкой, как у цыплёнка, шей и впалыми щеками. Во внешности невзрачного мужичонка было одно достоинство – густые чёрные

усы с закрученными концами, которые он периодически подправлял пальцами. Жена, в противовес супругу, была полной, пышногрудой и круглолицей брюнеткой с длинной косой, на полголовы выше его ростом. Также, как и Тимофей, она общалась с соседями лишь в случае крайней необходимости.

Марк слышал, как в три часа ночи в дверь соседа требовательно постучали. Потом скрипнула несмазанная дверь, и тут же прозвучал басовитый голос:

– Шпак Тимофей Николаевич?

– Да, – ответил негромко сосед.

– Вы арестованы, собирайтесь.

– За что? – послышался испуганный голос жены Шпака.

– За расхищение социалистической собственности.

Тимофей Николаевич работал в лесосплавной конторе. Иногда он, возвращаясь с работы, приносил за плечами вязанку древесных отходов и немного щепы для растопки печи. Делал это, не таясь, будучи уверенным, что ничего противозаконного он не совершает, не спеша развязывал верёвку на вязанке, складывал обрезки в поленницу под крышей общего сарайчика, щепу нёс в дом, чтобы подсушить на печи.

Несколько минут Марк лежал в постели, прислушиваясь к звукам за стеной. Затем встал, на цыпочках прошёл к двери, с осторожностью выглянул в коридор. Шпака в этот момент уже вводили под конвоем. В свете единственной на весь ко-

ридор электрической лампочки в пятнадцать ватт Марк видел лишь спины двух человек в шинелях. Щуплый сосед шагал между ними с низко опущенной головой и теперь казался ещё ниже ростом, со спины был похож на подростка.

Жена Тимофея, в ночной сорочке, с зарёванным лицом, застыла в дверях истуканом и провожала мужа затуманенным, каким-то безумным взглядом. Когда за конвоем захлопнулась входная дверь, она перевела взгляд на Марка, тихо произнесла, словно извиняясь за причинённые неудобства:

– Вот... Тимошу... увели...

В её больших, сочащихся слезами глазах, стояли испуг, безысходность и непонимание одновременно.

Марк почувствовал, что в сложившейся ситуации следует как-то утешить соседку, сказать, наверно, какие-то обнадеживающие слова. Но такие слова, как на грех, не приходили в голову. Он нелепо торчал в коридоре, держась за дверную ручку, и молчал. Потом, наконец, опустив глаза, выдавил из себя через силу:

– Это ошибка, я в этом уверен. Завтра следовательно разберётся во всём и вашего мужа отпустят домой.

– Правда? – с недоверием спросила жена Шпака.

– Правда, – покривил душой Марк, – идите спать, вам нужно отдохнуть.

Он вернулся назад в комнату, лёг в постель.

– Арестовали? – спросила шёпотом жена.

– Увели под конвоем, – тоже шёпотом ответил Марк.

До самого утра они с Евдохой не сомкнули глаз.

Дней через десять арестовали ещё одного жителя барака – Краснюка Игната. Ни Тимофей Шпак, ни он, домой больше не возвращались. Третьей жертвой должен был стать Никита Ищенко, но ему на момент ареста просто повезло. Среди ночи он отправился в туалет, который располагался в нескольких десятках метров от барака. Справив нужду, он услышал шаги людей, идущих к бараку, и затаился в сортире.

– Где ваш муж? – спросил офицер НКВД, не обнаружив Никиту Ищенко дома.

– Не знаю, – равнодушно ответила жена, зевая. Она была боевой женщиной и хорошей актрисой, за словом в карман не лезла. Никита рассказывал Марку, что родом она из Одессы, из семьи рыбаков.

– Как так не знаешь? Муж он тебе всё-таки.

– Муж – объелся груш! С работы не приходил ещё, шляется, чёрт знает, где-то. Почём я знаю, куда его занесло на этот раз! Может с бабами развлекается, может с мужиками самогонку хлещет, откуда мне знать? Привыкла уже к его загулам. Иногда он, сволочь, по несколько дней не появляется дома. Вот только вернётся – я ему задам! Всю морду расквашу, заразе! Вы так и знайте!

Когда конвой ушёл, Никита вернулся в барак.

На следующий день у него с Марком состоялся разговор.

– Уезжать надо отсюда, срочно, – сказал Никита Ищен-

ко. – Не взяли сегодня – возьмут завтра. И тебя, Марк, не обойдут стороной, не надейся.

Марк задумался, спросил:

– И куда ты?

– В Среднюю Азию подамся, к родственнику своему. Там-то уж точно не найдут. Там чекисты по кишлакам не рыщут, далековато для них пускаться в такие походы и опасно – могут убить.

– Наверно, ты правильно решил, – в раздумье проговорил Марк. – Но мне с семьёй отправляться в неизвестность слишком рискованно. Без паспорта, да и денег на дорогу сейчас нет.

Никита насмешливо оглядел Марка, усмехнулся:

– Ты подожди, когда эти деньги появятся. А ещё лучше, сходи к начальнику НКВД и напиши заявление об отсрочке своего ареста. Он добрый мужик, поймёт тебя.

– Скажи, ты сможешь подыскать для моей семьи жильё там, в Средней Азии? – спросил Марк, не обращая внимания на язвительные слова Никиты Ищенко. – Конечно, когда устроишься сам. К тому времени я постараюсь собрать денег на дорогу.

– О чём разговор, Марк! Пришлю письмо как можно скорее. Только вот станет ли ждать НКВД?

После ареста мозг Марка Ярошенко начал работал в каком-то авральном режиме, мысли крутились в голове круглосуточно. Память воспроизводила ушедшие события с уди-

вительной подробностью, извлекала из потаённых уголков каждую фразу разговоров, каждое слово, звук и интонацию. Сон не одолевал его даже ночью. Это было каким-то наваждением.

...Он немного не успел по времени, чтобы укрыться в Средней Азии. Письмо от Никиты Ищенко пришло за день до ареста. В нём он сообщал, что устроился с семьёй у родственников в Туркмении, в местечке Дарган-Ата, что на берегу реки Амударья. Писал, что, невзирая на жару, жить можно, с голоду не умирают, об органах НКВД там никто и не слышал, паспорт не нужен, поскольку их там никто в глаза не видал. Но самое главное – Никита подыскал жильё для их семьи. Адрес был написан на отдельном листочке.

После прочтения письма лицо Евдохи сразу посветлело, она спешно принялась собирать вещи. Оставалось приобрести билеты и сесть в поезд. Дочь Раиса в заводоуправлении умудрилась отпечатать справку и даже поставить на ней какую-то серьёзную печать, удостоверяющую отъезд семьи Ярошенко за пределы города сроком на три недели. Приобретение билетов и отъезд Марк собирался проверить одновременно в свой выходной день, 14 октября, но не успел. Накануне ночью его арестовали...

С вечера они с женой долго не могли заснуть, лежали в постели и переговаривались шёпотом, обсуждали предстоящую поездку. Дети – Ефросинья, Василиса и Иван спали в другой половине комнаты, отгороженной от родителей фа-

нерной перегородкой. Вместо дверей в проёме висела старая штора, приобретённая по дешёвке на рынке.

– Что-то страшно мне, Марочко, – в который уже раз шептала на ухо Евдокия. – Сердце мое заходится почему-то. Как будто чувствует что-то неладное.

– Давай останемся, не поедем.

– Нет-нет, Марочко, поедем. Поедем от греха подальше. Только б все было славненько.

Евдоха последние годы за пределами барака говорила только на русском языке, но дома, в момент волнения забывалась, начинала лопотать, смешивая украинские и русские слова. Дети разговаривали, как и сам он, исключительно на русском языке. Шесть лет они проучились в русской школе и практически забыли родной язык.

– А школа там есть?

– Должна быть, – убежденно проговорил Марк. – Советская власть существует почти двадцать лет, как же не быть там школе? Пойдут наши дети учиться, не беспокойся. И вообще, хватит балакать, пора спать. Вон, утро скоро в окно пробьётся.

Евдоха умолкла и устроилась поудобнее на плече Марка.

В этот момент и раздался стук в дверь, в их дверь.

– Ой, Марочко! – испуганно вскрикнула Евдоха и резко поднялась в постели. – Это к нам... – прошептала она, зажимая рот ладошкой.

– Эх, Евдоха, не успели мы... уехать ... – проговорил

Марк горестно, медленно сползая с кровати, будто пытаюсь в последнюю минуту запомнить запахи супружеского ложа и преимущества кровати перед тюремными нарами.

– Не открывай, Марочко, может, уйдут...

– Не уйдут, раз пришли, – сказал Марк.

Стук в дверь повторился. Стучали громче и более настойчиво. За дверями были слышны приглушённые голоса.

Марк, чтобы не разбудить детей, поспешил к двери в нательном белье, откинул вверх металлический крючок, на который они запирались на ночь. Дверь тотчас рванули из коридора, распахнув до отказа.

Перед Марком стояли два милиционера, один из которых был Бражников, как потом выяснилось. Без объяснений он схватил Марка за рукав рубахи и рывком вытащил в коридор.

– Пошли, – рявкнул Бражников, и ткнул Ярошенко кулаком между лопаток. – Ты арестован!

– Дайте хоть одеться, – сказал Марк. – Не босиком же я пойду, в самом деле.

– Пусть оденется, – робко обронил офицер своему подчинённому, сделав ударение на первом слове, и от этого его обращение прозвучало, как просьба, а не приказ старшего по званию. По голосу чувствовалось, что при арестах верховодит Бражников, а вовсе не офицер, как требует того служебная иерархия.

– Не околоет, кулацкое отродье, – злобно прошипел Браж-

ников, но остановился.

В этот момент заголосила, завывала волчицей жена Марка. Она в два прыжка подскочила к вешалке, сдернула с крючка брюки и пиджак, подхватила сапоги и опрометью бросилась к мужу. Бражников нехотя отступил на шаг в сторону, позволил арестованному лишь обуться на босу ногу.

– Пшёл! – опять рывкнул он, однако на сей раз его кулак не прошёлся по спине арестованного.

Рыдающая Евдоха, не способная вымолвить ни слова, задыхаясь от всхлипываний и судорожно глотая воздух, протянула мужу одежду. Он взял пиджак и брюки, скрутил валиком и сунул под мышку. Уже на ходу сказал жене:

– Прощай, Евдоха, и береги детей. Чует моё сердце, не скоро я к вам вернусь...

Фрося и Ваня спали крепким сном, а четырнадцатилетняя Васса все-таки пробудилась от истеричного рыдания матери. Она осторожно отдёргнула штору и выглянула в родительскую половину. На детском лице отражался испуг. Не понимая со сна, что происходит, Васса прошагала к распахнутой настежь двери. Увидев в коридоре двух милиционеров и отца, шагающего в нижнем белье, она сообразила, что случилось, и закричала:

– Папа! Папочка! Подожди, я с тобой!

Дочь нырнула босыми ногами в галоши и побежала за отцом. Мать упала на колени посередине коридора, и, раскачиваясь вперёд – назад, причитала со стоном:

– Марочко, родной мой... как же теперь без тебя? Что ж они с нами сделали? Разве мы враги? Какой же ты враг, Марочко? Любимый мой!

Васса прошмыгнула мимо матери и помчалась догонять милиционеров с отцом. Настигнув конвой, она пристроилась позади офицера, и, размазывая кулаком слёзы на лице, принялась канючить:

– Дяденька милиционер, отпустите моего папу. Он ни в чём не виноват, за что вы его арестовали? Мы же помрём без него, дяденька милиционер, я вас очень прошу: отпустите папу!

– Ступай домой, девочка, – не выдерживая причитаний, проговорил офицер. – Ничего с твоим папой не произойдёт. Он побудет у нас... некоторое время и вернётся. Иди домой.

– И, правда, доченька, возвращайся в барак. Проводила меня немножко и хватит, застудишься ещё, – обратился Марк к дочери.

Васса не верила ни единому слову милиционера и продолжала плестись за конвоем, с детской наивностью полагая, что сможет разжалобить его.

– Дяденька милиционер, верните нам папу, нам будет очень плохо без него! Пожалуйста, отпустите его! – слёзы текли по её лицу ручьём.

– Ах ты, сучка бестолковая! – вспылил Бражников, повернувшись к дочери Марка. – Марш домой! – он замахнулся на девочку прикладом винтовки. – Иначе пришибу!

Василиса опешила, скрестив перед лицом руки для защиты. Бражников, ухмыльнувшись, повесил винтовку на плечо и зашагал дальше. Василиса постояла с минуту на одном месте, затем повернулась, и, всхлипывая от обиды, побрела назад...

... Всё это раз за разом вспоминал Марк, лёжа на нарах.

Через два дня в камеру втолкнули ещё двух арестованных.

– Вот вам до комплекта, принимайте новеньких, – съязвил Бражников, прогромыхав железными дверями среди ночи.

Двое мужчин, озираясь по сторонам, сделали несколько неуверенных шагов по камере и остановились в нерешительности.

Один из них, тот, что стоял впереди, был чуть выше среднего роста, коренаст, с короткой стрижкой. На смуглом лице с выпирающими скулами и крючковатым носом усматривалась насторожённость. Он был сильно растерян, стоял, ссутулившись, длинные руки с непомерно большими ладонями безвольно висели вдоль тела, как две плети на перекладине.

Другой арестант выглядел живее, был более подвижен. Он шустро просеменил к пустующей шконке на втором ярусе, забросил туда тощую котомку, и, пыхтя, начал взбираться наверх. Мужчина был маленького роста, толстенький, с длинными жиденькими волосами цвета соломы, разбросанными на голове в разные стороны.

– Что вы стоите истуканом, милейший, – обратился он к смуглолицему арестанту, продолжающему торчать посреди

камеры. – Забирайтесь на нары и отдыхайте до утра. Утром вас отведут к следователю, после допроса вы получите свой матрац, так здесь заведено. Сейчас извольте не тревожить сон остальных.

Длиннорукий мужчина будто ждал этого распоряжения, онемение его прошло, он двинулся к единственно свободной шконке, одним махом запрыгнул наверх и затих.

Пробудившиеся сокамерники с полусонным безразличием оглядели вновь прибывших людей и, перевернувшись на другой бок, продолжили тюремный сон – вязкий и тревожный.

«Вот ещё две жертвы выхватил вихрь революции, – подумалось Марку. – Куда-то он их занесёт, в какое горнило бросит? Наверно, и у них есть дети, и они сегодня тоже осиротели, как осиротели мои собственные дети два дня назад».

Глава 3

Кривошеев будто забыл о существовании Марка Ярошенко.

Прошло десять дней со дня ареста, но охранник, многократно открывая дверь камеры в течение дня, почему-то ни разу не прокричал его фамилии. Будто и не существовало здесь такого арестанта. И с внешним миром связи не существовало. Письма, передачи, и свидания были запрещены, Марк жил в неведении о жизни своих близких. Жена и дети не имели известий о нём. Находясь в полной изоляции, он всё-таки подружился с одним из сокамерников, тем самым пухлым человечком, похожим на болотную кочку с чахлым пучком пожухлой осоки сверху. И фамилия его оказалась под стать своему внешнему виду – Осокин.

Однажды вечером он подошёл к Марку после возвращения с допроса. Подошёл и неожиданно спросил с разоружающей улыбкой:

– Извините, пожалуйста, но если не подводит меня моя память, ваша фамилия Ярошенко?

Марк поднял на коротышку тяжёлый взгляд, долго и внимательно изучал его.

– Что вам нужно от меня?

– Я учитель истории в школе, в которой учатся ваши дети. Вас я видел однажды на родительском собрании.

При упоминании о детях угрюмое и холодное лицо Марка сразу преобразилось, первоначально равнодушный взгляд заметно потеплел, в глазах загорелся неподдельный интерес.

– Ах, вот как! – воскликнул Марк, обрадовавшись. – Вы знаете моих детей? Присаживайтесь рядышком, будет о чём поговорить.

– Очень рад встрече! – живо проговорил учитель истории, присаживаясь на нары. – Осокин Виктор Пантелеевич, – мужчина протянул руку для пожатия.

– Ярошенко Марк Сидорович, отец Фроси, Василисы и Ивана. К сожалению, встреча наша происходит не в самом подходящем месте, – усмехнулся Марк, отвечая крепким рукопожатием.

– Да уж, – грустным голосом подтвердил Осокин. – За что вас сюда упрятали?

– За то же, видимо, что и всех остальных, – за контрреволюционную деятельность. Или вы арестованы за что-то другое?

– Действительно, глупый вопрос я вам задал. Сейчас НКВД привлекает к ответственности всех по одной статье, словно стрижёт под одну гребёнку. Спустя двадцать лет после свержения царя простые труженики без видимой причины вдруг надумали вести деятельность против советской власти. Причём, не сговариваясь, каждый индивидуально на своём рабочем месте, так сказать. Вздор какой-то!

– Вы, наверно, вот так и сказали Кривошееву? – усмех-

нулся Марк.

– Да, так и сказал, слово в слово, как вам сейчас. Не смог удержаться, когда услышал беспочвенное обвинение в свой адрес. – Осокин тяжело вздохнул, вспомнив, очевидно, разговор с Кривошеевым.

– Напрасно вы так поступили, Виктор Пантелеевич. Кривошеев очень злопамятен, он страшный человек. После таких слов десять лет лагерей вам уже обеспечено, поверьте, – грустным голосом проговорил Марк. – Я знаю Кривошеева ещё со времён гражданской войны. По его милости я оказался со своей семьёй на Урале. Когда сажали нас в товарный вагон на Украине, думал, ну всё, никогда больше не пересекутся наши пути дороги. Ан, нет, злой рок обозначил встречу ещё раз.

– Невероятная судьба! – удивился Осокин. – Через столько лет, за тысячи вёрст, вновь свести людей нос к носу. Просто поразительно. Столкнул людей в пропасть, и когда они чудом выбрались из неё, решил сбросить их теперь уже в более страшную бездну?

– Это вы точно подметили – в бездну, – глухо проговорил Марк. – Ну что ж, придётся терпеть и это божье испытание. На всё его воля.

– Вы верующий? – спросил Осокин.

– Признаю существование Бога, и верю, что мир – это его творение, – чуть помедлив, с явным нежеланием рассуждать на эту тему, проговорил Марк Ярошенко. – А вы – комму-

нист?

– Нет, что вы! – воскликнул Виктор Пантелеевич, и почему-то оглянулся по сторонам. – Вообще-то я философ, историю преподаю в силу сложившихся обстоятельств. В своё время изучил труды всех известных философов, как древних, так и современных. Ознакомился с идеями марксистов, и вы знаете, в корне не согласен с теорией Маркса и Энгельса. Она полна абстракции, в ней чрезмерно абсолютизируется роль классовой борьбы и насилия, романтизируется роль пролетариата. Но, самое страшное звено в этой теории – тоталитаризм. Поэтому мне с коммунистами не пути, как вы понимаете, поскольку поступить против совести я не способен. – Последние слова Осипов произнёс шёпотом, щёки его слегка порозовели от волнения.

Несколько минут они молчали, затем учитель продолжил:

– Здесь, в Чусовом, я ведь не собирался задерживаться надолго. Думал, подлечится моя жена, встанет на ноги, и мы снова вернёмся в Свердловск. Там я преподавал философию в университете, а Анечка моя служила в театре оперы и балета, в молодости танцевала на сцене.

– Что с ней случилось? – спросил Марк.

– Обезножила Анечка, и врачи предсказали ей ужасное будущее, полную неподвижность, то есть. А местные староверы поставили её на ноги. Два года лечилась она у одной старушки-знахарки. Всё это время я преподавал ребятишкам историю, на хлеб зарабатывал, можно сказать. Анечка,

когда вылечилась, не захотела возвращаться в Свердловск, понравилась ей темнохвойная тайга. Запах, говорит, в ней особенный, с пряным ароматом. Так мы и остались в Чусовом. И я привязался уже к детям, полюбил их. Своих-то ребятишек не заимели в молодости, балет был на первом плане, потом стало уже поздно. Быстро сгорел организм Анечки при её профессии, угас, как жаркий костёр.

– Если бы вернулся в Свердловск, возможно, и не сидел бы сейчас со мной на нарах, – задумчиво высказался Марк. – Преподавал бы себе философию и наслаждался свободой.

– Вполне могло стать и так, – согласился Осокин и тяжело вздохнул. – Кто ж знал, что настанут такие времена, когда власти будет мерещиться классовый враг в каждом человеке.

– И даже дети для неё будут представлять серьёзную опасность, – осевшим голосом выдохнул из себя Марк.

– Да, и дети в том числе, которых незаслуженно лишают человеческих прав и свободы. Абсурдно и чудовищно.

Разговор длился всего около получаса, а Марку Ярошенко вдруг показалось, что он давно знаком с Осокиным, с его женой Анной, которую не видел ни разу в жизни, но почему-то ясно представил её себе со слов учителя. И сидят они сейчас здесь вместе совсем неслучайно, поскольку мыслят и понимают жизнь совершенно одинаково. От такого осознания Марку стало вдруг легко, даже маленькое оконце с металлической решёткой и тяжёлый, спёртый запах камеры уже не

так угнетающе давили на него, как прежде.

– Рассказал бы ты лучше мне о моих детях, Виктор Пантелеевич, – после небольшого молчания обратился Марк к учителю истории. – Как учатся, в чём преуспевают? А то они со мной не очень-то делятся о школьных делах.

– А что дети? Они, в сущности, все одинаковые, что отличники, что двоечники, – глаза Виктора Пантелеевича как-то сразу подобрели, потеплели, в уголках губ отложилась доверительная улыбка. – Все хотят быть умнее дураков, иметь дружеское расположение к себе, постоянно нуждаются в сочувствии к своим мыслям и желаниям. Вашим деткам легко даются знания, особенно это ярко выражается у Вани. Он очень смекалист, всё схватывает на лету, домашнее задание успевает делать в школе. Среди мальчишек всегда выступает заводилой. Не прочь и похулиганить, когда представляется возможность. А вот старшенькую вашу дочь, Фросю, я, к сожалению, мало ещё изучил, не было времени, ведь она недавно появилась в нашей школе. Девочка замкнутая и немногословная. Василиса – трудолюбивая, мечтательная и романтическая натура.

«Надо же, – отметил про себя Марк. – Как точно он охарактеризовал моих детей, хотя кроме них у него не один десяток. А помнит вот каждого. Наверно, Виктор Пантелеевич хороший преподаватель. Про Ваньку совершенно правильно сказал. Сын действительно такой – шустрый, целеустремлённый. Как-то сейчас он без меня? Что делает, о чём думает?»

И не спросить теперь, к сожалению, и не помочь я уже не в состоянии. Не преодолеть той широкой пропасти, которая легла между нами».

– Я догадываюсь, о чём вы сейчас думаете, Марк Сидорович, – вывел его из печальных размышлений Осокин.

– Простите, что вы сказали? – не сразу разобрал слова Марк и повернулся лицом к учителю.

– Догадываюсь, говорю, о ваших мыслях. Думаете, как же дальше будут жить ваши дети, верно?

– Да, тяжело придётся детям после моего ареста. Шесть лет их называли кулацкими отпрысками, а теперь вот поставят ещё и клеймо детей врага народа. Не сладкая жизнь их ждёт, ох, несладкая, каждый будет тыкать в них пальцем и оскорблять.

– Ничего, ваш Ваня кому хочешь рот заткнёт, да и за сестёр сумеет постоять. Я уверен в этом, он у вас сильный и отчаянный паренёк.

– Так-то оно так, Виктор Пантелеевич, только дальше Чусового дорога им закрыта надолго, а здесь, как вы знаете, никакого образования, кроме средней школы, не получить. Вот и получается, что я своими православными убеждениями и упрямством испортил жизнь собственным детям.

Марк отвернулся и умолк. Осокин понял, что заверять его словами вроде «всё образуется, проживут как-нибудь, советская власть сейчас ценит рабочий класс больше, чем интеллигенцию» не имеет смысла. Он приподнялся с нар, вежли-

во сказал:

– Извините, Марк Сидорович, вечер уже. Я, пожалуй, пойду, прилягу, двое суток не спал, глаза слипаются.

Не дожидаясь ответа, направился к своей шконке.

Марк посидел ещё минут пять, уставившись в зарешеченное окошко, потом лёг на спину, закрыл глаза.

«Да, испортил я жизнь и детям, и Евдохе», – с горьким сожалением подумал он. Перед глазами поплыли события шестилетней давности.

...До 1928 года дела в семействе Ярошенко шли неплохо. После того, когда в 1924 году государство разрешило крестьянам выплачивать налог не только сельхозпродуктами, но и деньгами, Марк однозначно принял второй вариант. Он оказался менее обременительным, поскольку сумма налога становилась известной уже весной, и от урожая не зависела. У Марка появилась возможность проводить предварительные расчеты, сколько чего посеять и посадить, чтобы не быть в убытке. Осенью он значительную часть урожая продавал заготовителям оптом, а мясо, птицу и яйца продавал на рынке.

Зимой 1928 года вновь началось насильственное изъятие зерна. Частная торговля была запрещена, заготовителей и торговцев арестовали и осудили. Марк понял, что вновь грядут тяжёлые времена и опять, как в прежние годы до НЭПа, уменьшил поголовье живности вдвое. На вырученные деньги удалось прожить безбедно до весны 1930 года.

На уговоры вступить в колхоз Марк каждый раз вежливо отвечал, что обязательно подумает, а сам переждал время, надеясь в душе на послабления, чем вызвал у Кривошеева откровенную ненависть к себе.

Афанасий Дормидонтович, лютуя на селе в период коллективизации, в хату Ярошенко навещался лишь с угрозами и оскорблениями. Устраивать беспредел, который позволял себе делать в других дворах, он побаивался. Его пугал угрюмый вид Марка, всякий раз встречавшего делегацию с острыми вилами в руках. Перед глазами Кривошеева вставала картина конфискации коня во время гражданской войны. Все встречи заканчивались сравнительно мирно.

Раскулачивание произошло неожиданно. 11 июня 1931 года Марка пригласил к себе председатель сельсовета и вручил письменное уведомление. В нём говорилось, что он, Марк Сидорович Ярошенко, вызывается на выездное заседание Беловодской оперативной тройки 12 июня 1931 года к 10 часам утра.

– Что всё это значит? – удивлённо спросил Марк.

– Будто не понимаешь, – криво усмехнулся пожилой председатель, пошевелив седыми усами. – Будто не водил ты за нос советскую власть целых два года.

– Это вы насчёт вступления в колхоз?

– Вот именно. Судить тебя завтра будут.

Марк взял в руки уведомление и перечитал несколько раз. Почувствовал, как часто забилось сердце, а кровь хлынула

в голову, шумно застучала в висках. Буквы на бумаге словно ожили и заплясали перед глазами. Затем он встал, тяжело разгибаясь, будто весь день работал, уткнувшись головой в землю, и вышел на улицу. До него дошло, наконец, что завтра будет принято решение о выселении всей его семьи из родных мест. Случилось то, чего он опасался больше всего.

Возвратившись домой, Марк умолчал о предстоящем суде, решив не расстраивать домочадцев преждевременно.

«Вдруг обойдётся всё и на этот раз, вдруг пронесёт, а я, дурень, разворошу напрасно семейный улей», – со слабой надеждой подумал он, хотя ясно понимал, что ничего подобного произойти уже не может, что такая мысль всего лишь сознательный самообман.

На следующий день оперативная тройка в составе представителя Беловодского партийного комитета, председателя Шулимовского сельсовета и работника ГПУ в лице самого Кривошеева приговорила семью Ярошенко к выселению за пределы Украины с полной конфискацией имущества. Марка заставили подписаться под решением тройки и в сопровождении конвоя и специально прибывших уполномоченных лиц повели его в собственную хату.

Во дворе в это время находился дед Трифон. Завидев Марка в окружении незнакомых людей с винтовками, он замер, словно остолбенев, с лица его сошла кровь, обесцветив кожу в одно мгновение.

– Чего ж они хотят? – спросил дед дрожащим голосом,

когда Марк с конвоем поравнялся с ним. – Что с нами будет?

– Всё добро наше пришли забрать, дед, – сказал Марк сухо. – Говорят, в ссылку отправят нас всех.

– Как же так, Марко? За что такая немилость? Разве мы не пахали, не сеяли, не работали, как волы?

– Работали, дед, работали, как волы. Это правда. Только вот зерно своё прятали от советской власти, да в колхоз не шли, – со злостью выговорил грузный мужчина лет тридцати пяти в кожаной куртке.

– Пулю бы в лоб этому Марко вместо ссылки, – проскрежетал зубами подошедший Кривошеев. – Более справедливо получилось бы, да и в назидание другим твердолобым. – Давайте хлопцы, выводите скотину из конюшни.

В дверях хаты появилась сначала бабка Маруся, за ней стайкой, словно цыплята за наседкой, выпорхнули две дочери и семилетний сын.

Они испуганно уставились на неожиданных гостей и не двигались с места. Ванька обеими руками вцепился в юбку бабки Маруси.

– А ну в хату, дети, – строго приказала бабка Маруся, затолкала детей обратно в дом и двинулась навстречу Кривошееву. Его она узнала сразу. Не доходя до него нескольких шагов, она остановилась и, уперев руки в бока, прокричала ему в лицо:

– Что ты тут делаешь, сучий сын!? Чего тебе опять нужно в нашем дворе? Что ты малых детей пугаешь?

– Пришли разорить ваше кулацкое гнездо, бабка, – с нескрываемой радостью проговорил один из уполномоченных. Он был русским, по всей вероятности, одним из тех тридцати пяти тысяч коммунистов-рабочих, которых направила партия для организации колхозов.

– Ой, лишенько мне! – вскрикнула бабка Маруся, и, не поверив словам уполномоченного, спросила Кривошеева:

– Это так? Или обманывает твой человек?

– Правду говорит Сашко, раскулачивать вас пришли.

– Как же так? Было хозяйство, а теперь, что? Нет его?

– А теперь нет. Ни быков, ни коня, ни порося, ни хаты. Нет теперь у вас ничего, бабка, – проговорил Кривошеев с наслаждением.

Марка в дом не пустили, усадили на лавку с небольшим деревянным столиком под развесистым молодым дубком, рядом приставили конвойного. Услышав шум во дворе, из летней кухни вышла Евдоха. Она готовила там корм для скотины, и появилась с ведром поила в руках. Лицо её вытянулось от испуга, ведро выпало из рук и, качнувшись, чудом устояло на доньшке.

Евдоха обхватила лицо вымазанными в вареве ладонями и глухо зарыдала без слов, будто немая.

Из конюшни выскочил, как ошпаренный кипятком, уполномоченный. Весь бок его был в соломе и мокрых навозных пятнах.

– Что стряслось? – строго спросил Кривошеев, оглядывая

мужчину с ног до головы.

– Не идет, сволочь! Лягается, бьёт копытами, а из стойла не выходит! Меня вот швырнул на пол, чуть копытом не заехал меж глаз!

Кривошеев посмотрел на Марка, приказал:

– Иди, выводи своего коня.

– Тебе нужно, ты и выводи, – спокойно произнёс Марк и не сдвинулся с места.

– А, чёрт! – ругнулся Кривошеев и, побагровев от злости, направился в конюшню.

Пока прибывшие с Кривошеевым люди возились с волами, запрягая в телегу, к воротам подъехали три подводы. Один возница зашёл во двор, двое остались на улице.

После долгих усилий, из конюшни, наконец, вывели коня. Любимец Марка вороной красавец Орлик храпел, фыркал, дёргал головой, взбрыкивал, бил копытами о землю, не желая подчиниться людям, висящим на узде.

Кривошеев вернулся на прежнее место, возбуждённый, тяжело дыша, прохрипел, обращаясь к Марку:

– Скажи своей жинке, чтобы вязала узлы. В вашем распоряжении одна подвода. На ней отвезут весь твой выводок на железнодорожную станцию. Брать только самое необходимое, что можете унести в руках. Дед с бабкой высылке не подлежат, но здесь оставаться не могут. Хата с этого момента конфискована. На сборы даю полчаса.

– Я могу помочь жене? – спросил Марк.

– Без тебя справится, старики помогут.

– Чего ты боишься, Афанасий Дормидонтович? Убегу?

– Когда ты под конвоем, моей душе как-то спокойнее.

Марк подозвал к себе зарёванную жену, распорядился:

– Собирай вещи, Евдоха, отправляют нас в далёкий путь.

Пакуй узлы понадёжнее, чтоб добро не рассыпалось по дороге. Сала отрежь побольше, хлеба, с расчётом дней на десять. Я думаю, в дороге нас кормить никто не будет, так что подумай, что ещё тебе следует прихватить, – Марк сделал сильное ударение на слове «ещё» и пристально посмотрел в глаза жене.

Евдоха сразу сообразила, на что намекнул муж, и часто закивала головой. Она знала, где Марк хранил резервную сумму денег, вырученную от продажи живности, и поспешила в хату. Надо было успеть извлечь деньги из тайника до появления уполномоченного, который мог их изъять.

Бабо, – окликнул Марк тихо скулившую в сторонке бабку Марусю. – Диду! Сегодня вы переночуете у Мыколы, а завтра отправляйтесь в Старобельск. Ваш зять Павл'о примет, поживёте пока у него.

Тишина длилась полминуты, потом она взорвалась невообразимым шумом.

Первой пронзительно завизжала свинья, когда её повалили на землю и начали связывать ноги. Следом за ней с диким кудахтаньем загорланили вылавливаемые куры, испуганно заблеяли козы и овцы, вытянув морду, истошно заржал

Орлик.

На дворе поднялся настоящий содом. Живность вырывалась из рук чужих людей, убегала, загнанно кружась по двору, мужики бросались вдогонку, падали, спотыкаясь, и громко ругались.

Из хаты один за другим повыскакивали дети. Завидев безумный хаос, они громко заплакали. И тут уже не выдержала бабка Маруся. Вскинув вверх костлявую руку, сжала усохшую ладошку в кулак и закричала, завопила громогласно:

– Лучше бы вы, бесовы души, сразу порубили нас всех под корень, только бы не видеть, что вы творите! Какая же она советская власть, если всё делает против народа?! Кто ж её любить будет после такого? Да пусть же эта власть пропадёт!

Дед Трифон всё это время стоял в стороне, насупившись, молчаливо наблюдал, как выводят и выносят со двора скотину. Потом смачно сплюнул в сторону и поплёлся в хату помогать выносить вещи Евдохе.

– Ну что, добился своего? – спросил Марк, пристально заглянув в глаза Кривошееву. – Скрутил, наконец-то, в бараний рог семью Ярошенко? Наслаждаешься стоном невинных детей и стариков? Они-то за что будут мучиться и страдать? Или ты лишён жалости совсем?

– Ты думал до бесконечности станешь мозолить глаза советской власти? – сквозь зубы выдавил Кривошеев. – Думал, перехитришь её? Надеялся, твоя возьмёт? Будешь и дальше

буржуйствовать? Только не получилось у тебя, просчитался! Ухватили за маковку, как сорняк, и выдернули из земли, чтобы не мешал произрастать полезным растениям.

– По-твоему, я создавал помехи?

– Ты противился политике партии, вёл себя как несознательный враждебный элемент и этим подавал пример односельчанам, – ответил Кривошеев. Затем, подступив к Марку вплотную, прошипел ему в лицо:

– Глядя на твою безнаказанность, другие единоличники тоже не захотели идти в колхоз. Это означает, что ты есть зачинщик молчаливого заговора. А заговорщиков принято наказывать.

– Я никого не агитировал против коллективизации. Жил и жил себе потихоньку, выращивал хлеб, в срок сдавал государству установленную долю, платил исправно налоги. Кому я наступил на мозоль? Может, лично тебе не угодил? – усмехнулся Марк. – Не позволил выслужиться перед начальством о досрочном создании колхоза в Шулимовке?

– Ты чего несёшь, гнида буржуйская!?! – взвинтился Кривошеев. – Я исполняю то, что требует от меня партия! Приказала она ликвидировать единоличников и создать колхозы – сделаю всё от меня зависящее! Вся земля должна принадлежать государству, а не таким, как ты, буржуазно настроенным элементам!

– А если партия прикажет тебе расстреливать на месте несознательных людей, ты тоже будешь исполнять её волю,

не задумываясь? Не жалея при этом ни детей, ни стариков?

– Заткнись, сволочь! А то пристрелю за оказание сопротивления при раскулачивании! – рука Кривошеева угрожающе легла на кобуру нагана.

– Страшный ты человек, Афанасий Дормидонтович, настоящий зверь, – с горечью произнёс Марк. – Много ещё людей пострадает зазря от твоей ретивости и большевистского фанатизма! И всё же я верю: придёт время и народ осудит тебя за жестокое обращение с невинными людьми, а Бог накажет.

Кривошеева покорило от таких слов. Глаза яростно сверкнули от накотившейся злобы, щёки мелко задрожали. Трясущейся рукой он расстегнул кобуру, выхватил наган.

– Неужели выстрелишь? – с холодной усмешкой спросил Марк.

– Замолчи, гад! – взревел Кривошеев, поднимая наган на уровень груди. Несколько секунд они смотрели в глаза друг другу, будто состязались в выдержке.

– Опустить наган, не дури, – сказал Марк, вставая. – Не бери лишнего грех на душу.

В это время из хаты вышла Евдоха с узлами в руках. Она поставила упакованные вещи у дверей, вопросительно посмотрела в сторону Марка.

– Сходи за Райсой, ей тоже предстоит ехать с нами, – распорядился Марк, направляясь за пожитками.

Кривошеев промолчал и не встал на пути Марка, нехотя

опустил наган, спрятал в кобуру.

Когда вещи были уложены в телегу, во дворе появилась Евдоха со старшей дочерью. По просьбе Марка они с Раисой по очереди ухаживали за больным кумом. Семнадцатилетняя Раиса не плакала, шла уверенной походкой с гордо поднятой головой. Проходя мимо Кривошеева, она остановилась на секунду и смерила его ненавидящим взглядом. Глаза её злобно заискрились, губы скривились в презрительной усмешке.

Наконец, вещи были уложены в телегу, наступила минута прощания. Отъезжающие по очереди обнялись с дедом и бабушкой, обменялись прощальными словами и напутствиями, потом сгрудились у последней подводы.

– Прощай диду, прощай бабо, – дрогнувшим голосом проговорил напоследок Марк. – Сделайте так, как я вам сказал. – К горлу подступил и застрял там горький комок, говорить стало трудно, и Марк замолчал.

Евдоха продолжала всхлипывать и беспрестанно хлюпала носом, Раиса держала её под руку, младшие дети испуганно жались друг к дружке.

Марк обратился лицом к хате, перекрестил её трижды, отвесив при этом три земных поклона, и, развернувшись, направился к повозке.

Кривошеев сделал знак вознице на передней телеге, и печальный обоз двинулся в сторону Беловодска...

...Марк очнулся от воспоминаний, открыл глаза. В полу-

освещённой камере установилась относительная тишина, нарушаемая изредка чьим-то взрывным храпом в противоположном углу, да тихим перешёптыванием двух не утомившихся арестантов где-то на верхнем ярусе. Чуть позже слышался чей-то испуганный вскрик во сне, перешедший в неразборчивое сонное бормотание, затем опять всё стихло.

Наступила очередная ночь с тревожными и липкими сновидениями напуганных людей.

Лишь на двенадцатый день Кривошеев вызвал к себе Марка Ярошенко.

Обстановка в кабинете начальника отдела НКВД была прежней, ничего не изменилось. На том же месте стоял графин с водой, посередине стола красовался массивный письменный прибор из зелёного в чёрных прожилках камня, отполированного неизвестным мастером до зеркального блеска. Также чуть слышно выстукивали время большие настенные часы в деревянном корпусе темно-вишнёвого цвета.

Глядя на уютную и мирную атмосферу кабинета, нельзя было и представить, какие страшные баталии здесь порой происходят. Лишь одна новая деталь бросилась в глаза Марку: дверь изнутри была обшита тканью, выработанной под кожу, под ней угадывался толстый слой уплотнительного материала. Щель под дверью не просматривалась, её закрыл небольшой свежеекрашенный порожек.

– Рад видеть тебя в полном здравии, Марк Сидорович, – Кривошеев откинулся на спинку стула, растянул две верх-

ние пуговицы на кителе. – Присаживайся, поговорим.

Ярошенко промолчал, как и в прошлый раз, усаживаясь на стул. Сел, водрузив руки на колени и, согнувшись в спине, уставился на хозяина кабинета.

– Дело твоё я изучил, белых пятен в нём нет, завтра отправляю в Свердловск в тройковый суд. Пусть он решает, какой срок тебе определить.

Марк никак не отреагировал и продолжал молчать. Его лицо выглядело равнодушным, будто слова Кривошеева были адресованы вовсе не ему, а кому-то другому.

– Но прежде чем поставить подпись в протоколе, я хотел бы ещё раз поговорить с тобой, продолжить начатый разговор, так сказать. В прошлый раз я немного погорячился, думаю, сегодня этого не произойдёт, – Кривошеев подкупающе улыбнулся, будто извиняясь за свой поступок. – Ты умён, начитан, здраво и смело рассуждаешь. Мне очень интересны твои рассуждения о текущем моменте. Ты прав: у меня действительно нет возможности с кем-нибудь пооткровенничать. В органах НКВД не принято обсуждать действия руководства страны, и мне будет очень интересно услышать мнение со стороны. Но я, как ты понимаешь, не могу организовать открытую дискуссию.

– С чего вдруг тебе понадобилось мнение со стороны? – усмехнулся Марк с ехидцей. – Ты пошёл служить в ЧК, чтобы бороться с врагами революции, которые мешают строить самое справедливое общество. Враги выловлены, какой

смысл заглядывать им в душу, когда получен приказ об уничтожении? Маши себе шашкой налево и направо, руби головы гадов до полного истребления. Солдат, идущий в атаку на врага, не должен задумываться, какое сердце ему предстоит проколоть штыком: доброе или злое, – Марк оживился, с интересом ожидая, что же ответит Кривошеев, и добавил язвительно:

– Неужели совесть пробудилась? Жалко стало невинных людей?

Прошло некоторое время, прежде чем Кривошеев вновь заговорил. Марк заметил, как на лице его проступили характерные черты озадаченности: губы плотно сжались, брови сошлись к переносице, глаза покрылись плёнкой тумана.

– Нет, жалости к врагам революции у меня никогда не было и не будет, это абсолютно точно, – медленно проговорил Кривошеев. – И совесть меня не мучает, поскольку я исполняю долг чекиста и уверен, что всегда поступаю правильно и справедливо. Мои вопросы простые, их совсем немного.

– Боюсь, откровенного разговора у нас не получится, – сделал предположение Марк.

– Почему же?

– Потому что мы с тобой, как небо и земля, а они, как известно, никогда не соприкасаются друг с другом. И у нас с тобой нет точек соприкосновения.

– Наоборот, это лучший аргумент для познания идейного противника, – воодушевлённо высказался Кривошеев. –

Вот, например, адмирал Колчак перед расстрелом много чего интересного рассказал ЧК, облегчил душу, так сказать. А мог бы и не говорить, поскольку, как и ты, ничего общего с советской властью не имел.

– Я ведь не адмирал Колчак, – ответил Марк, – и к расстрелу пока ещё не приговорён. Душа моя не требует исповедаться.

Они оба замолчали.

Кривошеев встал из-за стола, заходил по кабинету.

– Мы с тобой оба били австрийцев, оба слушали в окопах агитаторов большевиков, но в революцию пришли почему-то по-разному, – задумчиво проговорил Кривошеев. – Вот я и хочу понять: почему так произошло?

– Хорошо, – смягчился Ярошенко. – Давай поговорим, если душа твоя требует откровения. Попробую ответить на твой главный вопрос. Возможно, мои рассуждения действительно помогут тебе понять кое-что в этой жизни.

– Вот как? – удивился Кривошеев. – И каков же, по-твоему, мой главный вопрос?

– Ты никак не можешь понять: почему люди, которых ты сейчас сажаешь в тюрьму, через два десятилетия после свершения революции продолжают смотреть на происходящие события иначе, чем ты, противятся благим преобразованиям? Не так ли?

– Ну, допустим.

– Казалось бы, что проще? – Марк опять внимательно по-

смотрел на Кривошеева. – Строится самое справедливое общество в мире, задача понятна, и большевики знают, как её решить. Зачем противиться, зачем высказывать недовольство? Нужно просто смириться и рукоплескать власти, которая так хорошо заботится о благополучии народа. Правильно я понимаю?

– Верно мыслишь, – согласился Кривошеев. – Я действительно не могу понять: почему люди, живя в одной стране столько времени, слушая одно и то же радио, читая одни и те же газеты, понимают идеи партии по-разному? Одни приветствуют их, другие отвергают. Почему так происходит?

– Потому что почву для разногласий готовит само государство. Даже безупречную идею можно воплотить в жизнь по-разному. Можно добиться результата быстро, но использовать при этом насильственный метод, а можно прийти к той же самой цели другим путём. Даже во время революции её вершители мыслили по-разному, хотя в основе переворота была заложена единственная теория марксизма. Появились большевики, меньшевики, эсеры, потом ещё какие-то политические течения. И все понимали эту теорию по-разному.

Кривошеев смотрел на Ярошенко во все глаза и не верил своим ушам. Простой крестьянин рассуждал как профессиональный партийный работник. Он не удержался, спросил:

– Откуда такие познания?

Ярошенко отвёл взгляд куда-то в сторону, задумался. Он

вспомнил, как все эти дни, которые пришлось провести в камере, они с Осокиным, уединившись, чтобы не слышали другие арестанты, подолгу беседовали о государственной политике.

– Читал труды Маркса и Энгельса, пытался понять философскую, экономическую и политическую составляющие революции, – сказал Марк Ярошенко.

– Но ты же... – начал было Кривошеев и споткнулся.

– Хочешь сказать, верующий? – усмехнулся Марк. – Политика и вера несовместимые вещи?

– Вроде того.

– А я не фанатичный верующий, ищу раскрытие смысла жизни не только в Библии.

– Вон оно ка-ак...

– Ты вот оказался внушаемым человеком и сразу поверил большевикам, а я – нет. Решил вначале разобраться в теории марксизма.

– И что? Разобрался?

– Думаю – да. Считаю, большевики выбрали неверный путь, исказив истинную идеологию марксизма.

– То есть?

– Они отказались от реформистского течения, выработали свои догматические принципы, что и привело страну к тоталитарному режиму.

– Но разве твоя вера в Бога основана не по тому же принципу? – с издёвкой в голосе спросил Кривошеев.

– Вера в Бога – дело добровольное, коммунистическая же идеология носит принудительный характер. Не поддерживаешь революционные преобразования, не веришь в построение коммунизма – отправляйся в лагерь на перевоспитание. А если попытаешься отстаивать свою точку зрения публично – получишь пулю в затылок, – усмехнувшись, сказал Марк Ярошенко. – Мнение рядового гражданина власть не интересует, потому что оно враждебное и не вписывается в принятую идеологию. Вот так. Там, где присутствует насилие – прогресса не будет, любая насильственная идея порочна и в конечном итоге потерпит крах. Вот и всё, что я тебе скажу, Афанасий Дормидонтович. И – ни словом больше. А ты уж сам думай, как тебе после моих слов следует относиться к так называемым врагам народа. Уважать их за иное видение мира, или гноить в тюрьмах и лагерях.

В кабинете воцарилась мёртвая тишина. Два непримиримых врага смотрели пристально глаза в глаза, думая каждый о своём. Потом Кривошеев положил перед Марком протокол допроса, сухо проговорил:

– Подписывай, здесь нет ни слова о твоих высказываниях.

Марк пробежался взглядом по исписанным листам, поставил внизу свою подпись.

Через минуту он уже шагал по коридору в сопровождении охранника.

На рассвете его вместе с Осокиным и ещё двумя арестантами вывели из камеры, в глухом дворе их ждал «воронок».

Поздним вечером того же дня они прибыли в Свердловск, а 29 октября 1937 года Марк Ярошенко на основании постановления Тройки при УНКВД Свердловской области за контрреволюционные террористические намерения по статье 58-10 УК РСФСР был приговорён к 10 годам лишения свободы.

Глава 4

Евдокия Ярошенко сидела за столом и при тусклом свете керосиновой лампы штопала проносившиеся брюки сына. Ваня носил их уже несколько лет и за это время успел вырасти, штанины поднялись на полчетверти выше щиколотки. Бедность заставила её перелицевать двое брюк Марка. Одни сын носил в школу, они были из тонкого серого сукна, а другие, которые она сейчас штопала, предназначались для повседневной носки. Ткань была тонкой и менее прочной, чем сукно и поэтому быстро изнашивалась, хотя перелицовку Евдокия делала на полгода позже.

Костюм для школы Марк хотел купить Ване на Новый год, но не успел. Деньги, которые предназначались на приобретение билетов в Среднюю Азию, остались не потраченными, лежали зашитые в подушку. Использовать даже часть из них на покупку костюма Евдокия пока не решалась, потому что обезглавленную семью впереди ожидала полная неизвестность.

Полчаса назад дети ушли в свою отгороженную фанерой половину комнаты и улеглись спать, оттуда сейчас доносилось негромкое сопение. Оно заглушалось периодическим завыванием ветра за окном. Третий день на улице бушевала метель, температура воздуха опустилась ниже двадцати градусов. Обычная декабрьская погода для здешних мест. За

шесть лет проживания на Урале дети привыкли к суровым зимам, но Евдокия до сих пор не могла переносить сильных морозов. Возвращаясь с работы в такие дни, озябшая, она сразу направлялась к печи, которую дети немного протапливали днём, приходя из школы, прислонялась спиной к тёплым кирпичам и долго согревалась.

Прошло более двух месяцев после ареста Марка, а вестей о нём так и не поступило. Каждый день Евдокия с нетерпением ждала письма от мужа.

Почту разносил семидесятилетний дед Мирон, появляясь на улице во второй половине дня в одно и то же время. Она знала этот час, и каждый раз выходила из барака ему навстречу. Худой, с высохшим жёлтым лицом, в изношенной телогрейке рыжеватого цвета, протёртой над карманами до дыр, из которых проглядывала оголившаяся ржавая вата, он был похож на уродливый трухлявый пенёк. Согнувшись под тяжестью газет в кирзовой сумке, Мирон тащился с батошкой по улице медленно, волоча по снегу тяжёлые валенки. За десяток шагов до Евдокии он останавливался, поправлял съехавшую на лоб облезлую собачью шапку, и, переводя дух, подавал хриплый голос:

– Стоишь, Евдоха, ждёшь весточку от мужа?

Евдокия не отвечала, внимательно смотрела на Мирона, и, поняв, что письма нет и на этот раз, молчаливо разворачивалась и понуро шла обратно в барак. За спиной слышались каждый раз одни и те же слова:

– Сегодня я тебя не порадую, дочка. Ты уж не серчай на меня, матушка. Может, Бог даст, завтра поговорит в письме с тобой муженёк.

Мирон брал в руки свой батожок и шёл по улице дальше. Евдокия знала от людей, что старик пять лет назад лишился сына, которого зашибло насмерть бревном при погрузке, и сейчас оставался единственным кормильцем у осиротевшей тринадцатилетней внучки.

Очередная встреча с Мироном опять не принесла радости, прошла так же, как вчера и позавчера, как много дней подряд в течение полутора месяцев.

Евдокию охватила безудержная тоска, она тихонько заплакала. Отложила брюки, дрожащими пальцами принялась вытирать слёзы. Через какое-то время немного успокоилась, закончила штопку, положила брюки на табуретку. Разделась, потушила лампу, улеглась в постель. Лежала на спине с открытыми глазами, уставившись в потолок, думала о Марке, о своей дальнейшей жизни. Тревога, зародившаяся в ней в первый день после ареста мужа, не унималась, продолжала жить где-то глубоко в сердце, постоянно напоминая о себе. Это щемящее беспокойство замирало днём на какое-то время, а вечером с новой силой поднималось к горлу, свербело и першило, перехватывая дыхание, шевелилось там, будто живое существо.

Вот и сейчас это безжалостное и отвратительное чувство вцепилось в неё какой-то беспощадной, мёртвой хваткой, и

Евдокия поняла, что ночь будет бессонной, она до утра опять будет беззвучно плакать.   Вспомнился тяжёлый и мучительный переезд на Урал...

... Раскулаченные семьи свезли в Луганск со всей округи и разместили на большом пустыре под открытым небом в полукилометре от окраины вокзала. Двое суток выселенцы прожили, как рассерженные цыгане в таборе – с дымами костров, выкриками, руганью, свистом, плачем и громким истеричным смехом.

За пределы отведённой территории уходить не позволялось, на небольшом удалении от гудящей толпы по всему периметру прохаживался вооружённый конвой. Питание не было организовано, однако воду в деревянной бочке всё же подвезли. Она была доставлена на конной упряжке и установлена в центре людского улья. Люди кипятили её и делились кипятком с теми, у кого не было ни чайников, ни котелков.

На рассвете третьего дня от вокзала отошёл паровоз. Он двигался в сторону табора крайне медленно, часто останавливался и подолгу стоял, дожидаясь какой-то непонятной команды. Наконец, паровоз, пытая и разбрасывая по сторонам густой чёрный дым, подполз к бурлившей толпе, выстроившейся вдоль путей. Прокричав сиплым гудком, он замедлил ход, дернулся несколько раз и остановился, намертво ухватившись за рельсы.

Из раскрывшихся выдвигных дверей одного из товарных

вагонов показались милиционеры с винтовками в руках.

– Отойти от путей! – крикнул старший из них, офицер, и тут же спрыгнул на землю. – Вы что, оглохли!? Назад! Назад, я сказал! Живо! – в вытянутой вверх руке он держал наготове наган.

Гудящая толпа, испугавшись, притихла, передние ряды попятились назад, натываясь на стоящие позади них узлы и чемоданы, наступали на ноги друг друга. Те, кто стоял позади, ругались, толкали передних в спины и тоже отступали назад.

Милиционеры спрыгнули на землю вслед за офицером, двинулись вдоль состава, открывая остальные вагоны и спуская деревянные трапы. Началась погрузка.

По бокам вагонов были устроены двухъярусные нары из досок. Посредине, чуть в стороне от проёма стояла железная печь, слева от неё нагромождена небольшая куча колотых дров, справа, на низкой деревянной подставке, стоял жестяной бак с питьевой водой. На печке, по всей вероятности, ссыльным предстояло готовить пищу и кипятить воду.

Марк Ярошенко пробрался в вагон в числе первых и сумел занять удобные места в углу, забросив по узлу на каждые нары. Евдокия с детьми, прихватив остальные вещи, зашла позднее.

– Ну, вот, это наши места, давайте располагаться, – похозяйски распорядился Марк, забрал из рук детей вещи по очереди, уложил их в углу на верхней полке, продукты и по-

суду оставил внизу. – Ехать придётся очень долго, так что здесь будет у нас и кухня, и спальня, и уборная. Вот так, дорогие мои, приспособляйтесь к походной жизни.

Они расселись на нижних полках друг против друга – Марк с Евдокией и Ваней с одной стороны, девчата – с другой. Потупив глаза в пол, они замолчали.

Прошло около часа, вагон резко дёрнулся, паровоз пополз в обратном направлении. На вокзале ссыльных очень быстро прицепили в хвост какого-то состава, а их маневровый паровоз отделился и ушёл. Сформированный поезд, не простояв на станции и пяти минут, отправился в путь.

На Урал ссыльные прибыли через две недели. После Свердловска их начали высаживать группами на разных станциях и глухих полустанках.

Семья Ярошенко прибыла на станцию Чусовская ранним утром. Вагоны загнали в тупик, отворили дверь, началась выгрузка. Под присмотром нескольких конвоиров спецпоселенцев вели пешком несколько километров и, наконец, колонна остановилась на берегу большой реки. Здесь их ожидали несколько вместительных шитиков – больших деревянных лодок с плоским дном, – прицепленных специальной упряжью к лошадям длинными верёвками.

Хмурый милиционер среднего роста, переваливающийся при ходьбе с ноги на ногу, как пингвин, уставшим голосом скомандовал:

– Шагайте к шитикам, грузите свои вещи, усаживайте де-

тей. Шитики потянут лошади, взрослые пойдут по берегу пешком.

– Далеко идти? – слышался чей-то женский голос из колонны.

Милиционер промолчал, словно не услышал вопроса, за него ответил коренастый мужик лет пятидесяти пяти в косоворотке, лицо его до самых глаз заросло густой чёрной бородой с большой проседью. Это был верховой с рыжей лошади. Марк видел, как несколько минут назад тот спустился с неё и проверял крепление тяговой верёвки.

– Двадцать вёрст с гаком будет, – пробасил он. – Доберёмся до места засветло.

Погрузились быстро, с покорностью сложив нехитрые пожитки на дно лодок. Фросю, Вассу и Ваню Марк усадил в носовой части первого шитика. Семнадцатилетняя Раиса посчитала себя взрослой, решила идти вместе с родителями пешком.

Косолапый милиционер отдал последние распоряжения верховым, вскочил на лошадь и ускакал. Конвойные, сопроводив прибывших людей до реки, ещё раньше начальника отправились в обратную сторону. Ссылные впервые оказались без конвоя.

Чернобородый мужик забрался в седло, повернулся лицом к другим всадникам, махнул рукой, делая знак для начала движения, дёрнул лошадь за уздцы, проговорил негромко:

– Ну, с Богом.

Рыжая кобыла, взмахнув гривой, сделала первые шаги. Толстая верёвка приподнялась над берегом, натянулась струной, шитик медленно двинулся вверх по течению, разрезая носом бегущую воду.

Вначале берег реки был ровный, дорога шла по спрессованному временем галечнику с песком, идти было легко. Но уже через час пути к реке стали придвигаться большие отвесные скалы, дорога резко сузилась, превратившись в широкую тропу с неровным каменистым основанием. Течение реки заметно ускорилося, принимало более бурный характер.

– Привал! – скомандовал чернобородый, когда первый шитик уткнулся носом в берег, и слез с лошади. Другие верховые последовали за ним, спешили. Колонна ссыльных рассыпалась по берегу. Дети выбрались из лодок, встретились с родителями, стали делиться своими впечатлениями.

– Мам, а мы видели в реке вот такую-ую рыбину! – восторженно развёл руками Ваня. – Правда, Васса?

– Врёшь ты всё, – рассмеялась сестра. – Не было никакой рыбины, померещилось тебе.

– Это я-то вру? – возмутился Ваня. – Я же тебе показывал, только ты не успела её увидеть, потому что рыбина эта под лодку нырнула, вот большая такая!

– Да, рыбы в этой реке должно быть много, вода чистая, как слеза, – заметил Никита Ищенко, ковыряя травинкой в зубах. – И природа красивая. Эх, быстрее бы определиться

с местом жительства, да начать вить новое гнездо. Начинать жизнь с нуля, раз уж выпал нам такой жребий.

– Ты думаешь, тебе дадут свить гнездо? – усомнился в словах Никиты тихий и молчаливый Тимофей Шпак. – Как бы не так! Будут перебрасывать с места на место, попомните моё слово. Такие уж методы воспитания у НКВД.

Мужчины замолчали, каждый из них подумал о тех сюрпризах, которые уготовила им судьба. За две недели пути они сблизились, подружились, стали доверять друг другу, открыто высказывая свои мысли. И женщины нашли общий язык между собой, хотя Евдокия была старше обеих спутниц почти на десять лет. Общительный Ваня Ярошенко сразу понравился Вале Шпак – шестилетней дочери Тимофея Николаевича и Надежды Павловны. Всю дорогу они вместе играли и веселились. И сейчас дети сидели рядом, о чём-то болтали, глядя на облака.

– Ну, граждане хохлы, поднимайтесь, надо шагать дальше, – сказал чернобородый, направляясь к своей лошади. – Через пару минут выдвигаемся, сажайте детей в шитики.

Ссылные сразу умолкли, их лица помрачнели, они повставали с облюбованных мест, выстроились в нестройную колонну. Пропустив лошадей, двинулись дальше.

Как и говорил вначале чернобородый мужик, до посёлка колонна дошагала только к вечеру. Непривычные к таким переходам люди вымотались, многие из них натёрли мозоли и шли, часто спотыкаясь и останавливаясь.

Верховые подвели лодки к берегу, затащили их на четверть корпуса на прибрежный галечник, спешили, затем отстегнули упряжь. Мужчины принялись выгружать вещи.

Когда выгрузка закончилась, люди сгрудились в кучу, ждали дальнейшую команду. Чернобородый проводник встал перед толпой и заговорил:

– Граждане поселенцы! Вы прибыли на проживание в посёлок Шайтан. Жить вам предстоит в бараках, жилья хватит на всех, поэтому прошу занимать комнаты без драки. Многодетные семьи могут занять две комнаты. Меня зовут Пимен Феофанович Кожин. Я здесь буду для вас во всех лицах – комендант, начальник охраны, старший мастер по распределению работ, учётчик. Все ваши вопросы будете решать только со мной. Завтра воскресенье, выходной день, поэтому, отдыхайте, устраивайтесь. С понедельника мужчины уже приступят к работе, женщины могут трудиться по собственному усмотрению. Завтра сделаем переключку, поставим на учёт. Всё. Вопросы задайте завтра. А сейчас следуйте за мной.

Кожин взял лошадь под уздцы и по крутой тропе зашагал вверх. Измученная дорогой толпа, навьючив на себя узлы с вещами, устало двинулась за ним. Люди молчали, поражённые словами старосты. У них до этой минуты в душе ещё теплилась надежда на лучшие условия жизни.

Посёлок был расположен на берегу небольшой безымянной речки, берущей начало где-то в тайге и стекающей потом в Чусовую. Марк с Никитой насчитали в посёлке четырна-

дцать изб. Бараки для ссыльных были построены в стороне, у самой кромки хвойного леса.

Споров и разногласий при расселении не произошло, поскольку все комнаты были одинаковых размеров, делить площадь по количеству жильцов не требовалось. Несмотря на усталость, люди принялись развязывать узлы, разбирать вещи, расставлять их по углам и немногочисленным полкам. В общем коридоре, проходящем сквозняком через весь барак, раздавался топот. Люди беспрестанно сновали из комнаты в комнату, стоял разноголосый шум и гам, где-то стучали молотки, слышалась незлобивая ругань и даже смех.

Суэта продолжалась до поздней ночи, потом шум как-то резко прекратился, наступила идеальная тишина. Барак погрузился в сон.

На следующее утро в обусловленное время люди подтянулись к просторной избе, где располагалась поселковая контора. Когда все собрались, на крыльцо вышел Кожин. Был он в той же косоворотке, выпущенной поверх брюк и затянутой на поясе в ремень. На ногах красовались добротные хромовые сапоги, начищенные до блеска. Он просунул большие пальцы под ремень, развел их по сторонам, обратился к собравшимся:

– Граждане ссыльные! Сейчас я ознакомлю вас с условиями проживания в посёлке, затем проведу переключку, чтобы подтвердить в органах НКВД ваше прибытие. На каждого из вас будут заведены рабочие карточки, в них будет вестись за-

пись ежедневной выработки норм. Работа простая, и не требует каких-то определённых знаний. Будете валить лес, пилить стволы лучковой пилой по размеру один метр двадцать сантиметров, колоть надвое и складывать в поленницу. Вот и вся ваша работа. Принимать выработку будет мастер или я сам лично.

С минуту Кожин смотрел на толпу с нескрываемой издёвкой. Он знал, что за люди перед ним сгрудились, и поэтому не испытывал к ссыльным никакой жалости. Его голос зазвучал ещё строже, слова были более жесткими.

– Мне хорошо известно, кто вы такие и по какой причине оказались в наших краях. Советская власть наказала вас и даёт возможность исправиться. Я не буду ограничивать вас в сверхурочной работе. Каждый ссыльный может трудиться столько, сколько позволят силы, но труд должен длиться не менее восьми часов. Никакой поблажки в связи с отсутствием опыта не будет. Норма, установленная на одного человека, составляет четыре кубометра в день. Особо отличившихся работников буду поощрять по собственному усмотрению. Ясно?

В собравшейся толпе прокатилась волна тяжёлых сдавленных вздохов. Ссылные только сейчас начали понимать, какая жестокая жизнь им уготована. На глазах женщин появились слёзы. Их чувствительная натура безошибочно уловила в словах Кожина тот дух враждебности, который будет постоянно витать вокруг них, и ни одна душа не задумается

пожалеть их семьи.

– Как в колонии, – услышала Евдокия чей-то женский голос у себя за спиной. – С той лишь разницей, что бараки не обнесены колючей проволокой.

– А ты думала, тебя здесь встретят с хлебом-солью? – отозвалась другая женщина. – Радоваться будут твоему приезду?

Следом за этими голосами послышались ещё несколько:

– Окрестили врагами народа, ироды, и ходить нам теперь с этим клеймом до самой смерти.

– С такой жизнью недолго осталось её ждать.

– Дети-то здесь причём? Хотя бы их пожалели...

– При таких условиях мы долго не протянем...

– Цыть, бабы, не хороните себя раньше времени, – сердито проговорил мужчина со шрамом на лице. Его светлые глаза грозно блеснули. – В тайге есть зверьё, в реке рыба водится, проживём.

Кожин подождал, когда стихнет ропот, продолжил:

– Жизнь вам мёдом не покажется, это точно. Работа тяжёлая, паёк скудный, скрывать не стану. Но вы сами во всём повинны, и я не советую никому из вас срывать своё недовольство на мне. Если кто-нибудь попытается мне мстить, поверьте, я найду способ, как отблагодарить. – Староста обвёл ссыльных устрашающим взглядом.

В это время двери конторы отворились, на крыльце появился мужчина, чем-то похожий на Кожина. Он был тоже

с бородой и в косоворотке, в руках у него была конторская книга.

– Они что, старoverы? – тихонько поинтересовался низкорослый и щуплый мужичок со стрижкой под «горшок».

– Своих узрел? – усмехнулся Николай Ищенко.

– Ни, я вообще не верую в Бога.

– Где будут учиться наши дети? – осмелился спросить Марк. – Я не видел здесь школы.

– Своих детей мы учим самостоятельно. И вы учите, если хотите сделать их грамотными. Никто для вас школу здесь не откроет.

– Поня-ятно, – протянул Марк. – Других слов я и не ожидал услышать.

Тем временем, вышедший на крыльцо мужчина, открыл книгу, посмотрел на Кожина. Тот молча кивнул, сказал:

– Сейчас ваш мастер, Федот Фадеевич Сажин, проведёт перекличку, затем выдаст пилы, топоры и клинья. Жду вас завтра на делянке. – Кожин развернулся и зашёл в контору. В этот день его больше никто не видел.

После переклички все мужчины получили инструмент и рукавицы, с хмурыми лицами вернулись в барак.

Так началась трудовая повинность Марка Ярошенко на Урале в глухом таёжном посёлке Шайтан...

... Воспоминания прервал громкий хлопок входной двери в барак. Слышимость в этом ветхом дощатом сооружении была просто превосходной. Если звуки с улицы хоть как-то

заглушались тонкой засыпной стеной, то разговор в комнате соседа, разделённый лишь дюймовой доской, слышался вполне отчётливо.

Евдокия замерла в тревожном ожидании. В бараке ещё оставались мужчины, к которым судьба была пока благоклонна.

«Если через минуту послышится стук в дверь, значит за кем-то опять пришли», – невольно подумалось ей.

Но нет, стука не последовало, вместо него раздался скрип двери, кто-то возвращался домой. Ссылные трудились на низкооплачиваемой работе, и, как правило, подрабатывали, где только можно. Работали в две, а то и в три смены, чтобы содержать свои семьи.

Евдокия повернулась на бок, закрыла глаза. Мысли опять вернулись в посёлок Шайтан.

... Первый месяц работа на делянке причиняла Марку муки и страдания. «Простая работа, не требующая определённых знаний», как выразился в первый день комендант трудового посёлка, оказалась недоступной для понимания. На протяжении нескольких недель Марк никак не мог освоить в полной мере первоначальный урок, который преподнёс им на делянке Федот Сажин.

В первый же день мастер собрал всех мужиков и показал, как делается запил при выборе направления падения, рассказал о поправках на естественную кривизну ствола, свалил несколько деревьев на глазах собравшихся. Казалось бы, де-

ло нехитрое. Марк выполнял все наставления мастера правильно, тщательно выверяя направление линии запила, но деревья падали почему-то совсем не туда, куда требовалось. И это было бы ещё полбеды, если бы они ложились на землю одно на другое. В этом случае Марк потерял бы только больше времени на распиловку, растягивая стволы в разные стороны, но, в конечном итоге, всё же достиг бы результата. Однако, могучие ели и пихты никак не желали исполнять волю лесоруба. При падении они описывали в воздухе небольшую дугу, не успевая ускоряться, и намертво зависали на соседнем дереве. Оттащить в сторону толстые стволы было просто невозможно. Вага угрожающе трещала, готовая переломиться в любой момент, а ствол оставался неподвижным. Марк ходил кругами вокруг дерева, не зная, как поступить. Принимался валить соседнее дерево, которое не позволяло упасть первому, и теперь зависало уже два дерева, не достигнув земли. Если бы лес был редким, такого бы не происходило, вершина при падении описывала бы большую дугу, успевала бы набрать мощь для удара, чтобы расправиться с прочными ветками на пути к земле. Но тайга была знатной, высоченные ели и пихты стояли почти вплотную друг к другу. Для нормальной рубки требовалось разработать свободное пространство, куда деревья могли падать без особых препятствий. Звать на помощь из числа ссыльных воспрещалось, комендант мог наложить штраф. Каждому переселенцу отводилась отдельная делянка, и он валил лес в одиночку.

– Вы отказались вступить в колхоз? Отказались от коллективного труда и предпочли остаться единоличниками? Похвально. Теперь такая возможность у вас есть, будете рвать пупы в одиночку, – с ухмылкой высказался Сажин при выдаче инструмента.

После рассказа Марка о неудачах в тайге, Евдокия предложила свою помощь, но муж категорически воспротивился.

– Ну, какой из тебя помощник, Евдоха? – сказал он ей за ужином. – Валить лес вовсе не бабье дело. А если, не дай Бог, придавит тебя деревом? Что я потом скажу детям? Вот освоюсь сам, потом, может, и возьму тебя в помощники...сучья рубить. А пока сиди дома, занимайся детьми.

В первый месяц Марк выполнил норму лишь наполовину. Скучного пайка продуктов хватило на полторы недели. Семья Ярошенко стала не единственной на поселении, которую тайга испытывала на выживание. В подобной ситуации оказалось больше половины ссыльных.

Выход из неё предложила жена Николая Ищенко, Софья Борисовна. Однажды днём, когда мужчины были на работе, она заглянула к Евдокии в комнату.

– Ну, что, Евдоха, не ходила ещё на местное кладбище? – спросила она с порога, остановившись в дверях.

Вопрос был настолько неожиданным, что Евдокия невольно растерялась и не находила слов для ответа.

Неунывающая одесситка стояла и улыбалась, наслаждаясь замешательством соседки.

– Нет, не ходила, – простодушно ответила Евдокия. – А зачем?

– Как зачем? – продолжая улыбаться, изобразила удивление Софья Ищенко. – Место хорошее присматривать надо, а то потом один камень достанется.

– Ты что такое говоришь? – не чувствуя подвоха, растрожилась Евдокия. – Какие ещё места?

– Паёк муж получил?

– Да.

– Съели уже, наверно?

– Крупа только осталась, да полведра картошки, – сокрушённо призналась Евдокия.

– А дальше жить как собираешься?

– Не знаю.

– А я знаю, – уверенно проговорила Софья. – Надо идти на кладбище и занимать место под могилу. – С таким пайком скоро все передохнем, как осенние мухи за окном, – соседка невесело рассмеялась.

И тут до Евдокии дошло, что Софья Борисовна просто подшутила над ней.

– Да ну тебя, Софа! Чирей тебе на язык за такие слова, – облегчённо произнесла она, ничуть не обидевшись на взбалмошную соседку.

– Что поделаешь, коли ртов много, – Евдокия беспомощно развела руками.

– Есть предложение, – заговорщически проговорила со-

седка и, выглянув в коридор, перешла на шёпот:

– Идём ко мне, пошущукаемся.

Евдокия проследовала за Софьей Борисовной в комнату за стенкой, присела на предложенный стул.

– Вот что, Евдоха, я тебе скажу, – шёпотом начала разговор Ищенко. – На паёк, который зарабатывают наши мужики, долго не протянуть. Надо действовать, пока и впрямь с голодухи не околели.

Евдокия вопросительно посмотрела на соседку, не совсем понимая, куда та клонит.

– Мы с тобой живём без присмотра, в отличие от мужиков, а это значит, можем совсем незаметно улизнуть из посёлка. В городе есть рынок, и в нём наше спасение, – глаза одесситки горели огнём одержимого человека. – Уразумела?

– Ага, – согласно закивала головой Евдоха.

– Деньги ещё остались?

– Спрошу у Марка, наверно, есть немного.

– Спроси, – усмехнулась Алла Борисовна над осторожными словами Евдокии. – Завтра и отправимся в разведку, как только мужики наши в тайгу отправятся. Нам ведь что главное? Не напороться на Кожина и Сажина, а старoverы в это время на делянке будут, мы и уйдём незаметно.

Вечером Евдокия рассказала Марку о предложении жены Николая Ищенко. Марк долго думал, что-то взвешивая в голове. Потом ответил с мягкой улыбкой на лице:

– Дельное предложение у нашей соседки. Мы ссыльные,

но не заключённые, здесь она права. Я ведь нигде не расписывался за то, чтобы безвылазно сидеть дома. Кожин просто страшает нас, боится, видимо, что мы выйдем у него из-под контроля. Расчёт сделан на то, чтобы мы перевыполняли норму за лишний кусок хлеба. Ему тоже норма установлена, и он должен её исполнять. Только вот до города двадцать километров, в оба конца будет сорок, хватит ли сил у тебя на такой поход? Обратно ведь не налегке пойдёшь.

Глаза Марка глядели на жену оценивающе, с недоверием. Евдокия была небольшого роста, сухощавого телосложения. Он представил её согнувшуюся под тяжестью мешка с несколькими ведрами картошки.

– Хватит, Марочко, – развеяла она сомнения мужа. – Хватит сил у меня, я ведь ради наших деток иду.

– Может, Раису отправить с тобой? Всё легче будет.

– Нет, Марочко, одна схожу. Мало ли чего? – Евдокия отвела глаза, потупилась, не решаясь высказать вслух свои мысли.

– Что с тобой может случиться?

– Ну... вдруг придётся заночевать по какой-нибудь причине? Или... или милиция задержит без паспорта? А Раиса может и обед сготовить, и вас обстирать, если что...

– И то верно, – согласился Марк. – Тогда вот что, Евдоха. Походи по рынку, посмотри, не продаёт ли кто ружьё?

– А зачем оно тебе? – с тревогой в голосе спросила Евдокия. – Ссылным запрещено иметь оружие, я сама слышала.

– Запрещено – то, запрещено, но чем я буду кормить детей, когда деньги закончатся? А с ружьём в тайге можно добыть какое-нибудь пропитание.

– Ой, Марочко, не надо этого делать. Узнает Кожин или этот, второй, беды не оберешься. Вызовут сюда ГПУ, и посадят тебя без всяких разговоров. Боюсь я, Марочко.

– А ты, всё-таки, посмотри, Евдоха. Ружьё-то это можно ведь и вскладчину с мужиками приобрести, да спрятать где-нибудь подальше в тайге. Оно есть-пить не просит.

– Хорошо, Марочко, пошукаю.

...Вспомнила Евдокия, как ходили они тогда с Софьей Ищенко в город на рынок, как на обратном пути несколько раз прятались в кустах от проезжавших на лошадях староверов, и как вечером того же дня, едва держась на ногах от усталости, она с трепетным чувством выложила на стол продукты. Видела, какими глазами смотрят на них дети. Она и сейчас помнит восторженный взгляд Марка за столом, когда он наблюдал, как голодный Ваня торопливо наворачивал полную миску каши с тушеной говядиной, а позднее, уже в постели его благодарные объятия и страстный шёпот. Всё это сейчас вспомнилось Евдокии.

Потом они ещё не раз ходили на рынок с Софьей, пока Марк и Никита не решились, наконец, сами посетить город. Спрашивать разрешение у Кожина они не стали, опасаясь получить отказ. К тому времени муж освоился с работой, стал не только выполнять норму, но и складывал дров в по-

ленницу ежедневно уже на полкуба, а иногда и на кубометр выше нормы. Больше он не ломал хрупкие ножовочные полотна лучковой пилы, за которые Кожин удерживал из заработка весомые суммы. Ружьё они с Никитой так и не приобрели. Вначале опасались стукачей, о которых всё чаще стали шептаться между собой женщины, а потом, когда решились, было поздно. События вокруг них закрутились с невероятной быстротой, и было уже не до ружья.

В конце декабря часть ссыльных без объяснений погрузили в запряжённые лошадьми сани и перевезли на новое место жительства. Временным пристанищем переселенцев стал маленький посёлок Усть-Тырым, в шести километрах от Кусьи, населённого пункта городского типа. Семьи опять поселили в бараках, а мужчин увезли дальше, в урочище Дальний Тырым. Там они трудились на лесоповале, но дрова не пилили. Влившись в бригаду вольнонаёмных мужиков, они вместе с ними валили деревья, обрубали сучья и вершины, пилили стволы длиной по шесть метров, оттаскивали на берег, скатывали в штабеля. Заниматься заготовкой леса бригаде предстояло до ледохода, дальше была неизвестность.

Раз в две недели мужчин отпускали на выходные в Усть-Тырым к семьям. В бараке был праздник. Особого контроля со стороны ГПУ не наблюдалось.

Марк и Евдокия радовались такому послаблению, но не могли понять, по какой причине и по чьей воле они здесь очутились. Их детей приняли в школу, Фрося, Васса и Ваня

каждый день ходили пешком в Кусью. Сама Евдокия устроилась там на работу уборщицей, Раису приняли учётчицей на лесопункт.

– Всё это по божьей воле, Евдоха, – сказал Марк однажды, навестив семью на выходные, и как-то странно взглянул ей в глаза. И только чуть позже, когда он, выпив несколько рюмок вина, разговорился, Евдокия поняла, что означал этот пристальный взгляд. Расспрашивая о семейных делах, он обмолвился, что всё время, пока работал в Шайтане, просил помощи у Бога. И только благодаря постоянным молитвам, Господь смилостивился над их семейством. Иначе как объяснить, что из нескольких десятков мужиков именно его отправили сюда? А Раису без лишних вопросов приняли на хорошую работу? Глядя перед собой в одну точку, Марк задумчиво спросил:

– А почему бы и тебе, Евдоха, не уверовать в Бога?

Евдокия долго молчала, потом мотнула головой из стороны в сторону и сказала тихим извиняющимся голосом:

– Нет, Марочко, не смогу я запомнить эти чёр...заковыристые молитвы. И Библию мне не одолеть, потому как неграмотна я. Будет с меня и того, что русский язык с горем пополам освоила. А без понятия божьего смысла, какая из меня верующая? Креститься, да кланяться неизвестно во имя чего у меня не получится. Ты уж прости меня, Марочко, безбожницу. Слепая вера не для меня. Доживу я свои годы и без Бога, как-нибудь. Грех человека ведь не в том, что он не

верит в Господа, а в его скверных поступках и мыслях. Так я разумею. А их при жизни своей я не совершала, злобных мыслей в голове отродясь не держала. С детства трудилась от зари до зари, была послушной у родителей, а с тех пор, когда ты взял меня в жёны, я была преданной и верной только тебе. Не грешна я перед Богом.

Марк тогда не стал настаивать на своём, не упрекнул жену ни единым словом. Прощаясь на следующий день, он совершенно спокойно сказал:

– Ты права, Евдоха. Чтобы присоединиться к Православию, надо искренно верить во Христа. Иначе все твои молитвы не дойдут до него.

Этот разговор запомнился ей в мельчайших подробностях.

...Евдокия так и не уснула за ночь, ворочаясь с боку на бок бесчисленное количество раз.

Как только в окне немного посветлело, она встала, пошла к рукомойнику, умыла зарёванное лицо, посмотрела на себя в зеркало, принялась растапливать печь. Потом поставила на плиту чайник, налила в кастрюлю воды для овсяной каши, пристроила её с краю. Кашу Евдокия варила на воде, добавляя немного молока. Потом, уже раскладывая по тарелкам, она опускала в кашу кусочек масла.

В семь часов Евдокия принялась будить детей. Летом они спали на полу, на большом соломенном матрасе, а зимой перебирались на дощатые полаты за печкой. Начинала она

обычно с Фроси, потому что та вставала с большим трудом.

– Фросюшка, просыпайся, пора вставать, – затрясла Евдокия дочь за плечо. – Уже пять минут восьмого.

Услышав голос матери, открыла глаза Василиса, потянулась, сладко позёвывая.

– Ванька, вставай, – толкнула она ладошкой в спину брата, спящего на боку, отвернувшегося от сестёр к стене.

– Угу, – буркнул Ваня, не открывая глаз.

– Чего, угу-то, вставай, давай! – сердито сказала Василиса. – Потом опять будешь злиться, что поздно разбудили. Поднимайся!

Фрося лежала с краю с закрытыми глазами, не шевелясь и никак не реагируя на происходящее.

– Фроська, а ты чего продолжаешь дрыхнуть? – возмутилась Василиса. – Тебе что, особое приглашение требуется?

– Отстань от меня, – подала голос сестра. – Переползти не можешь, что ли? Встала, иди, умывайся, а я ещё немножко полежу.

Через несколько секунд добавила в своё оправдание:

– Умывалка-то одна...не делится на троих...

– Фрося, вставай лежебока, – послышался из-за стенки голос матери.

– Сейчас, мамочка, ещё чуть-чуть полежу и встану...– уткнувшись лицом в подушку, еле слышно пробормотала Фрося.

Василиса осторожно переползла через ноги сестры, сту-

пила на ступеньку лестницы, недовольно проговорила:

– Не можешь подниматься первой – поменяйся с Ванькой местами, сколько раз мне говорить тебе об этом! Каждый день, одно, и тоже. Мама, скажи хоть ты ей, чтобы поменялась местами с братом, поломаю я ей ноги когда-нибудь нечаянно.

Громкий разговор окончательно пробудил Ваню. Он придвинулся к Фросе, принялся щекотать сестру под мышками.

– Ванька, дурак, прекрати! – заверещала Фрося, извиваясь под щекотками брата. – Перестань сейчас же! Я кому говорю!?

– Ага-а, подействовало, кикимора болотная! Боишься щекотки? – радовался Ваня, не отступаясь. – Я тебя быстро разбужу, тетеря сонная!

Фрося ухватила брата за руку, навалилась на него всем телом, прижала к полатам.

– Ну, и что мне с тобой сделать, сморчок ушастый? – грозно проговорила она, защебив ему нос пальцами, словно клещами. – Нос оторвать, чтобы не совал его, куда не просят?

Ваня дёргался, пытаясь вырваться, но у него не получалось, сестра была сильнее его.

– Ну, ладно, хватит. Больно же, – взмолился он, наконец. – Совсем очумела, что ли? Пощекотать уж нельзя.

– Да, нельзя, – сказала Фрося, освобождая брата. – Щекочи себя, если хочется. Или, вон, Василису, ей, может, и понравится.

– Хватит ругаться, спускайтесь вниз, – проговорила мать. – Умывайтесь и садитесь за стол.

Фрося спустилась с полатей, начала приводить себя в порядок. Василиса уже стояла перед зеркалом, расчесывала волосы и заплетала косу. Через пять минут все они сели за стол. Евдокия поставила перед каждым из них по тарелке с кашей, в ней плавилось по кусочку масла.

Ваня взял ложку и, прежде чем размешать масло, заглянул в тарелки сестёр, сравнивая кусочки. Евдокия перехватила взгляд сына, зачерпнула из маслёнки тот, который предназначался ей самой, и положила в тарелку сына. Она завтракала после детей, когда они уходили в школу.

– Мам, ты чего? – оторопел от неожиданности Ваня. – Мне не надо твоего масла, хватит и того что ты положила. Всем одинаково.

– Ешь, сынок, ешь, я не буду. У меня сегодня изжога от чего-то, я даже соды проглотила с утра. Масло не на пользу мне будет.

Ваня сконфуженно уткнулся в тарелку, усиленно заработал ложкой, размешивая масло. Сёстры незаметно для брата с улыбкой переглянулись между собой.

Позавтракав, все трое отправились в школу. Начинался очередной день без главы семейства.

Глава 5

Дети, естественно, переживали арест отца, но эти переживания не были такими глубокими, как у матери. Плакали они только первые два дня, пока безудержно катились слёзы из глаз матери. Вернее, плакали только Фрося и Василиса, а тринадцатилетний Иван лишь хмурился и молчал, как в рот воды набрал, забившись с книгой в угол.

Старшая, Раиса, к этому времени была уже замужем, за таким же ссыльным, как и она сама, и проживали они с мужем в отдельной комнате в соседнем бараке. После работы она приходила к матери, успокаивала, как могла, а вечером возвращалась к мужу.

На третий день Евдокия уже не плакала на глазах у детей, давая волю слезам лишь ночью, втайне от них, беззвучно, уткнувшись в подушку. До суда, пока отец находился в камере предварительного заключения, девочки интересовались у матери его судьбой каждый день. После суда, когда стало известно, что отцу присудили десять лет лагерей, и от него не было писем, дети стали понемногу забывать семейную трагедию. Жизнь брала своё, детское сознание быстро адаптировалось к новым условиям.

Каждое утро, как обычно, Евдокия будила детей в семь часов утра. Занятия в школе начинались в половине девятого, но до школы ещё нужно было топать пешком почти четы-

ре километра. Такое расстояние шагами намерил Ваня. Он знал длину своего шага, вывел её экспериментальным путём.

От посёлка с названием Стрелка, где теперь жила семья Ярошенко, до крутого подъёма в гору был один километр семьсот пятьдесят метров. Крутая гора, на которую иная лошадь не могла даже взвести гружёную телегу и потом, храпя, со страхом пятилась назад, начиналась сразу от маленького магазинчика. С этого места дорога была выстлана квадратными слитками, изготовленными из отходов при производстве чугуна. От стыка грунтовой дороги с выпуклым полотном брусчатки до школы оставалось ровно два километра. Весь этот путь дети преодолевали за сорок пять минут.

Ваня всегда шагал впереди сестёр, задавая темп. Васса и Фрося следовали за ним и всю дорогу болтали о чём-нибудь. Иногда брат останавливался и задавал сёстрам вопросы, которые у него возникали в пути. Он учился в четвёртом классе и перед Новым годом его должны были принять в пионеры. Ваня шагал и думал, о чём его могут спросить на совете дружины. Мальчик рос смекалистым и не по возрасту любознательным. Он много читал, причём, читал литературу различных направлений. Его интересовало буквально всё, начиная от древнего Рима и кончая фантастикой.

Однажды в школьной библиотеке ему на глаза попался учебник философии. Он не знал, что такое философия, но само слово «философия» показалось ему чем-то привлекательным, каким-то сладким, что ли, ассоциируясь в со-

знании со словом «фантик», обёрткой чего-то неизвестного и недостижимого. Почему появилось такое первоначальное представление – объяснить не мог.

Набравшись терпения, Ваня осилил половину толстой книги и понял только сотую часть того, что в ней было написано. Однако в его детской голове всё же кое-что отложилось. Он усвоил, что философия в переводе с греческого языка означает «любовь к мудрости», и что это одна из наук, такая же, как история или география, только намного сложнее, потому что смысл философии состоит в поиске истины. Познать истину он, конечно же, пока был не способен по причине недостаточных знаний и жизненного опыта.

Из книги Ваня извлёк для себя много чего интересного. Особенно запало в душу высказывание древнего философа Эпикура, над которым он не переставал размышлять долгое время. Это было рассуждение о самом ужасном зле в живом мире – смерти, которой можно было теперь не бояться.

«Когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет, – вертелись в голове прочитанные слова. – Это что означает? Смерть, получается, не существует для людей вообще? Для живого человека её ещё нет, а для мёртвого уже нет, потому что его самого нет в живых? Тогда где же эта смерть находится? Почему люди говорят: смерть пришла. Существует ли она вообще? А если и существует, но человек не может с нею повстречаться, значит, не нужно и бояться её вообще», – сделал он вывод в силу своего дет-

ского понимания и сразу похрабрел.

Сейчас его мучил совсем другой вопрос. Ваня неоднократно слушал по радио какие-нибудь передачи, в которых употреблялись такие слова, как «родина», «отечество», «отчизна», «страна», «государство», и не знал их точного определения.

«Вдруг спросят старшие пионервожатые на совете дружины, что означают эти слова? Спросят, а я не знаю. Стыда не оберёшься! Ведь что подразумевает ответ «Всегда готов!» на пионерский призыв «Будь готов!»? Это означает, что пионер должен быть готов ко всем трудностям, и в первую очередь, к защите Родины от врагов. А здесь-то как раз и непонятки! Что означает для пионера слово «Родина»? И кто такие враги?

Ваня замедлил шаг и, обернувшись, спросил:

– Васса, а что означает слово «Родина»?

Он задал вопрос Вассе, потому что доверял ей больше, чем Фросе. Васса для него была и ближе, и роднее, с ней он скитался по округе в голодный год, собирая милостыню в поездах, на вокзалах, на рынках. Фрося тогда уехала на Украину с Раисой и прожила там вплоть до прошлого года. Ей не довелось узнать, что такое настоящий голод, когда не проходящее желание есть преследует даже ночью. Ваня успел даже подзабыть сестру за пять лет, и, хотя прошёл уже целый год после её возвращения из Украины, Фрося так и не завоевала у него такого же авторитета, как Васса.

Сестры остановились, удивлённые вопросом.

– Почему ты спрашиваешь? – Васса очень внимательно посмотрела на брата. – Что опять взбрело тебе в голову?

– Ну... так просто, – попытался уйти от ответа Ваня. – Интересно вдруг стало, почему в одном случае люди говорят «родина», а в другом – отчизна, отечество, держава, страна. Разве это не одно и то же? А если одно и то же, зачем так много слов для одного значения? Вот есть, к примеру, слово «мама», и всем понятно, что оно означает, другого слова нет, да и не нужно. А тут думать приходится, как правильно выразиться.

– Ах, ты ещё и думаешь иногда? – подковырнула Фрося брата. – А мне почему-то казалось, что ты не способен думать. Всегда поступаешь бездумно, так, как тебе захочется.

– Да пошла ты... – рассердился на сестру Ваня и, резко развернувшись, побежал вперёд, набирая дистанцию.

– Ну, зачем ты так с ним? – укорила сестру Васса. – Он у нас самостоятельный мальчик и советуется только в крайнем случае. Раз спрашивает, значит, не может в чём-то разобраться.

– Постой, Ваня, – Васса бросилась догонять брата. Настигнув его, схватила за руку, повернула к себе лицом. – Для чего тебе нужно это знать?

Ваня недовольно посопел немного, признался:

– Меня будут принимать в пионеры скоро, могут спросить.

– Глупый, никто тебя об этом не спросит, не переживай, – попыталась успокоить брата Васса. – Меня ведь приняли два года назад, никто не спрашивал о Родине.

– А меня могут спросить, – упорствовал Ваня.

– Почему ты так считаешь?

– Потому, что... потому что всё поменялось за эти два года.

– Что поменялось? – удивилась Васса.

– Два года назад наш отец ещё не сидел в тюрьме, вот что, – Ваня отвел взгляд в сторону.

– А ну-ка рассказывай, что произошло? – Васса слегка тряхнула брата за плечи.

– На прошлой неделе Колька Маркин перед пацанами назвал меня сыном врага народа.

– А ты что?

– Ничего, дал ему кулаком в морду, чтобы не шлёпал языком, что попало.

– Побил Кольку, и поэтому думаешь, что тебя могут не принять в пионеры?

– Не-ет, он никому не пожаловался. Утёр свой расквашенный нос и заткнулся в тряпочку. Но ведь пионервожатая тоже знает, наверно, что нашего отца посадили. Вот я и думаю: а вдруг она спросит меня при всех и о Родине, и о врагах народа, что я скажу ей в ответ?

Фрося догнала Вассу с Ваней, пошла рядом. Она слышала последние слова брата. Всё трое некоторое время шагали

молча. Наконец, Васса проговорила:

– Родина, Вань, – это место, где человек родился, откуда идёт его род. А насчёт врага народа я скажу так: наш папка никакой не враг, он никому не сделал ничего плохого.

– А за что же его тогда посадили? – Ваня впился глазами в лицо Вассы, потом перевёл взгляд на Фросю. – Ответьте мне!

Васса задумалась, не зная, что ответить брату. Она и сама много раз задавалась подобным вопросом и не находила ответа. Врагом, по её представлению, был человек, который враждовал с кем-нибудь открыто, угрожал расправой хорошим людям, клеймил власть нехорошими словами, носил при себе оружие. Но отец был добрым человеком, его уважали все ссыльные, и Васса никогда не слышала от них плохих слов об отце. Вслед за отцом был арестован их учитель истории Осокин Виктор Пантелеевич, добрейшей души человек. И он враг народа? Человек, который, как говорят, не способен и мухи обидеть?

– Его, Ваня, осудили ошибочно, по чьему-то оговору. Рано или поздно эту ошибку исправят, папу нашего оправдают, а виновного накажут, – совсем по-взрослому ответила Васса.

– Врёшь ты всё, – со злостью сказал Ваня, – разговариваешь со мной, как с маленьким. Я знаю, что никакая это не ошибка, и никто нашего отца оправдывать не будет. Его посадили за веру в Бога, от которого он не захотел отречься. Раньше попов сажали, да расстреливали, теперь вот принялись за верующих. Я сам однажды слышал, как мама угова-

ривала отца не посещать церковь, говорила, что иначе могут посадить. Он не послушал маму, вот его и посадили.

Ваня больше не убежал вперёд, они пошли все вместе, но остаток дороги до школы никто из них не проронил больше ни слова.

Евдокия, проводив детей в школу, принялась за мытьё посуды. Миски были собраны детьми в стопочку и поставлены на маленький столик у жестяной раковины с рукомойником. Разбирая посуду и погружая её в тазик с нагретой водой, Евдокия без труда определила, из какой миски ел Ваня. В его чашках и тарелках никогда не оставалось остатков пищи, всё затиралось последним кусочком хлеба.

Прошло три года с тех пор, как безжалостный голод в этих краях с неохотой отпустил людей. Евдокия уже давно не ломала голову, чем накормить вечно голодных Вассу и Ваню. Сейчас с питанием у них было сравнительно благополучно, но у Вани до сих пор сохранился оценочный взор на количество пищи. Вот и сегодня она уловила взгляд сына, когда он заглянул в тарелки сестёр, сравнивая их кусочки масла со своим. Сделал он это не из зависти и жадности голодного человека, а по привычке, совершенно машинально. Посмотрел так, как смотрел в голодное время на свой пай, сравнивая его с другими. Пай этот был настолько скудным в то время, что в глаза бросался каждый недостающий грамм, каждая неучтённая кроха при делёжке. Евдокия вспомнила тот ужасный голод, когда истощённые люди падали посреди до-

роги и умирали на глазах.

...Весной 1932 года, когда закончилась заготовка леса на Дальнем Тырыме, ссыльных расселили по всему району, разлучив подружившиеся семьи. Их почему-то больше не квартировали под одной крышей, а развезли по разным посёлкам, расположенных на большом удалении друг от друга.

Для Марка Ярошенко постоянным местом жительства стал посёлок Восход, что в пяти километрах от железнодорожной станции Утёс.

Семья Ярошенко была фактически брошена на произвол судьбы. Представители НКВД здесь не появлялись, никто ссыльными не интересовался. Посёлок оказался очень маленьким, работы в нём не было вообще. Местные жители существовали за счёт своих огородов, да заработков одного из членов семьи где-нибудь на шахте в Гремячинске или на одном из предприятий Чусового. У семейства Ярошенко такой возможности не имелось. Их поселили в полупустом бараке, где проживали несколько русских семей, раскулаченных ещё в 1929 году и высланных сюда откуда-то из-под Воронежа. Земельного участка не было, переезжать в другое место запрещалось.

Помыкавшись до осени в поисках хоть какой-нибудь работы, истратив последние деньги на пропитание, Марк решил сбежать из посёлка в город.

Ему повезло, удалось устроиться работать на угольную биржу в пригороде Чусового. Он загружал в печь дрова, об-

жигал их, приготавливая уголь для завода. Заработки были небольшие, но другого варианта у него пока не было. Без паспорта устроиться ещё где-либо было просто невозможно. Раз в два месяца, скопив сумму денег, в выходной день он скрытно пробирался к семье на товарных поездах, а на рассвете уезжал обратно, чтобы успеть заступить на смену. Это было очень рискованно, поскольку его могли выловить в любой момент и отправить за решётку. Такой исход явился бы полным крахом для семьи и самого себя.

В конце февраля 1933 года продукты у Евдокии закончились, есть стало нечего. Поселковый магазинчик, в котором раньше можно было приобрести хлеб, муку и крупы, закрылся месяц назад. На следующий день Евдокия отправилась в соседний посёлок Утёс. По численности населения он превышал Восход в несколько раз. Но и здесь полки обоих продуктовых магазинов оказались пусты. По совету продавщицы она села в поезд и отправилась в город, надеясь запастись продуктами в городских магазинах. Ещё не доехав до города, она уже имела полную информацию о положении дел в городской торговле. Попутчицей в вагоне оказалась словоохотливая спекулянтка, которая и рассказала ей о том, что творится в городе. В государственных магазинах продуктов не было, а на рынке они продавались по баснословным ценам. В городе уже давно царил голод, к посёлку он докатился только сейчас.

Купив на рынке буханку хлеба, два килограмма муки, пач-

ку пшена и бутылку подсолнечного масла, Евдокия истратила почти все деньги, которые привёз ей Марк.

Целую неделю она искала выход из сложившейся ситуации, но ничего дельного в голову не приходило. Запас продуктов неумолимо таял, словно сугроб под весенним солнцем. Евдокия была в отчаянии. Её состояние заметила Васса, спросила:

– Мама, ты не заболела?

– Нет, доченька, слава Богу, пока здорова.

– Что-то с папой случилось?

– С папой тоже пока всё в порядке, – ответила Евдокия и на глазах её выступили слёзы.

– Тогда почему ты плачешь?

– Ты и вчера плакала, я видел, – вступил в разговор подошедший Ваня.

Евдокия привлекла к себе детей и расстроенным голосом тихо проговорила:

– Голод нас ждёт, детки мои, а я совсем не знаю, как мне быть, и что делать. Может, вы подскажите, чем мы будем питаться, когда мука скончается?

Несколько минут они втроём стояли посреди комнаты, обнявшись, и молчали. Потом Васса резко отпрянула от матери, и обрадовано воскликнула:

– Я знаю, что надо делать! – глаза её горели какой-то недетской решительностью.

– Что, моя хорошая?

– Мы с Ваней поедem в город, будем просить милостыню.

– Как – милостыню? – поразилаcь Евдокия словам доче-ри. – Что ты выдумываешь, доченька?

– Но ты же сама сказала, что у нас скоро закончится мука!

– Да, муки у нас осталось на неделю, не больше. Но... ходить по миру... просить подаяние? Как тебе могло прийти такое в голову? Нет уж... лучше...

– Что – лучше? Лучше умереть с голоду? Так, что ли? – Васса смотрела на мать с откровенным укором. – Ляжем в постель все вместе и будем ждать голодной смерти? Нет! Мы с Ваней умирать не собираемcя. Мы жить хотим! Жить, ма-ма! Правда, Ваня?

– Угу, – подтвердил брат.

– Вот видишь, Ваня согласен. Завтра и поедem с утра. Ся-дем в поезд и поедem. Приготовь нам заплечные мешки.

Евдокия смотрела на дочь и не узнавала её. Десятилетняя Васса будто повзрослела на глазах, превратившись в рассу-дительную и смелую девушку, дающую команду ей, много-детной и опытной матери.

– Та лышечко ты мое, та серденько мое! – запричитала Евдокия по-украински, притянув вновь Вассу к себе и при-нялась гладить дочь по волосам. – За что такая немилость всем нам?

– Мама, не плачь, расскажи лучше, где там находится ры-нок, да магазины, – сказала Васса, отстраняясь о матери.

– Хорошо, дочушка, расскажу, обязательно всё расска-

жу, – Евдокия захватила край подола, вытерла слёзы. – Ой, да как же вы одни-то, а? Боюсь я за вас!

– Мама, мы уже всё решили. Выхода у нас нет, – твёрдо заявила Васса, и Евдокия поняла, что нужно собирать детей в дорогу. Другого выхода, действительно, не было. Рассчитывать на помощь соседей не приходилось, голод всё плотнее сжимал своё безжалостное кольцо вокруг посёлка, проникая в каждую семью, и каждый здесь был сам за себя, выживал, как мог.

... Всё это вспомнила сейчас Евдокия, перемывая посуду в тазике. Она протёрла тарелки чистым полотенцем, составила стопочкой на столе. Пора было собираться на работу. Она уже третий год трудилась в лыковой артели. Летом мужская половина артели сбивалась в бригады по три – четыре человека и уходила вверх по реке. Мужчины искали на дне реки затонувшие при сплаве стволы липы – топляки, вытягивали их баграми на берег и драли лыко. Заготовив достаточное количество, вязали плоты и сплавливали до складов артели. Потом к работе приступали женщины. Они разделяли заготовленный луб на полосы заданной ширины и толщины, потом мастерили из них изделия: лапти, корзины, коврики и другие вещи.

Артельная мастерская находилась неподалёку от барака, Евдокия при необходимости могла в любое время забежать домой. Иногда дети заглядывали к ней, возвращаясь из школы. Они с интересом и увлечением плели какие-нибудь без-

делушки для себя, уносили в школу.

Евдокия оделась и вышла в коридор. Закрыв дверь на ви-
сячий замок, она направилась на работу.

Глава 6

Ваню приняли в пионеры перед самым Новым годом, за день до ухода на школьные каникулы. Накануне Евдокия достала из сундука кусок красного сатина, выкроила из него треугольник будущего пионерского галстука, обметала по сторонам красной ниткой и вручила сыну. Из школы Ваня вернулся уже пионером, и весь вечер размахивал перед лицом Фроси своим галстуком.

Фросе не довелось побывать в пионерах. На Украине её, как новенькую в классе, сразу не приняли в пионерскую организацию, потом Раиса по какой-то причине перевела её в другую школу, и всё повторилось сначала.

На Урал она вернулась уже в том возрасте, когда в пионеры не принимают. Особого сожаления у неё не было, да и в комсомол вступать Фрося не собиралась. Она была замкнутой по натуре и особой дружбы ни с кем из девчонок не заводила. Шумные мероприятия были не для неё. По всей видимости, сказалась обособленная жизнь на Украине. Родственники, у которых они с Раисой остановились в Луганске, были людьми строгими, нелюдимыми и немногословными.

Тётка Ксения, родная сестра отца, встретила племянниц без особой радости. Она всё время была почему-то угрюмой и сердитой, и Фросе казалось, что тётка таким способом выражает своё недовольство в связи с неожиданно нагрянувши-

ми племянницами. Их с Раисой она поселила в комнате с отдельным входом. В этой комнате несколько лет назад жила бабка, мать мужа тётки Ксении, пока не умерла.

В самые первые дни пребывания на Украине Фрося попыталась подружиться с девчонками своего возраста, дома которых стояли неподалёку, но Раиса ей строго запретила. Сказала, что этого не нужно делать, поскольку у тёти Ксении на работе могут быть неприятности.

– Какие неприятности? – спросила Фрося у сестры. – Из-за чего?

– Мы с тобой из раскулаченной семьи, а тётя Ксения возглавляет на заводе партийную ячейку. Если узнают, что она приютила у себя детей сосланного кулака, её могут исключить из партии и уволить с работы. Так что сиди дома и грызи науку.

С тех пор Фрося всё свободное время проводила в одиночестве. Она либо сидела дома с книжкой в руках, либо гуляла на приусадебном участке. Раисе было не до неё. Чтобы заработать больше денег и не сидеть с Фросей на шее у родственников, она после основной работы ходила куда-то на подработку. Так и прошли несколько лет, пока она вновь не приехала на Урал. В свои семнадцать лет она оказалась менее самостоятельной, чем её тринадцатилетний брат Иван.

Стать общительным и самостоятельным Ваню заставила нелёгкая жизнь в голодное время. Он с Вассой почти год скитался по округе в поисках пропитания, пока голод не пошёл

на убыль.

Вначале их маршрут был коротким. Они садились в пригородный поезд и ехали до конечной станции, проходя по вагонам в поисках подаяния. Потом бродили по перрону, встречая прибывающие поезда дальнего следования, выклянчивая любую милостыню. Вечером, насобирав кусков хлеба и немного мелочи, они возвращались домой. Наутро шли в школу.

Так продолжалось до середины мая. К этому времени голод набрал силу, нищие шныряли уже повсюду, нередко можно было видеть трупы голодных людей на центральных улицах города. Ваня привык к таким зрелищам и перестал обращать на это внимание. Главной целью его поездки в город была добыча пропитания, и не стоило попусту терять время на пустяки. Получить хоть какую-нибудь подачку в поезде было уже большой удачей, на перроне стали прохаживаться милиционеры, и привлекать к себе внимание Ваня не рисковал. Кроме того, в людных местах появились группы беспризорников, составлять им конкуренцию было небезопасно – могли жестоко побить.

Из последней поездки они с Вассой вернулись лишь с несколькими кусками хлеба.

Васса оказалась совестью девчонкой, и это качество очень мешало их занятию. Ваня негодовал.

– Если ты не перестанешь краснеть и мямлить – мы сдохнем с голоду, поняла? – разозлился он однажды, когда од-

на сердобольная женщина пригласила их к себе домой, чтобы накормить обедом, а Васса из-за чрезмерной скромности вдруг отказалась.

– Почему ты отказалась пойти? Ведь я смог бы выклянчить у этой тётки немного картошки, или ещё чего-нибудь, а из-за твоей скромности ничего не вышло, – сердито выговорил Ваня сестре, сглатывая голодную слюну. – И вообще, давай будем ходить отдельно друг от друга?

– Нет, Ваня, даже не рассчитывай, – запротестовала Васса. – Я отвечаю за тебя головой. Не хватало мне, чтобы ты вляпался в какую-нибудь дурную историю. Что я тогда маме скажу?

– А ты не говори ей, что мы ходим по отдельности, – простодушно высказался Ваня. – Главное, чтобы мы возвращались домой не с пустыми торбами. А вляпаться, как ты говоришь, мы можем и вместе, тут уж как повезёт.

– Ваня, а ты точно не станешь воровать? – неожиданно спросила Васса.

– Я? Воровать? – в голосе брата было удивление и ещё какой-то фальшивый оттенок, свойственный человеку, когда его в чем-нибудь уличают. – С чего ты взяла?

– Я видела несколько раз, как ты оглядывался по сторонам на рынке, когда торговки отвлекались от прилавка. – Васса в упор смотрела на Ваню.

– Ещё чего! Тебе просто показалось, – с вызовом проговорил он. – А если бы и спёр пирожок-другой, у неё бы не

убыло. Думаешь, она честно торгует? Не обманывает покупателя? Держи карман шире! Ворует потихоньку где-нибудь на складе продукты для начинки, а потом дерёт с голодного человека втридорога! Не обеднела бы из-за пары пирожков!

– Ваня, что ты такое городишь!?! – не поверила своим ушам Васса. – Неужели ты и впрямь можешь своровать?

Брат медленно повернул голову куда-то в сторону, будто отыскивая человека, у которого можно было спросить ответ, и после длительной паузы уверенно произнёс:

– На добро честного человека у меня рука, конечно, не поднимется. Это уж точно. А вот бессовестных жуликов и разного рода проходимцев, ворующих у государства, а также и у простых граждан, я заставил бы делиться. – И добавил: – Будь на то моя воля.

Васса во все глаза смотрела на брата, удивляясь его словам. Он научился читать ещё в шесть лет, через год уже бегло читал книгу любого содержания. Сейчас Ваня говорил не как девятилетний мальчишка, а как взрослый и начитанный человек. Его слова поразили её. Они были словно взяты из какой-то умной книжки и не являлись его собственными.

– Вань, ты так умно говоришь, прямо как наш учитель русского языка в школе, – сказала Васса, восторгаясь речью брата.

– Чаще читай газеты, и ты так будешь говорить, – поучительно ответил Ваня.

В тот вечер их впервые высадили из поезда за безбилет-

ный проезд. Раньше им удавалось разжалобить контролёра при проверке билетов, и тот, погрозив пальцем и поворчав для порядка, оставлял всё же зайцев в вагоне до конца поездки. Иногда Васса и Ванька, завидев людей в форме, просто перебежали на остановке в тот вагон, где контроль уже состоялся.

На сей раз ни того, ни другого варианта у них не прокатило. Контролёры шли с обеих сторон, а поезд нёсся без остановок. Зайцы попали в железные клещи, и смиренно ждали своей участи.

– Ваши билетики, молодёжь! – обратилась к ним высокая и полная женщина в железнодорожной форме, наперёд зная, что перед ней безбилетники. Она определяла их по бегающим глазам.

– Нету у нас билетов, тётенька, – жалобно проговорила Василиса. – Нищие мы, по миру ходили, милостыню собирали.

– И что мне с того, что вы нищие? Порядок в поездах для всех одинаков, – не реагируя на жалостливый голос Вассы, безапелляционным тоном отрубил грозная контролёрша. – Нет денег – сидите дома, или ходите пешком.

– Тётенька, простите нас, пожалейте, нам очень надо вернуться домой, у нас маманька хворающая лежит, помирает с голоду, – ещё жалобнее, чем сестра, прохныкал Ванька.

Женщина-контролёр была неумолима:

– Вот что, клоуны, а ну марш в тамбур! Маманька у них

помирает! Сейчас будет остановка, я вас высажу за безбилетный проезд, и вы пошагаете к своей маманьке по шпалам, понятно?

– Тётенька, не высаживайте нас, ну пожа-алууйста, – попыталась ещё раз разжалобить чёрствую женщину Васса.

– Хватит ныть, ничего у вас не выйдет, – вынесла приговор контролёрша. – Забирайте свои котомки и быстро за мной, паровоз стоит полминуты.

– Никуда мы не пойдём, – заявил Ванька. – Нам нужно доехать до Утёса, вам понятно?

Несколько секунд они смотрели друг на друга: Ванька – прижавшись в угол, ощетинившись, будто загнанный зверёк, контролёрша – стоя между деревянными лавками и загораживая крупным телом проход.

– Вставай быстро, поезд ждать не будет!

Увидев, что мальчишка не собирается подчиниться, контролёрша, сверкая глазами, схватила Ваньку за шиворот и волоком потащила в тамбур. Васса безмолвно поплелась следом.

Случилось это на полустанке за девять километров до Утёса. Отстучали колёса на стыке вздрагивающих рельс, поезд скрылся из вида, Васса и Ваня остались вдвоём на краю высокой насыпи.

– Зачем ты упрямллся, а, Вань? – во взгляде Василисы всё ещё стоял испуг. – Если бы мы остались в вагоне, эта тётка могла сдать нас в милицию. Этот полустанок последний пе-

ред Утёсом.

– Знаю я, потому и не хотел вылезать, тянул время, – вяло проговорил брат. – На станции нет милиционера, уже несколько дней нет.

– Откуда тебе известно?

– Слушаю иногда, о чём говорят люди вокруг, в отличие от тебя, – насмешливо сказал Ванька. – Кто же знал, что эта дура возьмёт меня за шкуру?

Он поёжился и тряхнул шеей, словно сбрасывая с неё невидимые следы от этих не женских ручищ.

– Здоровая баба, будто конь в юбке, – с презрением сказал Ванька, потирая ладонью свою шею. – До сих пор чувствую её железные клешни.

– Ладно, Вань, пошли, а то стемнеет скоро, – обречённо произнесла Васса и зашагала по шпалам.

– Далеко же нам идти, блин! – возмутился Ванька. – До Утёса девять километров, а потом до Восхода ещё пять!

– У нас нет выбора, придётся идти. Следующий паровоз будет только утром, а пассажирский здесь не останавливается.

– Без тебя знаю, могла бы и не говорить, – недовольно пробурчал Ванька.

Идти по шпалам было трудно, расстояние между ними не соответствовало нормальному шагу. Дети не шли, а скакали по широким деревянным брускам с резким запахом креозота, отдавая при этом много сил. Несколько раз они останав-

ливались, садились на рельсы, и, передохнув, шагали дальше. Кое-как, часто спотыкаясь, доплелись до станции.

– Всё, Васска, я больше не могу идти, – сказал Ваня и повалился на ближайшую скамейку.

– А как же мама, Ванечка? Она же потеряет нас, будет волноваться, – попыталась подбодрить брата Василиса. – Сейчас отдохнём и пойдём дальше. По дороге идти легче, чем по шпалам.

Ваня не слышал её. Обессиленный за день, он уже крепко спал, свернувшись калачиком.

Домой они возвратились только под утро, одновременно с восходящим солнцем, которое, отдохнув ночью за горой, выбросило на посёлок свои первые свежие лучи.

Евдокия не спала до самого возвращения детей. Каждый раз, когда дети возвращались домой, она брала их тощие мешки и выгружала содержимое на стол. Со слезами на глазах принималась сортировать разные по величине куски хлеба. Свежие ломти хлеба складывала в хлебницу, а чёрствые и рваные куски замачивала в воде. В образовавшуюся кашлицу добавляла мелко изрубленную молодую крапиву и сухую мякоть трухлявых пней. Всё это тщательно перемешивала и пекла лепёшки. С недавних пор она стала добавлять в тесто истертые молодые почки пихты.

Через неделю начались школьные каникулы. Вассе уже не нужно было отпрашиваться с учёбы, лгать и стыдливо отводить глаза от учительницы. С большим трудом убедив мать,

что им теперь удобнее будет ездить с ночёвкой, дети отправились в город на несколько дней.

В утреннем поезде билеты никогда не проверялись, Васса с Ваней добрались до города без проблем.

– Вань, а где мы будем ночевать? – вкрадчиво спросила Василиса, когда они покинули здание вокзала. Однажды брат обмолвился, что, если вдруг им придётся заночевать в городе, у него присмотрено для этой цели отличное местечко. Но где находится такое место – не проронил ни слова.

– Ты же сказала матери, что на вокзале, зачем спрашиваешь? – хитро усмехнулся Ванька.

– На вокзале-то опасно, ты сам знаешь, – Васса испытующе посмотрела на братишку. – Заберут в милицию, и мешки вместе с подаянием отнимут. Останемся мы ни с чем.

– Если ты такая трусиха, чего тогда попёрлась с ночёвкой? – съехидничал Ванька. – Ездила бы домой каждым вечером, как прежде. Спокойнее и тебе, и матери.

– Ну почему ты такой вредный? – спросила Василиса. – О чём бы я тебя не спросила – у тебя всегда одни насмешки, да подковырки. Колючий ты, Ваня, как осот за нашим баракком.

– Зато ты хуже тёртой редьки, – тут же нашёлся с ответом брат.

– Это как?

– Вонючка потому что, пахнешь и пахнешь постоянно. Всё тебе не так, всё не эдак, ворчишь и поучаешь меня на каждом шагу, как училка занудная. А я уже не маленький,

сам могу решать, что мне делать, а что – нет.

– Ах так! Зануда я, значит? – рассердилась Васса. – Вольничать тебе мешаю?

– Да, мешаешь, – насупившись, заявил Ванька.

– Чем же я тебе мешаю?

– Стыдливостью своей, да трусостью. С тобой одна морока и постоянная невезуха.

– А ты предлагаешь действовать нахрапом? Бессовестно врать людям, обманывать их и обирать до нитки?

– В нашем деле без этого сейчас просто нельзя, иначе не выживем, – с какой-то недетской серьёзностью сказал Ванька. – Голодных в округе теперь – пруд пруди. Кому стыдно побираться, как тебе, – тот от своей гордости на ходу падает от голода, умирает прямо на дороге. Вот так. Сама видела.

– Хорошо, что ты предлагаешь? – согласившись с доводами брата, спросила Васса.

– Будем ходить по домам, но в отдельности друг от друга, – без колебаний ответил Ванька. – Так мы насобираем больше продуктов. Стоять на месте и клянуть – много не подадут, попрошайки, вроде тебя, теперь на каждом углу. К тому же, люди не таскают хлеб и картошку в карманах, а хранят дома. И ещё. Если крупно повезёт, может, и к столу кто-нибудь пригласит. Как-то же надо нам кормиться несколько дней. Мать лепешек тебе вечером не напечёт.

– Ладно, давай попробуем, – сдалась Василиса окончательно. – Только при одном условии.

– Каком?

– Что ты не будешь воровать. Даёшь мне слово? – острые глаза сестры вцепились в лицо Ваньки, под этим взглядом невозможно было соврать.

– Даю, отвяжись только, – неохотно выдавил он. – А сейчас идём на рынок, покажу тебе место, где нам предстоит сегодня ночевать. Там и встретимся под вечер, до закрытия рынка.

Место для ночлега действительно было удобным. В углу рынка стояло деревянное здание с просторным высоким крыльцом. В нём располагался приёмный пункт конторы «Заготскот». Сюда со всей округи частники после забоя скота привозили шкуры. Под крыльцом по всему периметру была сложена поленница колотых дров, внутри этой буквы «П» оставалось невидимое пространство. Там-то и планировал устроить ночлежку Ванька.

Однажды по нужде он протиснулся в щель между стеной и поленницей и обнаружил порезанную в нескольких местах коровью шкуру, скрученную в рулон. Как она очутилась здесь, можно было только догадываться, но то, что она была бросовой и никому не нужной, сомневаться не приходилось. Шкура настолько усохла и загубела за несколько лет, что Ванька с трудом её раскатал. Выпрямив, он придавил шкуру по краям несколькими поленьями и покинул убежище.

– Вот здесь, под крыльцом, за поленницей, – показал пальцем Ванька на сложенные дрова, когда они с Василисой до-

брались до здания заготовительной конторы.

– Пункт приёмки заканчивает работу раньше, чем сам рынок, – пояснил он. – Нас никто не увидит, когда мы полезем под крыльцо. Главное, надо попасть сюда до закрытия ворот рынка. Понятно?

– Ага, – почему-то шёпотом произнесла Васса и оглянулась по сторонам, будто их мог кто-то подслушать.

– Встречаемся здесь, если что, – по-деловому распорядился Ванька. – А сейчас идём отсюда.

– Куда?

– Обойдём завод, за ним есть посёлок. Будем ходить по домам. Ты – по одной улице, я – по другой, потом встретимся.

Они пересекли рынок, вышли к заводу с противоположной стороны и двинулись по тротуару вдоль забора.

– Когда ты всё успел? – спросила Васса. – Мы, вроде бы, всегда были вместе.

– Всегда, да не всегда, – усмехнулся Ванька. – Помнишь, у меня живот болел, когда я наелся овса из телеги?

– Помню.

– Вот тогда я и изучил все укромные местечки.

– А про посёлок как узнал?

– Сорока на хвосте принесла! Подслушал разговор двух мужиков, они картошкой торговали. И вообще, опять ты прилипаешь ко мне со своими расспросами! Не вонючка, так репей! Какая тебе разница, откуда я узнаю? – начал сердить-

ся Ванька. – И тебе не мешало бы держать ухо остро, вдруг, что дельное услышишь?

Василиса промолчала и больше ничего не спрашивала до самого посёлка.

Скопление приземистых изб начиналось в сотне метров от железнодорожного переезда. В этом месте сходились несколько улиц, берущих начало на берегу реки. Здесь Ваня и Васса расстались, каждый из них двинулся по улице самостоятельно.

Василиса шла по улице очень медленно, вглядываясь в пустые глазницы окон. Посёлок словно вымер, не проявляя никаких признаков жизни. Собираясь с духом, она, наконец, остановилась у одного добротного дома с железной крышей. За конёк крыши была зацеплена навесная стремянка, состоящая из одной широкой доски с набитыми на ней брусками. Мужчина с ведёрком краски на шее осторожно передвигался по стремянке и красил крышу в красный цвет.

«Он не голодает, это точно, – подумала Васса, подходя к массивным деревянным воротам. – У него можно смело попросить кусок хлеба».

Она остановилась на мостике, проброшенном через канаву, так, чтобы её было видно с крыши, и стала наблюдать за мужчиной. Он продолжал красить, не заглядывая вниз, и не видел Вассу у ворот.

Наконец, мужчина докрасил полосу до конца, ему потребовалось перебросить стремянку. Он перебрался на верх

крыши и тут обратил внимание на девчонку у ворот с вещевым мешком за плечами.

– Чего надо? – крикнул мужчина недружелюбно.

– Дяденька, подайте хлеба, Христа ради, – жалостливо протянула Василиса, с трудом узнавая свой голос. Он у неё дрожал и был хриплым от волнения. Василиса волновалась от того, что ей предстояло говорить неправду. Ванька насоветовал ей не просто просить милостыню, как это она делала прежде, а пытаться разжалобить человека, стоять перед ним, не сходя с места, и умолять, скулить, говорить всё, что взбредёт в голову.

– Мы с братом три дня не ели, сил больше нет передвигаться. Мама с папой уже умерли с голоду, теперь голодная смерть идёт следом за нами. Дяденька, дайте что-нибудь поесть, пожалуйста. Мы с братом не хотим умирать.

– Иди своей дорогой, сучка немытая! Иди, пока бока не наломал! Нет ничего у меня для бездомных! Если я буду подкармливать каждую попрошайку – сам протяну ноги завтра! Уходи отсюда, не задерживайся, пока я окончательно не разозлился!

Мужчина передвинул стремянку на новое место и принялся красить дальше. Больше он не глядел в сторону Василисы. Ему не было дела до попрошайки.

Васса вернулась на дорогу и поплелась по улице к следующему дому. Сердце её колотилось от унижения, руки дрожали. Она останавливалась ещё у нескольких домов, но везде

получала отказ. И только в конце улицы ей повезло. На стук в ворота к ней вышла сгорбившаяся старушка. Не спрашивая ни о чём, она протянула Василисе несколько картофелин, и молча захлопнула перед носом калитку.

– Спасибо, – запоздало прошептала Васса и направилась в обратную сторону для встречи с братом. У неё больше не оставалось сил стучаться в двери негостеприимных хозяев.

Она прождала брата в месте расставания более двух часов. Наконец, Ваня появился в конце улицы. Заметив сестру, направился к ней.

– Как успехи? – спросил Ванька издалека. Лицо его сияло от счастья. Увидев слёзы на глазах сестры, встревожился:

– Что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Не-ет, – давая волю слезам, разревелась Васса. – Ничего не случилось...

– Тогда чего воешь?

– Никто не даёт подаваний... Меня везде гонят со двора, замахиваются палкой или лопатой, будто я заразная, какая-нибудь... Одна бабушка только и пожалела, дала три картошки. – Василиса размазывала по лицу слёзы, вздрагивая всем телом.

Ванька привлёк к себе сестру, принялся неумело успокаивать, поглаживая ладошками по спине.

– Ну, не реви, чего выть по пустякам? Никто не обязан отрывать от себя последний кусок. Не подали – значит, нет у них лишних харчей, только и всего. Стоит ли расстраивать-

ся? Три картошки – это тоже кое-что!

– С чего ненависть такая, а? Почему парень замахнулся на меня палкой, прогоняя со двора, как бездомную собаку? Я ведь ничего плохого ему не сделала, попросила немного хлеба, только и всего...

– За воровку тебя принял, не иначе. Тут цыгане недавно прошлись по посёлку, наверно, обворовали его, вот он и озлобился.

Василиса понемногу успокоилась, отстранилась от брата, спросила:

– А у тебя как?

– Лучше не придумаешь! – радостно сообщил Ванька и снял с плеч пошитый матерью рюкзачок. – Смотри чего мне удалось раздобыть!

Брат развязал пузатый мешок, показал содержимое. Там, кроме половины буханки хлеба, стояла двухлитровая стеклянная банка, заполненная доверху куриными яйцами, в белой тряпице был завёрнут большой шматок сала, на дне разбросано около десятка крупных картофелин.

– Видала, каков улов? – сиял от радости Ванька. – А ты – реветь! Да с такими харчами неделю можно жить!

Василиса совсем перестала всхлипывать и даже заулыбалась. Удача брата воодушевила её. Широко открытыми глазами она смотрела на Ваньку, и он казался ей героем. Казалось, перед ней стоял не девятилетний худющий мальчишка с бледным от недоедания лицом, за которым мать приказа-

ла постоянно приглядывать, а умный, смелый и удачливый рыцарь, способный всегда защищать её от любых невзгод.

Васса приняла для себя решение слушаться брата во всём беспрекословно. Ванька каким-то непостижимым образом умудрился набраться жизненного опыта гораздо быстрее, чем она, и очень быстро повзрослел лет на пять, как минимум.

– Вань, а как тебе удалось собрать... такое богатство? – спросила Васса, не в силах оторвать взгляд от обилия продуктов.

– Мужик один расщедрился, – с гордостью сообщил Ванька. Увидев недоверие в глазах сестры, спешно добавил:

– Да не крал я, честное слово, не крал. Мужик этот оказался не простым работягой, а директором завода. Но добрым.

– Расскажи, Вань, как всё было, – попросила Василиса, заглядывая в глаза брату.

И он рассказал ей всё без утайки.

...Когда они расстались на развилке улиц, Ванька не пошёл стучаться в каждые ворота подряд. Он шагал, не спеша, по середине улицы и высматривал дом побогаче, как вор предстоящую добычу. Его внимание привлёк мужчина, орудующий лопатой на огороде. Он был одет не так, как одеваются обычно простые люди, выходя трудиться на земле. Вместо старого поношенного тряпья на мужчине был одет добротный военный френч без погон и брюки-галифе, на ногах

красовались начищенные до блеска хромовые сапоги. Ванька остановился в нерешительности, разглядывая необычного огородника.

«Военный, – пронеслось у него в голове. – Лучше не связываться с ним. Схватит за руку и уведёт ещё в участок, как бродяжку, долго потом придётся выпутываться. Васска потеряет меня и начнёт искать, по-девчоночьи наделает каких-нибудь глупостей. Нет, надо уходить».

Подумав так, Ванька, сам не зная почему, продолжал стоять на одном месте, уставившись на мужчину через изгородь. Его ноги будто приросли к земле, не давая возможности двинуться дальше.

Мужчина заметил маленького бродягу, воткнул лопату в землю, опёрся на неё всем телом.

– Эй, паренёк! – весело крикнул он. – Чего стоишь? Заходи, поможешь. А то мне одному несподручно как-то.

– Можно и помочь, – солидно отозвался Ванька. – Только я дорого беру за свою работу.

– Заходи, сговоримся, – рассмеялся мужчина. – Калитка открыта.

У Ваньки учащённо забилося сердце, не то от радости, не то от страха, а может, от того и другого одновременно. Он без колебания шагнул в сторону ворот. Дядька сразу понравился ему своей доброжелательностью.

– Давай знакомиться, – протянул руку мужчина, когда Ванька стоял уже рядом с ним. – Меня зовут Иван Макси-

мович. А тебя?

– Иван Маркович, – опять солидно ответил Ванька.

– Хо, тёзка, значит? Даже отчество у нас чуть не наполовину одинаковое. А фамилия твоя какая?

– Ярошенко.

– А

моя – Сидорин. Близкое окружение зовёт меня просто Сим, или дядя Сим.

– Это почему так? – удивился Ванька.

– По начальным буквам фамилии, имени и отчества.

– А-а, – понятливо протянул Ванька.

– Ну, что, Иван Маркович, согласен мне помочь?

– Что нужно делать?

– Да, вот, понимаешь ли, с посадкой картошки запоздал.

Одному приходится и лунки копать, и за корзинкой бегать. А тут ты подвернулся, вдвоём-то мы живо управимся, верно?

Ванька взял корзинку с картошкой, принялся осторожно укладывать картофелины в лунку, стараясь не поломать длинных уже ростков.

– А почему вы один, дядя Сим? – поинтересовался Ванька. – У вас что, нет родственников?

– Жена у меня неожиданно в больницу угодила, а сына в этом году в армию призвали. Так вот и получилось, что я нынче один остался, – горестно усмехнулся Иван Максимович.

– Поздно вы посадкой занялись, – заметил Ванька со знанием дела.

– Да, запоздал, – согласился Сидорин. – Сначала было всё некогда, а потом в командировку отправили, на неделю. Но ничего, успеет вырасти наша кормилица. Для созревания ей отводится семьдесят пять дней, от силы три месяца.

– Дядь Сим, а вы военный, да?

– Сейчас уже нет, – с сожалением в голосе ответил Иван Максимович. – Теперь я другими бойцами командую.

– Какими? – удивился Ванька. В его представлении существовали только одни бойцы – бойцы Красной Армии.

– Бойцами на поле брани за качественный чугун и сталь. Металл сейчас – ох, как нужен для индустриализации страны! Боец – это ведь участник боя, а бой теперь идёт по всем направлениям. Так что работники металлургического завода с некоторых пор превратились в настоящих бойцов.

– Значит, вы большой начальник на заводе?

– Не большой, а главный начальник, – рассмеялся Иван Максимович. – Директором я тружусь на металлургическом заводе. Партия направила меня на эту должность.

Ванька замолчал, поражённый известием. Он не мог понять, почему Сидорин, находясь на такой высокой должности, трудится на огороде в одиночку. Неужели на заводе не нашлось людей, которые могли бы оказать ему помощь? Ведь дядя Сим непростой человек, а директор. У него в подчинении тысячи людей, которые исполняют любые его приказы. Ванька не удержался и спросил напрямую:

– Дядь Сим, почему вы не заставили кого-нибудь помочь

вам?

– Заставить? – опять рассмеялся Иван Максимович. – Заставить работать на моём огороде я, Иван Маркович, не могу. Партия большевиков отменила подневольный труд человека. Сейчас каждый гражданин нашей страны трудится на добровольной основе, батраков не существует.

– А друзья у вас есть?

– А как же? Без друзей жить невозможно.

– Ну вот, могли бы зазвать к себе кого-нибудь из них. От чего не попросили о помощи? – допытывался Ванька.

– У моих друзей и своих дел по горло накопилось. Все они работали долгое время без выходных. Пусть с семьями побудут хотя бы денёк. Да и, честно говоря, слукавил я, сказав им, что не собираюсь нынче сажать картошку. Вот и ковыряюсь один, впрочем, уже вдвоём.

– Разве можно врать друзьям?

Иван Максимович отрыл очередную лунку, остановился. Опёршись на черенок лопаты, стал пристально разглядывать Ваньку. Тот положил клубень в ямку, выпрямился в ожидании ответа.

– Вообще-то, я не говорил, что соврал своим друзьям. Врать – это говорить неправду, а я слукавил, то есть схитрил без корысти.

– Не всё ли равно, врать или лукавить, друзей-то вы обманули, – не согласился Ванька с Сидориным.

– В жизни, брат, иногда бывает предпочтительнее слука-

вить, чем сказать правду. В интересах дела, так сказать. Порой это единственный выход для достижения поставленной цели. Только цель эта должна быть благородной, без корыстных интересов. Тогда тот, кого ты ввёл в заблуждение, в конечном итоге поймёт тебя обязательно.

Ванька во все глаза смотрел на Сидорина, переваривая в голове смысл сказанного, и вдруг радостно заулыбался:

– Значит, обманывать иногда можно? Если с благородной целью?

Иван Максимович сразу догадался, о чём думал в этот момент нежданно объявившийся помощник.

– Вообще-то, обманывать в любом случае нехорошо. Но жизнь – сложная штука, в ней существуют и правила, которых в обязательном порядке должны придерживаться люди, и исключения из них. И эти исключения должны быть в пределах разумного, чтобы не нанести вреда другим людям.

Ванька непонимающе захлопал глазами и переспросил:

– Так можно или нет?

– В исключительных случаях можно.

– Как можно узнать, что случай исключительный?

– Когда человек попадает в тяжёлое положение, и пытается найти выход из него. Как ты, допустим. Чтобы не умереть с голоду, начинаешь рассказывать людям разные жалостливые истории, не так ли?

От неожиданности Ванька опешил. Как дядя Сим мог догадаться о его тяжёлом положении? Неужели он слышал при-

думанные им истории и знает, что это чистое враньё? Вот попался, так попался! От растерянности Ванька замер, оставаясь на корточках и забыв положить картофелину в лунку.

– Вот это и есть исключительный случай в твоей жизни, когда ты обманываешь людей, чтобы утолить голод.

Ванька облегчённо выдохнул и тут же выпалил:

– Дядь Сим, я ведь забочусь не только о себе. У меня есть ещё сестрёнка, с которой мы попрошайничаем вместе.

– Где она сейчас?

– Пошла по соседней улице, так можно насобирать больше кусков, – признался Ванька. – У нас ещё мамка дома голодная.

– Вот что, Иван Маркович, – озабоченно сказал директор завода. – Сейчас мы с тобой закончим посадку картошки, и ты пойдёшь искать свою сестру. Приведёшь её сюда, и мы все вместе пообедаем. Лады?

Ванька задумался, как лучше поступить. Если сходить за Вассой – можно остаться без подаяния. А что? Дядя Сим покормит их обедом и выставит за ворота, и на этом спасибо. А если сестру не приводить – может обломиться паёк посолиднее, чем тарелка супа. Всё-таки он работал на огороде, помогал сажать картошку, как-никак. Ванька выбрал второй вариант.

– Дядь Сим, не получится у меня разыскать сестру быстро. Мы условились с ней встретиться только вечером, – соврал Ванька и от стыда опустил глаза в корзинку с клубнями.

– Ну, хорошо, заходите в следующий раз, – ответил Иван Максимович, не разглядев на щеке Ваньки появившийся румянец. – Мою жену, надеюсь, скоро выпишут из больницы. Я ей расскажу о вас.

Покончив с посадкой, Сидорин отблагодарил своего помощника щедрым набором продуктов, которые Ванька торопливо сложил в мешок.

– Пообещай, что вы с сестрой заглянете к нам в гости, – потребовал Иван Максимович на прощание.

– Обязательно, дядь Сим, – с плещущейся через край радостью ответил Ванька.

... – Вот так всё и было, – закончил свой рассказ Ванька.

– Вот здорово! – с восхищением воскликнула Василиса. – Есть же добрые люди на свете.

– А на ту улицу, по которой ты сегодня прошлась, дядя Сим запретил ходить, – сообщил Ванька.

– Почему?

– Потому что там живёт всякое... как его... отребье, вот, – ответил Ванька, с трудом вспомнив незнакомое для себя слово, которое впервые услышал от Ивана Максимовича.

– Что значит – отребье? – спросила Василиса.

– Ну, это... бандиты разные, которые не любят советскую власть, – на ходу придумал объяснение Ванька. – Воры, да спекулянты всякие...

– А-а, – протянула Васса. – Теперь понятно, почему они чуть не побили меня.

Ванька завязал свой мешок, повесил на плечи.

– Идём отсюда поскорее, а то вдруг дядя Сим увидит нас вместе. Стыдно будет за обман.

... Они побирались до осени 1934 года. За это время успели обойти всю округу города. Раз в неделю посещали дом Ивана Максимовича, познакомились с его женой – Маргаритой Васильевной, женщиной с исключительно доброй душой. Она кормила их ужином и оставляла ночевать у себя.

А потом произошли перемены в их жизни. Марку Ярошенко, как ударнику труда, разрешили перевезти семью в город на постоянное место жительства. Они стали жить все вместе в посёлке Стрелка в бараке неподалёку от металлургического завода.

Голодная смерть миновала их семью. Казалось бы, жизнь понемногу стала налаживаться. Марк продолжал трудиться на угольных печах, Евдокии удалось устроиться на работу в лыковую артель, дети ходили в школу. Обоих зарплат хватало, чтобы не жить впроголодь. Но благополучная жизнь продлилась всего три года...

Глава 7

В конце июля 1938 года ранним утром на берег реки Алдан из тайги вышли двое мужчин. Вид их был усталым и измученным. Искусанные комарами и мелким гнусом лица опухли и обросли многодневной щетиной. Они поочерёдно сбросили с плеч тощие вещмешки и тут же попадали на землю.

– Докандыбали, всё-таки, – сказал один из них, черноволосый мужчина лет тридцати. Ростом он был на полголовы выше своего спутника и выглядел покрепче.

Голос его прозвучал вяло и равнодушно, будто мужчина сожалел о том, что они вышли к реке.

– А я уж и не надеялся выбраться из тайги, если быть откровенным, – отозвался второй, глядя в голубую синеву неба широко открытыми глазами. – Думал, кирдык нам обоим, достанемся волкам на съедение. А ты, Сано, оказался молодцом, хорошо в тайге ориентируешься.

– Рано радоваться, Гриша, – обронил Сано. – Из тайги-то мы с тобой выпутались, но, чуёт моё сердце, от хвоста не избавились, тянется он где-то совсем рядом. Не мог Клешня остаться на прииске. Грабеж, убийство. Не похоже это на него. До Усть-Маи нам ещё топать и топать, блатные по реке могут нагнать. Вода здесь бежит быстрее идущего человека раза в два, а на перекатах и того больше.

– Теперь уж точно дотопаем, друг мой Кацапов, – твёрдо заверил Григорий. – Главное, мы с тобой оторвались от братвы и в тайге не остались навечно. Если зырить в четыре глаза – лодку Клешни можно увидеть издалека. Тогда у нас будет время улизнуть обратно в тайгу. Доберёмся до Усть-Маи, не сомневайся. Теперь мы с голоду не подохнем. В реке полно рыбы, а на берегах Алдана стоят олениводы, не пропадём. Якуты – гостеприимный народ, покормят олениной и в дорогу ещё дадут.

Кацапов промолчал, потом тяжело поднялся, направился к реке. Вода была кристально чистой. Он зачерпнул целую пригоршню, плеснул себе в лицо, умылся. Потом из пригоршни напился маленькими глотками. Вода была холодной, почти ледяной. Возвратившись назад, склонился над вещмешком, развязал шнурок, достал задымлённый котелок и небольшой топорик. Вытащив из ножен большой охотничий нож, сказал:

– Пойду виц нарежу, морду излажу. К обеду, надеюсь, рыбки наловим, ухи похлебаем, а то неделю жевали одни ягоды да коренья. Брюхо усохло так, что кишки к хребтине прилипли.

– Рыба-то, дура, что ли, в пустую морду лезть? – усомнился Григорий в затее Кацапова. – Для неё приманка требуется. А у тебя её нет.

– Будет ей и приманка, – с уверенностью проговорил Александр. – Ты лучше костерок разведи, да чаёк сваргань.

Для заварки зверобоя нарви. Кишки для начала травяным отваром размочим.

Григорий медленно оторвал от земли своё обессиленное тело, с трудом поставил себя на ноги. Постояв несколько секунд на месте, будто проверяя ноги на прочность, пошатываясь, направился на поиски сухого валежника.

Противоположный берег Алдана ещё купался в молочном тумане. Гряда чёрных неумытых скал вздымалась высоко вверх и явственно выпирала из этого тумана, скалясь острыми вершинами.

Кацапов шёл по берегу в поисках заливчика. Ему нужна была тихая заводь с речной травой, куда можно было бы установить морду – плетёную снасть для ловли рыбы в виде конуса с небольшим отверстием в днище, – не опасаясь, что её снесёт бурным течением. Такое место он вскоре отыскал. Это был небольшой, но глубокий уступ в береговой полосе. Поверхность воды казалась недвижимой, на дне хранилась завораживающая тайна. Он постоял некоторое время, взглядываясь в тёмную водяную бездну, надеясь увидеть там сверкнувшее серебро рыбьей чешуи.

«Вот здесь и поставлю» – решил Кацапов. Не обнаружив присутствия рыбьей стаи, он почему-то был уверен, что сомага, окунь или даже язь в этом отстойнике всё-таки есть.

Пока Александр плёл морду, Григорий по его распоряжению занимался поиском приманки. Заострённой под лопату палкой, он разрывал кротовые норы. Ему удалось добыть

несколько кротов и наловить с десятков лягушек.

Через пару часов плетёная ловушка из ивовых прутьев была готова. Кацапов порубил кротов и лягушек на мелкие куски и поместил приманку в конусообразное нутро снасти. Вдвоём они отнесли морду к облюбованной заводи и, закрепив её на длинной ветке черёмухи, осторожно опустили на дно омута. Потом вернулись к костру, стали ждать улова.

– Гриньша, а что ты будешь делать, когда вернёшься домой? – спросил Кацапов, вглядываясь в извивающиеся языки пламени.

– Во-первых, вначале надо по-умному сбыть золотишко, – после некоторого размышления ответил Григорий. – Чтобы не объегорили какие-нибудь черти. Потом уж буду думать, как распорядиться деньгами и чем заняться.

– И всё-таки?

Григорий на миг задумался, словно взвешивая в уме, стоит ли предавать огласке давнишнее желание, и сказал:

– Мечта у меня есть, Сано, – голос его прозвучал как-то необычно тепло и трогательно. – Избу хочу поставить на берегу Байкала, добротную. А потом привести туда красивую жену. Хохлушку с длинной косой. Я видел такую деваху в Улан-Удэ! Чернобровая, грудастая, кровь с молоком! А как она пела, Сано! Голос звонкий, искристый. За душу берёт и кровь кипит от страсти!

– Где ж ты такую красавицу найдёшь? – удивился Александр. – В Хохляндию, что ли, за ней поедешь?

– А что? Денег у меня теперь на всё хватит! – хвастливо заявил Григорий. – И дом построю, и лодку куплю, и за хохлушкой съезжу, если в Забайкалье не отыщу.

– А я вот даже ума не приложу, куда потрачу свои деньги, – как-то невесело сообщил Кацапов. – Когда вербовался на прииск, думал, вернусь в деревню, накуплю подарков всем родственникам, а потом помотаюсь по стране, мир посмотрю. А сейчас даже не знаю, чего мне больше хочется: шумной городской жизни или таёжной тишины. Женатиком я уже побывал по дураости.

– Ты был женат? – удивился Григорий.

– Бы-ыл. Матушка моя постаралась, подыскала богатенькую невесту, – усмехнулся Александр. – Двадцатый год мне шёл в ту пору. Остались мы с матерью на мели после смерти отца. Большевики забрали у меня под расписку две лодки, но не вернули ни одной. Как жить дальше? Наша семья из поколения в поколение занималась сплавом руды, да леса. А без шитиков – что? Полный крах. Пытался подрабатывать вначале, бараки строил, но потом эта кормушка быстро закончилась. Бараков больше не требовалось. На шее мать, которая не приспособлена для работы, да брат инвалид. Лошадей и корову продали, жили огородом. Вот мать и надумала женить меня.

– Девка-то, хоть красивая? – поинтересовался Григорий.

– Была бы красавица – на бедняка не позарилась бы.

– Неужто страхилятина какая?

– На лицо-то ещё, куда ни шло – смазливая бабёнка, но уж больно худая. Жердь в стогу сена, и та толще, – снова усмехнулся Кацапов, вспомнив бывшую жену.

– Зачем согласился жениться на ней?

– Сам не знаю, – пожал плечами Александр. – Может, потому что доброй она оказалась, послушной. Думал, стерпит-ся, слюбится, не все ведь по любви сходятся. Может, так бы оно и получилось, если бы не одно «но».

– Колдунья, поди, какая-нибудь, – забежал вперёд Григорий с предположением.

– Не-ет, бабья икра в ней мёртвой оказалась. Не завязывались у неё дети почему-то. Сводил к докторам, а они развели лишь руками. А без детей как? Зачем жить с пустышкой, верно?

– И ты развёлся?

– Перед тем, как в армию идти, ушёл я от жены ненаглядной. Богатством её так и не удалось воспользоваться – всё имущество в колхоз ушло. Стала моя Нинка обычной колхозницей, палочки зарабатывала в конторской книге, вместо денег.

– Да, не повезло, – посочувствовал Григорий.

– А я думаю – наоборот, не позволил себя сцапать раньше времени. По мне свобода и независимость лучше всего на свете. Семьёй надо обзаводиться тогда, когда душа сама этого захочет.

– Как узнать, когда эта душа сама захочет? – в раздумье

проговорил Григорий, глядя поверх костра куда-то вдаль, на противоположный берег Алдана.

– Тебе же захотелось привести в дом хохлушку?

– Ну, да.

– Так вот, это и есть зов твоей души. Это она подсказывает тебе, что следует делать.

– А твоя что подсказывает?

– Моя сейчас тревожится отчего-то, Гриша, я чувствую это, – серьёзным тоном сказал Кацапов. – Сердце у меня по-другому начинает толкаться в предчувствии опасности. Внутри организма будто огонь какой-то загорается, горячо становится в груди.

– В пятки сердце не уходит? – рассмеялся Григорий.

– Нет, в пятки оно у меня никогда не уходит – тайга наделила смелостью, а вот опасность я всегда наперед чувствую, – не обращая внимания на подковырку, ответил Александр без улыбки. – Видать, от отца передалось. Он опасность всегда предчувствовал и заранее к ней готовился.

– Ерунда всё это, предрассудки, – после длительной паузы проговорил Григорий. – От недоедания твоё сердце неправильно толкается, от слабости. Вот похлебаем наваристой ухи, наберёмся сил – и всё пройдёт, вот увидишь. Застучит твоё сердце, как часики.

– Поживём – увидим, – сказал Александр. – Только дурное предчувствие меня никогда не подводило.

– Думаешь, Клешня следом идёт?

– Уверен, – сказал Кацапов. – Только преследует он не нас.

– А кого?

– Он бежит от милиции. Ему награбленное золото спасти надо. У него его – ого сколько! Шутка ли, прииск ограбил? По реке он сплавляется со своей братвой, зуб даю. Жаль только, что мы не знаем, где он сейчас? Подплывает к устью Учюра, или уже миновал его, дошёл по Алдану до Усть-Милля. В любом случае, нам здесь денёк надо отсидеться, пусть Клешня уйдёт от нас подальше вперед.

– Ты прав, Сано, – согласился Григорий. – Будем жирок набирать. Нам спешить некуда, пусть всё поутихнет немного. Милиции известно о нападении на прииск, по радиции я сообщил в управление о нападении. Наверняка прискакали уже синие окольши. Всё-таки, больше недели прошло с момента ограбления.

– Может, зря мы с тобой с прииска дёру дали? – в раздумье проговорил Александр, взглянув на друга. – Артельное золото мы не брали, людей не убивали, чего испугались? Ну, появился бы на прииске следователь, допросил нас, как свидетелей, и что? Упёк за решётку?

– Запросто, – ответил Григорий без промедления. – На прииске осталось мно-ого тёмных пятен, которых нам с тобой не смыть. Загребли бы до кучи, не сомневайся. Если бы начальник артели живым остался, а то и поручиться за нас некому. Нет, Сано, рванули мы с прииска под шумок правильно. Пусть мельтоны думают, что и нас бандиты где-то

порешили.

– Да, наверное, ты прав, – покивал головой Кацапов. – И бугая этого, Шатуна, я, кажись, отправил на небеса только в один конец. Он ведь так и не поднялся, пока ты там с рацией возился. Получается, жмурик он. Бандит Шатун, или нет, а отвечать за его смерть по любому пришлось бы.

До полудня они просидели на берегу, вспоминали детали происшествия на прииске.

– Ладно, хорош трепаться, – оборвал воспоминания Кацапов. – Что произошло, то произошло, назад времени не воротишь. Пошли морду вытаскивать, дружище.

– Пошли, братуха. Как говорится, языком и лаптя не сплести, а от звонкого пения можно только охрипнуть.

Дружба Григория и Александра действительно была настолько крепкой и преданной, чтобы, не кривя душой, можно было называть им друг друга братьями.

...Кацапов был призван на службу в 1930 году, в третий Томский железнодорожный полк. В учебном отряде встречался с Григорием Надеждиным. Оба освоили специальность пулемётчика, потом вместе охраняли железнодорожный мост через реку Обь. Григорий стоял на левом берегу, Александр – на правом.

После окончания службы они разъехались, каждый вернулся в свои родные места. У себя в деревне Александр пробыл недолго. Накативший совсем неожиданно голод заставил его покинуть родной дом. Мать, которая так и не всту-

пила в колхоз, спешно уехала к дочери в Пермь. Младшему брату-инвалиду Егору в тот год исполнилось двадцать два года, из него получился отличный столяр по изготовлению мебели. Заказов на прожитьё хватало. Он трудился на дому, и покидать родной дом в его положении было неразумно. К тому же, брата от голода мог спасти огород с картофелем, которого было достаточно, чтобы продать или обменять на другие продукты. Александр, как не старался, не нашёл для себя подходящей работы. Ему, крепкому и здоровому парню, было стыдно сидеть на шее у брата-инвалида.

Вырулил ситуацию Гриша Надеждин, пригласив Кацапова к себе в Улан-Удэ.

Не раздумывая, Александр укатил к другу в Бурятию.

– Что, совсем худо у вас на Урале? – спросил Надеждин при встрече.

– Тяжело, Гриша, – вздохнул Кацапов. – Очень тяжело. Работы нет, продуктов нет, люди мрут от голода, как мухи.

– Ничего, братуха, пулемётчики и без пулемёта могут сражаться, – Григорий трижды похлопал друга по плечу. – Я уже замолвил словечко за тебя. Завтра пойдёшь оформляться на работу. Через неделю экспедиция отправляется в путь.

– Скажи хоть толком: что за экспедиция, куда направляется, в чём будет заключаться наша работа?

– Завтра, Сано, тебе всё объяснят в управлении геолого-разведки.

– Какой из меня геолог? – засомневался Кацапов, взмет-

ну на Надеждина круглые от удивления глаза. – У меня всего четыре класса церковно-приходской школы.

– Тебе и не нужно большой грамоты, – успокоил друга Гриша. – Нас берут на вспомогательные работы. Будем рыть шурфы, таскать образцы породы, добывать зверя и птицу для пропитания, готовить геологам пищу. Одним словом, выполнять все хозяйственные работы. Время голодное, придётся жить на природных харчах. Но в придачу за это получать ещё и жалованье!

– Всё у тебя как-то просто выходит, Гриньша, – с недоверием проговорил Александр. – Бах! Тарабабах! – и заполучите на блюдечке райскую жизнь!

– Не сомневайся, Сано, всё так и будет, как я говорю! – преданно заглянув в лицо Александра, заверил Григорий. – Но пахать придётся, конечно, не без этого. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Ладно, поживём – увидим, – пробурчал Кацапов незлобиво. – Другого варианта у меня всё равно нет. Далёко придётся чапать?

– По Витиму пойдём. Вольфрам и молибден предстоит искать. Будем бродить по тайге до самой осени.

И бродили они с Григорием вплоть до осени 1936 года. Из одной экспедиции в другую, из Бурятии в Читинскую область, потом ещё отшагали не одну сотню километров по приамурской тайге в поисках золотых запасов. Там-то впервые они и увидели золото, познакомились с его добычей. Ко-

гда случайно просочилась информация о том, что в Якутии идёт вербовка старателей для работы на золотых приисках, глаза Григория Надеждина загорелись лихорадочным блеском.

– Сано, это же то, что нам нужно! – воскликнул Григорий. – Это же не какая-то промышленная добыча из горных пород, а старательская кустарщина! Берешь в руки лоток, нагребашь из реки ил, потряхивашь в воде до тех пор, пока на дне не покажется золотой песочек. Просто и наглядно. Там под шумок можно и для себя кое-что намыть!

Григорий Надеждин, щуплый светловолосый весельчак среднего роста с короткими рыжеватыми усиками, был увлечённой натурой. Его легкомыслие и опрометчивость иногда подводили не только его самого, но и некоторых людей из его окружения. Александр Кацапов был одним из них. Они были полной противоположностью друг друга. Степенный, уравновешенный и добродушный Александр почему-то всегда шёл на поводу своего друга. В глазах Григория каждый раз загоралась какая-то детская непререкаемая истина, противиться которой было просто невозможно. Кацапов бубнил некоторое время что-то про непродуманность идеи, но потом будто попадал под гипноз Надеждина и уже совершенно безропотно соглашался с его затеей. Григорий был в его жизни, как поводырь у медведя.

– Ты что, тырить предлагаешь? – сразу возмутился Александр. – Да за это, знаешь, сколько могут припаять?

– Почему тырить? Будем исправно трудиться, сдавать в артель всё, что намоем, до последней песчинки.

– Тогда...как?

– Э-э, большеголовый, а недогадливый, – снисходительно сказал Григорий и постучал указательным пальцем по лбу. – Думать надо, Сано! Соображаловка-то тебе на кой хрен привинчена к туловищу?

– Ты кончай умничать... учитель, – промолвил Александр угрожающе. – А то я не посмотрю, что ты хлипкий, въеду в ухо, и быстро поставлю твои мозги на место.

– Ладно, не кипятись, чего завёлся? Это я так...в шутку, раз до тебя не сразу доходят мои мысли.

– Шутник хренов, рассказывай, давай, что надумала твоя умная башка, – продолжая сердиться, проговорил Кацапов.

– Мы, Сано, где-нибудь в сторонке от прииска жилу поищем. Не может быть, чтобы песочек был только на территории добычи. Просто обнаружили его однажды в одном месте, и сразу принялись мыть. А мы ходим по речке, поищем ещё местечко. В выходные, да после работы и будем промышлять потихоньку. Ты у нас таёжник, следопыт и охотник. Вот и будешь стеречь наше место, а я золотишком займусь.

– А делить как будем? – усмехнулся Александр. – Мне грамм за охрану, а тебе всё, что намоешь?

– Ну, это...разберёмся потом, – растерялся Григорий от неожиданного вопроса. Потом под ехидным взглядом Кацапова добавил поспешно:

– Думаю, пополам поделим, братка. Так справедливо будет.

– Шустрый ты веник, Гриня, – рассмеялся Александр. – Ещё никуда не уехали, а ты уже добычу делишь.

– Ну, так всё надо предусмотреть заранее, – попытался вывернуться Григорий, осознав, что поспешил с делёжкой несуществующего золота.

– Считай, что я подписал твой контракт.

После непродолжительного обсуждения друзья рванули в Якутск. Так они очутились на прииске старательской артели «Алданзолото».

...Рыбы в морду набилось немного, где-то около килограмма молодняка окуня и сороги. Крупная рыба резвится в холодной струе течения, и в тёплые заливчики заходит редко. Друзья вытряхнули из ловушки скудный улов, опустили морду обратно в воду. Тут же на берегу выпотрошили внутренности, промыли рыбы тушки, бросили в котелок весь улов.

– Это будет рыбный чай, а не уха, причём, на обед и ужин одновременно. Для такой жиденькой ухи даже ложки не полагается, – с нескрываемым ехидством высказался Григорий, вешая котелок с рыбой на вогнанную под углом в землю часть обрубленного ствола черёмухи. – Конечно, питаться мальками лучше, чем ягодами и грибами. Вот если бы в котелок добавить пару картофелин, головку лука, сыпануть туда щепотку соли, а для вкуса опустить ещё лавровый ли-

стик – это была уха!

– Бабий дристик бы на язык тебе сейчас намазать, распро-
бовал бы, что вкуснее, – съязвил Александр. – Ты недоволен
едой? Мяса хочется?

– Не отказался бы.

– Тогда возьми нож, сходи в тайгу и завали косолапого
мишку. В чём проблема, дружище? Отдохнём здесь недельки
две, пожуём медвежатины, наберёмся силёнок, и двинемся
дальше.

– Я что, не могу высказать своё мнение? – слегка обидев-
шись, ответил Надеждин.

– Можешь. В столовке, например, когда тебе подадут пу-
стой суп без соли и предложат выпить его через край.

– Ты чего заводишься, а? Сердишься на пустом месте, как
дитё малое. Совсем не понимаешь шуток, что ли?

– Твои шутки дурацкие, от них тошнит. Сам ни крошки
из жратвы не добыл за всю дорогу, зато покритиковать ме-
ня оказался горазд. Кисейная барышня, понимаешь! Рыба у
него мелкая, видите ли, да ещё и без соли! Скажи спасибо,
что в котле не лягушки варятся.

– Сано, ты чего? Всерьёз обиделся?

– Да пошёл ты...

Кацапов, не дожидаясь, когда сварится рыбешка, встал,
поднял с земли топор и направился к зарослям прибрежно-
го ивняка. Вскоре из кустов послышался характерный звук
от рубки дерева. Григорий заострённым прутиком проверил

готовность рыбы, потыкав её в нескольких местах для убедительности, затем снял котелок с огня. Ложек у них не было, нужно было дожидаться, когда вода в котелке остынет, чтобы можно было брать рыбу руками.

Минут через пятнадцать вернулся к костру Кацапов. Он притащил большую охапку ивовых прутьев толщиной в два пальца, бросил на землю.

– Поел? – продолжая сердиться, спросил он.

– Нет ещё, тебя жду.

– Как поешь, сходи, нарежь травы и камыша. Шалаш смастерим, поспим по-человечески.

Они молчаливо выловили прутиком по рыбёшке, принялись тщательно её обглаживать. Покончив с рыбой, выпили по очереди через край весь бульон.

– Спасибо за уху, Сано, – ласковым подхалимским голосом поблагодарил Григорий друга, сложив ладони вместе и поклонившись по-буддистски. – Без твоей изобретательности я действительно подох бы с голоду.

– Эх ты, клоун бурятский, – с примирительной усмешкой проговорил Кацапов. – Не можешь и часа прожить без придури.

– Почему бурятский? Я русский человек, такой же, как ты.

– А почему у тебя глаза раскосые?

– Потому что очень часто сужаются от шуток и смеха, – быстро нашёл оправдание Надеждин. – Светлые волосы у бурят не бывают.

Во внешности Григория действительно усматривались едва уловимые бурятские корни. Видимо, в одном из поколений его предки всё-таки имели родственные отношения с представителем народа монгольской языковой группы.

– Ладно, шут гороховый, иди, готовь траву для крыши шалаша. Ночью может дождь пойти. Всё к этому идёт, облака тяжёлые поползли, – озабоченно сказал Александр.

Ближе к ночи и вправду пошёл мелко морозящий дождь. Он шёл всю ночь и до самого вечера следующего дня.

Беглецы отлёживались в шалаше, покинув его только однажды для того, чтобы достать улов рыбы из плетёной ловушки.

На сей раз им повезло больше, чем накануне. В морду зашла двухкилограммовая щука. Видимо, она хотела поживиться мелкими окунишками, мечущимися в ловушке, да так и не смогла найти обратный выход.

Обед получился плотным, часть щуки осталась ещё на ужин. Ещё большая удача подвернулась вечером.

Когда закончился дождь, Григорий направился в лес в поисках прошлогодних кедровых шишек. Шишек он не нашёл, но вернулся радостный с живым тетеревом в руках.

– Где ты его раздобыл? – удивлённо воскликнул Александр, обрадовавшись не меньше друга.

– Ты не поверишь, Сано! – прерывающимся от возбуждения голосом протараторил Надеждин. – Приспичило меня после щуки, присел я под деревом. Вдруг вижу, в кустах что-

то шевелится. Ну, я надёрнул штаны, замер. Трава снова зашевелилась. Пополз я на четвереньках осторожно, а сам не свожу глаз с того места, где заметил шевеление. Смотрю – птица лежит на боку, головой водит по сторонам. Я – прыг на неё сверху, подмял под себя.

– Ловко у тебя получилось, – восхитился Александр.

– Шиш бы я поймал этого красавца, окажись он здоровым, – пояснил Григорий. – Одноглазый он, и крыло перебито. Потому и попался мне в руки. Интересно, кто это его так?

– Ястреб, возможно, – сделал предположение Кацапов.

– А я думал, ястреб охотится только на грызунов.

– Он, как мы с тобой: набрасывается на любую пищу, когда жрать хочется.

– Иди ты...

– Точно, – усмехнулся Александр, довольный тем, что Гриша поверил его байке.

– А почему этот ястреб не добил его, не сожрал? – не унимался Надеждин.

– Видать, спугнул кто-то, помешал довести дело до конца.

– А-а...

– Теперь за ястреба поработаем мы с тобой, – с лица Александра не сходила усмешка. – Дай птицу мне.

– Зачем?

– Дай, говорю. Хочу тоже полюбоваться.

Не подозревая подвоха, Григорий передал тетерева. Александр взял перепуганную птицу, погладил по перьям.

– Ну, что, друг пернатый, поможешь голодным людям? – спросил он шутливо, приблизив голову тетерева к своему лицу. Птица моргнула здоровым глазом, дёрнула головой.

– Ну, вот, тетерев согласен, – расплылся в довольной улыбке Александр. – Сейчас он взлетит на небеса даже без крыльев.

Григорий не успел толком сообразить, что собирается делать его друг, как Кацапов выхватил нож, резко присел и положил шею птицы на обрубок дерева. На секунду мелькнуло в воздухе стальное лезвие, и голова тетерева отскочила от плахи.

– Ну вот, полный порядок, – по-хозяйски произнёс Кацапов, взял тетерева за ноги и опустил шейю вниз, чтобы стекла кровь. – Возьмём завтра в дорогу твой трофей в качестве НЗ.

– Мёртвого? – невольно вырвалось у Григория. – Он же протухнет! Надо было живьём тащить с собой. Порешили бы его, когда нужда заставила.

Пошевелив смоляными бровями, Александр с укором посмотрел на друга, процедил насмешливо:

– Под носом взошло, а в голове не посеяно.

– Это ты к чему?

– К тому, Гриша, что усы ты отрастил, а таёжного опыта так и не набрался. Птицу в руках собирался тащить?

– Почему в руках – в мешке...

– Окочурилась бы твоя птица на первом же километре, – сказал Александр. – И выбросил бы ты потом её уже как па-

даль. О свежем мясе вспоминал бы со слезами на глазах, да голодной слюной до колена!

Григорий потёр лоб, стараясь сообразить, как поступит друг с его трофеем. Ведь соли у них не было, а другого способа сохранить мясо он не знал. Он произнёс в недоумении.

– Мы что, съедим её в первый же день?

– Нет, Гриша, мы наше мясо законсервируем. А пока птицу нужно ошипать. И это сделаешь ты, дружище.

Кацапов действительно изготовил из тетерева что-то наподобие тушёнки. Пока ошипанная птица варилась в котелке, он изготовил из бересты туесок с крышкой. Затем ушёл в тайгу, где пропадал больше часа. Вернулся с охапкой каких-то длинных кореньев, радостный. Они были похожи на корень хрена, только зеленоватого цвета.

– Вот, Гриша, наковырял то, что нам нужно, – потряс Александр одним из загадочных корнеплодов. – В этих корнях великая сила от всякой заразы.

– Что это?

– А я и сам не знаю, – признался Александр. – Дед мой называл этот корень живым фершелом, использовал для обеззараживания. Когда мы блудили по тайге, мне не раз попадались на глаза листья этого растения. И, как видишь, дедово ученье пригодилось.

– Тот ли это корень, ты не ошибся? – с сомнением спросил Надеждин. – Вдруг это яд какой-нибудь?

– Может и яд, проверим.

– Как?

– Когда проголодаемся – я съем птицу целиком. Если останусь жив – значит, не ошибся, – на полном серьёзе проговорил Кацапов. – Идёт?

– Шут уральский!

– С кем поведёшься, – рассмеялся Александр.

Он почистил корни, промыл в проточной воде, затем порубил на куски и раздавил в берёзовом туюске до кашицы. Отваренного тетерева разломил на части, опустил в образовавшуюся жижицу, тщательно перемешал. Потом закрыл плотной берестяной крышкой.

– Консервы готовы! – торжественным голосом заявил Александр.

– Лихо ты! – похвалил Григорий друга.

– А то! Со мной не пропадёшь!

День погас. Всё вокруг окуталось тёмной пеленой, которая в считанные минуты превратилась в одну сплошную чёрную бездну. Друзья на четвереньках заползли в шалаш и очень скоро уснули.

Глава 8

Александр проснулся первым. В шалаше было темно, но по каким-то неуловимым признакам уже ощущалось зарождение нового дня. Он отставил в сторону травяной ставень, и в шалаш просочилась робкая серость разгорающегося рассвета. В открывшийся проём сразу хлынула струя свежести, образовавшейся за ночь. Это был не просто охлаждённый воздух, а насыщенный спай речных и таёжных запахов, который приятно щекотал ноздри и пьянил голову.

– Подъём, рядовой Надеждин, – негромко скомандовал Александр и несколько раз подёргал друга за ногу. – Залезались мы с тобой, пора отправляться в путь.

– Что, уже? – пробормотал Григорий сонным голосом. Протерев глаза, недовольно пробубнил: – Темно же ещё, Сано, дороги не видать пока, можно и ноги переломать.

– Вставай, вставай! Пока кипятим чай, пока завтракаем, тут и солнце выкатится. Чую, день сегодня уродится жарким. Лучше в полдень где-нибудь покемарим.

– Изверг ты, Сано. Сам не спишь толком, и другим не даёшь, – продолжая бурчать, Григорий выполз наружу. – Бр-р, холодина-то какая!

– Идём умываться! – властно распорядился Кацапов и направился к дымящейся реке. – Сонная дурь быстро выветрится!

Надеждин без слов покорно поплёлся за другом.

Через полчаса, залив костерок водой, беглецы отправились в путь.

Хмурый и неприветливый с утра лес, обласканный первыми лучами солнца, пробуждался, оживал. Воздух заполнялся птичьим щебетанием, пиликаньем и радостным свистом. Густой молочный туман над рекой в срочном порядке отцепился от берегов и быстро испарился. Водная гладь оголилась, засверкала, заискрилась, а течение реки словно ускорилось после ночной передышки. И даже надоедливая комариная братия частично убралась в потаённые уголки прибрежных кустов.

Около часа беглые старатели продвигались по берегу Алдана, затем свернули в тайгу. Перед посёлком Чагда, который был расположен на противоположном берегу, Алдан поворачивал вправо, а потом резко уходил на север. Чтобы сократить путь, Александр решил срезать этот уступ, переправившись через небольшую речушку, впадающую в Алдан с левой стороны, немного ближе Учура.

Речка была неглубокой, и друзья, раздевшись по пояс, преодолели её. Вода была слишком холодной, ноги стали ледяными, пальцы окоченели и потеряли чувствительность. Пришлось разжечь костёр, чтобы вернуть жизнь конечностям.

Растерев тело до красноты, отогревшись у огня и выпив котелок кипятка на двоих, они продолжили путь. К устью

Учура, где Алдан вновь делает резкий поворот вправо, друзья вышли уже к вечеру.

Когда впереди заблестела водная гладь, Александр, идущий впереди, невольно ускорил шаг. Дошагав до реки, он остановился. Берег оказался скалистым и крутым, края обросли густым кустарником. Русло реки в этом месте круто уходило вправо. Подошёл Надеждин, сбросил на землю вещмешок, радостно произнёс:

– Ну что, дочапали?

– Чапать нам с тобой, Гриня, ещё триста вёрст, – не разделяя радости друга, хмуро отозвался Кацапов. – Только в Усть-Мае можно пристроиться на какой-нибудь транспорт. А здесь лишь привал и ночёвка.

Он хотел ещё что-то сказать, но вдруг насторожился.

– Ты чего? – спросил Григорий, перейдя на шёпот.

– Я слышал голоса.

Надеждин замер, напрягая слух.

– Померещилось, – проговорил он спустя некоторое время.

– Нет, Гриня, не померещилось, – Кацапов о чём-то подумал, поводя глазами вокруг, затем начал спускаться по камням к реке. – Спрячься.

Надеждин исполнил распоряжение. Подхватив оба вещмешка, он затаился в прибрежных кустах.

Спустившись вниз, Александр с предельной осторожностью двинулся вдоль берега. Выглянув из-за скалистого усту-

па, увидел деревянную лодку. Он узнал её сразу. Это было его детище.

Прошлой весной начальник артели уговорил Кацапова изготовить ему новую лодку. Старая давно рассохлась и давала течь. Периодически её вытаскивали на берег и переворачивали вверх дном. Вылезшую из щелей старую конопать забивали деревянным клином обратно. Старателям это порядком надоело.

Через две недели новую плоскодонку спустили на воду. Теперь вот она оказалась здесь. Нос лодки лежал днищем на галечном берегу, от него тянулась толстая верёвка к стволу уродливой ольхи, пробившейся среди камней. Берег в том месте был пологим и открытым, река просматривалась на большое расстояние в обе стороны.

Шалаш стоял на взгорке, в нескольких метрах от него дымился костёр. Вокруг костра сидели трое мужчин.

«Хорошее место выбрали, – подумал Кацапов. – Нам очень повезло. Если бы мы вышли к реке чуть левее – встреча была бы неизбежной. Они проморгали наше появление только благодаря уступу».

Александр поднялся на берег, тихо позвал:

– Гришка, ты где?

Из кустов тотчас появился Надеждин.

– Что высмотрел? – спросил он тревожным голосом, усмотрев на лице друга озабоченность.

– Плохи наши дела, – ответил Кацапов. – Клешня с брат-

вой лагерь разбили. Их лодка неподалёку отсюда привязана.

– Ты их видел?

– Да. У костра сидят.

– Сколько человек?

– Видел троих. Клешни среди них не было. Наверно, в балагане дрыхнет.

– Интересно, чего они здесь застряли? Ждут кого?

– Пойди, спроси, – усмехнулся Кацапов. – Удивляет, почему шалаш стоит на видном месте?

– А кого им опасаться?

– Милиционеров, к примеру.

– Ха! Менты, Сано, прошли здесь несколько дней назад, возвращаться будут нескоро.

– Наверно, ты прав, Гриня. Клешня проследил, когда милиционеры миновали это место и расположился на отдых со спокойной душой.

– Как думаешь, почему они не пошли дальше? – с лица Надеждина не сходила тревога. Он уже знал ответ на свой вопрос, но хотел услышать его от друга.

– Нас поджидают, чего тут непонятного? – с полным спокойствием сказал Кацапов. – Другой дороги здесь просто нет. Справа – Алдан, слева – скалы. Только дурак полезет через хребет. А их шалаш, кстати, из-за деревьев и кустарника совсем не видно. Не заметили же мы его, пока я не спустился вниз?

– Ну, так оно, – согласился с доводами Григорий. – А, мо-

жет, ждут они не нас вовсе, а кого-нибудь из своего окружения? Ведь с Клешнёй хороводились многие?

– Ага, сами, значит, спустились на лодке, а шестёрка отправили по тайге блуждать, – скривился в ухмылке Кацапов. – Нет, Гриня, Клешня остановился здесь для встречи с нами. Воры дятлов и крысятников не милуют, они их на ножи сажают. Клешня уверен, что рано или поздно мы с тобой уткнёмся в это горлышко. Сидит и ждёт нас, как ты ждал захода рыбешки в морду.

– Какие мы, к чёрту, дятлы? – возмутился Надеждин. – Мы с тобой ни на кого не стучали, ни одной фамилии не назвали. Я по радиации сообщил лишь о факте ограбления. Только и всего.

– А для чего ты это сделал, скажи? Кто тебя об этом просил? Ты советовался со мной? Можно было и промолчать, как сделали другие. Ушёл бы в барак, отсиделся. Следовательно сказал бы, что ничего не видел, ничего не слышал. И Шатун был бы жив, и Клешня бы ничего против нас не имел.

– Но ведь эти бандюки пуд золота похитили у государства! – высказал аргумент в свою защиту Григорий. – А то и два. И начальника прииска убили!

– А ты смог этому помешать? Ты отнял у них золото и вернул государству? Ты спас начальника прииска от гибели? Что такого героического ты сделал? – Кацапов сделал шаг вперёд, подошёл к Григорию вплотную. Вероятно, взгляд его в эту минуту был настолько угрожающим, что Надеждин в

страхе отшатнулся.

– Сано, ты чего? Разве я виноват, что так всё произошло?

– Ага, испугался, бурятская кровь? Мозгами надо было раньше шевелить, когда рука тянулась к самородку. И страха бы сейчас не было передо мной. Зачем ты чужое золото с собой прихватил? Оно ведь тебе не принадлежит?

– Ты и об этом знаешь? – ужаснулся Надеждин.

– В мешке твоём случайно обнаружил, когда речку перешли. Решил не спрашивать до времени. Подумал, сам расколешься.

– Не хотел я тебе рассказывать, Сано, – быстро заговорил Григорий. – В суматохе как-то само собой получилось. Бес попутал, видать, когда я увидел этот слиток рядом с Шатуном. Когда Шатун упал, самородок вывалился у него из кармана. Ну и затуманился мой рассудок при виде такого богатства, совсем машинально умыкнул я его. Мужики сказывали, будто начальник этот самородок для себя оставил, не занёс в учетную ведомость. Если бы я его не подобрал – он всё равно бы не долежал до приезда следователя.

– Не долежал бы, это точно, – спокойно подтвердил Кацапов. – Хмурый там вертелся в это время, он бы и подобрал.

– Вот-вот, и свалил бы на нас всё одно. Шатуна-то мы завалили, значит, и золото забрали тоже мы, – обрадовавшись неожиданному повороту разговора, протараторил Надеждин. – Никто бы не поверил, что мы не при делах.

– Скажи, Гриня, если ты от природы баламут, то почему

мне всегда приходится расхлёбывать твою кашу?

– Сано, прости меня, так уж вышло, – веки на раскосых глазах Надеждина виновато заморгали. – Хочешь, я отдам тебе этот самородок? В знак нашей дружбы?

– Мне чужого добра не надо, – сухо обрезал Кацапов. – Никогда в своей жизни я не зарился на него. Заруби себе впредь это на носу.

Оба замолчали на некоторое время. Надеждин испытывал страшный конфуз и думал, как загладить свою вину перед другом. Кацапов же размышлял о создавшейся ситуации, искал выход из неё.

– Ну, и что сейчас нам делать? – спросил он после затянувшейся паузы у Григория. – Решай, Сусанин.

– С сумерками надо уходить назад в тайгу, – неуверенно проговорил Надеждин. – Через хребет попытаться обойти это место.

Сказал и устоялся на Кацапова, будто сдавал экзамен перед ним, ожидая оценки своего ответа.

– Ну, допустим, обойдём мы их, а дальше что? – кольнул глазами Александр друга и тут же рассудил: – Впереди ещё длинный путь. Мы с тобой пёхом идём, а Клешня с братвой на лодке передвигается. Настигнет одним махом. Задом придётся пятиться, чтобы следить за рекой постоянно. И потом. К якутам или эвенкам теперь уже не сунуться, а из жратвы у нас один твой тетерев. Ноги протянем через несколько дней. Не годится такой вариант.

– Предлагаешь возвратиться на прииск?

– Нет, Гриня. Теперь у нас только один путь – вперёд!

– Но... как? – удивился Григорий. – Не по воздуху же мы полетим?

– Правильно, по воздуху лететь – у нас с тобой нет аэроплана, а вот лодка стоит совсем рядом. Я её смастерил, поэтому она по праву моя. Ею мы и воспользуемся.

До сумерек беглецы отсиделись в кустах. По очереди они спускались к реке и наблюдали за лагерем Клешни. Однажды, когда стих ветерок, им удалось даже подслушать разговор грабителей. Речь шла о них обоих. Друзья достоверно убедились, на кого здесь была организована охота.

Когда стемнело основательно, Клешня с подельниками отправились в шалаш на ночлег. Кацапов, выждав для верности ещё с полчаса, скомандовал:

– Всё, Гриня, пора. Уснули наши уголовники.

Они спустились вниз и с предельной осторожностью направились к лодке. Александр не стал в темноте распутывать крепкий узел, а перерезал верёвку ножом. Смотав её на локте, уложил в нос. Побросав свои мешки в лодку, они, чтобы избежать скрежета днища о прибрежный камень, приподняли нос и на весу тихо спустили лодку на воду. Им и здесь повезло: на дне лодки лежали два шеста и весло.

Александр пробрался на корму, взял в руки весло. Григорий забрался в нос, оттолкнулся ногой от берега. Лодка бесшумно пошла на середину течения.

– Как мы поплывём, ни хрена же не видно, – с волнением в голосе проговорил Григорий. – Налетим в темноте на камень и перевернёмся.

– Ты лучше не каркай, а смотри вперёд, ворон бурятский, – выругался Александр. – Теперь наша жизнь в твоих руках, ты вперёдсмотрящий.

К счастью, течение реки в этих местах было спокойным и ровным. Постепенно глаза привыкли к темноте, различали даже очертания берегов.

Так продолжалось около часа, пока чернота ночи не опутала окончательно всё вокруг. Впереди послышался шум переката.

– Сано, срочно причаливай к берегу, – взмолился Надеждин. – Иначе капец нам, на дно пойдём! Впереди никакой видимости!

– Не дергайся ты, чёрт баламутный, и не раскачивай лодку, а то и в самом деле перевернёмся! – рыкнул на друга Александр.

Вскоре нос лодки уткнулся в берег.

– Вылезай, приехали, – промолвил Кацапов. – Тащи лодку на берег.

Надеждин проворно перемахнул через борт, вцепился двумя руками за основание верёвки, потянул за неё из всех сил.

– Верёвку не порвал? – съехидничал Александр, ступив на берег и помогая Надеждину вытащить лодку как можно

дальше на сушу.

– Да пошёл ты...

– Конечно пойду, Гриня. И ты пойдёшь следом за мной. Не у воды же нам ночевать.

Кацапов принялся наощупь что-то шарить на земле. Вскоре в руках у него появилась небольшая палка. Он извлёк из вещмешка кольца бересты, обмотал ими конец палки, затем поджёг и поднял над головой. Посмотрев по сторонам, выбрал направление.

– За мной, трусливый бурят! – раздался его бодрый голос.

Не огрызаясь и повинуюсь, Надеждин пошагал за другом на расстоянии вытянутой руки. Минут через пять они облюбовали место для ночлега. Наломав большой ворох пихтовых веток, устроили походную постель, улеглись спать. Надеждин засопел спустя минуту, Александр намного позже.

Стояла ещё ночь, когда Кацапов проснулся. Небо на востоке пока не алело, но едва заметные серые блики уже проявлялись на горизонте. Да и звезды выделялись на небосклоне не так отчетливо и ярко, как несколько часов назад.

«Совсем скоро посветлеет, – подумал Александр и поднялся с хвойной перины. – Уходить надо немедленно. Подстраховка сейчас не повредит».

Он походил вокруг, насобирал дров, разжёг костёр. Затем растолкал Надеждина.

– Вставай, Гриня. Некогда разлёживаться, – повелительно проговорил Александр. – В Улан-Удэ отсыпаться будешь.

К большому удивлению, Надеждин на сей раз не обронил ни слова и безропотно покинул мягкое ложе. Увидев, что котелок стоит у костра пустой, он взял его и в полном молчании поплёлся к реке.

Воду вскипятили прямо на углях, заварили малиновым листом. Александр вытащил из мешка берестяной туес с птицей, открыл крышку, поставил на землю.

– По маленькому кусочку, чтоб только кишки не простаивали без работы, – сказал он бесстрастным голосом. – Остальное доедим потом.

– Потом – это когда? – впервые подал голос Надеждин.

– Ближе к полудню, когда уплывём на значительное расстояние.

Григорий опять замолчал. Нанизав на нож оставшуюся половинку тетерева, он отщипнул от него небольшой кусочек, принялся жевать, тупо уставившись в огонь.

– Ты что хмурый? – не выдержал молчания Кацапов. – Жизни не рад?

– Почему же? Жизни я завсегда рад. Только на душе как-то тоскливо. Будто кто когтем скребёт изнутри.

– Что это вдруг?

Помявшись в нерешительности, Григорий признался:

– Сон дурной видел. Будто золото утопили мы с тобой, и без лодки остались.

– Суеверным стал?

– Не то, чтобы... , но уж слишком ясно всё увидел, до сих

пор этот кошмар перед глазами стоит. Рано ты меня пробудил, Сано. Я, может быть, смог бы поднять золотишко-то со дна Алдана, коли поспал бы ещё чуток. Смотришь, сейчас и на душе было бы спокойно.

– Чудак ты, Гришка, – усмехнулся Александр. – Убиваешься по пустякам. Забудь этот дурацкий сон.

– А вдруг он вещий? Вдруг всё, что я увидел во сне, – сбудется? Ты же вот веришь своим предчувствиям? – Григорий посмотрел на друга задумчивым взглядом. – И у тебя они сбываются, сам говорил.

– Предчувствие, братуха, – это совсем другое дело. Это тревога от неизвестности, ожидание какой-то гадости.

– Но, если такое явление существует, то совсем обязательно, чтобы оно проявлялось у всех людей одинаково, – возразил Надеждин. – Ждать неизвестной гадости даже проще, чем испытывать мандраж от ужасного сна, зная, что он сбудется.

– Кончай ныть, Гришка. Всё, баста! Туши костер, иди к лодке. Пора отчаливать. Клешня пока близко от нас, и это меня настораживает. Чёрт его знает, что у него на уме.

– А что он может сейчас сделать? – принялся рассуждать Надеждин. – Ровным счётом ничего. Пёхом он нас не догонит, а другого варианта у него нет.

– Почему ты решил, что нет? А, вдруг часть его братии сплавляется на другой лодке? И были они совсем неподалёку?

– Где им быть? Мы бы их узрели, всяко.

– На другой берег уплыли, к примеру. Лодку в кустах спрятали, а сами в Чагду за продуктами отправились, там задержались. Да мало ли что?

– М-м, об этом я как-то не подумал, – растерянно пробубнил Григорий.

– Вот поэтому и надо рвать когти спозаранку. Пошли.

Беглецы стащили с берега лодку, загрузились в неё и тихонько отчалили.

Выйдя на струю реки, лодка была подхвачена быстрым течением и понеслась по перекату. Ловко орудуя веслом, Кацапов виртуозно лавировал между выступающими на поверхность большими камнями. Надеждин, никогда ранее не ходивший по реке, со страхом наблюдал, как их лодка увёртывалась от препятствия, проскакивая буквально в нескольких десятках сантиметров от громадных валунов.

– Вовремя мы вчера причалили к берегу! – глядя вперёд и не оборачиваясь, прокричал Надеждин. – А то бы несдобровать нам здесь!

– Я ведь не совсем спятил, чтобы ночью преодолевать перекаат! – весело отозвался Александр, молниеносно перебрасывая весло слева направо. – Просто я ждал до того момента, когда ты в штаны наложишь!

– Издеваешься, да?

– Надо же как-то вырабатывать в тебе смелость! Вчера был самый подходящий момент! Правда, окончательной цели я

пока не достиг, но думаю, чуток закалил твою волю.

– Гад же ты, Сано, всё-таки!

– Не больше, чем ты!

Почти десять часов друзья шли по Алдану без большой остановки. Лишь дважды они причаливали к берегу, чтобы сделать короткую передышку и доесть тетерева. Сколько ещё оставалось плыть до Кутаны, беглецы не знали.

Кацапов уже стал присматривать место для ночной стоянки, как вдруг совсем неожиданно впереди показалось стойбище.

– Радуйся, Гришка, – промолвил он, указывая веслом на юрту за поворотом. – Впереди твоё спасенье.

– Не похоже, чтобы это были оленеводы, – сказал Надеждин. – Никакого стада поблизости нет, да и юрта всего одна.

– Здесь не бывает оленеводов, – пояснил Александр. – Оленей выращивают на севере Якутии.

– Тогда, кто ж здесь обосновался?

– Вот это нам и предстоит сейчас выяснить, – Александр усиленно заработал веслом, направляя лодку к берегу.

Место для стоянки было выбрано удачно. Небольшая котловина соприкасалась с тайгой с одной стороны, а с другой неглубоким овражком с уклоном выходила на галечниковую косу. На галечнике, наполовину вытащенная из воды, без привязи покоилась лёгкая долблёная лодка.

Друзья вытащили свою лодку подальше на берег, направились к юрте. Рядом с ней горел костёр, перед ним на кор-

точках сидел пожилой якут. Во рту дымилась трубка. Он что-то варил, помешивая в котелке. Ветерок донёс ароматный дух варёного мяса. Друзья переглянулись, втягивая расширившимися ноздрями пленительный запах, и сглотнули накопившуюся слюну.

– Здравствуйте, – поздоровался Кацапов первым и остановился в нескольких шагах от старика.

– Сдрастуй, – приветливо ответил якут, всматриваясь слезившимися от дыма узкими глазами в лицо Александра. Затем его взгляд перешёл на Григория. – Кто будите? Засем тайга гуляй?

– Старатели мы, отец, домой возвращаемся, – торопливо проговорил Надеждин, пытаясь заглянуть в котелок. В его горле несколько раз поднялся и опустился кадык.

– О! Старатель – хоросё! Золото мыть – деньга много быть! Богатый селовек быть, зносит, большой дом имей, красивый девуська имей! – якут встал, протянул руку для приветствия и долго тряс ею при рукопожатии каждом из гостей.

– Моя Иван зовут, эвенк моя, охотник, – узкие глаза Ивана сощурились в улыбке и на миг исчезли совсем. – Зверя имай, мясо, мех имей.

– Ты один здесь? – спросил Кацапов, оглянувшись по сторонам.

– Три нас. Два – тайга, Иван – юрта охраняй, к'усать готовь, мех делай.

– У вас можно заночевать? Притомились мы, надо отдох-

нуть немного. Завтра дальше поплывём.

– Конечно, можно, – глаза эвенка вновь пропали на смуглом скуластом лице. – Юрта пустой, три дня пустой. Охотник тайга гуляй, зверь имай. Вчера ушёл.

Эвенк направился в юрту, через минуту он появился с четырьмя алюминиевыми мисками в руках, поставил на чурбачок.

– Каса к'усать будем, с мясом. Узин будет.

Он снял с огня котелок, поставил на землю. Откуда-то из-за пазухи извлёк ложки, положил на чурбачок рядом с мисками.

В это время из юрты появился крепкий коренастый мужчина лет сорока. Широкое лицо с зелёными глазами и тонким носом украшала густая борода. На нём был толстый свитер тёмно-серого цвета, брюки заправлены в кирзовые сапоги. Он постоял некоторое время, пристально разглядывая неожиданных гостей, затем приблизился к костру, заулыбался. На лице играла улыбка, а глаза оставались колючими, недружелюбными.

– Добро пожаловать, гости дорогие, – произнёс мужчина приклатнённым тоном. – Устали? Проголодались в дороге?

– Есть немного, – ответил Григорий и вопросительно уставился на эвенка. Кацапов тоже посмотрел на старика. Тот перехватил взгляды гостей, поспешил пояснить появление мужчины.

– Геолог-товарись Юрка, – представил он мужчину. – Ма-

ло-мало отдыхай, потом опять тайга ходи. Тозе гость моя.

– Ага, геолог, – как-то странно усмехнулся мужчина. – Шёл по маршруту, наткнулся вот на Ивана. Подумал: а почему бы мне не отдохнуть пару дней, если представилась такая возможность? Не так ли? Такой длинный путь по тайге отмахал! Восстановлю силёнки, да двину дальше ископаемые искать.

Если бы Александр не был в геологических экспедициях и не знал работу геологов, он принял бы слова мужчины за чистую монету. Но сейчас он услышал сущую ерунду и невольно насторожился. Насторожился и Надеждин. Друзья обменялись взглядами и не подали вида, что не поверили мужчине.

– А вы, как я услышал, – старатели? – «геолог» беспардонно продолжал разглядывать гостей. – Домой возвращаетесь?

– По найму работали в артели, – с неохотой ответил Кацапов. – Срок закончился, домой вот возвращаемся.

– Давайте узин к'усать, – сказал Иван, перемешивая кашу в котелке. – Осень вкусна каша. Мяса вкусна.

Все тут же разобрали миски, по очереди нагребли из объёмного котелка душистой каши с мясом, с усердием заработали ложками.

– Много намыли? – поинтересовался Юрка как бы ненароком.

– Чёрт его знает, – пожал плечами Кацапов. – Начальник артели учёт вёл. Сколько намоем – всё ему отдавали. А он

потом, когда уже сдавал государству, переводил деньги нам на счёт. Вот прибудем в Якутск и узнаем, сколько заработали. Думаю, нам хватит на первое время, всё-таки два сезона ишачили на прииске. Верно, Гриша?

Надеждин быстро закивал головой.

«Геолог» криво ухмыльнулся, не поверил.

– Не может быть, чтобы чуток не слямзили для себя. У вас же за спиной никто не стоял, когда вы песок черпали.

– Ну, с этим у нас строго было, – включился в разговор Надеждин. – Поймают кого – сразу с прииска выгоняют и всех заработков лишают автоматически. Такой порядок в артели. Никто рисковать не решался.

– Ну-ну, – скривился в ухмылке Юрка. – Так я вам и поверил.

– Ты спросил, я ответил. А веришь ты или нет – мне, по большому счёту, наплевать, – с появившейся злостью ответил Кацапов. – Точно так же наплевать мне и на то, какой из тебя геолог, и какие полезные ископаемые ты здесь ищешь.

На лице Юрки на секунду появился испуг, но тут же пропал. Он вынул из кармана помятую пачку папирос, достал из неё папироску, прикурил. Глубоко затянувшись, выпустил через нос две густые струи дыма, произнёс:

– Ты прав, не геолог я. От милиции скрываюсь. Покалечил по пьяни бабу свою, в тайгу от мусоров подался. Хочу дожидаться охотников через пару дней, попроситься, чтобы взяли они меня в долю. Ружьё у меня есть, охотиться умею.

В посёлок возвращаться мне пока нельзя.

– Откуда ты? – спросил Александр.

– Из Усть-Миля.

– Ничего себе ты отмахал! Это ж сотни полторы отсюда будет, если не больше.

– Как в Усть-Миль-то занесло? Ты ведь не из местных, широкоглазый, – полюбопытствовал Григорий.

– Из-за бабы всё. Сам я из Владика, морячил на торговых судах. Долго холостой ходил. Потом встретил свою Ленку. Расписались. Жили нормально. Ленка врачом работала, я в загранку ходил. Потом меня на контрабанде взяли, восемь лет припаяли. Ленка ждать не стала, в Усть-Миль подалась. Должность ей дали высокую, зарплату хорошую положили. Уехала, сучка, в Якутию, и адреса не оставила. Не хотела, чтобы я её нашёл, – со злостью усмехнулся Юрий. И было в этой усмешке, в блеске кошачьих глаз что-то настолько хищное и зловещее, что Кацапов живо представил, какая встреча произошла у этого человека со своей женой.

– Откинулся я через шесть лет, на два года раньше звонка, – продолжил Юрий. – Приехал во Владик – ни жены, ни квартиры, дорога на флот закрыта. Стал искать бывшую, захотелось взглянуть ей в глаза.

– Ну и как, взглянул? – на этот раз усмехнулся Кацапов.

– Взглянул, – с тем же зловещим блеском в глазах сказал бывший моряк. – И на неё, и на нового хахеля. Так взглянул, что бошки обоим проломил.

– Да-а, наворотил ты дел, – произнёс Григорий хмуро и невесело. – Твоя Ленка следователю теперь такого наплетёт, что по второй судимости тебе навесят не меньше, чем по первой.

– Не-ет, на зону я больше не пойду! – с твёрдой убеждёностью заверил Юрий. – Хватит с меня и шести лет. Нахлебался лагерной баланды на всю оставшуюся жизнь.

Эвенка при разговоре не было. Он съел свою кашу, попил чаю и ушёл в маленькую юрту по каким-то своим делам. Она стояла со стороны тайги, приклеившись вплотную к большой, поэтому со стороны реки её не было видно.

Они просидели до позднего вечера. Юрий рассказал, как ходил в заграничные плаванья, Григорий с Александром поведали ему о жизни в геологических экспедициях. Незримая полоса отчуждения, возникшая между ними и Юрием в первую минуту встречи, постепенно стёрлась, взаимоотношения стали дружескими. Взглянув на почерневшее небо, Юрий перевёл взгляд на ослонившие лица друзей от сытного ужина и сказал:

– О-о, кореша, да вы, я вижу, уже спите наполовину. Всё, хорош травить баланду, пора на боковую. Успеем ещё поговорить по душам.

На лице морского волка мелькнула странная ухмылка, а в глазах вновь отразился враждебный блеск. Но ничего этого ни Кацапов, ни Надеждин не заметили. Юрий для них стал новым другом, и заподозрить его в злонамеренном поступке

они просто не могли.

Эвенк лёг спать в маленькой юрте, предоставив просторное помещение гостям. Григорий и Александр по совету Юрия заняли место в глубине юрты, сам же он улёгся у входа. Укладываясь спать, друзья положили свои вещмешки под голову. Этот факт не обошёл внимания их нового друга. Юрий затушил фонарь, оскалившись улыбкой уже в темноте.

Кацапов и Надеждин первую ночь после многодневных скитаний спали крепко. Ни один из них не слышал, как их новый друг встал на рассвете и куда-то ушёл. Через полчаса он вернулся, распахнул вход в юрту и громко произнёс:

– Подъем, мужики! Жаль мне вас будить, но пришлось.

Друзья вяло разлепили веки и увидели странную картину. Юрий стоял у входа в юрту, в руках у него было ружьё.

– Мне нужно ваше золото, – сказал он, улыбаясь, и нацелил ружьё на лежащих.

– Какое золото? – моментально придя в себя, спросил Александр. – Ты шутишь? Он попытался подняться на ноги, но его остановил окрик:

– Лежать, не дёргаться!

– Юра, ты чего? – испуганно выговорил Григорий. Голос его дрогнул на последнем слове. – Нет у нас никакого золота.

– Враньё! Если бы у вас его не было, вы бы не положили свои котомки под голову. Валялись бы они где-нибудь в другом месте. – Ствол ружья угрожающе заходил из стороны в сторону, останавливаясь, поочерёдно, то на одном, то на

другом лице.

– Берите свои мешки и бросайте мне под ноги. Живо! И не вздумайте баловать! Убивать вас я не собираюсь. Но если дёрнитесь – пальну, не сомневайтесь.

Кацапов и Надеждин устали на дуло ружья. Они не могли поверить в происходящее и не торопились выполнять приказ Юрия.

– Вы что, не поняли? – спокойствие покидало бывшего моряка, он сделал шаг вперёд. – Кидайте своё золото, и мы мирно расстаёмся. Ну!?

Друзья поняли, что их вчерашний друг не шутит. Рука Кацапова потянулась к вещмешку.

– Может, оставишь половину? – надеясь на снисхождение, спросил он. – Нам ведь тоже надо на что-то жить.

– Вам хватит тех денег, которые вы заработали. А мне их нужно много, чтобы начать жизнь заново. К тому же, у вас нет канала, чтобы сбыть своё золотишко. Сделка через барыгу обернётся для вас или обманом, или смертью. Так что, не тяните кота за хвост, пока я мирно настроен.

Через минуту оба вещмешка лежали у ног грабителя. Не опуская ружья, он поднял их, забросил на плечо и медленно попятился к выходу.

– Не советую за мной гнаться, – бросил напоследок Юрий и быстро зашагал к берегу.

– Сано, это что за дела? – отойдя от шока, вскричал Григорий. – Где Иван? Он что, заодно с этим бандитом? Бегом к

нему, у него же есть ружьё! Нужно пристрелить этого гада!

Друзья пульей выскочили из юрты, и через несколько секунд ворвались в ночлежку эвенка. Тот лежал на животе, руки и ноги его были связаны тонкой сыромятной лентой. Во рту торчал тряпичный кляп. Рядом валялось разобранное ружьё.

– Живой? – спросил Александр эвенка, повернув его на спину и выдернув изо рта кляп.

– Зивая моя, ага, – ответил Иван, поднимаясь на ноги. – Геолог-товарись Юрка руки-ноги вязал, угрожал убить.

Александр не слушал эвенка, он принялся собирать ружьё.

– Патроны есть? – прокричал он.

– Есть, есть, – пролепетал Иван. – Сисас моя даст патрон.

Кацапов собрал ружьё, вогнал патрон и побежал к реке. Григорий устремился за ним. Через минуту они были уже на берегу. Грабитель успел стащить лодку, выгреб на середину реки и находился примерно в ста метрах вниз по течению.

– Надо догнать его, Сано! – возбуждённым голосом крикнул Надеждин. – Уйдёт же эта сволочь!

Друзья побежали вдоль реки. Вскоре они были на расстоянии выстрела и остановились. Бежать на опережение было невозможно, поскольку равнинная часть берега закончилась, начиналась скалистая гряда. Карабкаться на неё было бессмысленно.

Кацапов вскинул ружьё, выстрелил. Юрий успел лечь на

дно лодки, заряд дрови не задел его. Потом он высунулся из-за борта, сделал ответный выстрел. Он тоже не попал в преследователей.

Ружейный поединок закончился ничем. За время перезарядки ружья и четырёх выстрелов Александра быстрое течение унесло лодку далеко, и она стала недосыгаемой.

– Тьфу! Ушёл-таки, гад! – с досадой сплюнул Кацапов. – Уплыло наше золото.

– Как же так, Сано? – простонал Григорий. – Горбатились, горбатились мы с тобой, столько выстрадали, и – всё коту под хвост...

– Ладно, не ной, – со злостью сказал Александр. – Живыми остались – и то хорошо. Зарплату у нас пока никто не отнял. Её нам переводили на счёт регулярно. Доберёмся до Якутска – получим всю сумму сразу. Не такие уж мы с тобой и бедные, Гриня.

– На зарплату мне дом не построить, Сано, – продолжал канючить Надеждин, понуро плетясь за Кацаповым. – И хохлушки не видать. И свадьбы не состоится. Всё пошло прахом...

– Да не вой ты, как баба у погорелого дома! – не выдержав, вскипел Кацапов. Он был взвинчен до предела, но не подавал вида, держал клокотавшее в нём отчаяние внутри себя. Нытьё Григория подлило масла в огонь.

– Дёрнись мы в юрте – и даже зарплата сейчас была бы уже не нужна! – добавил Александр рассерженно. – Её даже

никто не смог бы получить! Прикопал бы нас с тобой Иван где-нибудь здесь и всё, Гриня! Неужели тебе это непонятно!?

Надеждин помолчал некоторое время, затем вновь запричитал:

– Ну ладно бы, самородок он забрал, это ещё куда ни шло. Он нам не принадлежал. Но ведь песочек-то мы собственно-ручно намыли! Горбатились без выходных, ночами! Обида берёт меня, Сано.

– Заткнись, или я тебя сейчас пристукну! Что ты оплакиваешь своё золото, как покойника? Ты ещё рехнись у меня на этой почве! Оставляю здесь на Алдане и ничуть не пожалю! Ты меня понял!?

– Да понял я, Сано, понял.

– Ну, вот и хорошо, коли понял. И чтобы я не слышал больше твоих страданий.

Они вернулись к юрте, их ожидал старик-эвенк.

– Убил геолога-товарися Юрку? Алдану отдал?

– Ушёл твой Юрка, – устало ответил Александр. – И лодку нашу увёл. Отдашь нам свою долблёнку?

– Нет. Лодка – нет. Лодка – здесь. Мясо дам, крупа дам, лодка не дам.

Эвенк поделился продуктами и подарил две деревянные ложки. Кроме того, он протянул им их собственные вещевые мешки. Они были брошены на берегу грабителем. Видимо, он, прежде чем запрыгнуть в лодку, не удержался и вытащил свою добычу. Мешки за ненужностью отшвырнул в кусты,

где их и подобрал эвенк.

Кацапов с Надеждиным поблагодарили Ивана и отправились в путь. Остаться с эвенком было опасно.

Глава 9

Двадцать третьего ноября 1937 года на рассвете в Улан-Удэ прибыл состав с заключёнными. Из Свердловска он шёл почти месяц, собирая по пути всё новые и новые группы осужденных. Вначале это был отдельный товарный вагон без окон, его прицепляли к пассажирскому поезду, следующему в заданном направлении. Потом, уже в Сибири, количество вагонов увеличилось до десяти, и это уже был отдельный состав, который тащил за собой старенький паровоз. На больших узловых станциях состав загоняли на запасной путь, и он по несколько суток простаивал, ожидая дальнейшего распоряжения. Менялись машинисты, менялся паровоз, прицеплялся ещё один вагон и мрачный поезд двигался дальше на восток. По прибытии в Бурятию состав насчитывал уже пятнадцать вагонов. Не издавая гудков, словно боясь потревожить предутреннюю дрему станции, паровоз медленно затолкнул угрюмый состав в тупик. В нём прибыла очередная партия заключённых для строительства железной дороги в Монголию.

Некоторое время после ухода маневрового паровоза в тупике стояла полная тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра и неясных звуков, доносившихся изнутри вагонов. Затем необитаемый участок станции ожил. Послышалось урчание моторов и вскоре к составу подкатили несколько гру-

зовиков с брезентовым тентом над кузовом. Из них один за другим стали неуклюже вываливаться солдаты. Были они одеты в длинные полушубки и валенки до колен, у всех имелись винтовки. Из кабины первого грузовика, в котором была группа солдат с собаками, вышел офицер. Он построил солдат, отдал несколько распоряжений. Военные направились к вагонам и приступили к выгрузке заключённых. Загремели выдвигаемые железные засовы дверей, из вагонов на снег стали спускать деревянные трапы. Состав оцепили охранники с овчарками. Собаки, учуяв спёртый незнакомый запах, пахнувший из вагонов, тут же принялись громко лаять и рвались с поводков. Под окрики охранников и бешеный лай собак на трап ступили первые заключённые. Озираясь по сторонам, держа руки на затылке, они по одному спускались на землю и проходили на место сбора в нескольких десятках метров от своего вагона. Их выстраивали в отдельные колонны, разрешали опустить руки.

– Куда это нас притаранили? – послышался хриплый голос одного из заключённых во втором ряду колонны. – А, Грыжа?

– А ты у вертухаев спроси, – негромко гоготнул зек по прозвищу Грыжа. – Тебе уж точно скажут, зуб даю.

– Ага, прикладом в рыло.

Грыжа хохотнул в кулак и моментально умолк, поскольку в их сторону подозрительно посмотрел ближайший охранник.

– А вы, Марк Сидорович, не догадываетесь, куда нас привезли? – шёпотом спросил Виктор Пантелеевич Осокин спустя минуту. Они стояли в первом ряду и внимательно наблюдали за конвоиром.

– Куда- то за Байкал, я думаю. В Бурятию, скорее всего.

– Почему вы так решили?

– Позавчера в щёлку безбрежное озеро видел, оно было с левой стороны.

– Наблюдательный вы, Марк Сидорович. И географию знаете неплохо.

– В Сибири одно большое озеро, ошибиться невозможно.

Выгрузка заключённых прошла довольно быстро. Никто из уголовников не устраивал бузы, построение прошло относительно спокойно и без происшествий. Из-за мороза и поднимающейся метели, возможно, перекличку делать не стали, ограничившись лишь пересчётом прибывших узников. Количество людей совпало с ведомостью. Охранники окриками повернули колонну направо, и она двинулась по дороге в противоположную от станции сторону.

Лагерь, куда направлялась колонна, располагался в трёх десятках километров от Улан-Удэ. Дорога сильно петляла, то подходя к реке, то удаляясь от неё на расстояние около километра.

– Селенга! – послышался чей-то удивлённый голос в середине колонны.

– Откуда ты знаешь? – удивился второй.

– Был я в этих местах, родился на Селенге. До двенадцати лет жил в Тарбагатае, пока тётка к себе в Новосибирск не забрала.

– Так ты сирота, что ли?

– Ага. Мне восемь лет было, когда мать умерла. А потом и отца убили. На Селенге где-то и убили.

Утихший на некоторое время низовой ветер вдруг засветел с новой силой, образуя позёмку. Потом закружила метель, застонала, завывала голодным волком, принялась трепать верхушки деревьев. Онигнулись и угрожающе скрипели, выражая своё недовольство.

Заключённые быстро умолкли, отвернули лица от налетевшей снежной бури, втянули головы в воротники телогреек.

В колонне шли заключённые всех мастей. Были здесь политические и воры в законе, карманные воришки, дворовая шпана и отъявленные головорезы, обычная шантрапа и простые крестьяне, угодившие в колонию за мелкое воровство колхозной собственности. Сейчас все они шагали в одной колонне, став членами общества невольников, в котором их всех уравнивали в правах и обязанностях, создали одинаковые условия жизни. Но и в этом обществе, как и в любом другом, со временем должна была сформироваться своя элита и верхушка негласной власти. Пока же разношёрстная публика сбилась в небольшие группы, которые образовались спонтанно до прибытия в лагерь.

Каждый человек, оказавшись в изоляции от близких и друзей, интуитивно искал в этой разнородной человеческой массе себе подобного. По духу, грамотности, морали и другим признакам, включая пороки и вредные привычки. Всё это проходило на подсознательном уровне. Люди не могли ещё отвыкнуть от всего того, что их окружало в прежней жизни.

Марк Ярошенко и Виктор Осокин, познакомившись ещё в Чусовском КПЗ, за время почти месячного пути сблизились настолько, что стали друзьями. В дороге к ним прибились еще человек пять или шесть, которые старались держаться вместе с ними.

В вагоне им повезло с контингентом. Большая часть узников, едущих с ними, была осуждена по политической статье. Группа уголовников заняла место в противоположном углу, держалась обособленно, играла в очко, гогоча и матерясь, но вела себя сносно. Бывали иногда незначительные стычки бытового плана, но они заканчивались мирно. В других же вагонах нередко возникали притеснения и жестокие драки.

Километров через пятнадцать был сделан первый привал. Часть заключённых попадала прямо на снег, часть присела на корточки, и только некоторые, боясь простудиться, остались стоять на ногах.

Охрана не чувствовала усталости. За колонной двигались три лошади, запряжённые в розвальни. Конвоиры по очереди подсаживались на сани и переводили дух. Санные

упряжки предусматривались для обессилевших заключённых, неспособных шагать самостоятельно, но таковых пока не было.

Солдаты неторопливо прогуливались вдоль дороги, жевали сухари, курили, зорко наблюдая за сгрудившимися в отдельные кучки заключёнными.

Уголовники начали понемногу смелеть, громко отпуская сальные шуточки, и ругались матом по каждому поводу. Конвойные старались не замечать этой вольности, пропуская между ушей отборную матерщину.

– Эй, начальник, далеко ещё до хаты? – насмелился спросить зек с хриплым голосом. Тот самый, который разговаривал на станции с уголовником Грыжей.

К удивлению самого зека, конвойный, с внешностью рязанского мужика, неожиданно ответил:

– К обеду в лагере будем.

– Хата тёплая?

– Не замёрзнешь, коли трудиться будешь.

– А ежели человеку нельзя работать? Ежели у него, к примеру, грыжа врождённая? Тогда как? – хохотнул уголовник и покосился на Грыжу.

– Ничаво, вправую. Сумулянтов здесь быстро лечут. Робить станешь вравне со всеми.

– А чё за работа такая?

Последний вопрос повис в воздухе. Конвоир демонстративно отвернулся и прошагал мимо любознательного зека.

– Слышь, Хрипатый, а про работу вертухай чего-то умолчал. Может, на секретный объект стадо гонят?

– Хрен знает, какую дыру заткнул на этот раз исполнители воли вождя народов. В его усатой башке засела не одна великая стройка! – Хрипатый со злостью сплюнул себе под ноги.

– Да-а, сколько братвы полегло на Беломорканале! – вздохнул тяжело Грыжа. – От Балтики до Белого моря дорога вымощена костями!

– Вот-вот, – поддакнул Хрипатый. – Если и здесь будет норма по два куба гранитной скалы в день, то билетики на обратный путь достанутся только каждому второму.

– Не каркай! – цыкнул на друга Грыжа. – Плохо будет – мы здесь долго не задержимся. Перековка трудом, в таком случае, будет перенесена на более поздний срок.

Два уголовника разговаривали между собой вполголоса, но их слова долетали до уха Ярошенко и Осокина. Впрочем, они особо и не таились от политзаклужённых, презирали их, считая узниками второго сорта. Когда те умолкли и принялись грызть сухари, невесть откуда появившиеся в их руках, Виктор Пантелеевич спросил испуганно:

– Неужели такая норма устанавливается на одного человека?

– Да, это так, – подтвердил Марк. – Скалу нужно разбить киркой и вывезти на тачке на расстояние сто метров.

– Откуда вам это известно?

– Мой сменщик по работе вернулся с той стройки, расска-

зывал.

Осокин, похудевший и осунувшийся за время пути, с посиневшим от вьюги лицом, обречённо произнёс:

– Вы, Марк Сидорович, сильная натура. Вы выживете в здешних условиях. А вот из меня не получится Павки Корчагина.

Ухватившись руками за ворот телогрейки, он подтянул её повыше, добавил уныло:

– Не стану я обладателем счастливого билета в обратный конец. Мне не приходилось держать в руках ни кирки, ни лома. Моим инструментом были мелок, ручка и карандаш. Не выдержать мне каторжного труда, и не выжить.

– Не зарыться ли вам сейчас в снег с головой, Виктор Пантелеевич? – спросил Марк. Вопрос был задан без улыбки на лице, на полном серьёзе, и Осокин не сразу понял, почему прозвучал такой вопрос.

– Для чего? – удивился он.

– Мы сейчас встанем и пойдём дальше. А вы останетесь здесь под сугробом, незамеченным, чтобы замёрзнуть и не мучиться в лагере напрасно. Всё равно ведь смерть для вас неминуема, и лучше уж принять её сейчас. Замерзнуть в пурге совсем не страшно и не мучительно.

– Что вы такое говорите, Марк Сидорович?

– А вы о чём только что рассуждали? – строго спросил Ярошенко.

– Это я так... взвешивал вслух свои физические возмож-

ности, – застыдившись своей слабости и приступа страха, тихо произнёс Виктор Пантелеевич. – Извините за глупые мысли.

– Вот так-то будет лучше, дорогой гражданин Осокин. Я, как человек верующий, могу сказать: Бог послал нам такие испытания. И мы должны вынести все мучения, которые ниспосланы нам с небес. Про этого... Павку Корчагина, я ничего не слышал. Но, по вашим словам, он был сильным и мужественным человеком. Вот и берите с него пример, – назидательно закончил Марк Ярошенко.

Его пугало подавленное настроение Осокина и какая-то животная покорность, которые стали проявляться в нём ещё в поезде. Ему было очень жаль этого добрейшего человека, и Марк дал себе слово, что при любых обстоятельствах будет помогать этому мученику.

Чтобы подбодрить Осокина, Марк сказал:

– Вы, Виктор Пантелеевич, не один здесь такой. Среди заключённых много интеллигентов. Они, так же, как и вы, не держали в руках ни кирки, ни лопаты. Но, не думаю, чтобы кто-то из них предпочёл бы умереть преждевременно. Мы должны дожить до того времени, когда рухнет Сталинский режим и с нас снимут клеймо врага народа.

– Да, Марк Сидорович, вы правы. Не надо превращаться в животных и сносить все издевательства над собой. Надо бороться и сопротивляться. Надо выжить хотя бы для того, чтобы рассказать потомкам о страшном режиме! Чтобы они

не допустили в дальнейшем повторения истории!

В глазах Осокина вспыхнул слабый огонёк появившейся надежды. Он хотел сказать ещё что-то более пафосное, свойственное интеллигентным людям, но тут раздалась команда:

– Встать! Построиться в колонну!

Заключенные стали подниматься, неуклюже выстраиваться в неровные ряды. Угрюмые лица выставились в затылок друг другу, люди старались выровняться в строю.

– Шагом марш! – послышалась новая команда.

Безмолвная колонна содрогнулась и потащилась дальше. Обменявшись информацией во время привала, люди разворошили утихшую память, впали в тревожные размышления. Они шли, согнувшись, уткнув неподвижный взгляд в снег. Всех их, без сомнения, пугала неизвестность. Вооружённый конвой, яростный лай рвущихся с поводка собак, мороз и вьюга, нескончаемо долгий путь по заснеженной дороге, несомненно, давили на психику. Даже уголовники притихли и перестали чертыхаться.

Во второй половине дня метель немного утихла. Стихия уже не швыряла в лица несчастных людей порции снега. Наконец, на горизонте показались какие-то строения. Ещё через четверть часа стало понятно, что впереди конечная точка пути.

Большая территория между двумя сопками была ограждена двумя рядами колючей проволоки. По углам периметра располагались сторожевые вышки, на них маячили часовые

в длинных тулупах.

Когда колонна истощённых и обессиленных от перехода людей приблизилась к лагерю, из проходной будки неторопливо вышли два солдата в белых полушубках и распахнули главные ворота.

Толпа окоченевших от мороза и выюги людей, не останавливаясь, прошагала мимо охраны на территорию лагеря. Солдаты с безучастным видом закрыли за прибывшей партией заключённых ворота и скрылись в проходной.

Глава 10

Ваня Ярошенко не любил зиму. Зимние сумерки наступали очень рано, времени для игр и развлечений на улице оставалось мало. После ужина приходилось сидеть дома. Приглашать пацанов к себе в барачную комнату не представлялось возможным. Во-первых, у него не было отдельного угла, где можно было принять друзей. В комнате у окна стоял только один стол. Он использовался в различных целях и всегда был занят. За ним завтракали, обедали и ужинали. Здесь стояла швейная машинка, на которой мать по вечерам постоянно что-то шила и перешивала. Здесь же готовились школьные уроки.

Чаще всех стол занимала Фрося. Она была копушей, ей вечно не хватало времени. После неё уроки готовила Василиса. Ваньке стол практически не доставался. Хорошо, что уроки для него – легкота, сделать их – что семечки полужгать на лавке. Он приспособился готовить их в школе. Либо прямо на уроках, либо на большой переменке. Если в большую переменку не удавалось это сделать, Ванька задерживался в классе после уроков ненадолго. Но такие случаи происходили очень редко, он всегда и везде поспевал.

Во-вторых, к себе домой можно было пригласить лишь таких же ребят, как он сам, живущих в соседнем бараке. Но из барачных друзей достойным пацаном был только один Тимо-

ха Сытый. Он рос без отца, был отчаянным и самостоятельным пареньком. Ваньке с ним было всегда легко и просто. Правда, на развлечения у Тимохи не оставалось времени. И сытым он никогда не был, семья жила впроголодь. Фамилия ему досталась, словно в насмешку. После смерти отца на руках матери, кроме самого Тимохи, осталось ещё двое малолетних детей. Она постоянно загружала Тимоху какой-нибудь работой по дому, поэтому друзья встречались нечасто.

Городские одноклассники на Стрелку не ходили. Они побаивались этого места. Посещать тёмный и грязный район им запрещали родители. Оно и понятно. Стрелка была известна многим горожанам. В нескольких мрачных бараках проживали лишь ссыльные, да бывшие заключённые, работающие на сплаве леса. Какому родителю понравится дружба собственного ребёнка с детками из нехороших семей?

В-третьих, после ареста отца многие друзья отвернулись от него и перестали общаться совсем. А сегодня в школе произошло то, чего Ванька совсем не ожидал. Когда он мерялся силой на руках, и после трёх побед всё-таки поддался рыжему верзиле Пашке Мерзлякову, Лёнька Сова, который болел за Мерзлякова, неожиданно произнёс со злорадством:

– Ну, что, Стешок, заломал тебя Пашка? То-то же! Не будешь больше выпендриваться, сын врага народа!

Совой звали Лёньку Соватеева, у которого старший брат служил в милиции. Лёнька был неказистый и слабосильный мальчишка. Сморчок, одним словом. Соплём можно пере-

шибить. Но его побаивались. Прикрываясь братом, он вёл себя по-хамски. Мог запросто ни за что, ни про что, ударить одноклассника под дых, дёрнуть в классе за косу отличницу, нагрубить уборщице в коридоре. Вытворял, что ему вздумается.

– Чё ты сказал!?! – приподнимаясь из-за парты, взвинтился Ванька. – А ну, повтори!

– То и сказал, контра недобитая! – с вызовом проговорил Сова и попятился. – Думал, если будешь молчать, то никто и не узнает, что отец твой сидит в тюрьме за контрреволюционную деятельность? Да? Брат мой врать не будет!

Ванька не стал дожидаться, пока этот сморчок выскажет ещё какую-нибудь гадость. Он подскочил к Сове и ткнул ему с размаха в лицо кулаком. Хрупкий Лёнька пошатнулся и сел на пол, из носа показалась кровь. На драку сбежались мальчишки и девчонки, образовался плотный круг.

– Мой отец не-ви-но-вен, – негодуя, сказал Ванька, произнося по слогам последнее слово. – Заруби это себе на расквашенном носу. И Виктор Пантелеевич Осокин тоже невиновен. Его-то ты бы не посмел назвать врагом народа, струсил бы, гнида поганая. Ещё раз обзовёшь меня – искровеню всю твою харю. Специально для тебя ноготь отращу. Понял? И не пугай меня своим братом, не боюсь я его.

Ванька повернулся и шагнул прочь от сидящего на полу Лёньки Соватеева. Обступившие его школьники безмолвно расступились, выпустили из круга.

Вернувшись из школы, Ванька забрался на полати и за-
тих. Больше всего он опасался, что в школе про драку узна-
ют сестры и сообщат матери. Тогда она точно уж выпорет
его. Но ремня Ванька не боялся, хотя испытал его на себе
всего лишь один раз в жизни. Пугало другое. Что, если этот
Сова расскажет всё брату? Как тот поступит? Вызовут мать
в школу? Заведут дело в милиции? Что вообще будет ему
за драку? А может, Сова не станет жаловаться? Может, тот
же Пашка Мерзляков посоветует ему помолчать? Сова ведь
слушается Пашку, потому что всегда прячется за его спину.

Ванька лежал на полатях и перебирал все варианты исхода
дела.

«Будь, что будет, – решил он после долгих размышле-
ний. – Ничего уже нельзя изменить, да и не нужно. Сова
схлопотал поделом. Отец мой ни в чём не виноват, мать так
говорила. Его оклеветал такой же человек, как этот Сова,
подлый и трусливый. Значит, юшку я ему расквасил спра-
ведливо. Врать непозволительно».

Промелькнувшие в голове последние два слова вдруг на-
помнили Ваньке о дяде Симе – директоре завода, который
разъяснял ему однажды разницу между враньём и лукав-
ством. Эти два слова – «врать непозволительно» – врезались
ему в голову на всю жизнь.

«Надо будет навестить его, – подумал Ванька. – Ведь обе-
щал же я заглядывать к нему хотя бы изредка, а сам не ис-
полняю своё обязательство. Выходит, трепло я после этого,

два года уже не появлялся у дяди Сима. Может, помощь ему какая-нибудь требуется, а я и не знаю? Завтра же схожу. Расскажу и про отца, и о драке с Совой. Послушаю, что он мне скажет в ответ. Ему можно верить, потому что дядя Сим – умный и справедливый. Не зря же ему доверили командовать целым заводом! И ещё его надо спросить о Боге. Что думает о нём дядя Сим? Почему одни люди верят в то, что Бог существует, а другие нет. И могут ли ошибиться в суде, посадив невинного человека в тюрьму? На целых десять лет».

После этого мысли Ваньки резко перенеслись в будущее.

«Это что же получается? Когда отец вернётся из тюрьмы, мне будет... двадцать три года?! К тому времени я уже окончу школу, отслужу в армии и вернусь домой? Может случиться и так, что мы даже вернёмся домой одновременно. Может даже, будем ехать в одном поезде! А что? Вдруг меня отправят служить в те места, где сейчас отец отбывает срок? Мы споемся с ним и вернёмся к матери вместе. Вот будет радость-то для неё!»!

Размышления Ваньки прервали вернувшиеся из школы сёстры. Он замер и не высовывал головы с полатей, полагая, что, если им стало известно о драке, они сразу же проговорятся.

– Вань, ты дома? – послышался внизу голос Василисы.

«Ну, всё, сейчас прицепятся, – подумал Ванька с неудовольствием. – Что я им скажу?»

– Ты чего затихарился? – задала вопрос уже Фрося. –

Слазь давай. Обедать будем. – Она принялась переодеваться.

«Не знают», – с облегчением отметил про себя Ванька и, наконец, подал голос:

– Что ты раскудахталась, как курица. Согреешь суп – слезу, а так, чего под ногами путаться друг у дружки?

– Ишь ты, барин выискался! Согрейте ему суп, вскипяти-те чайник, а он, так и быть, соизволит пообедать, – незлобиво проворчала Фрося. – Мог бы и сам позаботиться насчёт обеда, пока нас с Вассой не было.

– Откуда мне знать, когда вы притащитесь?

– Это ты вечно шляешься где-то, а мы с Вассой вовремя возвращаемся из школы, – назидательно сказала Фрося.

Ванька не стал больше перепираться с сестрой, спустился с полатей, подошёл вплотную к Фросе.

– Ну, давай, будем втроём держаться за одну кастрюлю.

– Вань, кончай вредничать, – вмешалась в разговор Василиса, разжигая керосинку. – Помой руки, и садись за стол. Можешь хлеб порезать.

За обедом никто из сестёр не обмолвился об инциденте в школе.

«Пронесло, – с радостью подумал Ванька, вставая из-за стола. – Наверно, Пашка, все-таки, заставил Сову молчать. Может, и сам Сова побоялся кляузничать училке. Он ведь знает, что Пашка не любит ябед. А без Пашки Мерзлякова – Сова никто, будто ноль без палочки. Лишь бы он своему брату-милиционеру не проболтался».

Ванька окончательно повеселел и снова забрался на полати. Взял в руки книгу и принялся читать.

На следующее утро он с тревогой входил в школу. Вчерашняя уверенность в том, что классная руководительница не знает о происшествии на последней перемене, почему-то улетучилась. Совсем необязательно, чтобы пожаловался сам Сова. Могли и девчонки нашептать на ухо Варваре Максимовне.

Ванька провёл в раздевалке на этот раз больше времени, чем обычно. Он медленно расстёгивал пуговицы, не спеша стягивал с себя пальтишко и, совсем не торопясь, отправился в конец раздевалки. Как будто, оттянув время, можно было миновать неизбежной головомойки.

Уже шагая по коридору, он нос к носу столкнулся с Варварой Максимовной. Дверь учительской распахнулась в тот момент, когда Ванька находился в двух шагах от неё.

– Здравствуйте, – выпалил он, не поднимая на учительницу глаз, и поспешил разминуться с ней.

– Здравствуй, Ваня, – ответила Варвара Максимовна, преградив ему путь.

«Знает, – мелькнула в голове мысль. – Сейчас схватит за руку и поведёт в учительскую».

– Ваня, а ты молодец, – почему-то радостно произнесла учительница математики и на мгновение внимательно уставилась в лицо Ваньки. Он похолодел.

– Ты лучше всех справился с контрольной работой.

Глаза Ваньки округлились от удивления, он не сразу понял, о чём говорит учительница. Готовясь к хорошей взбучке, он неожиданно услышал слова благодарности. Ванька стоял и молчал. Слова будто застряли в горле.

– Ваня, ты случайно не заболел? – встревожилась Варвара Максимовна, глядя на бледное лицо ученика.

До Ваньки наконец-то дошло, что учительница не знает ничего о вчерашней драке. Он радостно встрепенулся и бодро ответил:

– Нет, Варвара Максимовна, я не болею! Закалённый я! По утрам обливаюсь холодной водой.

– Это хорошо, Ваня, что ты закаляешь свой организм. Надо бы подсказать твоим одноклассникам, чтобы брали с тебя пример, – учительница математики одарила Ваньку похвальной улыбкой. – Я предлагаю тебе поучаствовать в школьной математической олимпиаде.

– Я согласен, Варвара Максимовна! – радостно воскликнул Ванька. – А когда она будет?

– Через неделю, Ваня. Готовься.

– Можно идти?

– Иди, Ваня. Скоро звонок будет.

В класс Ванька вошёл окрылённый. Соватеев сидел на последней парте с Пашкой. Его лицо было хмурым, он о чём-то рассказывал своему покровителю. Ни ссадин, ни синяков на нём Ванька не увидел. Стайки девчонок, пару секунд назад беззаботно щебетавшие в проходе между партами, ра-

зом повернулись к вошедшему Ярошенко и умолкли, потом быстро заняли свои места за партой.

В классе установилась напряжённая тишина. В этот момент нельзя было определить, что же произошло с одноклассниками. То ли таким образом они выразили неприязнь к Ваньке, как к сыну врага народа, то ли, наоборот, безмолвно одобряют его вчерашний поступок. Ведь накануне он защитил честь не только собственного отца, но и всеми любимого учителя истории Виктора Пантелеевича Осокина. Вслух никто из них не произнёс ни слова. Через минуту в класс вошла учительница, начался урок. После него на первой же перемене напряжённость улетучилась сама по себе. В классе поднялся обычный галдёж, о вчерашней драке никто не вспоминал.

После уроков Ванька направился навестить Сидорина Ивана Максимовича. Вчера он дал себе слово, что именно сегодня сделает это. А свое слово надо держать всегда. Если не произойдёт встречи с дядей Симом по какой-нибудь причине, он обязательно договорится с Маргаритой Васильев-ной, когда можно будет подойти во второй раз.

Вот и знакомая калитка. Ванька отворил её и вошёл во двор. Бросилось в глаза то, что он был не прибран. Иван Максимович обычно выгребал из ограды весь снег, а тут только узкая дорожка среди большого сугроба.

«Приболел, наверно, дядя Сим, вот и некому заняться снегом, – машинально подумал Ванька. – Вовремя я тут по-

явился».

Не успел он дойти до крыльца, как дверь дома отворилась, из неё выкатилась незнакомая толстая женщина. Она была обута в белые фетровые сапоги, на плечах покоилась наброшенная каракулевая шуба.

– Чего тебе? – спросила она недружелюбно, облизав ярко накрашенные губы.

– Я пришёл к дяде Симу, – оробев, тихо промолвил Ванька.

– К какому ещё дяде Симу? – уже зловеще проговорила женщина, уперев массивные руки в бока. – Нет тут такого, и не было никогда.

– Сидорин Иван Максимович, директор завода, он дома?

– Ах, вот ты о ком! Он что, родственник твой?

– Ага, – соврал Ванька. – Я племянник его, двоюродный.

– Не живёт больше здесь твой дядька, – ухмыльнулась новая хозяйка. – В другом доме он сейчас.

– В каком? Где? – спросил Ванька, наивно полагая, что толстая тётка сообщит ему новый адрес Сидориных.

– В тюрьме твой дядька, – скривилась в презрительной улыбке накрашенная особа. – Арестовали его ещё осенью. Врагом народа он оказался.

«Арестовали... арестовали..., – пульсировали слова у него в голове. – Как же так? За что? Этого не может быть!»

– Ну, чего встал, как истукан? Я тебе сказала всё, что знаю. Отправляйся восвояси, племянничек! Незачем мне с

тобой тут лясы точить!

– А... Маргарита Васильевна куда подевалась?

– Сын её забрал вскорости, куда-то увёз. Не знаю. Всё, малец, шагай, давай. Не забудь калитку захлопнуть, а то забежит ещё какая-нибудь бездомная собака, выгоняй я её потом.

Упитанная дама дождалась, когда Ванька вышел на улицу, затем закатилась обратно в дом, громко прихлопнув за собой дверь.

Ванька медленно побрёл по заснеженной улице, уткнувшись взглядом под ноги. Он никак не мог поверить, что дядю Сима, бывшего командира Красной Армии, директора завода, посадили в тюрьму.

«Какой же он враг народа? – недоумевал Ванька. – Это же ошибка. Дядя Сим не может быть врагом народа. Он сам воевал с белогвардейцами, рубил шашкой настоящих врагов советской власти. Почему в милиции постоянно ошибаются? Почему не хотят разбираться в суде? Это же так просто! Позвать людей, которые хорошо знают арестованного, допросить их. Они-то, по-всякому расскажут только правду. Вот и все доказательства, человека надо выпускать из тюрьмы. А вместо него сажать того, кто его оклеветал».

До самого дома Ванька пытался отыскать в голове хотя бы один факт, который каким-то образом мог бы опорочить учителя истории Виктора Пантелеевича Осокина и директора завода Ивана Максимовича Сидорина. Ни на одной из его

встреч с этими людьми не происходило ничего плохого. В этом он мог бы поклясться перед кем угодно.

Неоднократно Ванька невольно сравнивал их со своим отцом. Отец был таким же честным, добрым и справедливым. С той лишь разницей, что верил в Бога и ходил в церковь. Почему отец верил в Бога и ходил в церковь, а мать – нет, для Ваньки оставалось загадкой. Сегодня он хотел, наконец-то, спросить дядю Сима о Боге, но опоздал. Теперь вряд ли когда-нибудь произойдёт встреча с Иваном Максимовичем, теперь придётся спрашивать у кого-нибудь другого. Но у кого? В окружении Ваньки больше не осталось такого человека, с которым он мог бы поделиться сокровенными мыслями. Мать не в счёт. На такой вопрос она не ответит, потому что неграмотная. Она всего лишь год назад стала подписываться в документах печатными буквами, которые заучила по памяти. До этого времени мать ставила крестик вместо подписи.

И вдруг Ваньку осенило.

«Нужно сходить в церковь! Как я сразу не догадался? В ней я смогу получить ответы на все вопросы!»

На следующий день после уроков он направился в церковь. Она находилась неподалёку от школы, стояла на небольшом возвышении у подножия горы.

Люди, пред тем как войти в здание церкви, останавливались, крестились и совершали поклоны. Ванька, озираясь по сторонам, чтобы не быть уличённым в посещении божьего храма, прячась за спины прихожан, словно мышь, юркнул в

массивные двери.

То, что он увидел в первый момент, поразило и парализовало его. Везде горели свечи. Их было так много, что возьми Ванька за пересчёт, у него это бы не получилось. На стенах висело множество икон с изображением святых. Их лица были какими-то неестественными, совсем непохожими на лица обычных людей. Поражали необычайно тонкий и длинный нос, маленький рот и большие глаза. Все эти святые, казалось, смотрели только на него. Причём, смотрели строго и осуждающе, как будто укоряли за богохульство.

Ванька в растерянности топтался посреди зала и пялился с широко открытым ртом на распятого Христа. Ему стало вдруг душно, он расстегнул пальто. На шее красовался пионерский галстук. К Ваньке тотчас, откуда-то сзади, подкралась высохшая, как гороховый стручок, согнутая пополам старуха. Она гневно зашипела ему на ухо:

– Пионерам сюда заходить не положено. Нельзя осквернять Храм Божий своим присутствием. Пионеры и комсомольцы такие же антихристы, как и коммунисты. Это они погубили много церквей! Выйди немедленно, богохульник, пока тебя не застал батюшка. Иначе я кликну сторожа, и он быстро вышвырнет тебя отсюда!

Ванька развернулся и выбежал из церкви.

«Религия – это опиум для народа!» – вспомнились ему слова Ленина, вычитанные однажды в книжке. Он не знал точного значения этого слова, и не спрашивал из-за ненадоб-

ности. А вот сейчас неожиданно для себя вдруг понял, что опиум – это, скорее всего, какой-то дурман!

«Точно – дурман, – подумалось Ваньке, когда он очутился на улице и перевёл дух. – На себе испытал. Всё тело разом одеревенело при виде лиц святых, даже соображаловка отказала».

Хмурый и опустошённый он вернулся домой. Забрался на полаты и до самой ночи пролежал там, уставившись в потолок. Не давала покоя единственная мысль: чем могла очаровать и покорить церковь отца? Что такого привлекательно-го он смог усмотреть в ней, чтобы с безудержным желанием стремиться туда всякий раз?

Необычное поведение сына обеспокоило Евдокию. Ванька не спускался с полатей, не помогал растапливать печь, не задирался на сестёр, даже голоса не подавал.

– Ванечка, ты не заболел? – спросила она, не выдержав молчания сына.

– Нет, мама, я здоров.

– Так чего печь не разжигает?

– В другой раз, ладно? Книжка очень интересная попала.

– Ой, ли? Скрываешь от меня чего-то. Нашкодил, поди? Или двойку получил? Давай, рассказывай!

– Да всё у меня хорошо, мам! Говорю же: книжку интересную из библиотеки принёс. Мне её на два дня всего дали.

– Ванька, не ври, – вступила в разговор Василиса. – Уж

я-то знаю, когда ты что-то скрываешь. Забываешься в щель, как мышь и молчишь. Колись, давай, что произошло? Мы всё равно не отстанем, пока ты не расскажешь, что случилось.

Говорить о посещении церкви не хотелось, и тут он вспомнил, что ходил навестить дядю Сима. Это сообщение послужило для него палочкой-выручалочкой.

– Ходил навестить дядю Сима, – как бы с неохотой сообщил Ванька.

– И что?

– Не живёт он больше в том доме.

– Переехал куда?

– Арестовали его ещё осенью, в тюрьме он.

Евдокия выронила из рук полено. Оно с грохотом упало на металлический лист у печки. Из отгороженной комнатки тотчас выскочили друг за дружкой Василиса и Фрося, уставились на мать. Лицо её было бледным, губы слегка подрагивали. Сообщение сына живо напомнило ей о Марке. Сердце замерло и будто остановилось.

– И его, значит, постигла такая же участь, как нашего отца? Ох-ох-ох! Сколько же ещё пострадает невинных людей? – мать медленно опустилась на табуретку, на глаза навернулись слёзы. – Его-то хоть за что?

– Не знаю я, мам.

– Разве ты не спрашивал у Маргариты Васильевны?

– Её я тоже не застал.

– И где она сейчас, бедняга?

– Тётка, которая живёт сейчас в их доме, сказала, будто приезжал сын и забрал её к себе.

– Слава Богу, хоть он позаботился, а то бы не выжить ей одной. Ты говорил, у неё сердце больное? – Евдокия краешком фартука утёрла слезы.

– Дядя Сим так говорил, – пояснил Ванька.

Фрося перевела взгляд на сестру, спросила:

– А кто такой этот дядя Сим? Наш родственник?

– Дядя Сим – это Сидорин Иван Максимович, директор металлургического завода. Он спас нас от смерти в голодный год. Тогда ты жила на Украине.

– А-а, – протянула равнодушно Фрося и вернулась в комнату. Её больше не интересовал разговор о незнакомом человеке. У неё на носу была контрольная, и она усиленно к ней готовилась.

Мать истопила печь, сварила картошку, поставила на стол квашеную капусту.

– Мойте руки и садитесь за стол! – громко позвала она детей на ужин.

Ванька нехотя сполз с полатей с угрюмым лицом. Он всё ещё не отошёл от потрясения в церкви. Быстро проглотил несколько картофелин, выпил чай и отправился вновь под потолок.

Ночью ему приснился кошмар. Он опять стоял в церкви посередине зала и смотрел на лица святых. Они оживали и с

гневом что-то говорили ему. Ванька не мог расслышать их голосов и в страхе пятился к выходу. Рядом с ним откуда-то вдруг появился Виктор Пантелеевич Осокин. Он долго смотрел на Ваньку, потом с сожалением и упрёком промолвил:

– Не ожидал я, Ваня, от тебя такого поступка. Никак не ожидал. Ты опозорил не только себя, но и всю пионерскую организацию школы. Немедленно сними пионерский галстук! Ты больше не можешь быть пионером!

Ванька принялся объяснять классному руководителю, почему он здесь оказался, но его слова не были слышны. Голос пропал. В испуге он повернулся и побежал прочь. В дверях путь ему преградила знакомая старуха, только теперь её лицо сильно изменилось. Нос стал длинным и горбатым, как на картинках у Бабы Яги. В руках у неё была кочерга, она размахивала ею перед лицом Ваньки и что-то злобно кричала.

Ему удалось увернуться и выскочить на улицу. Но и там его уже ждала пионервожатая. На сей раз убежать от неё не получилось. Вожатая оказалась проворнее Ваньки. Она догнала его и схватила за локоть.

– Ага, попался, бесстыдник! – злорадствовала девица. – Я ещё на совете дружины поняла, кто ты есть на самом деле. У тебя хорошо получалось скрывать своё истинное лицо. Но сколько бы верёвочке не виться, а конец её всегда отыщется. Мы будем судить тебя, как сына врага народа показательным судом!

Проснувшись утром, Ванька возненавидел церковь и всех

священников. Подходя к школе, он больше не заглядывался на золотые купола, которые сверкали в утренних лучах солнца. О посещении церкви и ночном кошмаре он никому не рассказал.

Глава 11

Две недели уже Александр Кацапов и Григорий Надеждин прохлаждались в Улан-Удэ. Их пристанищем стала комната в коммунальной квартире, которая досталась Григорию в наследство после смерти матери.

Они дошли до Усть-Маи, а потом на попутных машинах благополучно добрались до Якутска. Здесь друзья не стали задерживаться и отправились сразу в Улан-Удэ. Болтаться бесцельно по городу им обоим вскоре надоело.

– Знаешь, – отпив несколько глотков пива из кружки, сказал Александр, – наверно пора устроиться нам на работу. Две недели пить водку и похмеляться по утрам пивом – это уже перебор. Так можно и с катушек съехать.

Григорий пожал плечами и неопределённо качнул головой. В последние дни у него и у самого проскакивала в голове такая мысль. Но Кацапов находился у него в гостях, и начинать первым подобный разговор на эту тему, как ему казалось, было бы неприлично.

– Ты – гость, тебе и принимать решение, – после непродолжительной паузы заявил Надеждин. – А вообще-то, я с тобой согласен полностью. Хватит валять дурака. Даже большие деньги имеют свойство когда-нибудь заканчиваться.

Друзья сидели за столиком в полупустой пивной неподалёку от Гришиного дома. Им нравилось проводить здесь вре-

мя по утрам, когда городская жизнь только ещё пробуждалась. Они не готовили пищу дома, и ходили сюда завтракать. В отличие от грязных забегаловок, в этой пивной было чисто и уютно. На видном месте висело даже меню с небольшим набором блюд.

Каждое утро друзья заказывали глазунью и слабосолёного омуля. Такой вкусной рыбы Александр не пробовал ни разу в жизни. Миловидная женщина на раздаче быстро усвоила желание парней. Она нарезала омуля тонкими ломтиками заранее и укладывала на тарелку. Рядом ставила блюдце со сливочным маслом. Александр и Григорий приходили в одно и то же время, любимое кушанье было уже готово.

– По кружке пива, пожалуйста, – небрежно проговаривал Григорий, накладывал на тарелку стопкой кусочки чёрного хлеба, брал омуля, блюдце с маслом и шёл в конец маленького зала. Александр оставался ждать глазунью и самостоятельно накачивал через сифон пиво из деревянной бочки. Женщина ему доверяла.

– Тебе не надоели такие завтраки? – спросил Григорий, наблюдая, с каким удовольствием Александр намазывает маслом хлеб и укладывает на него кусочки омуля.

– Вот устроимся на работу – перейду на кашу. А пока омуль – лучшая закуска к пиву. У нас на Урале такой рыбёшки не водится.

– А мне это однообразие порядком надоело, – сморщив нос, пробурчал Григорий. – Завтра перехожу на сладкое.

– И пиво пить не будешь?

– Если не заглатывать с вечера по поллитровке белого – на пиво утром не потянет.

– У нас этого не получится, – усмехнулся Кацапов.

– Это почему же?

– Потому что вечером в твоей норе скучно без водки. Невозможно сидеть вдвоём и до самой ночи пялиться друг на друга сухими глазами?

– Давай сходим на танцы. Зацепим там по крале, приведём к себе в берлогу. Дальше видно будет, как с ними поступить.

Александр настороженно посмотрел на друга, ожидая скрытого подвоха. Ни он, ни Григорий танцевать не умели, ни разу не бывали на танцевальной площадке, заводить знакомство с женщинами не пытались из-за излишней скромности.

– Что ты смотришь на меня, как боец Красной Армии на обнаруженную вошь? Пора менять свою жизнь. С чего-то же надо начинать?

– Ну, конечно, начинать надо с баб, – скривился в усмешке Александр и надолго приложился к кружке. Опорожнив её на треть, он смахнул пену с губ, добавил:

– Истинная правда в твоих словах, Гриня!

– Чего ты упрямишься? Любой нормальный мужик должен иметь женщину. Это есть правда жизни, и отрицать её не следует. Никто же тебя не заставляет жениться. Встречайся с бабой в своё удовольствие, мни ей грудные булки, целуй в

засос, пока не надоест.

– А как быть с жилплощадью? – с подковыркой спросил Кацапов. – Составить график очерёдности? Через день спать на кухне?

Надеждин слегка растерялся. Но его замешательство долго не продлилось. Не успел Александр отхлебнуть пару глотков пива, как ответ для него был уже готов.

– Можно разделить комнату занавеской. А ещё лучше подыскать бабу с собственным жильём.

Кацапов, прищурившись, пристально посмотрел на друга, поинтересовался:

– Гриня, ты лучше признайся: я тебе мешаю строить личную жизнь? Утомил своим присутствием? Так и скажи, только честно. Я завтра же соберу манатки и отправлюсь восво-яси. Здесь меня ничего не держит.

– Сано, ты что несёшь?! Как такая хрень могла взбрести в твою голову? – рассердился Григорий. – Ты засомневался в преданности друга?!

– Ну, ладно, ладно, успокойся, верю я тебе, – Александр взял друга за локоть, – только давай условимся: сначала устроимся на работу, а уж потом возьмёмся за баб. Идёт?

– Идёт. Только вот хорошую работу надо ещё поискать. Не в землекопы же идти?

Друзья допили по кружке пива, Александр направился к бошке, чтобы сделать повтор. В это время в пивную вошёл мужчина. Постояв пару секунд на входе для изучения обста-

новки, он уверенным шагом двинулся к раздаче.

– Здравствуйте, – с любезностью обратился мужчина к официантке. – Могу я у вас чем-нибудь перекусить?

Женщина смерила посетителя изучающим взглядом, словно определяла сквозь одежду толщину его кошелька, и только потом, расплывшись в приветливой улыбке, пропела в ответ:

– Вы можете не только перекусить, но и отлично закусить.

Официантка служила в торговле не первый год и научилась безошибочно различать клиентов. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы понять, чего хочет посетитель.

Кацапов невольно скосил глаза в сторону мужчины.

– О, какая вы догадливая! Я действительно сильно проголодался. – Мужчина бесцеремонно впился глазами в пышный бюст официантки. – Позвольте поинтересоваться вашим именем?

Женщина зарделась, но с готовностью ответила:

– Валентина.

– Так вот, Валечка, нельзя ли приготовить для меня то, чего нет в вашем меню?

– Чего нет в нашем меню – есть в соседнем ресторане, – явно съязвив, но вполне вежливо проворковала официантка.

– К сожалению, ресторан открывается поздно, а мне хотелось бы отведать кусок хорошего мяса прямо сейчас. Вчера дела не позволили мне поужинать, а сегодня я вынужден

забыть и про обед. Уже через пару часов я покину ваш гостеприимный город, – посетитель обнажил в улыбке золотой зуб.

Негромкий, глуховатый голос с оттенком некоторой тайны прозвучал, видимо, достаточно убедительно, потому что официантка колебалась всего лишь какое-то мгновение. Затем она, сверкнув загоревшимися глазами, кокетничая, с томным вздохом промолвила:

– Персональный заказ до-орого вам обойдётся.

– О, Валечка, вы – прелесть! Готов расплатиться за свой заказ по расценкам ресторана высшей категории, с солидными чаевыми! – мужчина громко рассмеялся. – И кроме этого, обещаю вам, что в следующий приезд я обязательно отправлюсь в ресторан, но только вместе с вами!

– Ловлю вас на слове... – женщина примолкла на секунду, – незнакомец.

– Ой, простите, забыл представиться: Геннадий Петрович Сладков.

– Вам придётся подождать, Геннадий Петрович. Ваше мясо будет готово через сорок минут.

– Я умею быть терпеливым и ждать своего часа, – недвусмысленно ответил Сладков, заглянув в увлажнившиеся глаза Валентины. – Отведаю пока пивка.

Геннадий Петрович направился к бочке. Кацапов уже наполнил свои кружки и сидел за столом с другом.

– Интересный хлюст, – заметил он, кивком головы указав

на Сладкова. – Ужом вьётся вокруг нашей Вальки, умасливает ей мозги.

– Молодец, мужик. Талантливо работает. Учись, Сано, как надо заводить знакомство с женщинами. Пять минут – и женщина растаяла.

– Бабский угодник, сразу видно, – с пренебрежением отозвался о посетителе Кацапов.

Между тем, Сладков с завидной проворностью справился с сифоном и двинулся с двумя наполненными кружками в их сторону.

– Привет, мужики, – бодрим голосом произнёс он, остановившись в шаге от них. – Вы позволите составить вам компанию?

Друзья переглянулись в недоумении, удивляясь странному желанию мужчины. Рядом было два свободных столика, и вторжение в незнакомую компанию можно было расценить как наглость. Но добродушная улыбка и непринуждённый тон Сладкова подкупающе подействовали на друзей.

– Не привык, понимаете, пить в одиночестве, – улыбнувшись ещё шире, произнёс Геннадий Петрович. – Кружка пива, как мне кажется, всегда требует собеседника.

– Присаживайся, если скука одолевает, – с неохотой ответил Кацапов.

Мужчина поставил кружки на стол, выдвинул стул, грузно приземлился.

– Какая там скука? – поднося кружку ко рту, сказал Слад-

ков. – Кручусь, как белка в колесе.

Он приложился к кружке, прикрыл глаза от приятного предвкушения, затем с жадностью отпил несколько глотков.

– Всё лето мотаюсь по округе. Выискиваю, вынюхиваю, выбиваю. Стройка набирает обороты, и меня раскручивают вместе с этим маховиком. Черт бы подрал эту стройку!

Любознательный Надеждин не удержался, спросил:

– Снабженец что ли?

– Он самый. Только раньше я был свободный работник, а сейчас попал в неразрушимую зависимость от НКВД. Слышали, наверно, о строительстве железной дороги в Монголию?

Кацапов и Надеждин отрицательно покачали головами.

– Откуда ж нам знать, если мы вернулись в город пару недель назад? – ответил вопросом за обоих Григорий. – Три года в тайге провели.

– Тогда поня-ятно, – протянул Сладков. – За ваше отсутствие в наши края заключённых понагнали. Видимо-невидимо, со всей страны. Создали Управление железнодорожных лагерей на Дальнем Востоке. Строительство дороги от Улан-Удэ до Наушек поручили Южному исправительно-трудовому лагерю № 202, к которому я сейчас прикомандирован. Главный у нас капитан Шумель. Он и начальник лагеря, и начальник строительства в одном лице. Прав ему дали выше крыши. Мой бывший гражданский отдел теперь подчиняется непосредственно ему. Лютует этот Шумель, за горло

берёт. Сам позеленел от этой стройки, и меня превратил в гончего пса. Десять кило потерял я на этой собачьей работе!

– Да, несладкая у тебя работа, – посочувствовал Григорий.

– Не то слово. Пожрать не всегда удаётся. Зимой, когда зеки грызли землю, мне было полегче. Первостепенной задачей снабжения были пила, кирка, лом да лопата. А летом началась укладка путей. Вот тут-то всё и началось! То шпал не хватает, то щебня недостаточно, то песок закончился. Вот и рыскаю по всей округе! До границы с Монголией Шумель должен пройти за два с половиной года. А это две с половиной сотни километров! По восемь с лишним километров путей в месяц! Если не выполнит приказ – его к стенке поставят. И меня рядом с ним! С НКВД шутки плохи.

Новый знакомый откинулся на стуле, тяжело вздохнул несколько раз. Стало понятно, почему он подсел за стол к скучающим от безделья парням. Ему хотелось выговориться кому-то, выплеснуть из себя скопившуюся на душе тяжесть, возвысить себя в глазах случайных собеседников. В управлении лагерей он сделать этого не мог. А тут, как в поезде, посидел, поговорил, облегчил душу, и был таков. И не страшно, что, возможно, разгласил государственную тайну. Эти два бездельника совсем не похожи на представителей органов безопасности.

– Как только жена терпит тебя? – лениво полюбопытствовал Надеждин, глядя в собеседника. Глядя на этого сорокалетнего мужчину, у него не было сомнений, что тот

женат.

– Ха, жена! – скривился Сладков. – Нет у меня жены, и никогда не было. В походной жизни могут быть только походные жёны. – Он обернулся и посмотрел в направлении раздачи, где копошилась с мясом пышногрудая Валентина.

– Навострился ты покорять женщин, – с усмешкой произнёс Александр. – Секретом, что ли, каким владеешь?

– Да какой тут секрет, мужики? Сыпь бабе ласковые слова, не скромничай, дари ей всякую мелочь, не будь жмотом. А, главное, действуй напористо, иди напролом, как говорится. Женщины это ценят. Вот и все премудрости. Можно даже наобещать то, что не сможешь выполнить. Не страшно, оправдание всегда найдётся.

– Ловко у тебя получается, и очень просто, – улыбнулся Григорий.

– У вас что, проблемы с женским полом? – удивился Сладков. – Не можете никого охмурить, что ли?

– Нет, просто не пытались пока, водку ещё не всю выпили, – развязно сказал в оправдание Григорий.

– Вы, как я понимаю, нигде не работаете? – неожиданно прозвучал вопрос снабженца.

– Отдыхаем пока, наработались досыта. Три года пахали без выходных, – помедлив немного, сказал Александр и подумал: «Чего ради спрашивает?»

И, словно прочитав его мысли, Сладков обрадовано проговорил:

– Айда ко мне в отдел, а, мужики? – голубые глаза его сощурились и глядели на друзей выжидающе. – Дело говорю. Мне как раз нужны такие помощники, как вы.

– Геннадий Петрович, ваше мясо готово! – послышался громкий голос Валентины.

– Я сейчас, мужики, – Сладков поднялся из-за стола и заспешил к раздаче. На лице его опять появилась обольстительная улыбка.

– Вам с соусом или хренку положить для остроты? – с притворной любезностью спросила хозяйка пивной.

– Лучше с хренком, – также любезно ответил Геннадий Петрович. – Он, Валюша, по утверждению врачей, способствует появлению большого спектра мужских желаний.

– Кушайте на здоровье, – Валентина протянула тарелку с мясом, внимательно посмотрела на ухажёра и слегка порозовела.

– Ах, да! – спохватился тот и полез в карман за кошельком. – Вот вам за трапезу, а это чаевые, как обещал. – Дополнительная купюра легла рядом с начисленной суммой.

– И не забывайте про ресторан, – подмигнул Геннадий Петрович. – Всё остаётся в силе.

– Ну, ты даёшь! – восхитился Григорий, когда Сладков вернулся за стол. – Настоящий артист!

– Приходится быть артистом. Это неотъемлемая часть моей профессии. – В словах не отражалось ни гордости, ни любования собой. Да и произнесены они были довольно мрач-

ным голосом. Скорее всего, это было признание безысходности в нелёгкой работе.

– Ну так что, мужики? Идёте работать ко мне? – вернулся к разговору Геннадий Петрович, ловко расправляясь с куском свинины на косточке при помощи ножа и вилки.

– Ты сначала расскажи, что за работу предлагаешь? – обкусывая косточку омуля, поинтересовался Александр. – Да какой расклад будет по окончании месяца? А потом и решим, стоит ли впрягаться?

– Абсолютно правильный вопрос. Вот если бы вы сейчас согласились, не раздумывая – я бы вам отказал. А знаете почему?

– Почему? – повторил вопрос Надеждин.

– Потому что мне в отдел нужны не простые исполнители, а помощники с мозгами. Работа предстоит непростая. Я уже говорил вам, что в лагере есть проблемы с поставкой шпал?

– Ну, говорил, – подтвердил Григорий.

– Шумель распорядился поставить свою лесопилку на трассе. Зеки за зиму умудрились половину штабеля спалить в кострах. Отогревали мёрзлый грунт, да и сами грелись без ума. И охрана грелась с ними заодно. Летом только и выяснилась пропажа. Попробуй сейчас, найди виновных? Зоной правят воры в законе. Они быстро подсунут виновного, который ещё зимой окочурился. И что толку от того, что отыщется виновный? Шпал от этого не прибавится.

– Ты хочешь предложить нам поставить эту пилораму? –

Кацапов с улыбкой посмотрел на Сладкова.

– Нравятся мне догадливые люди, – рассмеялся Сладков. – Не только поставить, но и руководить работой на ней. Вести учёт. Вам приходилось иметь дело с валкой леса, распиловкой?

– Вон он у нас большой специалист по этому делу, – кивнул Григорий в сторону Кацапова. – Родился и вырос в тайге. Валил, пилил, колол – всему обучился.

– Очень хорошо, – обрадовался Сладков. – Только валить и пилить самому не потребуется – для этого сюда привезли много тысяч заключённых. Среди них есть нужные люди, но их недостаточно, да и не везде расставишь. Кое-где требуются и вольнонаёмные. Ну как, согласен? – Сладков обратился к Кацапову.

– Ты предлагаешь мне одному?

– Ну, да.

– А он? – Александр показал пальцем на Надеждина. – Мы друзья, привыкли быть вместе.

– И он будет работать, – заверил Геннадий Петрович. – Нормировщиком.

– Нормировщиком? – переспросил Кацапов. – Гриша, ты слышал? Тебе предлагается интеллигентная работа.

– А что? Дело знакомое, – деловито проговорил Надеждин. – Пришлось однажды и нормировщиком поработать. На деревообрабатывающей фабрике. Правда, давно это было, ещё до службы в армии.

– Ты, Гриша, не перестаёшь меня удивлять, – порадовался за друга Александр.

– Ну, вот и сговорились, – бесстрастно промолвил Сладков.

– Нет, не сговорились, – Кацапов отодвинул от себя пустую кружку, положил локти на стол. – Ты не сказал нам про зарплату.

– Не сказал, потому что сам не знаю. О размере зарплаты вам могут сказать только в отделе кадров лагеря. Но, поверьте мне, ваш заработок будет высоким.

– Ладно, уговорил, – развязным тоном сказал Александр. – Если меня что-то не устроит – я вольная птица, вспорхнуть могу в любой момент. Тайга большая, в ней всегда найдётся подходящее дерево, на котором можно свить гнездо.

– Это правда, – усмехнулся Сладков. – Это у лошади не спрашивают, когда ей набросить хомут, а человек и в силоч, и в хомут суёт голову добровольно.

Он объяснил, как добраться до лагеря. Потом быстро расправился с мясом, вытер губы платком, взглянул на настенные часы-ходики.

– О, мужики, мне пора. Сегодня я должен предстать перед Шумелем. Как добраться до лагеря, я вам рассказал. Так что, жду послезавтра в четырнадцать ноль-ноль в конторе.

Сладков встал, пожал друзьям руки, направился к выходу. Проходя мимо Валентины, остановился на секунду, сцепил

ладони перед собой и потряс ими несколько раз.

– Валечка, вы кудесница. Такого вкусного мяса я не пробовал никогда. Спасибо вам, и до встречи. – Он отправил в её сторону воздушный поцелуй и покинул пивную.

Очарованная посетителем официантка ещё долго смотрела на захлопнувшую дверь. Потом, восторженувшись, принялась за свои дела.

– Ну и как тебе сказка на салазках? – спросил Кацапов друга, допивая пиво.

– Да, на словах, что на санях, а на деле, может быть, как на копыле, – ответил Григорий поговоркой.

– Вот-вот, – согласился Александр. – Но, чем чёрт не шутит? Вдруг нам и вправду повезло с этим мужиком? Надо съездить.

– О чём разговор, Сано? Съездим, обязательно.

Друзья встали, подошли к раздаче и расплатились с официанткой. Григорий попытался полюбезничать с ней, но соперничать со Сладковым у него не получилось. Валентина оказалась непробиваемой.

Глава 12

В начале октября погода резко испортилась. По ночам температура воздуха опускалась уже ниже нуля. Утренние заморозки сковывали землю, в лужах замерзала вода. Облака, насытившись на Байкале влагой, потяжелели и едва тащились по небу. Опустившись совсем низко, они выцеживали на землю мелкий противный дождь вперемежку со снегом и лениво уплывали за горизонт.

Иногда, совсем неожиданно, налетал холодный, пронизывающий до костей ветер. Он заворачивал в спираль промозглую воздушную массу и с силой швырял её в лица заключённых. Они увёртывались от сильных порывов, прикрывались на время мокрыми брезентовыми рукавицами, но потом вновь с обречённостью рабов вонзали свои кирки и лопаты в чавкающее земляное месиво.

Охрана, облачённая в брезентовые плащи с капюшоном, с полным безразличием наблюдала за копошащимися в грязи арестантами. Людской муравейник, извиваясь чёрной лентой, уползал по прорубленной просеке далеко вперёд и терялся в лесном массиве.

Полтора месяца прошло с того дня, когда Александр Кацапов впервые появился в колонне № 23. Строительство железной дороги Улан-Удэ – Наушки, было разбито на отдельные участки протяжённостью от четырёх до пяти километ-

ров, в зависимости от рельефа местности. На каждом из этих участков находился лагерный пункт во главе с начальником лагеря-колонны.

На участке территории, обнесённой двумя рядами колючей проволоки, стояли длинные бараки. Это была жилая зона для заключённых. В сотне метров от неё располагались жилые дома для лагерного персонала и строения хозяйственно-бытового назначения.

Дом, в котором поселили Кацапова и Надеждина, был старым и трухлявым. Его, вероятно, разобрали где-то по бревнышку в одном из посёлков и перевезли сюда в конце зимы. Сруб собирали на скорую руку, установив первый венец брёвен на четыре больших валуна. Через щели в полу гулял ветерок. Щели пришлось законопатить паклей.

Давая согласие на работу в строительной колонне, друзья и не предполагали, что их ждёт впереди. Сладков по какой-то причине не явился на встречу. Друзья, бесполезно прождав его у входа в контору около получаса, направились самостоятельно решать свой вопрос. В отделе кадров базового лагеря, где располагалось управление, собеседование продлилось не более пяти минут.

– Что умеете делать? – спросил начальник отдела, грузный седой мужчина в очках с массивным подбородком, едва друзья успели присесть на стулья в его тесном кабинете.

– Всё, что угодно, – простодушно ответил Александр и улыбнулся.

– А конкретнее? – лицо кадровика было непроницаемым. Он не удивился ответу посетителя, будто знал загодя, что перед ним стоит человек, владеющий, как минимум, несколькими десятками профессий.

– Приходилось валить лес, сплавливать по реке. Могу работать на пилораме, плотничать, строить дома, класть печи, слесарничать. Умею ухаживать за лошадьми.

– И подковать способен?

– Могу и подковать.

– Ну, что ж, мне всё понятно. Валить лес у нас есть кому, а вот мастеров в колоннах не хватает. Заключённые совсем распоясались. Оформлю мастером, – заявил неожиданно начальник отдела кадров. На его лице скользнуло что-то наподобие улыбки.

– Но я... никогда не работал мастером, – попытался возразить Александр, засомневавшись в своих способностях руководителя. – Да и образование у меня всего четыре класса.

– Мастерами не рождаются, ими становятся, – безапелляционно проговорил кадровик. – Познание начинается с нуля, опыт приходит со временем. В двадцать третьей колонне толковый и грамотный прораб, он быстро обучит тебя всем премудростям, не сомневайся.

Суровый начальник прошёлся взглядом по комплекции Кацапова, добавил:

– На трассе особых знаний не потребуется. Нужна внушительная внешность, чтобы заключенные боялись мастера и

безропотно повиновались ему.

Озвученная сумма зарплаты подстегнула Александра к принятию окончательного решения. Он не стал возражать и незамедлительно написал заявление.

«Не справлюсь – сами попрут из мастеров, – мелькнула мысль в его голове. – А попробовать стоит».

А вот Григорию Надеждину не было предложено занять вакансию мастера, хотя в соседней колонне таковая имелась. Кадровик, по всей вероятности, собаку съел на своей работе и видел человека насквозь.

Свободных мест нормировщика в двадцать третьей колонне не оказалось, а Грише не хотелось расставаться с другом. Он не собирался сдаваться без боя и пошёл на хитрость. Гриша, как бы скользь, обмолвился, что хорошо знаком со Сладковым, а тот советовал ему устроиться в службу снабжения.

После упоминания о Сладкове, начальник отдела кадров как-то странно взглянул на Надеждина, затем куда-то позвонил по внутреннему телефону. В результате Гриша пристроился в службу помощника начальника лагерного пункта по снабжению и быту. На него были возложены обязанности обеспечения заключённых продовольствием и спецодеждой.

Прораб действительно оказался грамотным специалистом. Он был старше Кацапова на десять лет. Как потом выяснилось, у него за плечами была хорошая школа, в том числе и строительство Беломорканала.

Внешне Борис Игнатьевич Бобров не походил на прораба и ничем не отличался от заключённых. Ходил в такой же телогрейке, в разбитых кирзовых сапогах, из карманов торчали брезентовые рукавицы. Он был мирным и добродушным человеком. Никто в колонне ни разу не слышал из его уст громких окриков, оскорблений или матерных слов. Ему чужды были властность, превосходство и высокомерие. Для организатора стройки, это, конечно же, являлось определённым минусом.

Грамотный прораб строил свою работу на доверии и личном примере, сновал по всему фронту работ, не брезгуя при необходимости брать в руки лом или лопату. Политические его уважали и исполняли всё, что он просил, ничуть не сомневаясь в правильности принятого решения. Воры, мошенники и бандиты пользовались мягким характером Боброва, нередко давили на него, добиваясь для себя послаблений.

Бобров искренно обрадовался появлению Александра Кацапова. Он внимательно выслушал нового мастера и ничуть не удивился отсутствию у того специального образования.

– Не беда, – успокоил он. – Через неделю войдёшь в курс дела, и всё пойдёт, как по маслу. Здесь больше половины мастеров не имеют специального образования, но это не мешает им трудиться. Геодезисты простреляли трассу, выполнили необходимую разметку. Теперь твоя главная задача – выполнение плана. Выемка грунта, заполнение траншеи щебнем. До укладки шпал и рельс пока далеко. Есть время, что-

бы изучить технологию.

В этот же день Бобров провёл Александра по всему участку работ, познакомил с бригадами из числа заключённых, рассказал о режиме труда, нормах выработки. На обратном пути подвёл Кацапова к большому штабелю сложенной древесины, сказал:

– Вот здесь я выбрал площадку для монтажа пилорамы. Знаком с такой штукой?

– Приходилось, – без хвастовства ответил Александр. – Сам пилил брус, доски. Бараки на Урале строил.

– Тогда мне просто повезло с тобой! – обрадовано произнёс Бобров. – Гора с плеч, как говорится!

И он принялся рассказывать, где следует установить оборудование, как расположить подъездные пути, куда складировать готовый пиломатериал.

– Завтра должны завести генератор и саму пилораму, займёшься выгрузкой. А послезавтра приступишь к монтажу. Людей я тебе дам.

– Под открытым небом? – удивился Кацапов.

– Навес будешь строить параллельно с монтажом. Нам срочно нужны свои пиломатериалы. В ближайшее время на трассу пригонят ещё около трёх тысяч заключённых, в нашу колонну тоже прибудет пополнение. Всех прибывших нужно куда-то расселить, обеспечить инструментом. Начальник лагеря принял решение строить дополнительный барак, существующие итак уже все переполнены.

– Снабжение не справляется?

– Оно-то справляется, завозит сколько положено. Только вот заключённые – ушлый народ. Особенно уголовники. Чтобы не работать – ломают инструмент, курочат тачки, жгут пиломатериалы вместо дров. Прошлой зимой сожгли штабель шпал под видом разогрева грунта.

– А как же охрана? – в недоумении спросил Александр. – Не препятствует безобразию, не гоняет?

– Охрана, – презрительно протянул Бобров. – Эти псы нам с тобой не подчиняются. Их задача – не допустить побега, а на всё остальное им наплевать. Зимой сами они всю смену не отходят от костров. Мёрзнут бедняги.

И начались трудовые будни Кацапова в должности мастера. До обеденного перерыва он мотался по трассе, выслушивал жалобы бригадиров, ругался и поучал, если требовалось, потом возвращался к возводимой пилораме.

Через две недели пилорама заработала. Визг циркулярной пилы был слышен далеко вокруг. Её установили прямо на земле, запитав кабелем от мощного генератора, который Сладков доставил из Улан-Удэ.

Руководил установкой оборудования пожилой заключённый по фамилии Самойлов. До ареста органами НКВД, этот человек работал начальником цеха на одном из московских заводов. Он был угрюм и неразговорчив, часто кашлял. Поблёклые серые глаза, казалось, были мертвы и никогда не оживали, даже тогда, когда происходил какой-нибудь забав-

ный случай. Измождённое лицо было сплошь изрезано многочисленными морщинами. Ему было пятьдесят лет, но выглядел Самойлов на все семьдесят.

В помощниках у него находились ещё четверо заключённых, тоже из политических. Эта немногочисленная бригада была выделена Александру Кацапову, но руководство ею было чисто формальным. Илья Никифорович Самойлов знал своё дело, и любые приказы были для него излишними. Поставленную перед ним задачу он выполнял добросовестно и в понуканиях не нуждался.

После запуска пилорамы Кацапов оставил этого заключённого на вновь образованном рабочем месте. Он понимал, что работа под проливным дождём на трассе только усугубит болезнь Ильи Никифоровича. Его ослабленный организм просто не выдержит, и Самойлов вскорости отдаст богу душу, не проживёт в заключении и части длительного срока.

Под навесом пилорамы не было проливного осеннего дождя, не гулял под телогрейкой студёный ветер, и более того, здесь имелась печь-буржуйка, изготовленная из железной бочки. Такие условия можно было назвать послаблением режима.

– Спасибо, – тихо промолвил Илья Никифорович единственное слово и опять умолк наглухо, ушёл в себя.

Тёплое место на пилораме хотели оседлать уголовники, но Александр не пошёл у них на поводу. Он хорошо представлял себе, что будет, если на пилораме начнут верховодить

блатные. Попастъ к ним в зависимость у Кацапова не было никакого желанія. Как только циркулярная пила распластала первый ствол дерева, к нему подошёл бригадир из числа заключённых по фамилии Ярошенко.

– Просьба есть к тебе, Александр Степанович, – сорокапятiletний зек смотрел на Кацапова испытующе, словно взвешивал про себя, стоит ли продолжать разговор.

– Говори, не съем, – небрежно бросил Александр.

– Сорока на хвосте донесла, будто ты бригаду набираешь на лесопилку

– Не соврала твоя сорока, есть такое дело, – не стал отрицать Кацапов. – Уж не пристроить ли кого предлагаешь?

– Худо одному человеку в траншее, – не отводя взгляда, вздохнул Ярошенко. – Боюсь, не выдержит он второй зимы. Ослаб совсем.

– Пилорама – не санаторий, сил не прибавляет, – усмехнулся Александр. – И я не доктор, лечить не обучен.

– И всё же, Александр Степанович, – в глазах Ярошенко появилась решительность, будто он собрался силой заставить мастера исполнить свою просьбу, если тот через секунду вдруг откажет, – прислушайтесь к моей просьбе, в ваших силах спасти жизнь человеку.

Александр не выдержал пронзительный взгляд заключённого, отвел глаза, недовольно спросил:

– Кто он тебе этот дистрофик, что ты так печёшься о нём? Сват? Брат?

– Не то, и не другое. Просто порядочный интеллигентный человек, преподавал детям в школе историю. Тяжелее карандаша и ручки в руках ничего не держал.

– А брёвна, по-твоему, он сможет таскать? – с ехидством спросил Кацапов. – Это ведь не ручкой по бумаге водить!

– Опил отгрести, горбыль относить он сможет, учёт будет вести, – не отступал Ярошенко. – Нужно немного времени на передышку, чтобы человек окреп. Через пару месяцев он и с брусом начнёт управляться.

– Как фамилия этого человека?

– Осокин Виктор Пантелевич, осужден по статье 58 –10 УК. Судьба свела нас в Чусовском КПЗ на Урале. И вот уже год, как вместе.

– Где ты сказал? – вскинул брови Кацапов.

– В Чусовом, неподалёку от Перми, – пояснил Ярошенко, не подозревая, что от его пояснения вопрос с Осокиным решится положительно.

– Знакомый город, – глаза Александра сразу потеплели, в них загорелось любопытство. Встретить земляка за тысячи километров от родных мест, по которым он стал скучать, было для него приятной неожиданностью.

– Ты там бывал? – на лице Марка Ярошенко появилось удивление.

– Я там родился и вырос.

– Да-а, удивительная штука жизнь, – задумчиво произнёс заключённый. – А ещё удивительнее Божья воля. Захочет

Господь – разъединит людей, захочет – вместе сведёт. И никому неизвестно, когда и как это произойдёт, с какой целью он это делает.

– Ты, что, из староверов?

– Нет, обычный христианин, – ответил Марк. – Почему ты решил, что я из старообрядцев?

– В тех краях много их расселилось по тайге. Борода твоя наводит на такую мысль.

– Бороду я здесь уже отпустил, зимой лицо меньше страдает от мороза, – усмехнулся Ярошенко. – А со староверами мне довелось не только повстречаться, но и пожить по соседству. Про посёлок Шайтан не слышал?

– Ещё бы! – воскликнул Александр. – Я там бараки строил по молодости. – Староста тамошний, из староверов, много моей кровушки тогда подпортил. То к одному прицепится, то к другому докопается. Вставлял палки в колёса, пока не выудил из меня денег.

– Жил я в твоих бараках, – улыбнулся Ярошенко. – На совесть построены, стены не продувало.

– Спасибо за оценку, – сухо поблагодарил Александр. – Давай перейдём к делу. Если уж ты сплавляешь на пилораму доходягу, то и двух крепких мужиков я тоже у тебя заберу. Не обессудь. Выберу сам, без подсказки. Всё, иди, работай, дневную норму никто не отменял.

Разговор этот состоялся две недели назад. На следующий день с утра он со стороны понаблюдал за работой бригады и

выбрал людей на пилораму.

Осокин действительно не мог работать наравне с остальными заключёнными. Лом периодически выпадал у него из рук, колесо тачки увязало в земле, а заключённый, тужась до синевы на лице, подолгу раскачивал её взад и вперёд, не в силах сдвинуть с места. Но таких, как Осокин, было ещё несколько человек. Каторжный труд по десять часов в день с пешим переходом в лагерь делал своё дело, выматывал человека до крайности, превращая его в обречённого раба.

Жидкий постный суп и полмиски пшённой каши не восстанавливали затраченной энергии. Держались пока выносливые от природы люди. Но что произойдёт с ними зимой, когда земля превратится в камень, а кирка и лом будут отскакивать от неё, как мяч от пола? Этого сказать никто не брался.

Кацапов взглянул на небо, надеясь увидеть там хоть какой-нибудь просвет, но, сплюнув от досады, натянул на голову капюшон плаща, вышел из-под навеса и скорым шагом направился вдоль трассы.

На утренней планёрке Бобров попросил его побывать на замыкающем участке будущей магистрали и сделать некоторые замеры. Сейчас там заключённые валили лес. Это был самый сложный километр. Трасса упиралась в сопку, требовалась выработка скального грунта на глубину до двадцати метров со стороны горного массива. Прораб решил провести тщательное обследование, чтобы заранее избрать наиболее

оптимальный метод разработки грунта.

Шагая по раскисшей земле, Кацапов, поглядывая на копошащихся в грязи заключённых, впервые размышлял об их судьбах. После разговора с Марком Ярошенко в его сознании что-то внезапно произошло, появилось если не сострадание, то некое сочувствие к этим несчастным людям. До этого он ходил будто с повязкой на глазах, а потом внезапно лишился её, и осужденные предстали перед ним в полной реальности.

Полтора месяца назад ему и в голову не приходило, что у каждого заключённого где-то далеко от этих мест остались дом, семья, работа. Его не интересовало их прошлое, безразличным было и будущее. Он, здоровый и сильный крестьянский парень, с детства привыкший к тяжёлому труду, не хотел верить, что кто-то из них не способен выполнить и половины нормы. Ему казалось, так поступают лишь симулянты и саботажники. Он не знал истинного положения заключённых и не был сторонником скидок на их здоровье, не брал в расчёт и непогоду. Дневная норма была незыблемой основой существования зеков в лагере.

Цель поставлена: железная дорога должна быть построена любой ценой и сдана в эксплуатацию в обозначенный срок. Его и приняли мастером для того, чтобы обеспечить выполнение напряжённого плана. Для Александра все заключенные были на одно лицо. Они являлись преступниками. А преступников не нужно жалеть, поскольку они должны иску-

пать вину каторжным трудом, как издревле велось на Руси.

Но и труд заключённых поначалу был для него полной абстракцией. Нормы выработки давались на бригаду в целом, поэтому определить со стороны степень индивидуальных мучений и страданий было невозможно. И, только сблизившись с безликой человеческой массой, он вдруг обнаружил, в каком заблуждении находился всё это время. Оказалось, даже он, крепкий и выносливый мужчина, способен выполнить заданный объём работ только на пределе физических возможностей. А заключённые грызут эту неподатливую землю ежедневно. И месяц, и год при скудном пищевом рационе, без малейшей передышки.

Осокин, который появился на пилораме, по словам Марка Ярошенко, около года назад был весёлым энергичным колобком. Сейчас этот человек изменился до неузнаваемости: похудел, скрючился, покрылся не проходящими нарывами, на ладонях не успевали заживать кровоточащие мозоли.

Александр начал осознавать: перед ним не обезличенные рабы, а несчастные люди, у каждого из которых существует своя жизнь, своё отношение к ней. И каждый заключённый борется за эту жизнь по-своему.

«... порядочный интеллигентный человек, преподавал детям в школе историю... в ваших силах спасти человеку жизнь...», – вертелись, словно заклинание, в голове слова Марка Ярошенко.

«А ведь и я мог очутиться на их месте, – подумалось от-

чего-то Кацапову. – От тюрьмы и сумы не зарекаются. Как бы я повёл себя? Тоже бы превратился в слепую лошадь, которая часами ходит по кругу, пока её не возьмут за уздцы и не остановят? Или стал бы противиться безжалостной судьбе, цепляться за каждый миг своего пребывания на земле?»

Несколько километров отшагал Александр под изнурительно морозящим дождём. Брезентовый плащ быстро намок, огрубел и изрядно потяжелел. Крупные капли стекали по капюшону и, падая перед лицом, мелькали, как надоедливые мушки. Впереди показалась бригада лесорубов, слышался ухающий шум падающих на землю деревьев.

– Лошади, когда будут? – недовольно спросил подошедший бригадир, держа в руках топор. Лицо его было мокрым от дождя, от него исходил лёгкий парок. – Брёвен скопилось – пройти нельзя. Люди ноги себе скоро переломают. Стащить бы надо с трассы, в штабеля сложить.

Если бы эти слова Кацапов услышал пару недель назад, он бы прикрикнул на бригадира и моментально урезонил излишнюю прыть.

– Что, катать разучились, мать вашу?! – произнёс бы он властно, подражая прорабу соседнего участка. – Забыли, что бревно круглое? Для чего у вас ломы? Бросайте лаги и – вперёд!

И бригадир бы при этом не посмел возражать. Только в ответ, может, брызнул бы на него негодующий взгляд и пошёл исполнять приказание, шёпотом бурча для успокоения

что-нибудь себе под нос.

Александр не возмущился, не выматерил привычного к окрикам заключённого. Неожиданно для себя удивительно спокойно, по-деловому ответил:

– Лошади сейчас заняты на перевозке леса из ближнего штабеля, обеспечивают работу пилорамы. А вы начинайте пилить брёвна по размеру шпал. Складируйте неподалёку. По первому снегу перевезём к пилораме на санях.

Кустистые седые брови бригадира взлетели вверх. Он был удивлён мирным ответом мастера.

– Понял, Александр Степанович. Сейчас распоряджусь, – пожилой бригадир кивнул головой и отправился обратно на делянку, обернувшись по пути несколько раз. Видимо, он не сразу поверил словам Кацапова, посчитав их издевательским подвохом, и, оглядываясь, ожидал отмены полученного распоряжения.

– Смотри под ноги, а то споткнёшься, – развеселился Александр. – И деревья валите аккуратно, правильно выберите направление, тогда возни на земле меньше будет! Делайте надпил, как я вас учил!

Александр облазил все скалы, выполнил промеры, как просил Бобров и отправился в обратный путь. Он старался идти по краю широкой траншеи, чтобы внимательно понаблюдать за работой заключённых.

Грязные, в мокрых телогрейках, с хмурыми измождёнными лицами, люди копошились на метровой глубине. Грунт

на участке попался глинистым, глина прилипла к лопате, заключённые с яростью били ею о края тачки.

Внизу, посреди траншеи горел костёр. Когда началось ненастье, Кацапов разрешил разводить костры, чтобы люди могли немного отогреться и просушить одежду.

Политические приближались к огню по очереди, в случае крайней необходимости, на десять-пятнадцать минут, не больше. Они чётко усвоили, что их ожидает при невыполнении дневной нормы.

Зато уголовники не отходили от костра подолгу. Это были не воры в законе, которым трудиться запрещали воровские правила, а всякая шпана и шестёрки. Политические старались с ними не связываться, хотя стычки между ними периодически происходили.

У костра на чурочках сидели трое – Грыжа, Хрипатый и Кашалот – уголовник с большой головой и крупными передними зубами. Этот двадцатичетырёхлетний рыжий увалень прибыл в лагерь весной и сразу прибил к Грыже, безошибочно определив в нём главаря криминальной группы.

Александр обратил внимание, что одежда на уголовниках не парила и давно просохла. Выходило, что они сидели у костра больше часа. Как раз то время, пока он ходил по заданию Боброва.

Кацапов остановился напротив, язвительно спросил:

– Не упрели ещё от жара? Может, за веничком сходить?

– Лучше сразу в баньку, гражданин начальник, – оскла-

бился Грыжа, лениво приподнимаясь с чурочки. – Братва не откажется. Верно, Хрипатый?

– Кто ж откажется, в натуре? – подхватил Хрипатый и хотнул, издавая отрывистые звуки, похожие на икоту. – Можем и гражданина начальника отблагодарить по заслугам.

Заключённые, которые поблизости загружали тачки, приостановили работу и стали наблюдать, что же произойдёт дальше. Обычно мастера в такой ситуации произносили гневную тираду из матерных слов и шли дальше. Сейчас же мастер, похоже, вовсе не собирался ретироваться. Все ждали развязки.

Кацапов понял: уйти побеждённым в словесной перепалке ему никак нельзя. Его авторитет рухнет сразу, и восстановить будет уже невозможно. Он вспомнил, каким способом поддерживал дисциплину на золотом прииске Клешня. На какую-то секунду перед взором даже промелькнуло его свирепое лицо в момент избиения провинившегося старателя.

– Если ты, гнида, думаешь, что тебе всё позволено, то ты глубоко заблуждаешься, – Александр презрительно усмехнулся и сплюнул слюну сквозь зубы так, как это делают урки. – Ты не вор, а обычный фраер, и будешь пахать у меня наравне со всеми! Понял, сука?

Последнее слово было особенно оскорбительным для уголовника. Суками на зоне называют заключённых, сотрудничающих с руководством лагеря, и Грыжа, конечно же, не мог смириться с таким незаслуженным оскорблением. Тем бо-

лее, в присутствии его лагерных соратников.

– Пургу не гони, начальник! – взвинтился он незамедлительно. – Не царапай поганым языком, что попало!

– А ты не изображай из себя бурого, если титула не имеешь, – спокойно произнёс Кацапов и улыбнулся. – В бараке пробуй устанавливать свои порядки, если тебе позволят, а на трассе я хозяин. Будешь трудиться, как они, – Александр кивнул в сторону заключённых, – и даже лучше.

– Круто берёшь, начальник, – губы уголовника расплзлись в злой усмешке. – Смотри, как бы чего не произошло, здесь всякое может случиться.

– Ты, паскуда, будешь мне ещё угрожать?

– Да что ты, гражданин начальник. Я просто проявляю о тебе заботу. Не вся же братва научилась правильно валить лес. Иногда дерево падает совсем не туда, куда бы хотелось. И штабеля плохо связывают, бревна, порой, раскатываются совсем неожиданно. Отскочить не успеешь.

Кацапов спустился в траншею, подошёл вплотную к Грыже и сходу, сильным ударом в челюсть, сбил уголовника с ног. Тот, раскинув руки, распластался в коричневой жиже.

– Моя благодарность за твою заботу, – сказал он с издёвкой.

– Это тебе не пройдёт, гражданин начальник, – зловещим тоном выговорил Грыжа, поднимаясь на ноги. – Считаю, баню с веничком ты себе уже заказал. Осталось наметить день помывки.

Второй удар снизу вновь опрокинул Грыжу на землю.

– И так будет каждый раз, пока ты, сволочь, не научишься вежливо разговаривать с мастером, – повысив голос, пробасил Александр. На щеках у него несколько раз проявились и быстро исчезли желваки. – А сейчас выползай из грязи и приступай к работе. Понял?

Грыжа встал, потрогал рукой нижнюю челюсть, сплюнул кровавую слюну. В глазах у него, как у загнанного зверя, трепетали огни ярости. Он понимал, что ответить ударом у него не получится. Не потому, что за драку придётся отсидеть пару недель в ШИЗО, находиться в котором, несомненно, намного хуже, чем работать на трассе под проливным дождём с ветром. Просто Кацапов был намного сильнее его, выше ростом и, по всей вероятности, умел хорошо драться. Точного и чувствительного удара ему не нанести. Тогда мастер озверевает и затопчет его в луже. Грыжа стоял и молчал.

– Я не слышу ответа! – грозно сказал Кацапов.

– Понял я, гражданин начальник, – глухо прорычал уголовник.

– Вот так-то будет лучше. Если узнаю, что ты ослушался – пеняй на себя. Переведу на индивидуальную выработку. Будете втроем выдавать мне по пятнадцать кубов за смену. По пять кубов на брата. Всё. Взяли инструмент в руки и за работу. Живо!

Александр выбрался из траншеи и, не оглядываясь, пошел дальше. Он был доволен своим поступком.

Прошло несколько дней. По словам Марка Ярошенко, уголовники трудились на протяжении всей смены. Правда, без особого усердия, но у костра подолгу не засиживались.

– И, всё-таки, будь осторожнее, Александр Степанович, – предупредил бригадир. – Урки не простят тебе унижения. Мастер, который был до тебя, пытался их вразумить и заставить работать.

– И что? Не получилось?

– Испугался расправы и спешно уволился.

– Струсил, значит, – медленно проговорил Кацапов, глядя куда-то в сторону. – А кулаком в бандитскую морду он не пробовал тыкать?

– Что ты, куда ему! Филипп Нестерович – человек маленького роста, хрупкий. Заключённые звали его по-разному. Блатные – Маломерком, а политические – Филиппком, – с теплотой отозвался Ярошенко о прежнем мастере.

– Понятно. Вот что я тебе скажу, бригадир. Эта кодла, что вошь тифозная, привыкла сосать кровь и заражать окружающих. Её нужно прижимать к ногтю и давить на месте. Одними словами тут не обойтись, даже если непрерывно крыть их матом. Тут нужна грубая физическая сила, чтобы они жили в постоянном страхе, – горячо и убеждённо сказал Александр. – Волк не присмирет, пока не окажется под рогатиной.

– Я с тобой полностью согласен, – одобрительно отозвался Марк. – Только поверь: не один из политических на такую

меру не осмелится.

– Почему?

– Прошлой зимой попытались проучить урок...

– И что?

– Порезали они тех троих, что задали потасовку. Похоронили мужиков. Теперь все молчат.

– Молчат и безропотно пашут за блатных, так?

– Так, – Марк отвёл глаза в сторону. – Только твой метод не работает, Александр Степанович.

– Это почему же?

– Дело ведь не в Грыже и Хрипатом. Я тоже не из робкого десятка, мог бы и в одиночку с ними справиться. Наваял бы им, как когда-то австриякам на фронте, и стали бы они трудиться у меня, как все остальные.

– В чём же причина, по-твоему?

– Блатных на трассе одна треть, и все они работать не хотят. Вы просто не видите этого. Они так же, как эти двое, сидят у костра и коротают смену. Летом даже в карты играли.

– Я хожу вдоль всего участка трассы и ничего подобного не заметил, – возразил Кацапов.

– Блатные не все лезут на рожон, как Грыжа и Хрипатый. Они выставляют дозорных. Следят за каждым шагом прораба и мастеров. И сейчас за нами наблюдают, я на сто процентов уверен в этом. Вернусь в траншею, начнут интересоваться, о чём это мы с тобой тут толковали.

– Понимаю, в одиночку всем блатным морды не пере-

бьёшь.

– Просто не успеешь, Александр Степанович, – горестно усмехнулся Марк Ярошенко. – Расстанешься навсегда с этим миром.

– И что же, оставить всё, как есть? Пусть одни падают от изнеможения, а другие выживают за счёт их труда? – начал сердиться Кацапов. – Может, сходить мне к начальнику лагеря, да рассказать всё, как есть?

– Твой поход ничего не даст, – уверил Ярошенко. – Только усугубит отношение к тебе со стороны лагерного начальства. Оно сильно не любит заступников. Особенно тех, кто заступает за политических. Мы для них заключённые второго сорта, так сказать, враги советской власти. Нас считают чуждым элементом, а уголовников причисляют к разряду социально близких. Вот в чём вся заковыка.

– Ну и чёрт с вами! – рассердился в конец Александр. – Продолжайте гнить в траншее, раз вас всё устраивает!

– Постой, не кипятись, – не обижаясь на слова Кацапова, проговорил Марк. – Есть у меня одно предложение, – он замылся на несколько секунд, обдумывая свои слова, – только не знаю, насколько оно жизнеспособно.

– Ну?

– Тебе неизвестно, как выполнялись нормы зимой?

– О чём ты?

– Надеюсь, ты знаешь, что зимняя норма практически не отличается от летней выработки? – Марк внимательно по-

смотрел в глаза мастеру. – И выполнить на мёрзлом грунте её просто невозможно.

– Это спорный вопрос, – не согласился Кацапов. – Грунт предварительно разогревается разведением костров, Бобров мне говорил об этом.

– Прогреть землю на нужную глубину полностью не удаётся, приходится всё равно долбить часть мёрзлого грунта. Это отнимает много сил и времени.

– Слушай, что ты мне тут кружева плетёшь? Говори яснее! – не выдержал Александр, по-прежнему находясь в злости.

– Хорошо, поясню короче, – совершенно спокойно произнес бригадир. – Уголовники всю зиму гнали туфту.

– Чего? – глаза Кацапова округлились от удивления. Он не поверил заявлению Ярошенко. – Врёшь, и не поплёвываешь?

– Какой резон мне врать, если через месяц ты сам сможешь убедиться в справедливости моих слов. Завтра-послезавтра земля схватится, начнём отогревать.

– Ну и... дальше что?

– Блатные каждый день колышки назад переносили. Те, которые нормировщик забивает после замера дневной проходки. Они уверены, что никто не будет промерять всю трассу сызнава.

– С какой целью ты мне это сообщил?

– Уж не подумал ли ты, что я в стукачи к тебе записался? – сощурился в злой усмешке, спросил Марк.

– А кто ты после этого?

– Это тебе судить. Сказал я для того, что заступиться за политических. Прошлую туфту, вероятно, никто проверять не будет, за лето мы ушли далеко вперёд. Но зимой всё повторится, и при обнаружении приписок пострадают политические. Уголовники, как всегда, отбрешутся. В ШИ-ЗО за них пойдут доходяги и начнут там умирать, как мухи. Несправедливо будет, правда?

– Что предлагаешь?

– Поделить трассу между политическими и уголовниками. Пусть блатные сами отвечают за свой труд. Политические пайку отработают честно, я за них ручаюсь.

Кацапов надолго задумался. В предложении бригадира было рациональное зерно. Он прав: стоит только кому-то нашептать лагерному начальству об обмане при исчислении объёмов, как тут же начнутся зверские разборки. Начальник лагерного пункта точно взбесится.

Кацапов не понаслышке знал о его взрывном характере. Сейчас трудно даже предположить, кому что прилетит. Заключённые пострадают однозначно. Но и он вместе с прорабом и нормировщиком не останутся в стороне. За невыполнение плана, как минимум, лишат премии. Могут поступить и строже: осудить за саботаж, головотяпство или недогляд. НКВД придумает, как озаглавить обвинение.

Начальники лагерей не церемонятся и с вольнонаёмными, когда подворачивается удобный случай для наглядной пор-

ки. С целью проведения поучительного урока, так сказать. Для лагерных мастаков сфабриковать дело – что пирог со-стряпать, была бы начинка. Бобров рассказывал о таких слу-чаях на строительстве Беломорканала. Интересно, он знает об изощрениях блатных?

– Ладно, бригадир, иди, работай, – хмуро сказал Кацапов. – Обеденный перерыв закончился. Подумаю я над твоим предложением. Но не уверен, что такой номер пройдёт. На зоне кроме «кума» есть ещё и пахан.

– Разве я не понимаю? – повёл плечами Ярошенко. – Как щука не остра, а не взять ей ерша с хвоста. Так сказал один мужик, когда в лагере обнаружили мёртвыми тех троих, что с блатными схватились.

– Но и я не глуп, как пуп, – нашёлся, что ответить Кацапов. – Сказал – подумаю, значит, подумаю.

Потом, собираясь уходить, сурово добавил:

– А тех, кто осмелился мне угрожать, всё равно скручу в бараний рог. Сбегать от страха не собираюсь. Не родился ещё на свете тот человек, которого я бы испугался.

И они разошлись в разные стороны.

Политзаклүчённй Марк Ярошенко направился к опостылевшей и бесконечной траншее. Шёл, сгорбившись и тяжело волоча ноги.

Вольнонаёмный Александр Кацапов – высокий и крепкий, с гордо поднятой головой и уверенной поступью, легко и быстро зашагал в контору, чтобы обсудить свой план с

прорабом Бобровым.

Глава 13

Шестые сутки пешая колонна красноармейцев в составе полка восемьдесят второй мотострелковой дивизии двигалась по монгольской степи в направлении реки Халхин-Гол.

Переход был изнурительным, майское солнце палило нещадно. Напрасно красноармейцы задирали головы к небу, надеясь увидеть на нём хотя бы одно маломальское облачко. Их надеждам не суждено было сбыться. Все шесть дней огромное пространство над горизонтом слепило глаза наблюдателей яркой синевой.

– Совсем не жалеет нас небесная канцелярия, – невесело произнёс Григорий Надеждин, вытирая пот со лба рукавом гимнастёрки. На рукаве проступило тёмное пятно, которое, как у фокусника, стало исчезать на глазах.

– Да-а, Гриня, не повезло тебе со счастьем, – усмехнулся Александр Кацапов. – Шестой день ни дождя, ни ненастья.

Он замолчал на некоторое время, затем, посмотрев по сторонам, с затаённой грустью продолжил:

– И вообще здесь ничего интересного нет. Голая пустыня. Как только монголы живут в таких условиях? То ли дело – тайга! И от ненастья укроет, и в голод накормит, и в жару напоит. А какой запах! Вкусный и ароматный. Втянешь в себя воздух – в ноздрях щекочет, голову кружит. В таёжном воздухе все лучшие запахи леса воедино спрессованы. Раз-

нотравье, древесная смола, распаренный мох.

– Пряным называется, – сказал Надеждин.

– Что – пряным?

– Ну, запах этот. Острый, вкусный, ароматный. Всё, о чём ты сказал сейчас – заключено в одном слове.

– Умный ты, Гриша, – рассмеялся Александр. – Всё знаешь.

– Всё знать невозможно, – поучительно заметил Григорий, но, польщённый похвалой друга, не удержался, похвастился:

– Три очень толстых и умных книги одолел, в отличие от тебя, букваря.

– Учё-ёный, – насмешливо протянул Кацапов, облизнув пересохшие губы. – Что за книги-то, хоть, балабол?

– Большую энциклопедию, толковый словарь и «Капитал» Карла Маркса. Слышал о таких?

Кацапов не успел ответить. Позади них послышался нарастающий гул. Красноармейцы тут же обернулись и увидели на горизонте колонну приближающихся танков.

Лёгкие боевые машины БТ-7 неслись на всех парах, оставляя за собой большие клубы пыли. Очень быстро они настигли полк и, не останавливаясь, пронеслись мимо.

– Вот это техника! – восхищённо воскликнул Надеждин, когда пыль немного улеглась. – Броня наша крепка, и танки наши быстры! Подавят гусеницами всех самураев, пока мы тут тащимся!

– Переживаешь, что не успеешь пострелять во врага? – подковырнул друга Кацапов.

– Ничуть. Я, между прочим, не рвался в Монголию. Мне в отделе снабжения жилось неплохо.

Друзья умолкли, и длительное время шли, слушая лишь хруст песка под ногами солдатской колонны.

…Их призвали в армию одновременно. За неделю перед майскими праздниками начальник отдела кадров лагеря вручил им повестки из военкомата. Причина вызова для обоих была неожиданной и неизвестной. Явиться – и всё, больше ни слова.

С попутным грузовиком они отправились в Улан-Удэ. Там, после прохождения медицинской комиссии, военком кратко сообщил, что их призывают на переподготовку на несколько месяцев в Забайкальский военный округ. Но слухом земля полнится. Сарафанное радио донесло, что их отправляют в Монголию, где после событий у озера Хасан начались новые провокации со стороны японской армии.

Вернувшись в лагерный пункт, Кацапов показал повестку Боброву. Тот озабоченно поскрёб затылок, затем они вдвоём отправились к начальнику колонны.

– Твою мать! – выругался «кум», разглядывая повестку, и тут же его рука потянулась за папиросой. – Только втянулся, понимаешь ли, человек в работу – как нате вам! В армию надумали призвать. Других, что ли не нашлось? И это как раз в тот момент, когда полным ходом пошла укладка шпал

и рельсов! Где мне взять замену сейчас?

Он долго ещё возмущался неизвестно на кого, через два-три слова вворачивая матерные выражения. Наконец, притушив в пепельнице вторую папиросу, которую прикуривал от первой, он немного остыл.

– Какие будут предложения? – спросил начальник лагпункта, обращаясь сразу к обоим.

– Александр Степанович предлагает поставить вместо себя бригадира, – несмело проговорил Бобров и перевёл взгляд на Кацапова, ища поддержки.

– Кто такой?

– Ярошенко Марк Сидорович, из политических.

Услышав слово «политический», «кум» скривился, словно во рту у него появился большой кусок лимона. В глазах офицера НКВД мелькнуло ярко выраженное отвращение. Он презирал всех заключённых, осужденных по статье 58-10 УК, хотя хорошо понимал, что именно эта категория зеков является главной рабочей силой. Послушной, безропотной и управляемой.

– А второй твой мастер, этот... Мясоедов, не потянет работу на всей трассе?

– Он у меня на головном участке, завершает взрывные работы, потом я перебрасываю его к путейцам, – тихо сказал Бобров.

– Да вы не сомневайтесь, Антон Лукич, – бодрым голосом вставил Кацапов. – Марк Ярошенко – подходящая кан-

дидатура. Он мужик, что надо. Георгиевский кавалер, между прочим. В узде зеков держит, даже блатных. За всю зиму его бригада ни разу не сорвала план.

Последние слова Кацапова немного сгладили недовольство на лице «кума», он смягчился:

– Ладно, ставьте. Если что – уркачи его поправят.

Что он подразумевал под этими словами – понять было невозможно. То ли смотрящий на зоне вмешается, в случае чего, то ли братва самостоятельно разберётся в бараке с неугодным мастером из политических.

Так Марк Ярошенко возглавил работу на целом участке будущей железнодорожной ветки. Александр передал ему дела, на прощание пожал руку.

– Уезжай сегодня же, – шёпотом проговорил тот. – Вчера в бараке была воровская сходка, тебя приговорили. На трассе тебе лучше не появляться.

Спасибо, Марк, что предупредил, – тихо поблагодарил Александр. – Я догадывался, что Грыжа что-то затевает. Уж больно радостно бегали глазки у него в последнее время.

– Да хранит тебя Бог, – неожиданно произнёс Ярошенко и перекрестил Кацапова.

– Ты... чего? – возмутился Александр. – Брось эти поповские штучки!

– Не гневайся на меня, Александр Степанович, – услышал он в ответ. – Если бы ты уезжал к себе на родину, я не стал бы этого делать. Но сейчас совсем другой случай. Ты идешь на

войну, тебе предстоит драться с японцами. С древних времён на Руси принято отправлять человека в бой с верой в Бога. Меня вот так же в 1914 году благословили перед отправкой на фронт, и, как видишь, благодаря божьей защите, я остался жив.

Кацапову, отчаянному безбожнику стало неловко перед самим собой и даже возмутительно оттого, что он позволяет проводить поповские обряды. Однако, усилием воли он сумел всё же сдержать себя и не вспылить.

– Предрассудки всё это, Марк Сидорович, – словно спохватившись, сердито пробубнил Александр и отвёл глаза в сторону. – Не верю я ни в заклинания, ни в божественную защиту, ни в чёрта, ни в дьявола. Я верю лишь в себя и рассчитываю только на свои силы.

– Что ж, ты волен жить, как считаешь правильным. Каждому человеку Бог дарует свободный выбор и мыслей, и поступков. Но и я, как человек верующий, имею право сделать то, что считаю необходимым. – Марк Ярошенко глядел на Кацапова спокойно и укоризненно, пытаюсь поймать его глаза.

– Не буду я тебе ничего отвечать, – сказал Александр, заведя на себе взгляд бригадира, который, как ему показалось, осуждающе пронизывал насквозь. – Мы всё равно не поймём друг друга.

Они помолчали. Потом Ярошенко первым протянул на прощание руку, сказал по-дружески:

– Спасибо тебе, Степаныч, за икону. Она помогает мне преодолевать все трудности, с ней я чувствую себя увереннее.

...Шагая сейчас по монгольской степи, Кацапов вспомнил и события прошедшей зимы.

...Когда начались лютые зимние морозы, и земля промёрзла на метровую глубину, разработка грунта резко застопорилась. Заключённые, выбиваясь из последних сил, старались выполнить дневную норму. Их пищевой рацион напрямую зависел от выполненной нормы. При перевыполнении дневной нормы полагалась дополнительная миска жидкого супа и двойная порция пшённой каши. Нет нормы – паёк урезался пропорционально результату.

Уголовники принялись за старое. Половину дня они проводили у костров, грелись и бездельничали, объясняя это необходимостью размораживания земли. Такой привилегии им никто не давал, решение принималось единолично.

Конечно, за костром следить было необходимо. Нужно вовремя приносить свежие дрова, постоянно поджиглять огонь, передвигать костёр на новое место. Но эта незатруднительная работа не шла ни в какое сравнение с той, которую выполняли политические. Лом и кирка не выматывали последние силы уркачей. И всё же, как не напрягались заключённые, выработка понижалась с каждым днём.

Люди слабели на глазах, превращаясь в дистрофиков. Нередко заключённые падали от изнеможения прямо в тран-

шее. Их поднимали, отводили в специально обустроенное место у костра и укладывали на толстый слой лапника. Вечером несчастных под руки волокли в лагерь. Из барака они больше не возвращались. В январе появились первые трупы.

Кашалот по распоряжению Грыжи принялся каждый день передвигать колышек назад, который накануне устанавливал нормировщик после приёмки выполненных объёмов. Предыдущие маячки они заблаговременно выдёргивали и выбрасывали.

Кацапов быстро сообразил, в чём дело. Ещё в октябре, после разговора с Марком о существующей туфте, он сделал метку на границе последней выработки. Втайне от всех вывел краской дату на тыльной стороне бетонного репера. Этот репер оставили после себя геодезисты, когда нивелировали трассу.

Не раздумывая, Александр заставил нормировщика перемерить весь объём, начиная от тайной метки. О выявленных приписках докладывать прорабу не стал.

На следующий день он отвёл Грыжу в сторону. Резко развернув его лицом к себе, схватил за грудки и грозно сказал:

– Слушай сюда, гнида! О том, что ты переставляешь колышки, я пока никому не скажу. Но учти. С завтрашнего дня ты со своей кодлой начинаешь работать индивидуально. Уговор у нас с тобой был. А за базар, сам знаешь, надо отвечать. Не по-воровски это. Ваш дневной труд буду принимать лично. Харчей получите ровно столько, сколько заработаете.

Усёк, фраер?

– А если – нет? – ухмыльнулся уголовник, обнажив полный рот железных зубов. – Пику в бок мне воткнёшь, да, начальник?

– Нет, зачем мне из-за тебя на зоне париться? Я из тебя лучше птичку сделаю, милоч.

– Какую ...птичку? – оторопел Грыжа.

– Какой ты недогадливый, – злорадно проговорил Кацапов. – Домашнюю, какую же ещё? Сокола из тебя сделать у меня не получится, а вот петушком кукарекать в бараке по утрам, я тебя, пожалуй, научу. Вот так. Надеюсь, уразумел, о чём я толкую?

– Ты чё, в натуре, начальник?! – шумно прорычал Грыжа. Его белесые ресницы часто заморгали, губы тряслись в бесильной злобе. – Меня в петушатник?! На понт берёшь?! Ты на кого лаять вздумал, шавка лагерная?

– Не нравится кукарекать у параша? – усмехнулся Александр. – Тогда вешайся. Умрёшь хотя бы героем в глазах братвы. Не узнают они правды, как ты ссучился в Самарском СИЗО. Выбирай.

– Не гони пургу, начальник, – глухо выдохнул Грыжа, не сводя изучающих глаз с Кацапова. – Воровской закон я не нарушал.

Александр разжал руки, оттолкнул от себя уголовника. Затем произнёс с полным безразличием, пожав плечами:

– Да мне-то что? Шепну смотрящему, что знаю, пусть

паханы разбираются, шлют малявы куда надо. А что будет дальше с тобой – решит сходняк. Так я полагаю?

По бегающим глазам Грыжи Кацапов безошибочно определил, что попал если не в десятку, то, по крайней мере, и не в молоко. Запачканной оказалась уголовная репутация заключённого по кличке «Грыжа». Не зря он по капельке выживал по нему информацию.

– Какую предьяву ты выложишь? Нет у тебя на меня ничего! – с надрывом прокричал зек. Однако в его голосе присутствовали едва уловимые нотки страха, Александр это почувствовал. Уголовник боялся разоблачения.

– Чего ты истеришь? Я же сказал тебе: толковища можно избежать, если с завтрашнего дня начать добросовестно трудиться. Иди и думай. – Александр развернулся и быстро пошёл прочь.

Он специально так поступил, чтобы не дать возможности опомниться уркачу и зацепиться за какую-нибудь непродуманную мелочь. Правда, на всякий случай у него оставался в запасе ещё один придуманный козырь, но раскрывать все карты сразу Александр не стал. Если дело вдруг дойдёт до объяснения с авторитетом, он скажет, что, работая на приiske с блатными, случайно услышал от них угрозы в адрес какого-то Грыжи, который в Самарском СИЗО стучал на сокамерников. Пусть попробуют проверить. Клешня с братвой далеко от этих мест. А на сходке Грыжа сам расколется. Но до этого не дойдёт, Александр почему-то был уверен, что его

провокация сработает. Трусоватый зек не станет отстаивать свою невиновность, а просто примет его предложение. Его рыльце в пушку, это было видно по глазам.

План Кацапова сработал. Грыжа и все приближённые к нему уркачи работали наравне с политическими. Бригадир Ярошенко не переставал удивляться столь резкой перемене.

– Как тебе удалось прижать блатных? – поинтересовался он у Кацапова спустя месяц.

– С божьей помощью, – ответил Александр, усмехнувшись.

Благодаря его вмешательству бригада получала повышенный паёк.

...Хрустел песок под ногами красноармейцев. Изнурённые полуденным зноем, они молчаливо отматывали километр за километром бескрайнюю монгольскую степь. Шагали, выбрасывая вперёд ноги машинально, уперев тупой взгляд в мелькавшие впереди пятки. Никто больше не помышлял скидывать глаза в небо, боясь оступиться и упасть.

– Привал! – раздалась впереди долгожданная команда и, дублируемая командирами взводов, пронеслась эхом по всей колонне. Строй в считанные секунды нарушился, солдаты в изнеможении попадали на землю.

– Сколько ещё нам чапать? – лёжа на спине с закрытыми глазами, вяло спросил Григорий. – Хоть бы признались честно отцы-командиры, всё легче было бы солдату.

– А ты вспомни, Гриша, как мы с тобой в Якутии длину

Алдана шагами мерили, – проговорил Кацапов. – Тебе сразу станет легче.

– Спасибо, Сано, прибавил сил.

– А что? Думаешь, там легче было? Триста вёрст отмотали мы с тобой тогда по бездорожью – это тебе не фунт изюма съесть. Причём, на пустой желудок.

– Может, и так. Не знаю. Но по мне лучше вообще не ходить пешком. Куда приятнее лежать на лужайке под солнцем, да где-нибудь у реки, – мечтательно высказался Надеждин, растягивая слова.

– Ага. Надёргать рыбки, сварить ухи, открыть бутылочку беленькой, – подначил Александр друга. – Мечта идиота!

– Тут ты, Сано, совершенно не прав. Идиот – это глупец, тупица от рождения. У него не может появиться в голове такая светлая мысль вследствие слабоумия. Такая мечта появляется только у одарённых и культурных людей, уставших от повседневной суеты.

Вдоль распластавшейся на земле колонны шёл полковой санитар. Через десять-пятнадцать метров он останавливался и спрашивал:

– Есть среди вас те, кто не может идти дальше?

– Не-ет, – хором отвечали красноармейцы, и санитар шагнул дальше.

– Признавайтесь, у кого сопрели ягодицы? Есть такие люди в строю? Лучше уж сказать об этом прямо сейчас, на привале. Не стесняйтесь, помощь будет оказана.

– Наши задницы в полном порядке, доктор, – ответил какой-то весельчак один за всех. – Износу им не будет до самого Халхин-Гола.

Позади колонны двигалась санитарная машина, она подбирала красноармейцев, не способных передвигаться самостоятельно. За время пути от границы таких солдат набралось около десятка. Кто-то натёр кровавые мозоли, у кого-то появились страшные опрелости, кого-то поразил тепловой удар. Часть их них, спустя уже сутки, стыдясь положения, в котором они оказались, покидали машину и становились обратно в строй.

– Сано, – позвал друга Григорий, продолжая лежать на спине, уставившись в бездонную синеву неба. – Скажи, а ты испытываешь страх смерти?

– Что за дурные мысли лезут в твою голову?

– Вполне нормальные. Скоро мы дошагаем до Халхин-Гола, и нас отправят в бой. – Надеждин замялся на секунду. – Вот я и подумал: а смогу ли я стрелять в живого человека? Смогу ли в рукопашной схватке пропороть штыком японца?

– Не задумывался я как-то об этом, – сердито отозвался Александр. – И тебе не советую тянуть из себя жилы понапрасну.

– И всё-таки? – не унимался Григорий. – Не страшно будет бежать вперёд под пулями япошек, зная, что в любой момент одна из них может пробить твоё сердце? Фью – и закрылись глаза навечно.

– Тебе ведь пришлось однажды быть под прицелом, – усмехнулся Александр. – Не помню я, чтобы ты прятался от дрови бандита. С чего сейчас вдруг запаниковал?

– Скажешь тоже. На Алдане – совсем другое дело было. Там всего один человек в меня стрелял, и я видел, когда он в меня целился.

– А может, всё было иначе? Может, украденное золото придавало тебе смелость? – рассмеялся Кацапов. – Может, жаба душила, что оно уплывало от тебя? Поэтому ты и не задумывался о смерти?

– Я с тобой серьёзно, а ты? – обиделся Григорий.

– И я, Гриша, серьёзно. Не тяни из себя нитку, как мизгирь, а то запутаешься в собственной паутине! – поучительно обрезал Александр ненужные размышления друга.

– Подъём! – раздалась команда. – В колонну по четыре становись!

Красноармейцы стали нехотя подниматься, лениво группировались в колонны повзводно. Через несколько минут строй колыхнулся, сделав первые шаги к намеченной цели.

В конце седьмого дня полк прибыл к месту дислокации. Началось расквартирование по палаткам. На усталых лицах солдат появились радостные улыбки. Наконец-то можно будет поужинать по-человечески и поспать в нормальных условиях. О предстоящих боях никто из них не думал.

Глава 14

Японская армия под командованием генерал-лейтенанта Камацубара перешла границу Монголии на рассвете 28 мая 1939 года. Обладая численным преимуществом в два с половиной раза, ей удалось смять передовые рубежи советско-монгольских войск и прорваться к реке Халкин-Гол.

Полк войсковой части № 632, прибывший из Забайкалья неделю назад, был срочно переброшен через Халхин-Гол для поддержки намеченного контрнаступления. Командир дивизии Н.Ф.Фекленко поставил перед командиром полка задачу: обойти японцев с правого фланга, прижать к реке и занять оборону.

Уже через сутки красноармейцы заняли исходные позиции в полукилометре от передовой линии японцев и окопались. Контрнаступление планировалось начать сразу после кратковременной артподготовки. Танковая рота расположилась неподалёку от пехоты и ждала команду на движение.

– Кажется, началось, – с тревогой проговорил Надеждин, когда сзади послышались первые артиллерийские залпы. Он сидел на дне окопа, прислонившись спиной к осыпающейся стене.

– Что, Гриня, страшно? – усмехнулся Александр, выглянув из окопа.

– А тебе будто нет?

– И мне страшно. Главное, Гриня, не навалить нам в штаны раньше времени, а то в атаку идти будет трудно! – прокричал он, и его голос смешался со звуками стрельбы начавших совместную работу уже всех артиллерийских установок.

На горизонте, где проходил край японской обороны, выросла стена разрывов. В клубах дыма и песка мелькали взлетавшие вверх обломки наскоро возведённых укреплений. Между взрывами металась человеческие фигурки. Некоторые из них поднимались взрывной волной в воздух и с разбросанными в стороны руками и ногами падали на землю. Потом всё перемешалось и превратилось в одну сплошную серо-чёрную завесу. Вокруг стоял невообразимый грохот.

Надеждин надавил рукой на каску, ему почему-то казалось, что после каждого взрыва его каска вздрагивает вместе с землёй и сползает с головы.

Кацапов устроился в углу и отрешённым взглядом смотрел на друга. Он был в каком-то непривычном возбуждении, но особого страха перед атакой не испытывал. В его голове загорался нездоровый азарт, будто ему предстояло с кем-то посоревноваться в сноровке и быстроте, и проиграть в этом необычном состязании ни в коем случае было нельзя. Александр испытывал даже некоторое нетерпение, очень хотелось, чтобы поскорее всё началось.

Артподготовка длилась менее получаса. Потом наступила полная тишина. Беззвучие продолжалась всего несколько

минут. После короткой паузы заурчали позади танки и, изрыгнув клубки чёрного дыма, ринулись вперёд. Не успели красноармейцы прийти в себя, как раздался голос командира взвода:

– Приготовиться к атаке!

И тут же, через считанные секунды:

– В атаку! Цепью! За мной!

– Гриша, пошли! – крикнул Кацапов и первым поставил ногу на приступок окопа. Он выбрался из окопа и, выставив перед собой винтовку, как учили, пошёл за танком. Надеждин догнал его и зашагал в нескольких метрах справа от него.

Первые сотни метров цепь красноармейцев двигалась уверенно, не ощущая никакого сопротивления со стороны японцев. Танки двигались на малой скорости и стреляли по позиции противника на ходу.

Вскоре самураи пришли в себя и начали огрызаться. Пули засвистели совсем рядом. Ожили уцелевшие японские пушки. Два снаряда разорвались за спиной, один вздыбил землю перед танком. Краем глаза Александр уловил, как один из красноармейцев, словно споткнувшись, упал и не поднялся. Затем упал ещё один слева, за ним ещё. В это время командир взвода, обернувшись, надрывно прокричал:

– По противнику прицельной стрельбой, огонь!

Справа и слева захлопали выстрелы. Далеко впереди себя Александр увидел выскочившего из окопа японского солдата. Тот делал перебежку. Александр остановился, быстро

прицелился и выстрелил. Японец продолжал бежать. Александр выстрелил ещё раз. Фигура самурая пошатнулась и исчезла из поля зрения.

«Неужели попал? – совсем безрадостно пронеслось в голове Александра. – Вот так просто: прицелился, нажал на курок, и нет человека. А может это не я? Никто же не распределял японских солдат между наступающими красноармейцами. Мог ведь, и другой красноармеец выстрелить в этого самурая?»

Мысль быстро оборвалась. Впереди, словно из-под земли, появилась группа японских солдат. Они бежали навстречу ему, что-то выкрикивая, и по-звериному скалились. Их крика не было слышно среди стоящего гула танков и беспорядочных выстрелов с обеих сторон.

– Гриня, ложись! – прохрипел Кацапов и не услышал своего голоса. Но Надеждин и сам сообразил, что нужно залечь. Он растянулся на песке и начал целиться в бегущих навстречу им самураев. Группу японских смельчаков с тыла поддерживал плотный пулемётный огонь. Фонтанчики песка и пыли живой змейкой вздымались то спереди, то чуть сбоку.

Цепь наступающих красноармейцев залегла, солдаты стреляли по японцам теперь уже прицельно. Через некоторое время кучным огнём и несколькими брошенными гранатами им удалось уничтожить выскочившую из окопов группу самураев.

– Вперёд, за мной! – прокричал командир взвода, подняв-

шись первым. Красноармейцы поднялись с земли и устремились за командиром.

Справа и слева один за другим гроыхнуло два взрыва, выбросив из земли два косматых огненно-чёрных снопа. Осколки от разорвавшихся снарядов просвистели над головой Кацапова. Он инстинктивно поджал голову в плечи.

– Ура-а! – взлетел над степью многоголосый крик наступающих красноармейцев. В неистовстве они рвали голосовые связки, и скоро крик перешёл в яростный и невообразимый вой.

– А-а-а! – подхватил Кацапов. Он наметил впереди себя точку, где метались самураи, и бежал туда, испытывая приступ безудержной ярости. Александр не представлял себе, что будет делать с японскими солдатами, когда добежит. Будет ли стрелять в упор, бить прикладом или колоть штыком. Пока же он бежал вместе со всеми в каком-то неистовом порыве: орал, хрипел, рычал и ругался.

Два танка, достигнув окопов противника, кружась, попытались утюжить их гусеницами, но тут же были подожжены. Самураи выскочили буквально из-под гусениц и, отстреливаясь, попятились назад. Большая часть японских солдат побежала назад. Но в траншее остались несколько воинственных групп самураев, которые выбрали для себя смерть, прикрывая отход. Они повели шквальный огонь, заставив залечь цепь наступающих красноармейцев.

Выбить их удалось только после третьего броска. Оста-

вив на поле боя более двух десятков убитых и много раненых, красноармейцы, наконец, ворвались в траншею. Началась рукопашная схватка. Сдаваться в плен самураи не собирались, и дрались до последнего. И только когда оставшиеся в живых младшие японские командиры поняли, что сопротивление бесполезно, они сделали себе харакири.

За сутки японская группировка не успела закрепиться на захваченной территории, поэтому вынуждена была отступить, чтобы не оказаться в окружении. Метрах в четырёхстах у нее находилась вторая линия обороны. Успешная, но жестокая атака по взятию первого рубежа японцев только разозлила наступавших. Командование полка приняло решение не ограничиваться достигнутой победой и отдало приказ на дальнейшее преследование противника. После небольшой передышки, подобрав убитых и раненых, красноармейцы вновь пошли в атаку.

К вечеру японская группировка, зажата в тиски с двух сторон, понесла большие потери, оставила берег Халхин-Гола и в спешном порядке отошла в сторону границы.

Полк получил приказ вернуться на исходные позиции. Преследование противника продолжили основные силы дивизии и на исходе второго июня выдворили японскую армию в Маньчжоу-го за пределы границ Монголии.

Александр Кацапов и Григорий Надеждин остались живыми в этом бою. Когда стихли последние выстрелы, они, разгорячённые атакой, как и все остальные красноармей-

цы, некоторое время продолжали ходить по освобождённым позициям японцев, с брезгливо-насторожённым любопытством разглядывали трупы самураев и оставшиеся в траншее вещи.

Потом сгрудились небольшими группами, и уже полулёжа на земле, принялись вспоминать эпизоды смертельной схватки. Они курили, смеялись, хвастались друг перед другом своими действиями в рукопашном столкновении, рисуя храбрость и бесстрашие. Для всех из них это был первый настоящий бой, и когда весь этот ад остался позади, сознание захлестнули эмоции. Всё, что они рассказывали друг другу, порой не соответствовало действительности, и было простой выдумкой. Лишь хорошо обстрелянный солдат способен вспомнить детали рукопашной схватки, но никак не новичок. Большинство красноармейцев среди грохота взрывов, свиста пуль и осколков, бежали к позициям самураев в лихорадочном состоянии, не отдавая полного отчёта своим действиям. В траншее, при столкновении нос к носу с живым самураем, разум потерялся окончательно, сменившись на звериный инстинкт самосохранения.

Никто из них не хотел признаваться в слабости и частичных провалах памяти. Разве можно сознаться в том, с каким трудом каждый из них отдирает своё тело от земли, когда вокруг ухало, свистело, вздымалась земля, а голос командира доносился как бы издалека, казался неестественным и даже призрачным. Весь этот ужас остался уже в прошлом, смер-

тельная опасность миновала, они собрались опять все вместе и обсуждают бой, как недавно просмотренное страшное кино.

Но не все были веселы. Некоторые красноармейцы сидели поодаль и не разделяли всеобщего ликования. Это были те, кто в бою потерял друзей или земляков, с которыми ещё утром они общались и жили общими воспоминаниями.

– А мне, мужики, больше всего запомнилась рожа самурая, когда он вспарывал себе живот. До сих пор стоит перед глазами его ехидная ухмылка. Бр-р! – перестав смеяться после очередной шутки, сказал один из красноармейцев, конопатый, с носом-пуговкой и короткими рыжими бровями по имени Паша. Во взводе его прозвали Рыжиком.

– Видел бы ты свою рожу в этот момент, – усмехнулся широкоскулый татарин по фамилии Гамзуллин. – Перекошенное лицо, бешеные глаза. Самурай, видно, от страха сделал себе харакири.

– Ну да! Самураи смерти не боятся, – вступил в разговор сибиряк Кречетов. – А вот сдача в плен позором у них считается. Комроты Климов говорил, я сам слышал.

– А я, блин, чуть с жизнью не попрощался, – наконец-то пробился со своей историей щуплый солдат Жириков. – Спрыгнул в окоп, а самурай – тут, как тут, стволом в грудь мне упёрся. Стоит, скалится. Ну, думаю, всё, капец мне. Смотрю, япошка нажал на курок, а выстрела-то не произошло. Повезло мне несказанно. Видать, в затвор песок попал,

вот его и заклинило. Отбросил винтовку самураец и выхватил нож.

– И ты что? – спросил Гамзуллин. – Застрелил его? Или отпустил драпать?

– Дак я, это... штыком хотел пропороть самурайца, но он, зараза, шустрее меня оказался, – оправдываясь, проговорил Жириков. – Отбил в сторону мой штык, выхватил нож и пошёл на меня.

– Ты, конечно, сразу в штаны наложил, и руки вверх поднял? – спросил насмешливо Надеждин. – Жить, небось, в этот момент страсть как захотелось, правда?

– Жить хочет любая божья тварь, а человек – особенно, – ответил на последний вопрос Жириков, делая вид, что не слышал ядовитой подковырки. – Только вот страху, признаюсь вам, я в эти секунды не почувствовал. Стою, как замороженный, и смотрю на японца, и жалко мне его стало, почему-то.

– Вот, брешет! – воскликнул Паша. – Самурай на него с ножом идёт, а у него вместо страха жалость пробудилась! Подумать только!

– И долго ты так стоял? – спросил Надеждин.

– Не знаю, – подумав, признался Жириков и, наткнувшись на глаза Кацапова, стыдливо отвёл взгляд в сторону. – Помню лишь, как сверкнуло перед глазами лезвие ножа, будто зайчиком от зеркала резануло. Я сразу очнулся и выстрелил. Японец упал, отполз, а потом воткнул себе в брюхо нож. Вот

так всё было.

– Значит, не убил ты его, а только ранил, – степенно заключил Кречетов. – Не захотел самурай раненым в плен попасть, вот и прикончил себя.

– Наверно...

Кацапов лежал на правом боку, подперев рукой голову, и безучастно слушал болтовню. Он не одёрнул Жирикова, не уличил во лжи, хотя эпизод с самураем, покончившим с собой, происходил у него на глазах.

В тот момент Александр ворвался в траншею чуть раньше Жирикова, и вдвоём с Узковым – подвижным крепышом среднего роста – они успели очистить траншею от трёх японских солдат. Четвёртый самурай улизнул в боковое ответвление, где и напоролся на спрыгнувшего туда солдата Жирикова. От неожиданности Жириков отпрянул назад и споткнулся о труп, усевшись прямо на него. Необходимые секунды для защиты были упущены, и, если бы Александр не подошел вовремя, ударив прикладом японцу по руке, тот сразил бы Жирикова выстрелом в упор. Самурай выронил винтовку и действительно выхватил нож, но обернулся уже к нему, Кацапову, чтобы с разворота вонзить острый клинок в левый бок. И тут выстрелил Жириков, прострелив самураю плечо. Японец упал, а когда увидел перед собой двух красноармейцев, вспорол живот от безысходности.

«Пусть врёт, если не может обойтись без вранья, – со снисхождением подумал Александр. – Он ведь, по сути, спас мне

жизнь. Правда, сначала я ему, а уж потом он мне. И как было на самом деле – какая теперь разница? Ну, потравят байки друг другу, прихвастнут немного, отведут душу и успокоятся. А пройдет время – и детали первого боя сотрутся в памяти. За этим боем последует другой, третий, четвёртый. Останется ли живым сам рассказчик-выдумщик?»

Кацапов почему-то был уверен, что война с японцами не закончится для их полка только одним боем. Стоило ли делать бросок из Забайкалья через степь ради одной схватки? Руководство дивизии наверняка знает истинные планы японцев. Разведка точно уж донесла, что самураи не смиряются со своим поражением и проверят силы Красной Армии ещё не раз.

Александр слушал сослуживцев и не удивлялся тому, что никто из них почему-то не осмеливался рассказать о том, как бежали они по вздрагивающему полю, петляя среди воронок, как напуганные зайцы, падали на землю и ползли на животе, оглохшие и подавленные ужасом от грохота взрывов и свиста осколков. Как под хриплые команды лейтенанта Хорошенина поднимались снова и снова, преодолевая свой страх, кричали «ура!» и бежали дальше. Не рассказывали, потому что здесь ничего нельзя было прихвастнуть, а признаться в трусости не позволяла гордость и самолюбие.

– Быстро вы ожили! – раздался голос неожиданно появившегося командира взвода. – А мне вначале показалось, что вы надолго потеряли дар речи.

Красноармейцы замолчали и притихли в ожидании команды.

– Встать! Построиться! – прохрипел Хорошенин. Он сорвал свой голос во время атаки, и теперь его звучание было неузнаваемо.

Солдаты повскакали с земли и быстро построились.

Лейтенант был младше по возрасту многих из красноармейцев, но держался достойно и не давал повода для снисходительного отношения к себе. Он прошёлся взад-вперёд вдоль строя, бросил взгляд на соседние взводы, которые тоже построились неподалёку, и остановился посередине.

– Товарищи красноармейцы! Мы с вами выполнили поставленную перед нами задачу. Оттеснили японских провокаторов от монгольской реки Халхин-Гол, и сейчас возвращаемся к месту постоянной дислокации. Выдворить японскую армию за пределы границ Монголии поручено регулярной группировке сил советско-монгольских войск. Контрнаступление идет по всей линии соприкосновения и в ближайшие несколько дней ни одного самурая не останется на монгольской земле.

Хорошенин закончил короткую пафосную речь и провёл взглядом по лицам красноармейцев, будто хотел убедиться, дошли ли его слова до сознания каждого красноармейца в отдельности, или следует ещё кое-что добавить.

– Вопросы есть? – спросил он.

– Война закончилась, стало быть? – слышался вопрос с

фланга. – Теперь резервистов распускают по домам?

Лейтенант повернулся на голос, незамедлительно ответил:

– Нет. Мы продолжим службу на территории Монгольской республики столько, сколько потребуется для обеспечения безопасности дружественной нам страны. Это наш интернациональный долг. Будем отрабатывать военные навыки в мирных условиях.

Никто в эту минуту не мог предположить, что мирная служба продлится совсем недолго. И этот первый бой, который так насыщенно смаковался в невероятных придуманных подробностях, покажется хотя и страшным, но всего лишь маленьким приключением, по сравнению с жестокими сражениями, которые планировались и проводились под руководством Г. К. Жукова.

Новый командующий пренебрежительно относился к солдатским жизням, считая их пешками на огромной шахматной доске военных действий. Ради победы он шёл на огромные потери личного состава, а за невыполнение приказов накладывал «расстрельные» резолюции, не утруждаясь расследованием и проверкой фактов.

Ничего этого пока не знали ни красноармейцы, ни командир взвода Хорошенин, ни командир роты Климов, ни сам командир полка Слотин. Всё ещё было впереди.

Глава 15

Евдокия смирилась со своей участью за полтора года жизни без мужа. Теперь Марк писал письма регулярно. Получая от него очередную весточку, она вначале с необъяснимой осторожностью ощупывала конверт, как будто так можно было почувствовать теплоту его ладоней, а потом уже с особым трепетом разворачивала письмо. Не умея читать, Евдокия, однако, торопливо пробегала глазами по строчкам. Завидев ровный почерк, она успокаивалась и передавала письмо Василисе. Только её чтение нравилось Евдокии. Голос Василисы звучал негромко и выразительно, а главное, с той интонацией, с которой сам Марк ранее говорил с ними. У Фроси и Ивана так не получалось. Оба они читали торопливо и бесстрастно. Зато ответ писали все трое, по очереди.

Особых причин для беспокойства за судьбу мужа у Евдокии пока не было. Марк писал, что отбывает наказание в Бурятии, неподалёку от города Улан-Удэ, трудится на строительстве какой-то железной дороги. Сколько продлится это строительство, он не сообщал, поскольку и сам, вероятно, об этом не знал. Она где-то в глубине души надеялась, что стройка эта будет длительной, и после её окончания Марк обязательно вернётся домой.

Основания для такой мысли у неё имелись, потому что муж трудился честно и ответственно, с перевыполнением

обязательных норм, за что его перевели даже на должность мастера. Начальство обязательно оценит его трудолюбие и отпустит за заслуги раньше срока. Эта мысль со временем крепко укоренилась в ней и вселяла надежду на благополучный исход.

За полтора года дети как-то резко повзрослели. Фрося и Василиса заметно округлились, стали степеннее, превратились в стройных красивых девушек.

Ваня вытянулся, окреп, в нём появилась мужская сила. Теперь вся физическая работа в доме лежала полностью на нём. Он носил воду из колодца, колот дрова, топил печь, выгребал золу, выносил помои. Любую работу выполнял незамедлительно и с удовольствием.

Две недели назад закончился учебный год, и сейчас Ваня бездельничал, беззаботно проводя начавшиеся каникулы.

За последние полгода у него появилось много друзей, никто больше не называл его сыном врага народа. Он стал лидером среди мальчишек в школе сразу после того случая, когда поколотил Сову – Лёньку Соватеева. Сейчас мальчишки практически каждый день пропадали на реке или шлялись в лесу.

Василиса окончила семь классов. По всем предметам у неё были одни пятёрки. Ей очень хотелось поступить в техникум и выучиться на бухгалтера, но она долгое время не решалась сказать об этом матери. Она почему-то думала, что мать будет категорически против такого решения. Во-пер-

вых, детям врагов народа не разрешалось уезжать за пределы границ района, а техникум, в котором была такая специальность, располагался в областном центре. Нарушив порядок проживания раскулаченных лиц, можно было поплатиться и свободой. Во-вторых, стипендия, которая выплачивалась студентам лишь за хорошую учёбу, могла обеспечить лишь полуголодное существование. Маминой же зарплаты сейчас едва хватало, чтобы прокормить их с Иваном. Просить помощи у сестры не хватало духу, да и поступить так она просто не могла, потому что такой поступок, как ей представлялось, был бы совершенно бессовестным.

Фрося не являлась отличницей, учёба давалась ей с трудом. Сказывалось проживание на Украине, где была другая программа, обучение велось на украинском языке.

При возвращении на Урал ей пришлось поступить в школу на класс ниже, чтобы восполнить образовавшиеся пробелы знаний. Упорство и усидчивость дали-таки свои результаты. Семилетку сестра окончила без троек и тоже могла претендовать на дальнейшее обучение в техникуме. Однако год назад, оставив школу, Фрося отказалась от поступления в техникум и неожиданно устроилась работать продавцом в ОРС металлургического завода, сославшись на то, что на одну стипендию, без дополнительной финансовой поддержки, в большом городе не прожить.

– Поработаю с годик, подкоплю денег, потом видно будет, – ответила она матери.

Помучив себя предстоящим разговором, Василиса, наконец, решилась заговорить. Когда мать возвратилась с работы, она, потупив глаза в пол, несмело сказала:

– Мама, я хочу подать документы в техникум.

Евдокия тревожно приподняла голову, внимательно посмотрела в глаза дочери. Взгляд матери был вовсе не строгим и укоризненным, как предполагала Василиса. Только брови её в первый момент немного приподнялись вверх, обозначив более чётко безвременно появившиеся на лбу морщины, а затем опустились обратно. Не отводя взгляда, Евдокия тихо и как-то задумчиво промолвила:

– Жизнь-то, Васса, сама знаешь, какая теперь у нас. Правильное ли решение ты принимаешь? Не пожалеешь ли потом?

– Мама, если ты насчёт денег, то можешь не беспокоиться. Я всё продумала, тянуть с вас не стану ни копейки, – поспешно заверила Василиса, не веря в благословение матери. – Буду подрабатывать по вечерам, устраюсь куда-нибудь полумойкой. Лишь бы документы у меня приняли.

– Не об этом я, доченька, – вздохнула мать.

– О чём же?

– Не забывай, чья ты дочь. У тебя нет паспорта, и ты пока не можешь распоряжаться своей судьбой. Начнутся всякие проверки и перепроверки. Стоит ли ворошить старое, когда всё понемногу успокоилось. Мы сейчас не голодаем, у нас есть крыша над головой, можно найти работу.

– Да, мамочка, ты права. Сейчас о нас как будто забыли, мы не бедствуем. Но нельзя же жить в страхе всю оставшуюся жизнь, нельзя рассчитывать на великодушные власти. Не хочу я быть трусливой мышкой и сидеть в тихой норке. Ничего злостного против своей страны я не делала, а, значит, имею право на обучение, как все граждане СССР, – карие глаза Василисы сделались большими, в них вспыхнул огонь твёрдой решительности постоять за свои права.

«Вся в отца, – с тихой грустью и неожиданным изумлением подумала Евдокия. – Не отступится от своего плана, чего бы ей это не стоило. И никогда не пожалуется на тяжёлую долю, как я сама».

– Мне очень хочется стать бухгалтером, мамочка... Ты должна понять это, – Василиса положила ладони на худенькие, усохшие плечи матери, с надеждой заглянула ей в глаза.

– Хорошо, Васса. Пусть по-твоему будет. Только поступать вы будете вместе с Фросей.

Василиса невольно вскинула брови. Заявление матери сначала очень удивило её, но вскоре она догадалась, почему мать приняла такое решение.

Фрося не очень-то и стремилась получить специальное образование. Разговор о техникуме год назад имел для неё чисто формальный характер. В тот момент сестра просто не знала, куда податься после окончания школы и завела этот разговор так, на всякий случай, чтобы при необходимости сослаться на него.

Василиса успела за три года хорошо изучить свою сестру. Фрося, конечно же, была не способна на подлость, но себя родимую любила и баловала при каждом удобном случае. Радости жизни стояли у неё на первом плане.

Став продавщицей, Фрося не упускала возможность воспользоваться сомнительными лазейками в торговой сети. У неё появились подозрительные подруги, вокруг стали крутиться какие-то слащавые парни из ОРСа. Молодые люди могли позволить себе посещение ресторана, приобретали окольными путями дорогие вещи.

Фрося тоже приносила иногда с работы кое-что, явно не затрачивая на это денег. На вопрос: «Откуда это у тебя?» сестра только посмеивалась.

Поведение Фроси не нравилось Василисе и настораживало её. Она несколько раз вызывала сестру на открытый разговор и высказывала ей своё мнение о скользких друзьях.

– Ну что ты, Вассочка, – сказала однажды сестра, – у меня очень хорошие товарищи. Просто в торговле работают более современные и образованные люди. У них больше возможностей хорошо одеваться, лучше питаться, только и всего.

– Хапуги твои друзья, – сердито ответила Василиса. – Жулики и мошенники. И ты становишься такой же, как они.

– Вассочка, что ты такое говоришь? – рассмеялась Фрося. – Тебе просто завидно, что им удаётся делать то, чего ты не можешь.

– Обвешивать, скупать вещи дешевле, пользуясь своим

положением, а потом перепродавать? Ты знаешь, как это называется? И что за это бывает?

– Не преувеличивай, сестрёнка. Мои друзья знают закон и никогда его не нарушают. И я его чту, как наш отец Библию. Так что, не переживай за меня, – Фрося весело и беззаботно хохотнула.

Подобный разговор повторялся неоднократно. Понимая бесполезность продолжения диалога, Василиса каждый раз недовольно фыркала на Фросю и обрывала свои нравоучения. Неприятное чувство к сестре оставалось на целый день, но потом всё-таки проходило. Фрося была её родной сестрой, Василиса любила её и многое прощала. Не смотря на разницу в возрасте, их очень часто принимали за сестёр-близнецов – так сильно они были похожи друг на друга. Единственным отличием был цвет волос. У Фроси волосы были русыми, а Василиса унаследовала от отца более тёмный цвет.

Мать, несомненно, не могла не слышать их разговоров, хотя ни разу не вмешивалась в возникавшие споры. Она просто не знала, как поступить, и носила в себе опасения Василисы, ждала удобного случая, чтобы оградить Фросю от дурного влияния торгашей. И вот удачный случай подвернулся.

Сделав для себя такой вывод, Василиса спросила:

– Мама, ты хочешь таким способом оттащить Фросю от пропасти, в которую она потихоньку скатывается? Так?

– Извелась я вся, доченька, глядя на твою сестру, – тяже-

ло вздохнув, призналась мать и сняла с плеч ладони Василисы. – Вижу ведь, что попала она под дурное влияние, а сделать ничего не могу. Ругать бесполезно, а друзья, того и гляди, подведут её под монастырь. Ветер в голове у нашей Фросюшки, может из дома уйти. Как я потом верну её обратно?

– А я, по-твоему, смогу остановить этот ветер?

– У тебя получится, Васса. Фрося будет всегда рядом с тобой. Сама ты глупостей не сотворишь, я в этом уверена, и сестре не позволишь.

– Это что же, получается? – усмехнулась Василиса. – Сестра старше меня на два года, а я, несовершеннолетний ребёнок, буду перевоспитывать её?

– Ты ведь, доченька, не хочешь, чтобы твоя сестра угодила в тюрьму? – в глазах матери на короткое время мелькнула мольба и быстро исчезла. Но этого момента было вполне достаточно, чтобы Василиса уловила состояние близкого ей человека. Мать, потеряв мужа на долгие годы, не хотела потерять ещё и дочь.

– К тому же, папа очень хотел, чтобы все вы получили образование, – высказала последний аргумент Евдокия.

– Я согласна, мамочка, – с нежностью проговорила Василиса, и поцеловала мать в щёку. – Только будет ли рада наша Фрося такому повороту событий?

Мать не успела ответить, как хлопнула входная дверь, в комнату вбежала Фрося.

– Привет семейству, – весело выпалила она, и, бросив на

стул свою сумочку, повернулась к зеркалу, принялась рассматривать в нём своё лицо, перебросив косу со спины на грудь. – О чём вы тут кудахчите?

– О тебе, – спокойно ответила Василиса.

– Обо мне? – удивилась Фрося, повернулась к сестре и замерла в недоумении. – С чего вдруг?

– Василиса собралась подавать документы в техникум, – проговорила негромко мать. – Я хочу, чтобы и ты с ней вместе поступала.

Фрося вытаращила удивлённо глаза и мотнула головой из стороны в сторону. Она явно была поражена решением матери.

– Васска решила – пусть поступает. А моё время ушло уже, позабыла я все синусы и косинусы.

– Ничего, вспомнишь, – назидательным голосом высказалась Василиса. – Времени достаточно, чтобы подготовиться. Я тебе помогу.

– А если я не хочу? Если меня устраивает работа продавца? – Фрося упёрла руки в бока, приняла вызывающую позу. – Вы что, на аркане потащите меня в ваш техникум?

Мать хотела что-то сказать в ответ, но вместо слов из груди у неё вырвался безнадежный вздох, больше похожий на всхлипывание. Она уселась на табуретку с беспомощным видом, на глазах выступили слёзы.

– Вот что, сестрёнка, – сердито сказала Василиса. – Поедешь со мной, и не спорь. Это твоя последняя возможность

поступить учиться. Больше такого шанса у тебя не будет.

– Это почему же?

– Потому что, если ты не расстанешься со своей воровской компанией, то непременно окажешься в тюрьме!

– Ах, вот даже как! – растерялась от неожиданности Фрося.

– Да, я уверена в этом.

– Откуда такая уверенность?

– Ты думаешь, мы с мамой ничего не видим, ничего не замечаем?

– И что вы видите?

– Твои новые платья, туфли, дорогие духи, разные безделушки – на какие шиши это барахло приобретается? И не говори нам, что это подарки, а в ресторан тебя водят за красивые глаза! – гневно выпалила Василиса.

– Представь, сестрёнка, но это правда, – беззаботно рассмеялась Фрося. – Вещи мне дарит Вадим, он же и в ресторан приглашает.

– С трудом верится, чтобы зрелый мужчина тратился на тебя, не требуя ничего взамен. Он либо использует тебя в своих тёмных делах, о которых ты даже не догадываешься, либо..., – Василиса замолчала, не сумев подобрать подходящие слова.

– Тебе, Вассочка, не приходило в голову, что мужчина может быть просто влюблён в меня? – Фрося продолжала стоять в той же вызывающей позе, только на лице у неё появи-

лась ядовитая ухмылка.

– Ты сама-то веришь в то, что говоришь?

– Я не верю, я – знаю.

– Какая ты всё же дура, Фроська. Девятнадцать лет тебе, а ума в голове так и не появилось. Твой Вадим, небось, и в любви к тебе уже успел объясниться? И ручку целует при встрече?

– А вот это уже не твоё дело! – возмутилась Фрося и демонстративно удалилась в комнату.

– Жаль, что папа не слышит твоих слов, – с сожалением проговорила Василиса вдогонку.

– А что было бы? – слышалось из-за перегородки.

– Моментально бы выгнал всю дурь из твоей бестолковой головы.

Через пять минут Фрося вышла из комнаты в крепдешинном платье с большими чёрными розами на белом фоне и направилась к зеркалу. От неё пахло дорогими духами.

– Ужинайте без меня, – сообщила она, рассматривая себя в зеркале, поворачиваясь то одной, то другой стороной. – У моей подруги сегодня день рождения, я приглашена на вечеринку по этому случаю. Вместе с Вадимом. Вернусь поздно.

– Ненормальная, – сказала в сердцах Василиса. – Правильно Ваня сказал: тупые мозги не наточишь.

– Чего-о?!

– Ничего. Иди, куда пошла.

– Спасибо за разрешение, а то бы без него я осталась до-

ма, – Фрося застегнула ремешки на чёрных лаковых босоножках с повышенным каблучком, схватила сумочку и выскочила из квартиры.

– В кого она у нас такая беспутная? – произнесла мать вопросительно, вытирая фартуком непрошенные слёзы.

– Ни в кого, – уверенно ответила Василиса. – Это её Украина испортила. Пока мы тут побирались в голодный год, она наблюдала, как безбедно живет тётка Ксения. Видела её продуктовые пайки, в которых есть колбаса, сыр, масло, сахар. Это испортило нашу Фросю, ей тоже захотелось красивой жизни. Став продавцом, она увидела, что можно и здесь жить не хуже тети Ксении.

– Что же делать, доченька? – всхлипнув в очередной раз, спросила Евдокия. – Если ты уедешь учиться одна, Фрося совсем от рук отобьётся, никакой управы на неё я не найду. Пока ты со мной, она хоть и фыркает, но слушается.

– Ничего, мама, я её перевоспитаю, – убеждённо заявила Василиса. – Поедет она со мной, как миленькая. Даю слово. И ты будь с ней строже, а то слово поперёк боишься сказать.

Мать с надеждой посмотрела на дочь, затем встала, подошла к ней, притянула к себе. Она почему-то поверила словам Василисы. Поглаживая голову дочери маленькими и сухими натруженными ладонями, сказала:

– Какая ты у меня умница, Васса. Добрая и отзывчивая. Я и не заметила, как ты стала совсем взрослой. Как жаль, что папы нет с нами, он бы порадовался, увидев, какой стала его

дочь.

На глазах Евдокии вновь проступили слёзы, она отстранилась от Василисы, подошла к окну, уставилась на улицу.

Вечер был теплый, в лучах остывающего солнца он казался удивительно ласковым. За окном стояла необычайная тишина, лишь изредка этот мирный покой нарушался коротким посвистыванием спрятавшихся где-то в глубине черёмухи невидимых пичужек. В распахнутые створки с реки начал робко просачиваться заметно посвежевший воздух. Ближе к ночи, наливаясь речной прохладой, он вытеснял из барака тяжёлый застоявшийся запах, заполняя всё внутреннее пространство свежестью.

Мысли Евдокии перенеслись за тысячи километров отсюда, в село Шулимовка. Вспомнилась тихая и спокойная жизнь с Марком. Отчётливо всплыло в памяти, как он легко и непринуждённо решал любые домашние вопросы, оставляя ей лишь чисто женскую работу.

Только теперь, оставшись без мужа, она осознала, что была с ним, как за каменной стеной. Смиренная по характеру, Евдокия не вникала в дела Марка и никогда не перечила ему. Слово мужа было для неё законом. Тогда ей казалось, что супружеские отношения должны быть только такими, потому что мужское и женское начало заложено кем-то свыше, и нарушать пропорцию между ними не позволительно. Есть женская доля, и есть бремя для мужчины, посильное лишь ему.

И вот всё рухнуло. Она неожиданно осталась одна. Продолжая по инерции исполнять свои материнские обязанности, ей пришлось возложить на свои хрупкие плечи ещё и мужские заботы. Барахтаясь в круговерти бесконечной работы от зари до заката, Евдокия поневоле оставила детей без должного внимания. Она наивно полагала, что её дети, трудолюбивые и послушные, всегда будут оставаться такими, какими их сделал Марк. В суматохе дней не заметила, как быстро они повзрослели и, вопреки её ожиданиям, сильно изменились. Каждый по-своему. Василиса стала серьёзной, рассудительной и практичной не по годам девушкой. Фрося же, по непонятной причине, превратилась в завистливую и беспутную вертихвостку.

Евдокия поняла, что опоздала, и сразу растерялась. К большому удивлению для себя она вдруг обнаружила, что воспитанием детей ей не приходилось заниматься. Вначале дети постоянно находились под пристальным вниманием бабки Маруси, впитывая в себя то, чему она их учила. После высылки на Урал их характер формировала уже объективная реальность, в которой они очутились.

«Права, Василиса, – подумалось ей, – Фрося не испытала того, что выпало на долю им с Ваней. Не познала она цены куска хлеба, не увидела горя людского. Всё ей давалось задаром, без труда и мучений. Потому, видно, и отношение к жизни сложилось такое – лёгкое и бесшабашное, доступным и исполнимым стало казаться любое желание».

Евдокия опять тяжело вздохнула и отошла от окна.

– Пошла бы ты, Васса, погуляла что ли, – неожиданно сказала она, вскинув на дочь тягучий затуманенный взгляд. – А то всё дома, да дома. Вон, вечер, какой хороший. С реки свежестью понесло, не надыхаться таким воздухом.

Голос матери прозвучал необычно глухо и очень печально.

Василиса безошибочно уловила в этом тоне желание матери побыть в одиночестве. Она сразу догадалась, что творится у неё в душе после разговора с Фросей. Матери нужно было выплакаться, Василиса это знала точно.

И это было действительно так. Евдокия всегда стеснялась своей слабости, невероятными усилиями пыталась сдерживать свои чувства. Старалась никогда не плакать не только при детях, но на людях вообще. Бывало, накатятся у неё непрошенные слёзы, она тут же отвернёт лицо, чтобы незаметно смахнуть их, протереть глаза досуха. Только позднее, уединившись где-нибудь, Евдокия давала слезам волю.

Сейчас плач душил её, рвался наружу, невозможно было уже сдерживать его.

Василиса, сделав вид, что не замечает состояния матери, неопределённо пожала плечами:

– А почему бы и нет? Ванька вон, балбес, днями шляется на природе, а я превращаюсь в какую-то домоседку-затворницу. Привыкну постоянно сидеть дома – надолго в девках задержусь, а то и вовсе останусь старой девой.

– Что ты такое говоришь? – встревожилась мать. – Типун на твой язык за такие слова.

– Мамочка, я же пошутила, – рассмеялась Василиса. Затем подошла к матери, прижалась к ней, заглянула в глаза. – Неужели ты шуток не различаешь?

– Разве поймёшь вас, молодых, когда вы шутите, а когда всерьёз говорите?

– Это ты о Ваньке?

– Обо всех вас, – не стала уточнять мать. Потом, подумав, добавила:

– А Ванька стал насмешником. Начитается умных книг, а потом подсмеивается над моей неграмотностью. Откуда же мне знать про те слова, которые в его книжках прописаны? Слава Богу хоть балакать по-русски выучилась.

– Не обращай на него внимания, мама. Ванька и с нами так себя ведёт, – успокоила Василиса мать. – Возраст у него такой, самоутверждение происходит. А вообще-то, он у нас хороший и добрый. И умный. Любит, конечно, подковырнуть, посмеяться, но делает это беззлобно.

– Ладно, иди, погуляй. Может, Ваньку где встретишь. Займись ужином, – сказала мать, опуская глаза.

Василиса отправилась на реку.

Домой она вернулась через час вместе с Ванькой. Его она встретила на реке. Брат возвращался с друзьями с рыбалки, на ивовом прутке у него было нанизано десятка два серебрястых уклеек, в самом низу красовался крупный окунь. Улов

друзей был скромнее.

– Ты чего на реку припёрлась? – сказал он удивлённо, расставшись с мальчишками.

– А что, только ты можешь бродяжничать с утра до вечера? А мне и воздухом подышать уже нельзя?

– Я не бродяжничаю, я делом занимаюсь, – с ходу поправил Ваня. – Видишь, сколько наловил?

– Вижу, – без восхищения уловом брата спокойно проговорила Василиса. – Только не рассчитывай на то, что я или мама будем чистить твою рыбу. Сам наловил, сам почишь, а я, так и быть, пожарю. Понятно?

– Ну и почищу, – поникшим голосом буркнул брат. – Подумаешь, тягость, какая.

– Вот и договорились. А на будущее запомни: сидеть с удочкой у реки – это удовольствие, а готовить пищу – это труд. А труд в семье должен распределяться между всеми членами поровну. Усвоил?

Ванька гневно зыркнул глазами на Василису, но промолчал и до самого барака не проронил больше ни слова.

Дома, нахохлившись, взял таз, сдёрнул с прутка рыбу в него, налил воды, принялся за чистку.

– Вань, ты чего хмурый сегодня? Не заболел часом? – поинтересовалась Евдокия. Глаза её были сухими, но припухшие. Красные веки подтверждали, что мать недавно плакала. Войдя домой, Василиса сразу обратила на это внимание.

– Показалось тебе, – буркнул Ванька. – Не веселиться же

мне с утра до ночи.

– Не очень радостно, видать, рыбу чистить, – усмехнулась Василиса. – Ловить-то куда проще и интереснее.

– Да я и сама бы почистила твою рыбу, сынок, – сказала мать. – А ты бы сначала покушал. Голодный, небось?

– Мам, я брал с собой на обед хлеб с маслом. На реке чай с пацанами сварганили. Мишка даже варенья прихватил с собой. Потерплю я, не беспокойся. Потом жареной рыбы наемся.

Василиса дождалась, когда брат выпотрошил и промыл рыбу, и пожарила весь его улов. Ванька с большим аппетитом умял свой ужин, затем выпил кружку чая и уже через полчаса мирно посапывал на матрасике в углу комнаты.

– Чего это он сегодня надулся? – спросила Евдокия дочь. – С друзьями поссорился, или на тебя за что обиделся?

– Повоспитывала я братца немного, – на лице Василисы проступила довольная улыбка. – Ума вложила немного в его голову. Чтобы не стал эгоистом, как Фрося, и про домашние обязанности помнил.

– О чём был у вас разговор?

– Да, так, мам, неважно, – отмахнулась Василиса. – Поговорили по душам немного.

С этого дня Иван взял за правило чистить свой улов самостоятельно, а чуть позже Василиса позволила ему и жарить.

Глава 16

Поступать в техникум в Пермь сёстры поехали вместе. Пообещав матери, что перевоспитает Фросю, Василиса действительно приложила определённые усилия. В тот памятный день она не легла спать вслед за Ванькой, а вышла из барака и дождалась возвращения сестры с вечеринки.

К её удивлению, Фрося подходила к бараку одна, без уха-жёра. Весёлая и беззаботная она что-то тихонько напевала себе под нос.

– А где твой кавалер? – спросила Василиса громко, выходя из-за густого клёна в тот момент, когда сестра очутилась рядом.

– Ой, Васска, как ты меня напугала! – вскрикнула от неожиданности Фрося. – Что ты тут делаешь так поздно?

– Тебя дожидаюсь, сестрёнка, сильно соскучилась.

– Да будет врать-то, зануда. Никак, жениха моего решила высмотреть?

– Ха! Любопытно, однако, – усмехнулась Василиса. – Быстро же ты перевела своего Вадима в разряд женихов. Что за спешка такая?

– Не задирайся, Васса. Говори, что хотела, а то мне ужасно хочется в постель. Устала я сегодня, ноги гудят.

– И всё же, почему без провожатого? Где твой Вадим?

– На что тебе сдался Вадим? Чего ты прицепилась к

нему? – тут же напустилась на сестру Фрося.

– Так, интересно просто. Ты называешь его своим женихом, а возвращаешься с поздней вечеринки одна. По-моему, настоящий мужчина вряд ли позволит своей возлюбленной гулять одной по ночам.

– Какая ты, Васска, приставучая и прилипчивая, всё-таки! – скривившись, как от кислой ягоды, процедила Фрося и покачнулась.

– О-о, да ты ещё, как я вижу, и набралась изрядно?

– Да, пила вино, танцевала, целовалась с Вадимом, а что? Ты мне можешь запретить веселиться? Будешь учить, как мне жить?

– Запретить тебе, Фрося, я не могу, к сожалению. Но преподать последний совет собиралась. Надеялась, что поймёшь, наконец, как мама переживает за тебя, ночами не спит, плачет. Да напрасно, видать, я хотела заскочить на подножку уходящего поезда. Вагон, как оказывается, далеко уже отошёл от станции, и мне его не догнать.

– Ох, как ты красиво говоришь! – сказала Фрося, кривляясь перед сестрой. – Ты у нас, значит, правильная девушка, а я, выходит, шалопутная и неисправимая дрянь?

– Беспутный ты человек с чёрствой душой, Фрося, – сердито высказалась Василиса. – Для тебя мама – пустое место. Как ты можешь так относиться к ней? Она же тебя родила, вырастила, теперь хочет, чтобы ты получила образование. А дочь вместо благодарности, делает ей больно, путается с жу-

ликами и уверенно шагает по тюремной дорожке.

– Всё, хватит. Мне не десять лет, чтобы во всём слушаться маму. Я сама вправе решать, что мне делать и с кем водиться. Ясно?

– Ну и чёрт с тобой! – Василиса оттолкнула сестру в сторону и быстро зашагала к бараку. Фрося поплелась за ней следом.

... Семейный конфликт разрешился сам по себе. Буквально через несколько дней арестовали Вадима и женщину-товароведа. Милиции удалось обнаружить тайный склад, на котором хранился неучтённый товар. В магазин нагрянула ревизия, началась проверка. Контролёры установили недостачу. Потрясённая случившимся, Фрося долго не могла прийти в себя. Несколько дней она скрывала от сестры о происшествии и только под натиском наблюдательной Василисы рассказала обо всём начистоту.

Василиса, чтобы оградить мать от страшного известия, запретила сестре вести разговор при ней на эту тему. Она не стала упрекать Фросю ни в чём. Наоборот, с её стороны звучали лишь слова утешения и поддержки.

В акте ревизии, к счастью, вины продавца не было обозначено, но часть недостачи по совету старого доброго ревизора ей пришлось-таки компенсировать из своей зарплаты. Сумма недостачи оказалась соразмерной со стоимостью крепдешинового платья и чёрных лаковых туфель.

Когда всё закончилось, Василиса властно сказала:

– Всё, сестрёнка, увольняйся. Игры в торговлю и любовь у тебя закончились, поедem сдавать документы в техникум.

Фрося с покорностью закивала головой в знак согласия.

В первых числах июля они отправились в Пермь.

В областном центре девчата никогда не бывали, и когда поезд достиг окраин большого города, они в буквальном смысле прилипли к окну и стали разглядывать всё подряд, что появлялось перед глазами.

Фрося даже немного разочаровалась, когда увидела надпись «Пермь-2» на здании приближающегося вокзала. Это была их конечная станция.

– Всё, сестрёнка, приехали, – чуть возбуждённым голосом произнесла Василиса, поднимаясь с места. – Сейчас мы с тобой направимся к трамвайной остановке.

– А ты знаешь, куда надо идти?

– Язык до Киева доведёт, – с уверенностью заявила Василиса.

Они прошли по крайней платформе, минуя вокзал, вышли на привокзальную площадь и сразу попали в людской водоворот.

Большой город оглушил и ошеломил их. Обе они представляли его по немногочисленным рассказам знакомых, но Пермь предстала перед ними совсем в другом обликии.

На площади было полно народу, люди куда-то торопились, громко разговаривая на ходу, сталкивались друг с другом плечами, оборачивались, ругались и шагали дальше. Толпа двигалась несколькими встречными потоками.

В стороне вдоль высокой каменной стены расположились крикливые торговки. Они наперебой расхваливали свой товар, зазывая покупателей. Впереди, в полутора-два метра от центрального входа была стоянка транспорта. Такое количество машин и автобусов сёстры видели впервые. Чуть дальше и левее автостоянки по кругу один за другим, скрежеща на крутом повороте колёсной парой, двигались диковинные трамваи красно-жёлтого цвета.

Василиса и Фрося смотрели на живую картину городской жизни широко открытыми глазами. Их толкали, теснили в сторону, грозно ругались в их адрес, показывали кулаки. Наконец, они сообразили, что попали во встречный поток, из которого следовало немедленно выбраться, иначе стремительно движущаяся толпа может сбить с ног. С трудом перестроившись в людскую струю нужного направления, и тут же подхваченные ею, сёстры поплыли к трамвайной остановке.

Им, провинциалкам, было невдомёк, что в определённые периоды времени в городе существует час-пик. Их паровоз прибыл ранним утром, как раз в то время, когда народ спешил на работу, пересаживаясь из одного вида транспорта в другой. Уже через час от столпотворения не оставалось и следа, охрипшие торговки умолкали, подсчитывая выручку.

Сёстры протиснулись в открывшиеся двери первого подъехавшего трамвая и доехали до центра города. Там они отыскали «Горсправку», уточнили место нахождения техникума и пешком отправились на его поиски.

Когда ноги Василисы ступили на первые ступеньки широкого крыльца с большими круглыми колоннами, её сердце вдруг замерло, затем защемило как-то тоскливо и даже тревожно. Какое-то внутреннее предчувствие подсказывало ей, что поднимается она по этим ступенькам в первый и последний раз.

Фрося же, напротив, была весела, находилась под впечатлением от всего увиденного и не переставала восторгаться:

– Васска, как здорово здесь! Живут же люди!

– Если примут нас в техникум – и ты будешь жить здесь, как настоящая пермячка.

Из дверей техникума выходили молодые парни и девушки. Они шутили, громко смеялись, обменивались рукопожатиями и о чём-то договаривались между собой.

Сёстры Ярошенко, оробев, обошли стороной радостных абитуриентов и проникли в вестибюль. Там, у задней стены, были расставлены столы, накрытые зелёным сукном, за ними висел бумажный плакат «Приёмная комиссия».

Василиса подошла к одному из столов, за которым сидела худощавая женщина. Фрося встала рядышком. Женщина посмотрела на них из-под очков, сказала бесцветным голосом:

– Давайте ваши документы.

Сёстры полезли в свои сумочки, достали свидетельства об образовании, положили на стол.

– Анкеты не заполняли ещё? – спросила женщина. Её бесцветный голос быстро превратился во вкрадчиво-сладкий.

– Какие анкеты? – в один голос недоумённо спросили Василиса и Фрося.

– Ой, девочки, какие же вы невнимательные. На входе висит объявление для абитуриентов, а вы, милочки, проходите мимо и не замечаете. Крупными буквами написано для вас. Видите, в углу два стола? – женщина показала рукой перед собой. – Там находятся бланки. Идите, заполняйте, потом подойдёте.

– Спасибо. Извините нас, – тихо произнесла Василиса и почувствовала, как по спине пошли маленькие иголки.

Они взяли из стопочки два бланка анкет, отошли к широкому подоконнику, принялись изучать.

– Васска, – встревоженным шёпотом обратилась Фрося к сестре. – Ты всё прочитала?

– Да.

– И что мы будем писать в графе о месте работы отца?

– Не знаю, – так же шёпотом ответила Василиса, чувствуя, как в груди тревожно затрепетало сердце.

– Давай напишем, где он работал до ареста, – предложила Фрося. – Кто нас будет проверять?

– Тут ещё номер паспорта надо указать, – прошептала Василиса.

– У нас его нет, поставим прочерк.

– Ты ведь знаешь, почему нам его не выдают.

– Это мы с тобой знаем, а им знать ни к чему. Скажем, что оба паспорта у нас сегодня украли в поезде, или ещё что-

нибудь в этом роде.

– Фрося, не говори ерунды, – недовольно замотала головой Василиса. – Члены приёмной комиссии не такие наивные, как ты полагаешь. Твоему вранью никто из них не поверит.

– Тогда скажи, что будем делать дальше? Развернёмся прямо сейчас и отправимся восвояси?

– Нет. Надо идти к директору техникума, – решительно проговорила Василиса. – Рассказать всё, как есть, и упротить его принять наши документы. В виде исключения.

– Ты как хочешь, Васска, а я, всё-таки, попробую проскользнуть. Беседа с директором ничего нам не даст, поверь моему слову.

Фрося заполнила анкету, направилась к приёмщице. Теперь уже Василиса стояла в сторонке и наблюдала за тем, как будут развиваться дальнейшие события.

Женщина взяла в руки анкету, принялась просматривать заполненные графы. Внезапно её тонкие змейки бровей дрогнули, а затем медленно поползли вверх. Она сняла очки и, не проронив ни слова, уставилась на Фросю.

– Что-то не так? – бодрым голосом спросила сестра.

– У вас, милочка, отсутствует паспорт, – негромким голосом выдавила, наконец, из себя приёмщица, продолжая изучать строгим взглядом лицо Фроси. – Без него я не могу зачислить вас в список абитуриентов.

– У меня его украли в поезде вместе с деньгами, – жалоб-

но соврала Фрося, резко поменяв интонацию и выражение лица. Она начала всхлипывать вполне натурально, достала из сумочки носовой платок и утёрла мнимые слёзы.

– Обратитесь в милицию, в таком случае, там вам выдадут временную справку, – ухмыльнулась приёмщица, явно догадавшись об истинной причине отсутствия паспорта. Она протянула документы назад, добавила с ехидцей:

– Только помни, милочка: в милиции принято говорить правду. Там строгие дяди, сказок не любят.

Фрося сообразила, что приёмщица раскусила её, и не стала произносить больше ни слова в своё оправдание. Проведя платочком по векам ещё раз, она взяла анкету, два свидетельства, и отошла от стола, задыхаясь от злости.

– Хитрая стерва! – с гневом выплеснула Фрося, когда они с Василисой отошли к окну. – Сразу поняла, кто перед ней стоит, только виду не подала, лисица драная!

– Не надо возмущаться, Фрося, – проговорила Василиса, поморщившись. – Откровенно говоря, мне было неловко и стыдно за тебя.

Фрося резко подняла голову, миг вспыхнула, как спичка:

– Стыдно, говоришь?! А им, этим чинушам, не стыдно клеймить меня дочерью врага народа? Не стыдно лишать меня всех гражданских прав без наличия вины? По-твоему, это всё в порядке вещей, да?

– А приёмщица-то здесь причём? Она добросовестно исполняет свои обязанности, тщательно проверяет соблюдение

правил приёма в учебное учреждение.

– Все они не причём: милиция, прокуратура, паспортисты, приёмщики, и директор техникума тоже будет не причём. Одни мы с тобой только виноватые, – Фрося кисло усмехнулась. – Как сорняки в огороде. Какой бы красотой не обладали, всё равно на удобренную грядку не попасть. Место им в меже или на тропинке, где в любой момент их могут выдернуть или затоптать ногами.

Василиса заметила, как дрогнули губы сестры, как повлажнели её глаза. Она впервые увидела Фросю такой – обиженной и униженной до той степени, при которой человек готов на любой поступок ради восстановления справедливости. Но сестра в данный момент была беспомощна для свершения таких поступков.

– Стой здесь, никуда не уходи, – распорядилась Василиса – Я, всё-таки, схожу к директору техникума.

Ей стало ясно, что сестра не пойдёт с ней к директору, а если и пойдёт после уговоров – может только испортить разговор в таком состоянии. Василиса двинулась по коридору, отыскивая взглядом нужную табличку на дверях.

Директор оказался на месте, Василиса получила разрешение секретарши пройти к нему в кабинет. Открыв дверь, она с большим волнением переступила порог.

За массивным столом с круглыми резными ножками сидел мужчина лет пятидесяти с худым продолговатым лицом землистого цвета. Он был одет в полувоенный френч, на пе-

реносице чудом держалось старомодное пенсне. Оно был без цепочки. Завидев Василису, он снял его отложил в сторону, потёр двумя пальцами то место, где виднелись следы от пружинки.

– Прошу вас, присаживайтесь, – проговорил он любезно и доброжелательно улыбнулся. – Рассказывайте, что вас привело ко мне? Чем могу быть полезным вам?

Собравшись с духом, Василиса начала объяснять:

– Мы с сестрой приехали из Чусового, хотели подать документы для сдачи приёмных экзаменов. Но в приёмной комиссии нам было отказано, потому что у нас нет паспортов.

Голос Василисы дрогнул, она замолчала, но глаз от лица директора не отвела.

– Вы, как я полагаю, из семьи переселенцев? – голос директора техникума продолжал оставаться доброжелательным. Во взгляде не было ни презрения, ни скрытой надменности, которые просматривались в поведении женщины из приёмной комиссии. Удивительным было и то, что директор не употребил в разговоре слова «раскулаченные» или «враги народа». Этот факт вызывал доверие.

– Да, мы переехали из Украины в 1931 году. Восемь лет уже живём на Урале, – ответила Василиса, успокаиваясь.

– А папа арестован в тридцать седьмом году и осужден по политической статье, – тихим голосом, будто про себя, медленно проговорил директор, не требуя ответа. – Начало положила коллективизация, остальное довершил чей-то донос.

Наступила небольшая пауза, Василиса почувствовала, как внутри у неё вновь поднимается волнение.

– Где же твоя сестра? Почему она не зашла вместе с тобой? – очнувшись от каких-то своих дум, неожиданно спросил директор.

– Она...она постеснялась, – ответила Василиса, с трудом найдя объяснение.

– Стеснительность – это хорошее качество. Но в вашем положении надо быть чуточку смелее. Иначе не добиться поставленной цели, поскольку отношение к вам в обществе не изменится ещё очень долго.

– Вы поможете нам? – спросила Василиса, удивившись своей смелости. – Мы с сестрой очень хотим учиться в вашем техникуме.

– И какую же специальность вы избрали для себя, позвольте полюбопытствовать? – совсем по-отечески спросил директор.

– Мы хотели бы выучиться на бухгалтера.

– Очень хорошую специальность выбрали, – похвалил директор и провёл рукой по голове, приглаживая редующие седые волосы. Василиса смотрела на него и с тревогой ждала ответа на свой вопрос.

– Вот что, голубушка. Принять ваши документы без наличия паспорта я, к великому сожалению, не могу. Не позволяет закон. Вы уж не обессудьте старика, – с лица директора сошла улыбка, оно сделалось строгим. – Однако совет

вам я дам.

Он встал из-за стола, прошёлся по кабинету, остановился напротив Василисы.

– Поступить вы сможете в другой техникум, неподалёку от вас – в Лысьве. Правда, профиль там не финансовый, а машиностроительный. Но это пока неважно. Главное – поступить, зацепиться, так сказать. А, через годик можно будет перевестись уже к нам, на финансовое отделение. Как вам моё предложение?

Василиса подняла голову, робко заглянула в глаза директору, тихо произнесла:

– Я могу только поблагодарить вас за совет. У нас с сестрой действительно не остаётся выбора.

– Тогда, голубушка, на этом и остановимся, – директор положил свою руку на плечо Василисы. – Хорошо, что вы правильно меня поняли. Поезжайте домой, и сделайте так, как я вам сказал. Только у меня одно условие.

– Какое?

– Вы должны окончить первый курс с отличием. Иначе я не смогу вам помочь, – директор слегка кивнул головой, будто сказал: «Честь имею!» и вернулся за стол.

Василиса ещё раз поблагодарила директора и покинула кабинет.

– Ну и что он сказал? – спросила Фрося, шагнув навстречу сестре, когда та появилась в зале приёмной комиссии.

– Будем поступать в машиностроительный техникум, в

Лысьве. Через год переведёмся сюда. Директор обещал помочь.

Вечерним паровозом сёстры уехали домой. А уже на следующий день отправились в Лысьву.

Глава 17

Относительное затишье на монгольской границе продолжалось ровно месяц. Японцы иногда совершали небольшие провокации, больше напоминающие набеги кочевников, но каждый раз, наткнувшись на ожесточённый огонь красноармейцев, отступали обратно, оставляя на земле после стычки около десятка трупов.

Подразделение в/ч № 632 под командованием подполковника Слотина всё это время находилось в резерве, занимая западный берег реки Халхин-Гол. Красноармейцы в отражении провокационных натисков японцев не участвовали, занимались боевой подготовкой. Иногда они были свидетелями яростных воздушных боёв между советскими и японскими пилотами, возникающими в небе неподалёку от армейского городка. Однако весь личный состав знал: японцы готовят мощное наступление.

Прорыв приграничных позиций советско-монгольских сил произошёл в ночь на 3 июля 1939 года. Ударная группа японского генерал-майора Кобаяси стремительным рывком сумела смять передовой отряд советских войск и форсировала Халхин-Гол. В течение этого же дня ей удалось захватить гору Баин-Цаган. Советские войска оказались в тяжёлом положении.

Жуков Г.К., возглавлявший в это время особый советский

корпус в Монголии, понимал, что, если без промедления не сбросить японцев с горы, они успеют на ней закрепиться, и тогда эта гора превратится в мощный укреплённый пункт. Такого поворота событий допустить было нельзя. Он принимает решение немедленно атаковать самураев танковой бригадой без поддержки пехоты.

Завязался жестокий бой между советскими танкистами и японскими солдатами. Танки, один за другим, загорались, как свечи, и чадили, окутываясь клубами чёрного дыма. Танкисты горели в них заживо. Танковая бригада Яковлева несла огромные потери.

– Что же он натворил? – бормотал себе под нос подполковник Слотин, размышляя об отданном приказе командующего корпусом. Штурм горы танковой бригадой без поддержки пехоты казался ему самоубийством. Наблюдая в бинокль за ходом танковой атаки, Слотин ругался в полголоса:

– Как можно было отправлять танкистов на верную смерть?! Это же сознательное пренебрежение к солдатским жизням, чёрт возьми!

Командир полка поймал себя на том, что непозволительно критично рассуждает вслух, и с опаской посмотрел по сторонам. К счастью, комбаты с замполитом в это время что-то обсуждали, склонившись над картой, и находились на приличном расстоянии. Услышать его бормотание они не могли.

«Надо держать язык за зубами, – подумал Слотин, мысленно одёргивая себя. – Среди офицеров есть новые люди,

к ним я ещё не успел присмотреться. Если сообщат куда не следует – не снести мне головы».

За месяц пребывания Жукова в Монголии комполка успел узнать, как жесток и мстителен новый командующий.

В поддержку бригаде Яковлева Жуков бросил в бой ещё одну танковую бригаду. Штурм горы Баин-Цаган длился до конца дня четвёртого июля. Танки рвались к горе, стреляли, горели, отступали, потом снова с какой-то непостижимой настырностью шли вперёд. Ценой больших потерь танкистам, наконец, удалось раздавить японскую дивизию, сбросив с горы.

На рассвете пятого июля изрядно потрёпанная японская группировка стала отходить к Халхин-Голу.

Скатившаяся с горы японская пехота, отступая, пошла на позиции полка Слотина. Здесь была единственная переправа через реку, на которую рассчитывали японцы. Чтобы не дать возможности неприятелю перебраться на восточный берег Халхин-Гола, Слотин взорвал переправу, замкнув остатки дивизии в кольцо. Началась жестокая схватка. Самураям, во что бы то ни стало, нужно было прорвать окружение, переправиться на противоположный берег и воссоединиться с основными силами. Полк Слотина встал у них на пути.

Александр Кацапов и Григорий Надеждин находились на передней линии обороны. Накануне, когда началась танковая атака на гору Баин-Цаган, их взвод получил задачу выдвинуться вперёд, окопаться и обустроить по две пулемет-

ные точки с каждого фланга.

Друзья получили по пулемёту ДП-27 через несколько дней после первого боя и числились во взводе пулемётчиками. Во время затишья они провели несколько учебных стрельб, вспомнили обретенные навыки на срочной службе и сейчас были во всеоружии.

При постановке задачи командиром взвода Кацапов уяснил для себя, что идти в атаку не предвидится, бой предстоит оборонительного характера, и без помощников – «вторых номеров», которые отвечали за своевременную подноску коробок с дисками. Им с Гришей придётся сдерживать лавину озлобленных самураев с правого фланга, наиболее уязвимо, поэтому он рыл свой окоп с хозяйской основательностью. Грунт был песчаный, податливый, рытьё укрытия вначале продвигалось быстро, затем песок стал осыпаться, работа пошла медленнее. Пришлось крепить края камнями и другими подручными предметами.

Наконец, окоп был готов. Александр стоял в нём в полный рост. Примерив установку пулемёта на бруствере, он остался доволен своей работой. Слева от него окапывались красноармейцы из его взвода, справа заканчивал рытьё окопа Гриша Надеждин.

...Самураи пошли несколькими плотными и удивительно ровными шеренгами, двигаясь в полный рост. Александру на некоторое время показалось, что они даже не догадываются о наличии впереди себя красноармейцев в окопах – уж

слишком непринуждённо они шагали, будто на строевых занятиях. Но это была всего лишь иллюзия, искажённая расстоянием.

– Подпустим противника ближе! – послышался голос командира взвода. – Без моей команды не стрелять!

Команда Хорошенина тут же была продублирована по всей цепи окопов. Красноармейцы приготовились встретить противника огнём.

«Жарко будет, – подумал Александр. – Вон, сколько их прётся на нас! Что, если прорвутся?»

Он начал считать шеренги и сбился со счёта. Начал вновь, и снова сбился. Задние шеренги сливались между собой и не поддавались счёту.

«Нефиг их считать! Косить надо узкоглазых, всех до единого», – взгляд Александра опустился на дно окопа. Там в углу, в небольшой нише, лежали две коробки с тремя дисками патронов в каждой и четыре гранаты.

«Хватит ли патронов? Уж больно много самураев. Что если все двинутся на меня? А почему на меня? Я что, один разве? Рядом Гриша, у него тоже две коробки. Итого пятьсот шестьдесят четыре патрона на двоих, помимо двух снаряжённых дисков в самом пулемёте. На левом фланге Вася Бортников и Яша Гнездилов. А ещё левее – второй взвод, за ним третий. У них тоже есть пулемёты».

Александр ощутил внутри себя знакомое возбуждённое состояние, которое он испытывал перед первым боем. Это

не было страхом, его организм настраивался к восприятию предстоящего противоборства.

В окопах стояла полнейшая тишина, словно красноармейцы опасались пропустить команду командира. Бесконечно и тягостно тянулось время. Наконец, послышался надрывный крик Хорошенина:

– По японским захватчикам – огонь!!!

Захлопали первые винтовочные выстрелы, спустя несколько секунд над степью стоял уже невообразимый треск. Стреляли с обеих сторон. Первая шеренга японских солдат дрогнула, изогнулась змейкой, но продолжала шагать в направлении окопов.

Кацапов прицелился и выпустил короткую очередь, пове-
дя стволом вдоль шеренги. Несколько самураев упали и не шевелились. Стрелял и Гриша Надеждин, его очередь была тоже скупой – два-три патрона.

«Пристреливается, не палит в белый свет», – с одобрением подумал Александр, оценив на слух стрельбу друга.

Несколько мгновений он стоял, прижавшись грудью к стене окопа, высматривая через прицел наибольшее скопление самураев. Первая шеренга заметно поредела, и расстреливать одиночные фигуры из пулемёта было неэффективно. Разделаться с ними могут и красноармейцы из винтовок.

Уцелевшие японцы из первой шеренги залегли, и начали частую стрельбу, прикрывая подход идущих за ними солдат. Последующие шеренги перешли на бег и, достигнув тех, кто

их прикрывал, распластались на земле рядом.

«Ах, вот что вы задумали, – догадался Александр. – Хотите собратиться в кулак и рвануть на наши позиции всем скопом? Авось, да и проскочит часть вашей своры? Хрен вам, узкоглазые, не выйдет! Патронов у меня на вас хватит! И гранаты имеются на всякий случай!»

Он поправил каску, пощупал натяжение ремешка, приготовился встретить массиванный бросок самураев. Пулемёт Гриши Надеждина тоже пока молчал. Реже стала и стрельба красноармейцев.

Японцы поднялись с завидной одновременностью и настолько стремительно, словно лежали на скрытых пружинах. Подброшенные ею, они бросились вперед с криками «Банзай!»

«Вот теперь настало моё время», – мелькнула мысль сама по себе, и палец Кацапова потянул спусковой крючок. Первая очередь снова была короткой, затем последовала более продолжительная.

Самураи в полном бесстрашии продолжали бежать. Их рты были широко открыты, лица перекошены, видимо они продолжали кричать, но их крик заглушался яростным огнём красноармейцев. Александр выпускал одну очередь за другой, а самураев, как ему казалось, не убывало. Они были уже совсем близко. Казалось, пройдёт немного времени, и озверевшие япошки забросают его пулеметное гнездо гранатами, а сами побегут дальше, к Халкин-Голу.

«Нельзя подпускать их на близкое расстояние, нельзя допустить, чтобы граната долетела до окопа, иначе тебе, Сано, крышка», – мелькали мысли, одна за другой, словно они были вовсе и не его мыслями, словно это были какие-то инструкции извне, которых следует неукоснительно придерживаться.

Пулемёт Кацапова строчил и строчил, не переставая. Точно также в безостановочном ритме работал рядом пулемёт Надеждина. Краем глаза Александр видел, как содрогалась от очередей спина Гриши.

Самураи, наконец, сообразили, что основную опасность для них представляют два пулемёта на правом фланге, и, сгруппировавшись, перенесли плотный огонь на Кацапова и Надеждина. Пули засвистели совсем рядом, вздымая фонтанчики пыли на отсыпанном бруствере. Несколько штук просвистели над ухом. Александр невольно вжал голову в плечи, присел на мгновение. Затем вновь выпрямился, продолжил стрельбу.

– Гранаты, к бою! – донёсся хриплый, с надрывом, голос Хорошенина. Александр скосил взгляд влево, увидел, что большая группа японцев почти добежала до окопов центральной части позиций взвода, на бруствере разорвались первые гранаты. Вот-вот могла начаться рукопашная схватка.

Кацапов выпустил несколько очередей перед собой, затем развернул пулемёт и стал поливать свинцом вдоль линии

окопов, чтобы уничтожить подбежавших на близкое расстояние самураев. Туда же полетели из окопов гранаты красноармейцев. Пулемёт Надеждина теперь работал за двоих, умолкая лишь на несколько секунд между очередями.

Прорыв японцев захлебнулся. Они залегли, потом короткими перебежками стали отходить к невысокому холму. За ним, в километре от позиций первого батальона занимал оборону второй батальон. Он отражал атаку японцев в северо-западном направлении. Оттуда доносилась стрельба и разрывы снарядов. Там работала артиллерия.

Сколько времени длился бой, Кацапов затруднялся сказать. Он знал лишь то, что одна коробка была уже пуста, а во второй остались два диска. Гранатами воспользоваться не пришлось.

Минут через пять подполз вестовой от командира взвода.

– Позиций не покидать, – передал он приказ Хорошенина. – Скоро ожидается вторая попытка прорыва противника к реке. Сейчас самураев молотят наши пушки, потом второй батальон погонит их на нас. Будет опять жарко.

– Трупы самураев я вижу, а сколько наших полегло? – поинтересовался Александр.

– Не знаю, пока не считали. Япошки успели забросить в окопы несколько гранат. Есть убитые и раненые, санитары ими занимаются.

Вестовой уполз, Кацапов высунулся из окопа.

– Как дела, Гриша! – окликнул он друга.

– Нормально, а у тебя как?

– В коробке два диска осталось.

– У меня три полных.

Лицо Надеждина было красным и потным, лоб и щёки перемазаны землёй и копотью.

– Красивый ты, Гриша, – громко рассмеялся Александр. – Если бы твоя хохлушка оказалась сейчас рядом, она бы, ей богу, была в восторге от твоей красоты.

Надеждин догадался, почему подтрунивает друг, и совсем машинально потёр ладонью щёку.

– Ха-ха! Ещё краше стал. Посмотри на свои руки, чудак!

– Видел бы себя, шутник! Рожа, как у шахтёра!

Они оба расхохотались, показывая друг на друга пальцем. Им было весело от того, что благополучно закончился бой, что они остались живыми, могут снова видеть друг друга, говорить и смеяться. В этот момент им вовсе не хотелось думать о предстоящем бое, о возможном ранении или даже гибели. Сейчас друзья радовались подаренному им мигу жизни и от души наслаждались им.

– Хочешь сухарь? – спросил запасливый Гриша и полез в карман.

– Давай, не откажусь.

– Держи, – Надеждин поднял руку для броска.

– Постой, не бросай, ползи лучше ко мне, – остановил друга Александр. – Погрызём вместе, поболтаем. Самураев пока не видно.

Григорий оглянулся по сторонам, потом выбрался из окопа, и, пригнувшись, переметнулся в просторное укрытие Кацапова.

– Неплохо ты здесь устроился, – отметил Григорий. – Залёг, как медведь в берлоге.

– Окоп для солдата – это, Гриша, походный дом, – поучительно сказал Александр. – В нём должно быть предусмотрено всё, до последних мелочей. И стол, и кровать, и туалет. Солдат не может знать, сколько времени ему предстоит в нём провести.

Григорий испытующе смотрел на друга, ждал подвоха. Но на лице Александра не было и намёка на насмешку. Хрустнув сухарём, он спросил:

– Ты, Санко, дурку гонишь, или как?

– Какую дурку, Гриша? Представь себе: идёт затяжной бой – головы не поднять, а тебя вдруг приспичило по большому. В твоём узком колодце не присесть, не согнуться. Куда денешься? Выскочишь из окопа и выставишь задницу под пулю неприятеля или навалишь в штаны для позора? – в глазах Александра запрыгали чёртики.

– Выдумщик, – усомнился Григорий. – Когда такое может случиться? Да и таких колодцев, о которых ты рассказываешь, никто из солдат не роет. Глупости ты говоришь, Сано.

– Ты в своём окопчике предусмотрел, где нужду справлять?

– А как же! Подкоп сделал, прямок вырыл. Не один ты

такой умный.

Парни помолчали, дожевали сухари.

– Когда войне конец, как думаешь? – неожиданно спросил Григорий.

– Скоро, Гриша, очень скоро. Осталось придавить ногтем японскую вошь ещё пару раз, как сегодня, и не будет эта гнида больше кусаться. Тут до Маньчжурии рукой подать – за день добегут до границы.

– Хорошо бы, – с какой-то непонятной грустью проговорил Надеждин. – Только вот настырные эти самураи, смерти не боятся, дерутся отчаянно. За рекой у них собраны большие силы, сопротивляться будут долго.

– Фигня всё это, Гриня, – весело сказал Александр, легонько ударив друга кулаком в грудь. – Сколько бы кобылка не прыгала, а быть ей в хомуте. Попомни мои слова: через месячишко мы с тобой будем сидеть в одном из лучших ресторанов Улан-Удэ и пить водку за победу!

– Главное, проскочить бы, да пера не обронить, – с не проходящей грустью промолвил Надеждин. – Сколько людей полегло здесь только за несколько часов! А сколько ещё бойцов останется лежать в этой степи?

– Что-то ты, дружище, совсем скис, – с недовольством заметил Александр. – Уж не помирать ли собрался?

– Не-е, Сано, на кладбище всегда успеется. Мне ещё нужно хохлушку отыскать, детей ей настрогать, затем состариться, и только после этого думать о смерти, – немного повесе-

лев, усмехнулся Григорий.

Друзья балагурили до тех пор, пока не послышалась усилившаяся канонада.

– Кажись, погнали японское стадо на нас, – проговорил Надеждин, прислушиваясь к разрывам снарядов за холмом. – Надо готовиться к встрече. А то ещё застучает комзвода за вольность – обоим прилетит на орехи.

Григорий перебрался в свой окоп. Через полчаса из-за холма показались первые разрозненные группы самураев. Они двигались прямо на позиции роты Климова...

Глава 18

Григорий Надеждин не погиб ни в этом бою, ни в последующих атаках позднее. Смерть миновала его и 20 августа, когда их полк на рассвете подвергся массивной бомбардировке с воздуха. И даже через три дня, в последней решающей схватке, он уцелел.

Это был самый жестокий бой из всех предыдущих, в которых ему с Александром Кацаповым довелось участвовать. В этот день, как потом выразился сам Григорий, состоялось схождение в ад.

Переправившись через Халхин-Гол, полк Слотина включился в запланированную операцию по окружению японской дивизии на восточном берегу реки.

Работала авиация противника, бомбы ложились очень кучно, взметая на воздух выхваченную разрывом землю вместе с телами красноармейцев. После налёта авиации заработала советская артиллерия.

Больше часа стоял грохот и свист. Земля дрожала непрерывно, будто её лихорадило, как живой организм. А потом, под мелодию «Интернационала», вырывающуюся из громкоговорителей, установленных на бронемашинах, поднялась озверевшая пехота и ринулась за танками сметать ненавистных самураев. Яростный крик «Ура!», взметнувшийся над степью в начале атаки, не смолкал до окончания боя. Кольцо

окружения сомкнулось.

Бои по уничтожению окружённой группировки японцев продолжались до конца августа. Потери были большими, исчислялись несколькими тысячами погибших солдат с обеих сторон. После каждого боя степь пестрела трупами.

Командир полка распорядился сформировать похоронную команду. В её составе пришлось поработать и Кацапову с Надеждиным. Раненых вытаскивали санитары с поля боя в дневное время под огнём, убитых хоронили по ночам. Это был настоящий конвейер погребения.

Могилы выкапывали огромные по размерам и очень глубокие. Землю выгребали наверх в несколько приёмов, перебрасывая её с одного бокового настила на другой. Захоронение советских солдат велось отдельно. Погибших красноармейцев укладывали аккуратно, ровными рядами, на холмике устанавливали памятный столбик со звёздочкой. Самураев сбрасывали на четырехметровую глубину, как кули с мусором, землю над могилой разравнивали с нескрываемой злостью, не оставляя следов погребения.

Нелепая гибель постигла группу красноармейцев 10 сентября 1939 года.

Накануне японский посол в Москве обратился к наркому иностранных дел В. М. Молотову с предложением о заключении перемирия. Радостное известие пришло в полк с запозданием на день.

Узнав, что войне конец, половина взвода Хорошенина, те,

кто умел плавать, решили искупаться. В этом числе были и Кацапов с Надеждиным. Побросав на берегу одежду, оставшись, в чём мать родила, красноармейцы плюхнулись в воду и стали дурачиться. Потом Пашка-Рыжик посмеялся над сибиряком Кречетовым, который, по его мнению, плавал, как топор. Завязался спор. Рассерженный Кречетов начал утверждать, что несколько раз переплывал Ангару. Рыжик предложил переплыть Халхин-Гол наперегонки, уверяя, что у Кречетова кишка тонка состязаться с ним. Руки спорщиков пришлось разбить Кацапову, он случайно оказался рядом в этот момент. Парни стартовали, остальные увязались за ними.

Первым достиг противоположного берега Кречетов. Он плыл действительно как-то неуклюже, переворачиваясь при каждом взмахе с боку на бок, но его гребки, в отличие от красивых взмахов Пашки, были резкими и мощными.

Красноармейцы переплыли реку и растянулись на песке. Млея под жаркими лучами солнца, они изредка бросали машинальные взгляды на уцелевший чудом японский дзот. Вокруг него земля была сплошь изрыта многочисленными воронками от снарядов и авиационных бомб. Зарытое в землю бетонное сооружение располагалось совсем неподалёку от берега. Из засыпанной грунтом конструкции выглядывала лишь узкая прорезь амбразуры.

– Мужики, там что-то мелькнуло, – удивлённо высказался конопатый Паша. – Ей богу, в дзоте кто-то есть!

– Не болтай ерунды, Рыжик. Там никого не может быть, потому что последний самурай унёс отсюда ноги ещё неделю назад, – заверил Кречетов. – Тебе, как всегда, что-то мерещится.

Красноармейцы приподняли головы, потом уселись, некоторые встали, все начали всматриваться в амбразуру.

– Ни черта не видно отсюда, отсвечивает, – чертыхнулся Жириков и направился к дзоту. За ним потянулось ещё пять любопытствующих человек. Кречетов плюнул презрительно вслед и не сдвинулся с места.

Когда красноармейцы были уже на подступе к дзоту, из амбразуры неожиданно брызнула пулемётная очередь. Все шестеро замертво повалились на землю.

Оставшиеся на берегу красноармейцы от внезапности не сразу сообразили, что же произошло у дзота. Они с недоумением вскочили с земли, вместо того, чтобы сразу залечь, и в состоянии шока смотрели туда, где только что шагали их товарищи. Этих секунд было достаточно пулемётчику, чтобы перенести огонь на них.

– Ложись! – крикнул Кацапов, и первый распластался на песке.

За ним попадали на песок все остальные. Несколько человек, казалось, не услышали его отчаянного крика. Они, взмахнув руками, вдруг странно изогнулись и стояли в этой нелепой позе несколько секунд, пытаясь повернуться на крик. Потом их ноги подломились, они упали, уткнувшись

лицом в песок и больше не двигались.

– Гриня, ты живой?! – окликнул друга Александр, когда смолкли выстрелы.

– Пока живой, – помедлив, ответил Надеждин. – Только надолго ли, черт возьми? Вокруг ни камня, ни деревца, даже голову некуда уткнуть. Да и голые ж... пускают солнечных зайчиков, не хуже зеркал.

– Главное, мужики, не шевелиться, надо прикинуться убитыми, – посоветовал Кацапов, лёжа вниз лицом и не подавая признаков жизни. – Пусть самурай думает, что прикончил всех, до единого.

– Он и так уже всех расстрелял, – слышался в стороне голос Тимохи Узкова, земляка Кацапова.

– Неужели только мы втроём задержались на этом свете? – не поверил Надеждин, и громко спросил:

– Эй, есть ещё кто живой?

– Я живой, – отозвался Ришат Гамзуллин.

– А чего молчал?

– Вас слушал.

Больше никто не отозвался. Красноармейцы лежали, боясь пошевелиться. Каждый из них лихорадочно соображал, что можно предпринять в сложившейся ситуации. Все они были безоружны и беспомощны, и хорошо понимали: стоит только чуть шевельнуться, как японский пулемётчик тут же добьёт оживший «труп». Но и лежать десять часов под палящим солнцем в ожидании ночи было бы предосудительным

решением. Солнце за это время не пощадит никого из них. Кожа уже через пару часов вздуется пузырями, а голову хватит тепловой удар.

– Что будем делать, мужики? – подал голос Узков. – У кого какие соображения?

– Ждать надо, Тимоха, ждать, – с уверенностью сказал Надеждин. – Думаю, взводный нас уже потерял. А может, и стрельбу кто-нибудь слышал. Может, сейчас Хорошенин уже пялится на нас в бинокль, изучает обстановку.

– Ну, допустим, увидел он нас дохлыми, и что? – спросил Узков. – Не направит же сразу брать дзот голыми руками? Это осиное гнездо можно только с воздуха разворотить, здесь даже пушка бессильна.

– Правильно мыслишь, Тимоха, – вступил в разговор Кацапов. – Никто самолёт в ближайшее время сюда не направит. Сами вляпались – самим и выбираться надо.

– А как? – в отчаянии спросил Григорий.

– Подождать надо ещё чуток, пусть притупится внимание самурая. Он, может, даже пожрать сейчас надумает, отвлечётся, – время-то обеденное. А мы вскочим все разом и – броском к воде.

Несколько минут царило полное молчание, все переваривали предложение Кацапова. Неожиданно послышался глухой стон, стало понятно, что среди убитых лежит раненый красноармеец.

– Вот тебе бабушка и юрьев день! – вслух удивился На-

деждин. – Этого ещё нам не хватало.

– Лежать! – скомандовал Кацапов. – Мы ему ничем не можем.

– Как? Бросить раненого товарища? – возмутился Григорий. – Ты что говоришь, Сано?

– Лежать говорю! – рыкнул Александр. – Не двигайся!

Прошла ещё минута, раненый вновь застонал.

– Надо хоть взглянуть, кто это, и куда его ранило, – не соглашался Надеждин и стал медленно, по сантиметру, поворачивать голову в направлении доносившегося стога. Пулемётчик не стрелял. Надеждин подождал немного и приподнял голову.

– Это Кречетов, – оповестил Надеждин. – Ранен в голову и в живот, весь в крови.

Раненый сибиряк очнулся и начал подниматься на колени.

– Кречетов, лежи! – успел крикнуть Григорий. В этот момент из дзота полоснула пулемётная очередь и сделала смертельный росчерк на теле Кречетова. Одна шальная пуля на исходе очереди попала Надеждину в лоб.

Всё это увидел Кацапов собственными глазами, успев до выстрелов повернуть голову вместе с Надеждиным.

– Гриша!!! – вне себя дико закричал Александр.

– Бежим! – крикнул Узков.

Все трое в едином порыве вскочили с земли и помчались к реке. Кацапов рванулся вправо, Узков влево, Гамзулин летел посередине. До кромки воды было метров тридцать, бег изме-

рялся секундами, и, все-таки, очередь японского смертника смогла догнать Гамзуллина. Он не добежал до реки несколько шагов и был убит. Узков и Кацапов успели сигануть в воду.

Александр погрузился под воду как можно глубже и плыл на такой глубине до помутнения в голове. Потом вынырнул на мгновенье, хватанул в лёгкие воздуха до отказа и опять ушёл глубоко под воду, для страховки изменив угол движения.

Они вынырнули с Узковым одновременно на середине реки. Судорожно глотая воздух, вцепились глазами друг в друга, не веря в своё спасение. Или они оказались уже вне зоны прицельного огня, или самурай просто махнул на них рукой, или ещё была какая-то неизвестная причина, но стрельбы из дзота больше не последовало.

На западном берегу их уже ждали. Кацапов увидел сгрудившихся однополчан, на метр впереди от толпы стоял Хорошенин с биноклем.

Доплыв до берега, Узков и Кацапов со страдальческими лицами вышли из воды и остановились в нерешительности, стыдливо прикрывая причинное место руками. Вид их был глупым, жалким и беспомощным.

– Где остальные? – зловещим голосом спросил Хорошенин, переводя взгляд с одного на другого.

– Там... полегли все... – срывающимся голосом, хрипло выдавил из себя Узков.

– Разрешите одеться, товарищ командир? – вяло спросил Кацапов, и, не дожидаясь ответа, поплёлся к разбросанной на берегу одежде, отыскивая свой комплект. Сейчас ему было всё равно, что скажет командир взвода, как он с ними поступит. Александр находился в подавленном состоянии после всего произошедшего. Особенно угнетала его гибель единственного друга. В смерть Гриши Надеждина не хотелось верить. В этот момент он был готов принять любую кару ради того, чтобы свершилось чудо, чтобы эта нелепая смерть друга оказалась всего лишь кошмарным сном, дурным видением.

Дождавшись, когда Кацапов и Узков оденутся, Хорошенин скомандовал:

– Следуйте за мной.

Толпа красноармейцев расступилась, командир взвода, а вслед за ним и Александр с Тимофеем Узковым, прошествовали через образовавшийся коридор. Толпа сомкнулась и в тревожном молчании последовала за ними на небольшом удалении.

Хорошенин остановился у штабной палатки, хмуро произнёс:

– Заходите.

С понурой головой двое спасшихся красноармейцев шагнули внутрь. За столом сидели командир роты Климов и сам командир полка Слотин.

– Вот, привёл, товарищ подполковник, – не выдерживая

уставных требований, виноватым голосом произнёс Хорошенин и замер.

Некоторое время Слотин неотрывно смотрел на Кацапова и Узкова, будто размышлял, какой же первый вопрос задать этим людям. Лицо его выглядело усталым и злым.

– Пловцы, мать вашу! – выругался командир полка вместо ожидаемого вопроса. – Наплавались?! Охладили пыл-жар?

В душе Слотин понимал, что стоящие перед ним красноармейцы ни в чём не виноваты, но не мог смириться с тем, что по нелепой случайности в его полку произошла ужасная трагедия. Её могло бы и не быть, окажись он на берегу в тот момент, когда эти красноармейцы затеяли соревнование по плаванию. Он, просто-напросто, урезонил бы зачинщиков заплыва, посадил их на гаупвахту за самовольный уход из расположения военного городка.

– Кто организатор заплыва? – спросил командир роты Климов, обратившись к Кацапову. – Ты? Отвечай!

– Не было никакого организатора, – насупившись, ответил Александр. – Всё произошло само по себе.

– Мы узнали, что войне конец, пошли на радостях к Халхин-Голу, – дополнил Узков. – Погода жаркая, вот и решили искупаться.

– Ладно, искупались, но какого чёрта вас понесло на противоположный берег? Кто предложил переправиться?

Кацапов и Узков стояли и молчали. Они знали, кто затеял спор, спровоцировав состязание, слышали, как этот человек

утверждал, что обгонит всех и первым вступит на восточный берег монгольской реки. Знали, но признаваться не собирались. Зачинщика спора уже не было в живых, и возлагать всю вину на мёртвого было бы непростительным кощунством.

Александр поднял голову и посмотрел на Хорошенина. Ему вдруг захотелось заглянуть в глаза командиру взвода, ведь тот стоял неподалёку, когда солдаты плескались в реке, и наблюдал за происходящим. Ведь это с его молчаливого согласия красноармейцы пустились вплавь на противоположный берег. Почему же он сейчас набрал воды в рот? Почему не пояснит Слотину, как всё произошло? Испугался, что комполка всю вину возложит на него и тогда придётся отвечать за гибель подчинённых? Неужели струсил бесстрашный командир, который неоднократно водил взвод в атаку и даже рубился с самураями в рукопашном бою? Почему он вдруг испугался? Или смелость бывает разной? Бесстрашно сражаться с неприятелем – это одно, и совсем другое – брать ответственность на себя, снимая вину с простого красноармейца?

Хорошенин не выдержал взгляда, потупился.

«Значит, так оно и есть. Испугался лейтенант военного трибунала, боится испортить свою карьеру, – сделал вывод Кацапов и усмехнулся.

– Чего ухмыляешься? – спросил Климов. – Твои товарищи погибли, а тебе смешно?

– Непонятно мне, в чём нас обвиняют? Мы ведь не мог-

ли знать, что за рекой обосновался смертник? Войне конец, японцы капитулировали.

– Если бы вы не отправились на другую сторону – трагедии бы не произошло! – с заметным раздражением сказал Климов. Судя по всему, ему хотелось быстрее выдавить из красноармейцев признание вины, составить рапорт и постараться забыть о случившемся.

– Самурай мог расстрелять других людей, которые оказались бы в том месте, – не соглашался Кацапов. – И жертв могло быть больше.

– Не надо строить прогнозы, что могло быть, а что не могло, – всё больше раздражаясь, проговорил Климов. – В том районе не планировалось передвижение наших войск. Смертник сдох бы от голода, прежде чем увидел перед собой цель для поражения.

Предчувствие подсказывало Александру, что наказание последует в любом случае. Будет ли он запирается, или признается, что участвовал в разрешении спора в реке – итог подведён уже заранее, командованию требовался конкретный виновник и наглядная порка в оправдание трагедии. Это усматривалось и в поведении собравшихся командиров. Может быть, Хорошенин в своём докладе успел уже назвать фамилии спорщиков. И, конечно же, сказал при этом, что знает об участниках спора с чьих-то слов, а сам он ничего не видел, подчинённые ушли из расположения городка самовольно.

Сложившаяся сейчас ситуация напоминала ему разборку

неурядиц в лагере во главе с «кумом». Кацапову приходилось иногда быть невольным свидетелем таких «судов». Если что-то случалось на трассе или в бараке – во всех грехах обвиняли политических заключённых и отправляли в ШИЗО, не прислушиваясь к их оправданиям. Для сотрудников лагеря политические были бесправными жертвами и не представляли никакой опасности. Другое дело – уголовники. Те могли отомстить при удобном случае. У них была, пусть и скрытая, но реальная власть на зоне. Здесь же власть была в руках отцов-командиров. Они были и будут всегда правыми, им решать, кого привлекать к ответственности.

Пока стояла пауза, Александр подумал, что в обвинении Климова есть, наверно, доля правды. Ведь была же возможность отговорить Кречетова и Рыжика от состязания. Была, чего уж кривить душой. Если бы только знать, что на противоположном берегу их дожидается смертник! Стоило лишь на Павла цыкнуть, макнуть головой в воду на минуту, и тот бы умолк. И не состоялось бы никакого заплыва, и все ребята остались бы живыми. И Гриша в их числе. А, раз так, он, Кацапов, должен понести наказание за смерть друга.

Александр обвёл взглядом собравшихся и неожиданно для всех заявил:

– Это я предложил сделать заплыв наперегонки и готов понести наказание за это.

Он видел, как вскинул от удивления брови лейтенант Хорошенин, не веря собственным ушам, видел, как приоткрыл-

ся рот у комроты Климова, как уставился на него в непонимании земляк Узков. Александр смотрел на всё это и неожиданно почувствовал в себе некоторое облегчение. Даже усмехнулся от зрелища.

Теперь ему стало безразлично, что ждёт его за такое признание. Он корил себя за гибель Гриши Надеждина, и посчитал, что должен понести за это наказание.

На лицах Климова и Хорошенина проступило облегчение, в ожидании решающего слова они уставились на Слотина. Командир полка, наоборот, нахмурился ещё сильнее, затем негромко выдал:

– На гауптвахту его.

И тут Узкова словно прорвало. Он торопливо заговорил:

– Тогда и меня сажайте вместе с ним. Это я убеждал красноармейцев плыть всем вместе. Сказал, что такой заплыв мы посвятим в честь победы над японскими самураями, и он останется в памяти на всю жизнь.

– Уведите, – сморщился Слотин. – Обоих.

Когда красноармеец с винтовкой вывел Кацапова и Узкова из палатки, он добавил с несвойственной ему злостью:

– Клоуны, чёрт возьми!

Кацапова и Узкова посадили на гауптвахту на десять суток. Слотин доложил в штаб корпуса о происшествии, изложив его в своём донесении, как вооружённое столкновение при разведке местности. Вечером того же дня дзот, из которого были расстреляны безоружные красноармейцы уничто-

жила авиация бомбовыми ударами. Самурай-смертник, прикованный цепью к стене, сделал себе харакири.

16 сентября 1939 года все боевые действия в районе Халхин-Гола прекратились.

Глава 19

Александр Кацапов вернулся в родные края лишь спустя полгода после окончания военных действий в Монголии. Отшагав по степи в обратном направлении не одну сотню километров, поредевший полк под командованием Слотина вернулся на советскую территорию в расположение в/ч № 632. Резервисты стали готовиться к отправке домой.

Радость Александра была преждевременной. За три дня до демобилизации его внезапно охватил сильный озноб, резко поднялась температура. Сначала он подумал, что умудрился где-то застудиться, поэтому особо не беспокоился, в санчасть не обратился. Александр был уверен, что очень скоро болезнь пройдет. Такое с ним бывало в жизни не раз, выздоровление наступало уже через день-два.

Приступ длился около двух часов, потом быстро упала температура, выступил обильный пот, гимнастёрка сделалась мокрой.

На следующий день его затрясло ещё сильнее, чем накануне. Тело содрогалось уже на протяжении четырех часов, температура поднялась выше сорока. Узков, глядя на страдания Александра, не выдержал, силком отвёл его в санчасть.

Диагноз был ошеломляющим – малярия. Что явилось источником страшной инфекции, где произошло заражение – так и осталось загадкой. Зато предполагаемого виновника

Кацапов запомнил на всю оставшуюся жизнь. Врач назвал его комаром – анофелес. По всей вероятности, укус этого паразита произошёл где-то в Монголии.

Узков демобилизовался через день и уехал в Чусовой без земляка. Кацапов покинул госпиталь только перед ноябрьскими праздниками.

В родных местах он не появлялся с того самого времени, когда по приглашению Гриши Надеждина отправился в Улан-Удэ. С родственниками переписывался очень редко, не позволяли обстоятельства походной жизни. Мать была неграмотной, письма писал младший брат Егор. Последнее письмо от него пришло как раз перед отправкой в Монголию. В суматохе сборов ответить Александр не успел. О том, что брат почти полгода воевал с японцами, Егор, естественно, не знал.

Александр заявился домой так же неожиданно, как и выпал первый снег, который обнаружили мать и брат Егор на крыльце своей избы ранним утром того же дня. Рыхлое белое покрывало укутало деревню за одну ночь.

Мать орудовала ухватом в печи, передвигая чугунок со щами и глиняный горшок с топлёным молоком, когда Александр распахнул массивную входную дверь. В избе стоял знакомый с детства кислый запах деревенской кухни.

Анастасия Кацапова – мать Александра и Егора, не отличалась бурными материнскими ласками и слезами умиления при встречах с детьми. Она была чёрствой и чванной жен-

щиной, больше ворчала на них, чем хвалила и радовалась их успехам. Все её чувства были спрятаны где-то глубоко внутри и постороннему человеку невозможно было понять, что же на самом деле творится у неё в душе.

Вот и сейчас, увидев сына после многолетней разлуки, Анастасия не отложила ухват в сторону, не устремилась к нему с выступившими слезами радости на глазах, не бросилась обнимать. Она медленно повернулась на скрип отворившейся двери, замерла на секунду, увидев Александра, и, не произнеся ни звука, продолжила дальше работу у печи. На её лице не скользнула радостная улыбка, и, на первый взгляд, могло показаться, будто она не обрадовалась приезду сына. На самом деле это было не совсем так. В душе она была рада видеть сына.

– Здравствуй, мать, – глухо произнёс Александр, остановившись посередине просторной кухни. – Вот, вернулся я, теперь останусь с вами.

– Наблюдился, стало быть? – строго спросила она, не отвечая на приветствие. – И где тебя носило, позволь знать?

Слова матери прозвучали так обыденно, будто она ругала сына подростка за то, что тот не ночевал дома.

– На войне я был, мать, в Монголии. Почти полгода. Сообщить не успел – забрили быстро, – оправдываясь, сообщил Александр. – А где Егорша? Почему я его не вижу?

– В мастерской он, столярничает.

В этот момент снаружи кто-то потянул дверь за ручку, она

со скрипом отворилась, в дверном проёме появился Егор.

– Ё-моё, каким мужиком ты стал, Егорша! – искренне воскликнул Александр, шагнув навстречу брату. Егор тоже сделал шаг на сближение, но вдруг остановился, предупредил:

– Постой, братка, в грязной одежде я, обмараю ненароком.

На нём была старенькая телогрейка в разноцветных следах краски, олифы, лака, столярного клея и ещё чего-то, известного лишь мастеру столярных дел.

Егор снял её с себя, положил у порога, раскинул руки для объятий.

– Ну, братец, как ты возмужал! – тиская Егора, проговорил Александр. – Не ожидал я, что увижу тебя таким!

– Каким, Сано?

– Красавцем, Егорша, красавцем! – Александр отстранил брата от себя, посмотрел пристально в лицо, затем снова привлёк к груди. – Чернобровый, голубоглазый, а силищи-то в тебе! Откуда только и взялась, богатырь?

Так, работаю я, Сано, – смутившись от слов Александра, ответил Егор, освобождаясь из его объятий. – Погоняй-ка фуганок с рубанком с утра до вечера, покрути коловоротом, да попили ножовкой? То-то! Тут поневоле станешь богатырём!

– Мать говорит, ценят тебя люди? Завалили заказами?

– Без дела не сижу, это правда, – застеснявшись, признался Егор. – Спрос на комоды пошёл сейчас, видать, мода открылась, вот и едут ко мне из города, заказывают.

– А деревенские что же? Отстают от моды? Не хотят иметь в доме комодов?

– Сано, что это мы стоим посреди кухни? – спохватился вдруг Егор, не ответив на вопрос. – Столько лет не виделись и торчим у порога! Мама, приглашай Сану к столу, он, наверно, проголодался с дороги?

– Есть маленько, – признался Александр. – Я ведь, как сошёл с поезда, так сразу домой направился.

– Тогда давай помоем руки и сядем к столу. Будем обедать.

Александр направился к раковине, намылil руки, передал мыло брату. Тот долго отскребал с ладоней пятна от лака.

– Надолго ли объявился? – спросила мать, подавая чистое полотенце. – Или опять куда учешешь?

– Нет, хватит уже с меня бродяжничества. Сыт я по горло и экспедициями, и добычей золота, да и война на многое глаза мне открыла. Теперь все будем жить под одной крышей. Отдохну денёк-другой, пойду устраиваться на работу, – весело и беззаботно отозвался Александр, присаживаясь к столу.

Мать порезала каравай теплого еще хлеба, разлила по тарелкам щи с мясом, выставила бутылку дрожжевой браги.

– Как я рад, братка, что ты вернулся, – проговорил Егор, наливая мутную жидкость в стаканы. – Страсть, как соскучился по тебе. Сколько воды утекло за время нашей разлуки!

– Да уж, воды много утекло, – согласился Александр. – Если бы удалось собрать воду из тех рек, на которых я побывал, получилось бы такое озеро, которое и за месяц не переплыть.

– Вижу – намыкался ты за эти годы?

– Пришлось хватить лиха, Егорша, не буду скрывать, – с печалью в голосе сказал Александр. – Тысячи красноармейцев положили свои головы в степях Монголии. А мне вот, как видишь, повезло, жив остался. Правда, и на мне отметину оставила эта Монголия.

– Ты был ранен? – встрепнулся Егор.

– Нет, слава богу, пронесло, – Александр на несколько секунд умолк, скользнул взглядом по иконе в углу, затем продолжил:

– Хотя неизвестно, что лучше? Рана-то затянется, и всё. А малярия, которая трясла меня в Забайкалье, может ещё напомнить о себе. Врач так и сказал, когда я выписывался из госпиталя.

– Ой, Сано, настрадался же ты! – пожалел брата Егор. – Давай выпьем за то, чтобы ничего плохого с тобой больше не происходило.

Они медленно процедили сквозь зубы по стакану приторно-сладкой бражки, принялись хлебать наваристые щи, заедая свежее испечённым ржаным хлебом.

– Не случится такого, – проворчала мать, придвигая к столу ещё одну табуретку для себя. – Ты, Егорушка, даже не

надейся. Сано, в отличие от тебя, – полный безбожник. Вот Бог его и карает за всё.

– Что ты такое говоришь, мама? – поморщился Егор.

– Правду я говорю, Егорушка, – сказала мать. – Сатана изладил из него перекаати-поле и правит его поступками. Даст небольшую передышку и снова в соблазн затаскивает. Опять учешет твой брат куда-нибудь. Вот увидишь.

– Ты, мать, как будто и не рада моему приезду? – усмехнулся Александр, помешивая ложкой щи. Он не обижался на неё и был уверен, что мать ворчит вовсе не со зла, а скорее от досады на него.

– А чего мне радоваться-то? – обиделась мать. – Умотал за тридевять земель семь лет назад и носа не кажешь. Письма и те лень черкнуть лишний раз. Уезжал на заработки, и что толку от них нам с Егорушкой? Хоть бы гривенник переслал нам в насмешку.

– Мама, нам же хватает на жизнь, у нас всё есть, – попытался урезонить упрёки матери Егор.

– Не выгораживай брата, забыл он про нас.

– Тут ты мать не права, – возразил Александр. – О вас и родном доме я помню всегда. Только вот с денежной помощью неувязка вышла, украли у меня тот куш, который я заработал. Вот и весь сказ.

Егор понимающе закивал, вновь наполнил стаканы брагой.

– А чего же тебе у Сани не жилось? – спросил Александр

у матери спустя некоторое время. – У неё большая квартира в городе, муж высокий чин в армии имеет. Жила бы да жила, припеваючи, чего обратно в деревню потащилась?

Мать обиженно поджала губы, промолчала. Видимо, ей не хотелось говорить на эту тему, и она удалилась в дальнюю комнату, закрыв за собой дверь.

Братья выпили ещё браги, дохлебали щи, Егор достал из чугунка большую говяжью кость с мясом, руками разломил её в месте сгиба пополам, положил обе части на тарелку.

– Помнишь, как в детстве ты учил меня рычать, когда мы обгладывали мясо на костях? – улыбнулся Егор. – Давай, порычим?

– Откуда у вас мясо? – заинтересовался Александр.

– Заказчик один рассчитался. На мясокомбинате работает.

Александр ухватил обеими руками массивную кость, принялся объедать на ней мясо.

– Слушай, Егорша, а почему мать на самом деле не захотела оставаться у Сани? – шёпотом спросил Александр. – Что ей опять не подошло?

– Будто ты не догадываешься?

– Нет.

– Василий Николаевич – муж нашей Сани – человек партийный, офицер Красной Армии. Он запретил матери посещать церковь. А она, как ты знаешь, не мыслит себя без Бога. Вот и сбежала обратно в деревню.

– Хм-м, веская причина, – криво усмехнулся Александр. – А коли вернулась – пошла бы в колхоз, потрудилась, не старуха ведь ещё, – заметил Александр. – Не предлагал ей?

– Намекнул однажды, как бы невзначай.

– И что?

– Страшно обиделась, – Егор потёр лоб, очевидно, вспомнив реакцию матери на свои слова. – Сказала, будто муж покойный, то есть наш с тобой тятка, во сне к ней являлся, запретил вступать в колхоз.

– Вот ведь изворотливая какая. В огороде-то хоть помогает?

– Да как тебе сказать? – Егор немного задумался над ответом. – С грядками возится мало-мальски, картошку по весне мне помогает сажать – клубни в лунки сбрасывает. Землю копаю, пашу, урожай выкапываю – сам. Тут она только советы даёт. Лопату в руки не берёт, не научилась ею пользоваться.

– Не ссоритесь?

– Некогда нам ссориться. Я с утра до вечера мебель мастерю, она еду готовит, два раза в неделю церковь посещает. Уходит, как правило, на весь день. По пятнадцать вёрст за раз наматывает, устаёт, бедняга.

– Да-а, Егорша, не перестаю удивляться твоей выдержке и терпению, – позавидовал Александр брату. – Видно, кроткая у тебя душа. Жить так, как живёшь ты, я бы не смог.

– Наверно, потому и странствуешь по свету, чтобы не по-

терять окончательно любовь к матери?

– Возможно, – в задумчивости ответил Александр. – Хотя, признаться, я и сам точно не знаю, люблю ли я её вообще? Ни одного ласкового слова от неё не слышал.

– Пошли-ка мы с тобой лучше в мастерскую, Сано, – предложил Егор, уводя разговор в сторону, и потянул брата за рукав из-за стола. – Покажу свою работу, там мы и продолжим наш разговор.

Увидев удивлённый взгляд Александра, пояснил:

– Молельный час у матери, мы ей мешаем молиться.

– Фу, ты чёрт, совсем запамятовал, что она у нас ровно в полдень становится на колени грехи замаливать, – язвительным тоном проговорил Александр.

– Мама, мы с Саной в мастерскую ушли, – приоткрыв дверь в комнату, громко произнёс Егор, чтобы мать его услышала.

– А сам-то ты веруешь в Бога? – спросил Александр уже за дверью, спускаясь по ступенькам с крыльца.

– Ущербный человек, Сано, находясь в постоянном одиночестве, не может оставаться в стороне от Бога, – с печалью отозвался Егор. – Затворничество угнетает, душа сама просит общения с ним. С кем же ещё я могу поделиться сокровенными мыслями, попросить прощения или помощи? Только с Богом, и только у него. Если он существует, значит, слышит меня. И от такой веры мне становится легче.

В голосе брата было столько скрытой грусти и боли, кото-

рые накопились в нём, и которые он постоянно носит в себе, что Александр почувствовал неловкость от своего вопроса. Стараясь как-то сгладить эту неловкость, он с показной весёлостью сказал:

– Жениться тебе надо, Егорша. Тогда одиночество как рукой снимет. Вдолбил ты себе в голову про ущербность и сам себя запер в четырёх стенах.

– Жениться? – удивился Егор. – Кому нужен горбун?

– Не принижай свои достоинства, брат. Ты добрый, работающий, ласковый и красивый лицом. Таких мужиков любят бабы, поверь. А горб – что? Он вовсе не мешает тебе строгать детишек, – рассмеялся Александр. – Тут другой орган важен. – Бражка забродила в его организме, он сделался весёлым и добродушным.

– Не-ет, братка, не получится у меня женитьбы.

– Это почему же?

– Ну, во-первых, в нашей деревне не найдётся такой женщины, которая согласилась бы выйти замуж за инвалида. А, во-вторых, если бы даже и отыскалась такая подруга – с нашей мамашей ей не ужиться, – трезво рассудил Егор. – Маманя поедом съест сноху в первый же день.

– А ты найди бойкую и смелую жену, которая сразу возьмёт свекровь в ежовые рукавицы, подчинит своей воле, – не отступал Александр.

– Легче отыскать иголку в стогу сена, чем подобрать для матери подходящую сноху.

– Я высказался, а тебе решать.

– Пустое это всё, Сано. Сказка о Царевне-лягушке, – отмахнулся Егор от слов брата.

Он завёл Александра в уютную мастерскую. Посредине помещения была сложена из кирпича небольшая печь, в мастерской держалось тепло. У боковой стены располагался верстак, над ним на длинных гвоздях развешен различный столярный инструмент. Рядом находился столик, на котором стояло около десятка жестяных банок и баночек с какими-то жидкостями. Чуть дальше, на втором столике установлен токарный станочек с ножным приводом. У противоположной стены красовался почти готовый комод, морёный под дуб.

– Ни фиги себе! – восхитился Александр мастерской брата. – Да у тебя здесь настоящий столярный цех!

– Нравится? – польщенный похвалой, с гордостью спросил Егор.

– Ещё бы! Есть где развернуться! В таких условиях можно мастерить не только комоды!

– Имеются на этот счёт кое-какие мыслишки, – хитро подмигнул Егор. Но что это за «мыслишки», не стал распространяться. Да Александр и не настаивал на разъяснениях.

Они подсели к печке, завязался разговор о жизни в деревне. Александр спрашивал, Егор отвечал. Потом Егор принялся расспрашивать брата, как ему жилось на чужбине все эти годы.

Так, выпрашивая друг друга об отдельных событиях

ушедших лет, братья просидели в мастерской не менее часа.

– Да, потрепала тебя жизнь, братка, – заметил Егор в конце рассказа. – Впору и отдохнуть.

– Живо ещё моё ружьишко? – поинтересовался Александр.

– Куда ему деться без тебя? Висит там, где ты его оставил.

– И патроны целы?

– И патроны на месте.

– Значит, завтра же по тайге прошвырнусь! – обрадовался Александр. – Соскучился я по таёжному духу!

Ему тут же вспомнился разговор с Гришей Надеждиным на привале в монгольской степи. Тогда они с тоской смотрели на окружавший их жёлтый бесконечный песок и обсуждали достоинство тайги.

– Пряным запахом этот дух называется, – задумчиво проговорил Александр, вспомнил высказывание друга.

На следующий день ранним утром Александр отправился в тайгу и бродил по ней до самого вечера. Когда вернулся домой, едва волоча ноги от усталости, у него на поясе висел добытый им заяц.

А ещё через день Александр отправился в город на поиски работы. Ему хотелось устроиться на завод, в какой-нибудь горячий цех – доменный или мартеновский, но туда его не взяли из-за перенесенной недавно малярии. Инспектор отдела кадров, потупив взгляд, предложила ему должность слесаря в цех ширпотреба.

– Оттуда вам будет проще попасть потом на основное производство, – не поднимая глаз, пропела она.

Александр не стал противиться и согласился.

Глава 20

За год он сменил три места работы. В цехе ширпотреба, куда его определили, Александр лишь числился слесарем, фактически же был бесправным разнорабочим в полной зависимости у мастера по фамилии Услагин. Что взбрѣдет тому в голову – то и приходилось исполнять. Александру, как новичку поручалась самая грязная и неквалифицированная работа. Почти месяц он вязал мѣтлы, насаживал черенки на лопаты, чистил дорожки от снега, работал грузчиком, красил мебель и окна, чинил прохудившуюся крышу. Работал и терпел, наивно полагая, что совсем скоро сможет перейти в прокатный цех на «стан-250». Смирился даже с мизерной зарплатой, которую насчитала ему бухгалтерия по рабочим листкам мастера.

Терпение лопнуло, когда Услагин направил его на чистку выгребной ямы наружного туалета.

– Я слесарь, а не ассенизатор, – с гневом выплеснул он в лицо Услагану в присутствии безропотной группы работяг с блестящими с утра глазами.

– Работу слесаря надо ещё заслужить, – ухмыльнулся Услагин.

– Выслужиться и доказать свою преданность? – не удержался Александр. – Войти в доверие, чтобы ты с моей помощью без опаски мог проворачивать свои тѣмные делишки?

Александр знал, о чём говорил. В цехе Услагин поделил коллектив на три группы.

Специалисты первой группы трудились над выпуском продукции по заказам-нарядам, поступающим официально из основных подразделений завода.

Во второй группе работали преданные Услагину люди. Они занимались изготовлением бытового инвентаря для ублажения потребностей начальствующего состава и нужных людей. Сырьё для нелегального производства поставлялось откуда-то со стороны по липовым документам. Специалисты второй группы, конечно, были виртуозами своего дела. Изготовленные ими предметы или сувениры поражали глаз оригинальностью и красотой. Это было настоящее творение художника. Сколько зарабатывали эти люди – никто не знал. Сведения об их заработках находились под семью печатями. Они были неразговорчивы и необщительны.

И, наконец, третья категория работников – это алкоголики и умственно отсталые лица, которые устроились на работу только для того, чтобы их не преследовали за тунеядство. В этой группе и приходилось трудиться Александру Кацапову.

– Ах, вот ты как заговорил? – ничуть не испугавшись брошенного вызова, процедил сквозь зубы Услагин. – Ну-ну!

– Что – «ну-ну»? Уж не угрожаешь ли ты мне?

– Понимай, как хочешь, тундра, – склонив вперёд лобастую голову, пожал плечами Услагин. – Только вот после такого заявления можешь навсегда забыть о работе в прокат-

ном цехе. Уразумел, бузотёр?

– Как только земля носит таких уродов? – словно сделав для себя открытие, со злостью проговорил Александр и сплюнул.

– Завтра же чтобы ноги твоей не было в моём цехе! – взвизгнул Услагин.

– Ой, напугал, как мне стало страшно! Да я сам не хочу больше дышать здесь гнилым воздухом!

Александр в какой-то момент захотелось наговорить кучу нелестных слов в адрес жуликоватого мастера, но он сдержался. Махнув рукой, направился в раздевалку. Переодевшись, в последний раз миновал проходную, свернул к дверям отдела кадров, постоял немного, потянул дверную ручку на себя.

Через пару дней он получил денежный расчёт вместе с трудовой книжкой.

Вскоре после увольнения из цеха ширпотреба он устроился в артель гужевого транспорта «Красный партизан». В распоряжении артели имелся конный двор с двумя десятками лошадей. Артельщики брались за любую работу, связанную с перевозкой грузов. Александру выпала доля возить деревянный брус со складов пилорамы для строительства жилых домов, которые возводились неподалёку от железнодорожной станции. Ему выделили место в общежитии, на выходные он уезжал в деревню.

В артели Александр проработал до самой осени. Потом

его переманили в жилищно-ремонтную контору железнодорожной станции Чусовская, пообещав неплохую зарплату. Место в общежитии осталось за ним.

Прошёл месяц. Александр получил первую получку. Зарплата оказалась действительно выше, чем в артели. Был обычный день трудовой недели, обмывать получку было как-то неразумно. Да и стоящих мужиков, с которыми бы он мог поговорить «про жизнь» за рюмкой водки, ещё не встретилось на его пути. За месяц на новом месте работы он не нашёл себе настоящего друга, всё присматривался, да прислушивался к окружавшим его работягам. Одни были семейными, после работы спешили домой. А холостяки казались ему без царя в голове. Сложилось представление, что заменить Гришу Надеждина никто из них по-настоящему не мог. Не притягивали они его к себе, почему-то. У одних речь была мудрёной, другие матерились через каждое слово.

Александр всё это время держался обособленно, отчего прослыл замкнутым человеком, за глаза его стали звать одиноким волком. В комнате он жил один, без подселения, питался в столовой, в неухоженное общежитие приходил лишь для ночлега.

Пивная располагалась на привокзальной площади, напротив здания железнодорожной станции. В ней всегда было многолюдно. Днём сюда заглядывали те, кто коротал время в ожидании поезда, или же пассажиры, уже сошедшие с него. Вечером, после рабочей смены, наплыв в пивную был гораз-

до больше. Посетителями становились и работники станции – стрелочники, обходчики путей, рабочие локомотивного депо, грузчики.

Александр посмотрел на часы – стрелки показывали половину шестого вечера. Торопиться было некуда. Поразмыслив немного, он решил по случаю первой получки пропустить кружку пива.

В пивной было накурено, дым стоял коромыслом. Лица посетителей качались в клубах табачного тумана, разглядеть их было невозможно. Буфетчица – пухлая рыжеватая женщина с двойным подбородком, раскрасневшаяся от живой работы, – покрикивала на посетителей, требуя пустые кружки.

– Где же твоя помощница? – поинтересовался сухопарый мужчина лет сорока. Он стоял за крайним столом сбоку от буфетной стойки, положив ладони на край круглой столешницы. На нём была форма железнодорожника. По интонации голоса можно было без ошибки определить в нём завсегда-тая этой пивной.

– Приболела моя Фая, Кузьма Михайлович, – быстро сменив грозный тон на дружелюбный, ответила буфетчица. Её ярко накрашенные губы в одно мгновение растянулись в дежурной улыбке, обнажив крепкие белые зубы. – Приходится одной управляться.

– Чего ж не попросишь помощи у Макаровны? Нашла бы она тебе кого-нибудь, баба она понятливая.

– Да Файка эта, будь она неладная, не захотела к врачу обращаться. Дай, говорит, Любанька, пару дней мне отлежаться – вернусь, как огурчик.

– И ты, конечно, согласилась.

– Не злыдень же я какой-нибудь? Конечно, отпустила. Чего здесь сопли по столам развешивать? Выздоровеет, потом и отработает сполна. Девка она покладистая, добросовестная.

Александр остановился на входе и стал всматриваться сквозь клубы дыма в глубину зала. Свободных столов не увидел.

– Что, все места оккупированы? – спросил железнодорожник, улыбнувшись.

Александр молчаливо кивнул и шагнул к буфетчице.

– Вам с прицепом? – вполголоса поинтересовалась Любанька, подставляя кружку под кран.

– Нет, ёршика я, пожалуй, накачу в следующий раз, – усмехнулся Александр. – Сегодня обойдусь двумя кружками без прицепа.

Не дожидаясь, когда отстоится пена, он взял по кружке в каждую руку и медленно двинулся в зал.

– Вставай рядом, я всё равно скоро уйду, – остановил его голос железнодорожника.

– Благодарю, – сказал Александр и поставил кружки на стол. Помедлив несколько секунд, отпил несколько глотков.

– Как пивоко? – спросил железнодорожник.

– Кажись, свежее. По крайней мере ядрёное и не кислое.

– Здесь оно всегда хорошее. Наша Любашенька держит марку, вольностей с водицей не позволяет. Поэтому и посетителей у неё всегда много. Я часто сюда заглядываю, знаю.

Железнодорожник говорил тихо и размеренно, будто размышлял о чём-то про себя. Александр выслушал его молча.

– А я тебя сразу узнал, как только ты в дверях появился, – отхлебнув из кружки пива, снова заговорил железнодорожник. – Ты в нашей конторе по ремонту жилья трудишься, верно?

Александр внимательно посмотрел на собеседника, надеясь вспомнить, где могли пересечься их пути. В памяти не всплыло никакого эпизода встречи.

– Верно, – равнодушно ответил он.

– Не напрягайся, парень, меня ты не вспомнишь, мы с тобой вместе нигде не встречались. А тебя я видел на крыше своего дома, – расплылся в улыбке говорливый железнодорожник. – Ты однажды заделывал на крыше нашего дома жестию щели у печной трубы. Дом номер пятнадцать в Архиповке. Было такое?

– Было, – сухо подтвердил Александр. – А вы кем работаете?

– Кондуктор я, товарняки сопровождаю. Как возвращаюсь из поездки – сразу сюда, к Любашке, направляюсь. Они с моей младшей сестрой заядлыми подружками были, пока та не выскочила замуж и не укатила в Сибирь. Любашка этот стол специально для меня поставила, поближе к стойке, что-

бы можно было поболтать, не покидая буфетную стойку. Она никому не позволяет занимать этот стол в день моего приезда.

Железнодорожник допил остатки пива, провёл по губам тыльной стороной ладони, спросил:

– Как тебя звать-то, парень?

– Саша, друзья зовут Сано.

– А меня Кузьмой родители нарекли, – сообщил железнодорожник. – Кто помладше меня, вроде Любаньки, называют Кузьмой Михайловичем. А фамилия и вовсе памятливая – Иванов.

Кузьма Михайлович извлёк из-под стола потёртый портфель из кирзы, перебросил его в левую руку, правую протянул Кацапову для прощания, сказал:

– Мне пора. Приятно было познакомиться.

Кацапов без слов кивнул головой. Иванов направился к буфетной стойке.

– Пошёл я, Любушка, – сказал он. – Спасибо за угощение.

– Когда в поездку? – спросила буфетчица, не отрывая глаз от наполняемой пивной кружки.

– Через двое суток.

– Куда на этот раз?

– Как начальство распорядится. Перед поездкой забегу, скажу.

– Хорошо, удачи тебе, Кузьма Михайлович, – Любушка перекрыла кран, повернулась к Иванову, смастерила на лице

дежурную улыбку.

Кацапов проследил взглядом за Ивановым до самой двери.

«Добрый мужик, общительный, – отметил он мысленно. – Вот такой сгодился бы в друзья. И выпить с ним можно, и по душам поговорить».

Он взял в солонке щепотку соли, посыпал на мокрый край кружки. Так они приучились делать с Гришей Надеждиным, когда не получалось прихватить с собой вяленой рыбёшки. Вытянув за один раз треть кружки, Александр скосил взгляд на вошедшего мужчину. Тот сразу показался ему знакомым. Коренастый, широкоплечий посетитель был прилично одет. На нём красовалась чёрная кожаная куртка с каракулевым воротником, отглаженные тёмно-серые брюки были заправлены в начищенные до блеска хромовые сапоги. На голове с небрежностью покоилась шапка из куницы. В руках мужчины держал небольшой чемодан.

Может быть, Александр и отвёл бы от него взгляд, подумав про себя, что обознался. Может быть, если бы не глаза вошедшего. Они смотрели в зал с пристальным прищуром, колюче. Уже через несколько секунд Кацапов абсолютно уверился, что однажды где-то уже встречался с этим хищным взглядом. И широкое лицо с тонким удлинённым носом тоже показалось ему знакомым.

Мужчина внимательно оглядел присутствующих в зале, затем уверенно направился к буфетной стойке. Когда он от-

весил джентльменский поклон Любаньке и улыбнулся ей, Александра словно пронзила молния. Улыбка мужчины моментально воспроизвела в памяти печальное событие на берегу якутской реки Алдан.

«Это же Юрка! – мелькнуло у него в голове. – Тот самый моряк торгового флота, липовый геолог, который втёрся в доверие к нам с Гришей Надеждиным, а потом похитил целиком весь старательский труд! Точно он! Только сейчас без бороды».

Пока Александр соображал, как ему следует поступить, Юрий с кружкой пива в руке уже шёл к его столу.

– Не помешаю? – спросил он, остановившись в шаге от стола, и тут же добавил:

– Буфетчица направила меня к вам. Сказала, стол служебный, никто без её ведома не может этот стол занимать.

– Причаливай, коль Любашка распорядилась, – усмехнулся Александр. – Место свободное.

Юрий поставил кружку на стол, извлёк из портфеля небольшой свёрток, положил рядом с кружкой. Потом слегка наклонился в сторону, заглянул под столешницу, зачем-то потрогал рукой полку, будто проверяя её на прочность, и только после этого положил туда портфель. Развернул свёрток, в нём оказалась вяленая рыба. Взял одну рыбёшку за хвост, легонько постучал о край стола. Подмигнув, с гордостью произнёс:

– Настоящая астраханская вобла, с икрой.

Их глаза встретились. Александр увидел, как тревожно дрогнули веки Юрия, а рука с воблой на секунду зависла в воздухе.

«Узнал, сволочь! – пронеслась мысль. – Интересно, что ты сейчас запоёшь мне?»

Вопреки его ожиданиям, Юрий сделал вид, что не узнал. Возможно, надеялся, что Кацапов не вспомнил его.

– Попутчик один подарил, – продолжил он, изобразив на лице бесшабашный вид. – Из Астрахани ехал. Добрый мужик оказался, компанейский. Угощайся, друг.

– Благодарствую, – ответил Александр, скривив в презрительной усмешке губы при слове «друг и уставился на Юрия.

– Я что-то не так сказал? – сделав удивлённые глаза и наморщив лоб, спросил Юрий.

– Ловко у тебя в жизни всё происходит, – не скрывая злости, проговорил Кацапов, и глаза его вспыхнули негодованием. – С кем бы ни свела тебя судьба, а при расставании ты всегда оказываешься в выигрыше.

– О чём это ты?

– Не валяй дурака, Юра. Вижу ведь, что узнал.

– Прости, друг, но ты явно с кем-то меня попутал, – продолжая игру в прятки, высказался Юрий. – Такое часто бывает. Вообще-то меня Николаем зовут. Николай Самохин я. А вот про выигрыш ты точно подметил. Люди частенько почему-то дарят мне что-нибудь на память. Так, мелочи разные, сувениры. Сам не перестаю удивляться.

– Мелочи, возможно, и дарят. А вот большой куш ты насильно забираешь у людей, это правда.

– Не понимаю я тебя, – в глазах Юрия заметались огоньки беспокойства, он стал озираться по сторонам.

– Всё ты прекрасно понимаешь, сволота! – во взгляде, в голосе Александра было что-то такое гневное и решительное, отчего Юрий обомлел: возьмёт сейчас этот увалень и хрястнет его, не задумываясь, кружкой по голове.

– Удачно, видать, сбыл золотишко. Вон, шуба на тебе дорогая, меховая шапка, с кожаным портфелем разгуливаешь. Да и живёшь, вероятно, сладко на чужие денежки. Жаль, Гриши Надеждина нет сейчас рядом, а то бы он непременно харкнул тебе в рыло.

– Ладно, закончим этот спектакль, – вяло произнёс Юрий, поняв, наконец, что заператься больше не стоит. На его каменном лице проступила надменная улыбка, а квадратный подбородок, похожий на кирпич, который ранее из-за бороды не выделялся так резко, как сейчас, выдвинулся вперёд. Юрий грузно облокотился на стол. Сощурившись, стал смотреть, не отрываясь, на Кацапова.

– Скажи, чего тебе надо от меня? – спросил он после непродолжительной паузы.

– Верни то, что украл, – спокойно произнёс Александр, – и мы разойдёмся мирно.

– Неужели ты тупой, как валенок? Того золота уже в помине нет.

– А мне наплевать, куда оно подевалось. Заплати деньгами, и я тебя отпущу. Будем считать, что в Якутии мы с Гришей отдали свой песочек тебе в долг.

Юрий расхохотался, плечи его затряслись, словно в какой-то неудержимой пляске. На глазах липового геолога даже выступили слёзы. Отсмеявшись, он допил остатки пива, с издёвкой сказал:

– Ты, парень, прост, как дрозд. Нет у меня ни золота, ни денег. И вообще я тебя не знаю, понял? Впервые вижу. В Якутии никогда не был, знаю о её существовании лишь из школьного учебника. Прощай, друг. Мне пора. Скоро подойдёт мой поезд.

Юрий взял с полки портфель и собрался уходить. С его лица не сходила злорадная насмешка.

– Не-ет, так просто ты от меня не уйдёшь, сволочь! – Александр схватил Юрия за руку, в которой тот держал свой портфель и резко рванул на себя. – Посмотрим, что за добро ты носишь в нём!

Юрий попытался вырваться и убежать. Но ему никак не удавалось освободиться от мертвого захвата Кацапова. Тогда он улучшил момент и размахнулся свободной рукой, пытаясь попасть кулаком в лицо Александра. Тот сумел увернуться и без промедления нанёс ответный удар.

Не выпуская из рук портфеля, Юрий упал и завопил на весь зал:

– Грабят! Помогите!

От первых двух столов тотчас отделились четыре крепких мужика, кинулись к Александру, быстро скрутили его.

– Мужики, пустите! – хрипел Кацапов, пытаясь сбросить повисших у него на плечах парней. – Не мне надо заламывать руки, а вон тому вору. Я узнал его! Несколько лет назад в Якутии он ограбил нас с другом.

– Не верьте ему! – кричал с пола Юрий. – Он обознался, принял меня за другого человека. Я никогда прежде не встречался с ним и в Якутии не бывал!

Словесной перепалке не суждено было длиться долго. В этот момент открылась входная дверь, в пивную вошёл милицейский патруль. Люди в форменных фуражках не стали выслушивать ни Александра, ни Юрия. Под конвоем их доставили в линейный участок милиции на вокзале.

Был проведён допрос обоих задержанных. Юрий от всего отрекся, показал свой паспорт. Александр не поверил своим глазам. Паспорт действительно был выдан на имя Николая Афанасьевича Самохина. Победно ухмыльнувшись, Юрий дал письменные показания, и его отпустили. Он сел в поезд «Серов – Москва» и укатил в столицу.

Опрошенные свидетели дали показания, что Кацапов хотел завладеть портфелем товарища Самохина и нанёс ему несколько ударов по лицу кулаком. Следы побоев в виде большого синяка под правым глазом и кровоподтёков на подбородке они подтвердили письменной записью в протоколе допроса.

Александр Кацапов по приговору народного суда был осужден сроком на пять лет.

Тридцать первого декабря 1940 года он прибыл этапом в один из исправительных печорских лагерей в республике Коми.

Глава 21

Василиса и Фрося учились на втором курсе машиностроительного техникума. Жили вчетвером в небольшой комнате студенческого общежития. Год назад они послушались совета директора пермского техникума и подали документы сюда, в Лысьву. Вступительные экзамены обе сдали успешно, были зачислены на первый курс по специальности «Обработка металлов резанием».

Отучившись год, они не стали хлопотать о своём переводе в Пермь, в финансовый техникум, как предполагалось ранее. Как ни странно, специальность машиностроителя Василисе неожиданно понравилась. Во время учёбы студентам организовали несколько экскурсий на завод, показали производство. Визг и грохот механических цехов, яркий блеск свежесрезанного металла заворожили Василису сразу. Она подолгу задерживалась возле металлообрабатывающих станков и с восторгом наблюдала, как, сворачиваясь в спираль, шипя и извиваясь, будто живая змея, двигалась по станине серебряная стружка. Труд станочников напоминал ей кропотливое ваяние скульпторов. И те, и другие, как ей думалось, скрупулёзно корпели над исходным материалом – каменной глыбой и бесформенной металлической болванкой, получая в итоге замысловатые творения.

В отличие от Василисы, Фрося не испытывала восторга от

избранной специальности. Училась с неохотой, будто исполняла рутинную трудовую повинность. С недавнего времени начала потихоньку пропускать лекции. Однако жизнь в общежитии ей нравилась. Здесь была полная свобода. Она позволяла себе много вольностей, могла гулять до поздней ночи с группой таких же бесшабашных, как она сама, девушек и парней из техникума. Иногда возвращалась в общежитие аж под утро. Вначале Василиса пыталась урезонить сестру, стыдила за неблагоприятные поступки, а потом на всё махнула рукой.

«Не пятнадцать лет ей, – решила про себя Василиса. – Сама способна отвечать за свои глупые выходки. Пусть живёт, как ей хочется. Мама не видит и, слава Богу».

На выходные дни они в обязательном порядке ездили домой, навещали мать с братом. Там Фрося вела себя прилично, помогала матери по хозяйству, была в её глазах пай-девочкой.

Весной матери выделили земельный участок в несколько соток, в мае они вчетвером вскопали его, посадили картошку.

Ваня в свои шестнадцать лет сильно возмужал, стал широкоплечим красивым парнем с непокорной черной шевелюрой, как у отца. За лето, неподалёку от барака, он соорудил овощную яму, опустил в неё на зимнее хранение первый урожай картофеля.

За два дня до Нового года Василиса и Фрося вновь побы-

вали в Чусовом, привезли с собой ведро картошки. В общежитии намечался новогодний бал, нужно было организовать праздничный стол.

Каждый из студентов привёз из дома те продукты, которыми располагала его семья. Деревенские парни, сговорившись между собой, сходили на охоту, привезли полмешка рябчиков. Девчатам было поручено ощипать их. Когда они справились с поручением, рябчиков сложили обратно в мешок и привязали снаружи к оконной раме. Кто-то привёз домашний шпик, кто-то соленья и варенье. На всё остальное сбросились по рублю со стипендии.

Зима в этом году выдалась морозной. С начала декабря выпало много снега. Он был кристально чистым и под лучами холодного солнца блестел так ярко, что рябило в глазах.

Против окна комнаты, в которой жили Василиса с Фросей, росли три большие ели. Широкие ветки, покрытые толстыми снеговыми шапками, в мучительном наклоне согнулись к земле и с трудом выдерживали тяжесть снежного груза, норовя в любой момент переломиться. Иногда налетал сильный ветер и раскачивал макушки, ели начинали тихо и жалобно стонать. Часть шапок падала вниз, ветки шумно вздрагивали, как бы издавая звук облегчения, и немного выпрямлялись.

Василиса любила подолгу простаивать у окна и любоваться зимними причудами.

Был понедельник, утро в общежитии началось, как обыч-

но. Кто-то уже успел включить патефон, и весёлая музыка просочилась через двери в коридор. Там с каждой минутой нарастала беготня, слышались оживлённые голоса и смех.

Основная масса студентов вставала одновременно, образуя столпотворение в тесной комнате для умывания. Василиса, чтобы избегать толкотни, поднималась с постели на полчаса раньше и успевала привести себя в порядок без лишней суеты. Следом за ней поднимались Галя с Верой. Обе они были из посёлка Пашия, в школе учились в одном классе. Девчонки заправляли постели, Василиса ставила на примус чайник. Пока он нагревался, она подходила к окну и смотрела на любимые ели в свете уличного фонаря. Вид притихших заснеженных деревьев, без преувеличения, был сказочным.

Фрося в этот момент продолжала безмятежно спать.

Ровно в половине восьмого, как обычно, Василиса подошла к спящей сестре, принялась будить.

– Фрося, вставай, – громко произнесла она и тихонько дотронулась до плеча сестры.

Фрося как будто не услышала её, даже не пошевелилась. Такое поведение сестры повторялось ежедневно, сценарий её пробуждения был известен до мелочей.

– Вставай, лежебока, – повторила Василиса сердито. – Хватит дрыхнуть. Опять из-за тебя побежим на учёбу, сломя голову.

Прошла минута, другая, наконец, Фрося с трудом открыла глаза, провела ладонями по заспанному лицу. Взглянув

на часы-ходики, висящие на противоположной стене, села на край кровати. Широко зевая и потягиваясь, медленно поднималась, набросила на себя халат, взяла из тумбочки туалетные принадлежности и, не проронив ни слова, с понурым видом направилась умываться.

В комнату вернулись Галя с Верой.

– Ну, что, пробудилась спящая красавица? – спросила Вера весёлым голосом.

– Растормошила её, как всегда, – усмехнулась Василиса. – Встать-то, она встала, только не проснулась ещё.

– Как ей удаётся спать, когда вся общага уже ходуном ходит? – удивилась Галя в очередной раз. – Не перестаю поражаться её уникальным способностям.

– Она с детства у нас такая, – пояснила Василиса. – Хоть из ружья над ухом стреляй – не проснётся.

– Потому что наша Фрося – сова, – сказала Вера, оглядывая себя в зеркале. – Тип человека есть такой. У него до глубокой ночи нет сна, а потом он до полудня не может проснуться.

Вскипел чайник, Василиса потушила примус.

– Сегодня у нас, девчонки, на завтрак шанежки и пирожки с картошкой, – промолвила она, выкладывая на стол свёрток с домашней стряпнёй. – Мама вчера испекла. Ешьте, пожалуйста, что кому хочется.

Девчонки придвинули табуретки к столу, сели завтракать. В дверях появилась Фрося.

– Запаздываешь, подруга, – проговорила жизнерадостная Вера, расставляя чайные кружки. – Без завтрака можешь остаться.

– На голодный желудок знания лучше закрепляются, – произнесла Фрося первые свои слова после пробуждения. – А от недосыпания появляются разные болезни.

– Неправда, – возразила светловолосая Галя. – Когда очень хочется кушать, в голове вертятся лишь одни мысли о еде. Ничего другого в голову и не лезет.

Фрося не отозвалась. Она невозмутимо спокойно прошла по комнате, повесила полотенце на спинку кровати и остановилась перед зеркалом.

– Хватит любоваться собой, садись завтракать, – недовольно проговорила Василиса. – Времени у нас в обрез.

– А я сегодня не пойду на первую пару, – проводя мизинцами по бровям, равнодушно сообщила Фрося.

Василиса поставила кружку на стол, повернулась к сестре:

– То есть, как не пойдёшь?

– А вот так: не пойду и всё. Тошнит меня от этих актуальных проблем идеологической борьбы.

– Фроська, ты чего? У нас ведь зачёт на носу по этой теме. Как собираешься его сдавать?

– Я, может быть, и не собираюсь его сдавать, – заявила Фрося. – Возьму академический отпуск, обдумаю основательно, стоит ли учиться тем вещам, к которым не лежит моя трепетная и страстная душа?

– Ты это серьёзно?

– Вполне.

– Ну, знаешь! – возмущённо произнесла Василиса, повысив голос. – Училась, училась, и – на тебе! Соскочила с повозки на полдороги. Не смей даже думать об этом! Отучись до конца, а там поступай, как знаешь.

– А ты не смей больше командовать мною, ясно? – Фрося, сощурившись, вцепилась взглядом в сестру. – Не воображай, что ты самая умная и практичная. Терпела я твои нравоучения, пока мама рядом была. Не хотелось мне причинять ей страдания. А теперь, сестрёнка, у нас дорожки порознь идут. Буду поступать так, как посчитаю правильным для себя.

– Ну, как тут не ругнуться, а? – зывая о поддержке, сказала Василиса, переводя свой взгляд на девчонок. – Вы то что молчите, подруги? Скажите хоть что-нибудь?

– Что тут скажешь? – пожала плечами Вера. – Всем известно, что мир состоит из света и тьмы. Кому-то сподручнее жить в темноте, а кто-то не мыслит себя без света. Вот пусть и решает сама, в какой среде ей будет комфортнее.

– Слышала? – усмехнулась Фрося.

– Дура ты, Фроська, – не сдержалась Василиса. – Будешь потом локти кусать, да поздно будет. Уйдёт твоё время.

– Если и буду кусать, то это будут мои локти. Твои костяшки останутся целёхонькими, не переживай.

– Девочки, не надо ссориться, – сокрушённо вздохнула Галя. – Так вы можете и до кулаков дойти.

Она встала из-за стола, начала одеваться.

– Ладно, успокойся, сестрёнка, – примирительно сказала Фрося. – Это я так, высказала свои мысли вслух, да выслушала несколько мнений. Буду пока учиться, а там видно будет, – плутоватые глаза Фроси победно заулыбались. Она подскочила к столу, схватила пирожок, откусила сразу половину и принялась торопливо жевать, запивая чаем.

Через несколько минут дружная четвёрка покинула комнату и, как всегда, бегом устремилась на занятия.

Новогодняя ёлка была установлена в небольшом зале для посетителей на первом этаже общежития. Наряжали её все желающие. Игрушек было в избытке, на ветках не осталось пустых мест. На макушке водрузили большую звезду, изготовленную из картона и обтянутую красным кумачом.

Начало новогоднего бала запланировали на восемь часов вечера, но ещё за час до открытия праздничного мероприятия в зале стали собираться люди. Обитатели общежития пригласили своих родственников и друзей. Строгий комендант дал указание вахтёру не пропускать никого из них на этажи общежития до особого распоряжения. Все приглашённые расположились пока на деревянных лавках и стульях, расставленных по периметру зала. Ни для кого из них не было секретом, что в разгар вечера комендант смягчится и разрешит проход гостей в залог паспорта или удостоверения личности, которые вахтёр будет складывать в шкафчик у себя за спиной.

А пока громко звучал граммофон, гости слушали песни Утесова и Руслановой.

В общежитии проживали и парни, их поселили этажом выше. Они занесли два стола и стулья из соседних комнат и удалились. Девчата принялись колдовать над закусками.

– Вер, а ты точно пригласила брата на вечер? – словно бы невзначай, спросила Фрося, орудуя ножом на разделочной фанерке.

– Мишку-то?

– А что, у тебя ещё есть брат?

– У меня их трое, – с неподдельной гордостью сообщила Вера. – Миша старший, он с восемнадцатого года. Артёмка и Андрюшка – погодки, родились уже после меня. Им ещё рановато покидать посёлок, сперва пусть молоко на губах обсохнет.

– Сколько им исполнилось? – поинтересовалась Василиса.

– Артёмке – тринадцать, Андрейке – четырнадцать.

– Так Михаил придёт на вечер? – спросила ещё раз Фрося, не получив ответа.

– Что ты так интересуешься? Никак, заранее глаз на него положила? – рассмеялась Вера. – Может, он тебе ещё и не понравится, или ты ему. Он у нас парень с принципами, сам выбирает себе друзей. Может, он по Галке соскучился? Из одного посёлка, как-никак, ещё со школы знакомы.

Галя зарделась, спешно выпалила:

– Скажешь тоже. Ты его позвала, к тебе он и придёт в го-

сти. Меня твой брат не балует своим вниманием.

– Мишка и сам бы пришёл, без приглашения. Скучно у них в рабочем общежитии, пьют от безделья.

В это время в дверь комнаты постучали.

Девчата недоумённо переглянулись.

– Войдите! – громко произнесла Василиса.

Дверь отворилась, на пороге остановился высокий светло-волосый парень. В руках он держал шапку из серого меха, яркой голубизны глаза смеялись.

– Мишка! – радостно вскрикнула Вера и устремила к брату. – Ты как прошёл? На вахте ведь никого не пропускают.

– Зачем идти через вахту, когда есть другие пути? – загадочно проговорил Михаил. – Голова нужна не только шапку носить.

– И всё же?

– Через запасной выход просочился. Его, видать, открыли на случай пожара. Бабуля на вахте отвернулась на минутку, я и проскользнул для разведки в боковой коридорчик. Дверь за душевой комнатой оказалась незапертой. И вот я здесь, не рада?

– Что ты, Миша! Проходи, снимай пальто. До праздничного вечера ещё целый час, – Вера открыла платяной шкаф, поставила рядом единственный стул. – Давай, рассказывай, как твои дела?

– Жить можно! – Михаил повесил овчинный полушубок

на плечики, шапку положил на кровать с краю, присел на предложенный стул. – Через месяц сдаю экзамен и возвращаюсь домой. Компрессором буду управлять на родном заводе.

– Компрессор? Это что такое? – спросила Фрося, внимательно разглядывая брата Веры.

– Машина для сжатия воздуха под давлением, – без запинки произнёс Михаил, будто отвечал на экзамене. – На заводе она много механизмов приводит в движение.

– Наверно, и платят неплохо за такую работу? – Фрося не сводила глаз с парня.

Михаил поднял широкие, пшеничного цвета, брови, на лбу обозначились две длинные складки. Несколько секунд они смотрели друг на друга в упор. Затем брови парня опустились, складки тут же исчезли.

– Жить можно, – ответил Михаил опять так же неопределённо, как и на вопрос сестры, и перевёл взгляд на Веру. – Ты бы, Веруха, для начала познакомила меня с подругами, что ли.

– Ах, да, конечно! Ну, меня ты знаешь, я сестра твоя, – пошутила Вера. – Галку, надеюсь, тоже пока не забыл. А эти две девушки, – Вера, называя имена подруг, кивком головы показала на каждую в отдельности, – родные сёстры. Они из Чусового. Все мы учимся в одной группе.

– Рад познакомиться, – бодро сказал Михаил, тут же встал и протянул Фросе руку. На лице его появилась располагаю-

щая улыбка. Рука Фроси утонула в большой ладони Михаила. Он долго не отпускал её, прежде чем развернулся к Василисе.

– Как вы похожи, – заметил он, переводя взгляд с одной сестры на другую. – Неужели близнецы?

– Нет, Фрося старше меня на два года, – простодушно призналась Василиса и отошла к столу.

Галя тем временем продолжала трудиться над закусками.

– Девочки! У меня создаётся впечатление, что вы теперь не отойдёте от Михаила, а на столе появится скатерть-самобранка, – не выдержав, проворчала она. Обращение было адресовано, прежде всего, Ефросинье, которая продолжала вертеться подле Михаила, забыв, казалось, обо всём на свете. От взора Галки не ускользнул восторженный блеск глаз Фроси, с которым она смотрела на гостя.

С Михаилом Галка дружила с детства, но эта дружба так и не переросла в любовь. Даже несколько жарких поцелуев, подаренных парню однажды на одном из школьных вечеров, не обожгли сердце Михаила, не воспламенили в нём страсть. Наоборот, после этого он стал всё больше отдаляться от Галки, подходил к ней редко, а если и подходил, то быстро спрашивал о чём-нибудь по пустякам и тут же удалялся. Он никогда не смотрел на неё так, как смотрел сейчас на Фросю. Этот факт вызвал у Галки приступ ревности и внезапной злости. Она добавила в сердцах:

– Ты, Мишка, не пялься на Фросю, как кот на лакомство,

а то она растает от твоего взгляда, как снегурка под лучами весеннего солнца.

– Галка, что ты такое говоришь? – одёрнула Вера подругу.

– Ничего особенного, здесь все свои, стесняться некого.

А говорю о том, что вижу.

– Извините, девчонки, – смутившись, проговорил Михаил. – Я, кажется, не вовремя. Мне лучше в зал вернуться, чтобы не отвлекать вас.

– Ещё чего? Не слушай ты её, – успокоила брата Вера. – Она у нас сегодня не выспалась, потому и ворчит на всех. Вот выпьем по рюмочке, наша подруга, глядишь, и подберет. А тебе я предлагаю присесть за краешком стола, поможешь нам лепить пельмени. Нечего бездельничать, если пришёл пораньше.

– С большим удовольствием, – согласился Михаил.

За пять минут до начала новогоднего вечера с первого этажа донеслись звуки студенческого духового оркестра. В коридоре послышалась дробь каблучков – девчата торопились вниз на открытие бала.

– Пора и нам, – распорядилась Вера. – Нехорошо опаздывать. Миша, выйди на минутку, нам надо переодеться.

Михаил вышел в коридор. Через несколько минут они дружной компанией спустились вниз.

В зале некуда было яблоку упасть. Оркестранты выдули из медных труб последние звуки, в зале установилась тишина.

К ёлке подошёл комендант, достал из кармана листок бу-

маги, принялся зачитывать поздравительное письмо директора техникума. После его речи появились Дед Мороз со Снегурочкой, начали развлекать публику, раздавая подарки за артистические номера.

А потом начались танцы. В звуках вальса закружились пары. Михаил сидел с краю от девчат, внимательно смотрел на танцующих. Он не умел танцевать, поэтому взгляд его был обращён на движение ног. Ему хотелось мысленно освоить эти движения, чтобы потом проверить свои способности на практике.

Закончился первый танец, без промедления начался второй. К девчатам подошли двое однокурсников, пригласили на танец Василису и Галку. Вера придвинулась к брату, прошептала на ухо:

– Чего сидишь, как пенёк на поляне? Пригласи Фросю.

– Я не умею танцевать, – также шёпотом ответил Михаил.

– А ты попробуй. Не обязательно кружиться, можно и медленно топтаться на месте. Главное – знак внимания к девушке.

Поколебавшись, Михаил встал, шагнул к Фросе.

– Можно тебя пригласить? – почему-то оробев, спросил он.

– Можно, – с радостью согласилась Фрося и, словно зашедшая птичка, моментально вспорхнула со скамейки. В течение всего первого танца она ждала от Михаила этих слов. Брат Веры понравился ей с первого взгляда. В его улыб-

ке, движениях, манере говорить было что-то такое неуловимо-доброе, тёплое и заботливое, которое напомнило ей отца. Даже в тембре его голоса она уловила характерные отцовские звуки.

Михаил взял Фросю за руку и, лавируя между танцующими парами, провёл через зал к самой ёлке.

– Извини за неуклюжесть, но это мой первый в жизни танец, – сразу признался он, с осторожностью положив руку на талию девушки.

– Поэтому ты и решил спрятаться за ёлкой? – рассмеялась Фрося.

– Ага.

– Вальс только на первый взгляд кажется сложным, а фактически его можно освоить за один вечер. Сегодня я научу тебя медленному вальсу, – Фрося заглянула в глаза Михаилу. – Но при одном условии.

– Каком же?

– Если весь вечер ты будешь танцевать только со мной.

– Ого! Жёсткие условия!

– Но выполнимые.

– Хорошо. Но как мне быть, если тебя наперебой начнут приглашать другие парни? – с улыбкой спросил Михаил.

– Такого не произойдёт, – твёрдо заверила Фрося.

Михаил не стал уточнять, почему у девушки была полная уверенность. Или же она не сомневалась в том, что, дав ей слово, он не позволит никому из парней увести её от него,

или же она решила сама отшивать от себя всех ухажёров.

Не бывая на танцах, Михаил просто не знал определённых тонкостей, которые были хорошо известны Фросе. Она старалась не пропускать танцев и неоднократно наблюдала сложившийся принцип: если парень с девушкой станцуют вместе несколько раз подряд – значит, между ними образовалась взаимность, и никому не придёт в голову разлучать эту пару умышленно, разве что подвыпившему хулигану. Но и в этом случае не каждый хулиган рискнёт напороться на отпор крепкого парня. А Михаил был крепким, видным парнем.

Всё было так, как сказала Фрося. Когда они присаживались на лавку, пропуская танец, чтобы немного передохнуть, некоторые парни заглядывались на Фросю, но никто из них не осмеливался подойти к ней. Приглашали по очереди Василису, Галку, Веру, но не Фросю.

– Как это тебе удаётся? – спросил в разгаре вечеринки Михаил.

– Что удаётся?

– Ну, чтобы парни сторонились тебя? Ходят, поглядывают, а танцевать не приглашают, будто у тебя где-то написано, что ты неприкасаемая.

– Сам-то как думаешь?

– Если бы знал – не спрашивал.

– Парни просто опасаются иметь дело с тобой, вот и весь секрет. Ты же глаз с меня не сводишь, – громко рассмеялась Фрося. Она тут же вскочила и, не спрашивая Михаила ни

о чём больше, решительно взяла его за руку и потянула за собой в центр зала.

Через час был объявлен получасовой перерыв, приглашённым гостям разрешили посетить комнаты. Шумное и весёлое общество тотчас ринулось к вахте, чтобы прорваться в числе первых в комнаты друзей, живущих в общежитии.

К девчатам ввалились четверо парней-однокурсников. Красавцев среди них не оказалось, и Михаил завидно выглядел среди всей мужской половины. Компания единодушно избрала его тамадой.

Михаил не ждал такого поворота событий и сильно смутился. Он даже сделал попытку отказаться от почётного статуса, но из этого ничего не получилось. Фрося приструнила его:

– Михаил, ты самый старший среди нас, самый сильный и самый красивый. Значит, тебе просто суждено сегодня быть нашим атаманом. Так что, не увиливай, бери бразды правления в свои руки, команду и повелевай.

От слов Фроси Михаил засмутился ещё больше и даже покраснел. Поняв, что ему уже не отвертеться, он встал со стаканом вина в руке, сказал:

– Друзья, я вырос в тайге и светским манерам не обучен. Да и говорить красиво не умею. Сегодня я впервые оказался в студенческой среде и, наконец-то, узнал, что за люди, эти умники-студенты. Раньше мне почему-то казалось, что все они гордыни и эгоисты, ходят с задраннным носом, ставят

себя выше простых работяг. Как же сильно я ошибался! На самом деле студенты – весёлый, общительный, интересный и неунывающий народ. И, как мне кажется, с любым из вас никогда не бывает скучно. Да и поучиться кое-чему у студентов ничуть не зазорно. Сегодня у меня есть возможность поздравить вас с наступающим Новым Годом, пожелать всем здоровья и счастья, успехов в учёбе и высоких постов после окончания учёбы. – Михаил задумался на мгновение, потом добавил: – Лишь бы не появилось никаких препятствий на вашем пути.

Лицо Михаила вдруг сделалось серьёзным и озабоченным, брови сдвинулись к переносице, будто он неожиданно заглянул в будущее и поник от увиденной картины. Несколько секунд он держал стакан вина перед собой, перекатывая его пальцами в ладони, словно размышлял над тем, всё ли правильно сказал, достаточно ли было у него веских слов в адрес новых знакомых.

– Ваши опасения напрасны! Никто не сможет выбить всадника из седла! – бодро сказал паренёк в очках с еврейской внешностью. – Даже самый строгий преподаватель

Всё заулыбались, быстро чокнулись с соседом по столу, дружно выпили, и набросились на закуску.

Через полчаса они, раздуряившиеся и возбуждённые, вернулись в зал. Танцы продолжились.

Фрося действительно научила Михаила танцевать вальс. К концу вечера он кружился уже уверенно, не опасаясь на-

ступить партнёрше на туфли.

– Объявляется белый танец! – послышался звонкий голос ведущей. – Последний! На этом наш вечер заканчивается!

– Давай удерём отсюда куда-нибудь? – заговорщицки предложила Фрося и загадочно заглянула в глаза Михаила. – Посидим вдвоём, поговорим без посторонних глаз.

Не дожидаясь ответа, он схватила Михаила за руку и потащила за собой в конец полутёмного коридора. Никто из посетителей до последней минуты не знал, что дверь запасного выхода была открыта, поэтому лестничная клетка была пуста. Они поднялись на третий этаж, остановились на пустынной площадке. В углу стояла скамейка, по всей видимости, её сюда поставил кто-то из обслуживающего персонала для отдыха.

– Как по заказу, – приглушённо рассмеялась Фрося, присаживаясь на скамейку. Михаил остался стоять, чувствуя в себе некоторую скованность. Оба неловко молчали, не зная, с чего начать разговор.

– А из тебя способный ученик получился, – заговорила, наконец, Фрося. – С третьего танца освоил все движения.

– Это ты талантливый учитель, – ухватился за разговор Михаил, будто утопающий за спасательный круг.

– Ты что, правда, ни разу не ходил на танцы?

– Правда.

– Неужели у вас в посёлке нет танцплощадок?

– Почему же? Есть.

– Тогда почему не ходил?

Михаил неопределённо пожал плечами:

– Не знаю. Мы с друзьями как-то не задумывались по этому поводу. Считали танцы пустым времяпровождением, баблством.

– А чем занимались в свободное время?

– Чем в тайге люди занимаются? Охота, рыбалка, работа по дому.

– И девчонки вас совсем не интересовали? – задала Фрося провокационный вопрос. – Танцы – самое подходящее место для знакомства. Наверно, ты так и не целовался ни разу до двадцати двух лет?

В свете тусклой электрической лампочки глаза Фроси завораживающе блеснули. Это подзадорило Михаила, сердце его забилось учащённо. Он присел рядом на скамейку, резко притянул к себе Фросю, неумело уткнулся в её губы.

– Какой ты приткий, – усмехнулась она, отстраняясь. – А мне показалось, ты стыдливый парень.

– Мне тоже вначале ты показалась недотрогой, – отпарировал Михаил.

– А сейчас? Что-то изменилось?

– Сейчас я вижу, что это не так.

– Ах, вот как! Если девушка не оттолкнула парня, позволила поцеловать себя в первый день знакомства, значит, она развратница? – рассмеялась Фрося. – Быстро же ты составил мне характеристику!

Михаил молчал, не зная, что сказать в ответ, и пристыжено сопел.

– По-твоему, если бы я сейчас ударила тебя по щеке, то в твоих глазах оставалась честной девушкой? – не унималась Фрося. – Какие вы, парни, всё же чудной народ. Как легко ввести вас в заблуждение. Вот этим, Миша, и пользуются настоящие хищницы – распутницы, вот так они и приклеивают к себе наивных парней.

– Откуда тебе всё это известно? – спросил Михаил, хмурясь.

– Не в монастыре я живу, Миша. В общежитии. Здесь вся любовная жизнь проходит, как на ладони, – усмехнулась Фрося. Потом, вздохнув тяжело, сказала задумчиво:

– Понравился ты мне, потому и оттолкнуть не посмела. Если бы на твоём месте оказался кто-нибудь другой – съездила бы по физиономии, не сомневайся. За свою девичью честь постоять могу, у первого попавшегося парня на шее не повисну.

Фрося поднялась с лавки, намереваясь выйти в коридор. Михаил преградил ей путь.

– Постой, давай поговорим откровенно, как взрослые люди.

– О чём нам с тобой ещё говорить? Мне и так всё стало ясно. Пусти, дай пройти.

Михаил взял Фросю за плечи, насильно усадил обратно на скамейку. Не снимая рук с плеч, взволнованно произнёс:

– Ты мне тоже понравилась. Очень. Я давно мечтаю встретить такую девушку, как ты.

– Какую – такую?

– Ну, красивую... весёлую... стройную, – запинаясь, начал перечислять Михаил. – Опять же, ты с длинной косой, а не с какой-нибудь короткой причёской. Не нравятся мне стриженные и кудрявые головы, да ещё белокурые в придачу.

– Ого! Да ты, оказывается, выбираешь для себя девушку, как товар на прилавке магазина. А как же с внутренним качеством продукта, то есть, с характером? Вдруг у твоей красавицы окажется скверный характер? Готов всю жизнь мучиться под её каблуком?

– Ты же не такая, я вижу.

– Никак, собрался жениться на мне? – съехидничала Фрося.

– Почему бы и нет? – сорвалось с языка у Михаила.

– Ах, Миша – Михаил, не смей ты меня. Прежде чем жениться – нужно хотя бы немножко присмотреться друг к дружке. Ты Веру, сестру свою, поспрашивай обо мне, ладно? Может, после разговора с ней и не захочешь больше встречаться со мной.

– Поговорю и с Веркой. Только это никак не повлияет на мое отношение к тебе.

– А какое оно, твоё отношение ко мне? – с нескрываемым любопытством спросила Фрося.

– Сам не пойму. Притягательное какое-то. Мы вот вместе

с тобой всего лишь один вечер, а я как будто с детства тебя знаю. Мне хочется встречаться с тобой, приглашать на свидания...

– И это – всё?

– А что ещё? – удивился Михаил.

– Не знаю, подумай на досуге. Только одних свиданий на морозе мне недостаточно. Да и зачем они? Через месяц твоя учёба закончится, ты уедешь домой. Весной тебя в армию заберут, я останусь одна. Ни жена, ни девка. Как фрукт на вершине дерева – красив, но недосыгаем.

– Зачем ты так, Фрося? – оскорбился Михаил. – Если девушка любит парня, она должна ждать его. Так было всегда.

– Никому я ничего не должна, Миша. И с чего ты взял, что я полюбила тебя с первого взгляда?

– Но ты же сама сказала, что я нравлюсь тебе.

– Глупенький. Нравиться – это ещё не значит любить. Нравиться могут многие. – Фрося беззаботно рассмеялась, в глазах её запрыгали чёртики. – Вот тебе, например, Галка нравится?

– Нравилась, – Михаил отвернулся, будто что-то взвешивал в себе. – Пока не разонравилась.

– Что так?

– Не тянет меня к ней. Могу неделями не вспоминать о её существовании, а когда встречусь – и поговорить не о чём. Неинтересно мне с Галкой.

– А вот она, как мне кажется, любит тебя, – раздумчиво

проговорила Фрося. – Видела я сегодня на себе её негодующий взгляд. Думала, подскочит ко мне и вцепится в косы из ревности.

– Не вцепится, – усмехнулся Михаил. – Духу у неё не хватает на это. Я с детства Галку знаю. Смирная она. Поплачет в платочек и отступится.

– Тебе её не жалко?

– Мне что теперь, из жалости ходить за ней, гладить по голове и успокаивать? – с некоторой злостью в голосе проговорил Михаил. – Я подлости по отношению к ней не совершал, и никаких обид на меня у неё не должно быть.

«А он действительно хороший парень, – подумала Фрося. – Честный, порядочный, прямолинейный. Как мой отец».

Они долго молчали, размышляя каждый о своём. Потом Фрося, спохватившись, вскочила со скамейки, озабоченно сказала:

– Пошли в комнату, нас уже, наверно, потеряли.

В комнате все были уже в сборе. До Нового Года оставались считанные минуты.

– Ну, и где это вы затерялись? – строго спросила Василиса, уставившись на сестру. Вера, в свою очередь, оценивающим взглядом прошлась по лицу брата.

– Практиковались в поцелуях и объятиях, – беспечно ответила Фрося, присаживаясь к столу. – Правда, Миша?

Галка во все глаза таращилась на Михаила, ждала ответа. Она сразу поняла, что её скрытая надежда на сближение с

Михаилом сейчас уже окончательно рухнула. Беспутной однокурснице каким-то образом удалось за один вечер отбить у неё любимого парня. И всё же она надеялась услышать от Михаила опровержение.

– Да, мы с Фросей целовались. Что в этом постыдного? – весело подтвердил Михаил. – Более того, я предложил ей выйти за меня замуж.

– А ты? – встревожено спросила Василиса, сверля глазами сестру. – Ты согласилась?

– Конечно, – рассмеялась Фрося. – Ты бы разве отказалась, если такой видный парень, как Михаил, сделал тебе предложение?

Василиса поперхнулась от неожиданного вопроса и закашлялась. Вера принялась стучать её по спине рукой.

Фрося перестала смеяться, обвела подруг внимательным взглядом, сказала совершенно спокойно:

– Ладно, девчонки, не пугайтесь. Никакой женитьбы не предвидится. Не было ни поцелуев, ни предложений о замужестве. Пошутили мы, а вы, доверчивые и наивные, тут же попались на крючок. Вы все видели, что я давала Михаилу уроки танца? Видели. Вот мы и решили закрепить навыки на третьем этаже. Теперь Миша может выступить даже на конкурсе.

Оправдание было принято, и только один человек за столом не поверил ни единому слову Фроси. Это была Галка. И когда по радио раздались звуки курантов, а все вокруг, чо-

каясь, громко закричали «Ура!», стали смеяться и поздравлять друг друга с Новым Годом, эта девушка оставалась безучастной к общему веселью. Ей хотелось плакать от обиды, ревности и зависти к чужому счастью.

Глава 22

К середине мая, когда до окончания учебного года оставалось совсем немного времени, Иван Ярошенко окончательно осознал, что ему не суждено грызть гранит науки. Двери института перед ним были закрыты наглухо, а подниматься по ступенькам Лысьвенского техникума он не хотел. Профессия машиностроителя или металлурга его не прельщала.

Сыном врага народа его уже никто открыто не называл, но прав на обучение в высшем учебном заведении от этого, увы, не прибавилось. Клеймо, поставленное государством, оставалось на нём по-прежнему. Правда, этот факт последнее время особо не беспокоил Ивана, он с ним смирился, но отделаться от него было невозможно, как невозможно было получить и свой паспорт.

Иногда он задавал себе вопрос: вот если бы появилась возможность поступать в институт, какую специальность он избрал бы? И, странное дело, чёткого ответа не находилось. Мысли кружились в голове подолгу, перескакивая с одной профессии на другую.

Чаще всего он видел себя лётчиком, пролетающим над белоснежной пеленой облаков, или капитаном морского судна, швартующегося у экзотических берегов Африки. Реже – простым геологом, странствующим по стране в поисках полезных ископаемых. И только недавно до него вдруг дошло,

почему именно эти профессии ему ближе всего.

Он понял, что его тяготит замкнутость собственной жизни, обусловленная запретом на передвижение. А раз высшего образования не получить, то стоит ли продолжать учёбу в школе? Для чего тратить попусту драгоценное время, если для освоения рабочей профессии достаточно и семилетки? После такого умозаключения Иван принял решение: сразу после окончания учебного года он пойдёт на курсы шофёров. Профессия шофёра позволяла ему для начала исколесить округу, посмотреть окрестности. Пусть это будет незначительный мир, урезанный до ноля в масштабах планеты, но в этом мире будет всегда присутствовать свобода передвижения.

Когда на выходные дни приехала Василиса, Иван поделился с ней своими соображениями. Она и раньше догадывалась, что в душе брат переживает какое-то смятение, но не лезла к нему с расспросами, ждала, когда Иван сам ей всё расскажет.

И вот это время настало. Брат улучшил момент, когда мать отлучилась из дома, доложил о своем решении.

– Жаль, – сказала Василиса, выслушав доводы Ивана. – У тебя гибкий ум, мог бы достичь больших результатов в науке. То, что ты перевариваешь за минуты – другому человеку требуются часы.

– Васса, я не могу заставлять себя делать то, что мне неинтересно, – признался Иван.

– Ну, конечно. Фрося у нас – наглядный пример. Принудили мы её с мамой поступить в техникум против желания и получили результат: она всё равно бросила учёбу. Тошнило её, видите ли, от ненавистной специальности, – с грустью проговорила Василиса.

– Фроська всё правильно сделала, – встал на защиту сестры Иван. – Раз не по душе занятие, значит, нужно найти в себе силы, чтобы вовремя остановиться, чтобы потом из-за своей нерешительности или слабости не страдать всю жизнь.

– А если выбора не дано? Если жизнь диктует свои правила?

– Неправда, выбор у человека есть всегда. Надо просто прислушаться к себе. Я вот, к примеру, буду намного комфортнее себя чувствовать за баранкой грузовика, нежели за изучением неинтересных мне технологий.

– Ну, да, – усмехнулась Василиса. – Наша Фрося сейчас чувствует себя, конечно же, комфортнее за прилавком сельского магазина, чем чувствовала бы она себя позднее, после окончания техникума, за столом конструктора в управлении завода.

– По мне комфорт – это не тихая, спокойная жизнь в достатке. Комфорт – это совершенно другое понятие, – пламенно проговорил Иван. – Жизнь, в первую очередь, должна доставлять человеку радость. Для этого он и появился на свет. Надо, чтобы работа делала человека счастливым, а бытовые удобства отходили на второй план.

– Так можно размышлять, пока ты молод и не обременён семьёй. Когда у тебя появится жена, пойдут дети – твоё представление о жизни поменяется в один момент, – с улыбкой сказала Василиса.

– Не поменяется, если жену подобрать с такими же взглядами на жизнь, как у тебя самого, – не согласился Иван.

– В таком случае ты рискуешь остаться холостым. Девушек, которые, выходя замуж, не думали бы о семейном счастье и благополучии будущих детей, не существует. Они планируют свою жизнь заблаговременно.

– А вот Тоня думает иначе, – промолвил Иван с вызовом, глядя прямо в глаза сестры.

– Тоня – это твоя девушка? – догадалась Василиса.

– Да, это моя девушка.

– И как же она думает?

– Тоня считает, что в жизни ни в чём нельзя быть уверенным твёрдо, спланировать точно даже часть своей жизни невозможно. Поэтому нужно успевать делать то, что хочется и это самое главное. Можно, конечно, ошибаться в правильности своих желаний, но поступать следует всегда так, как на данном этапе подсказывает твой разум. Потом будет время, чтобы дать оценку своим поступки. Для этого человеку и даётся старость.

– Как легко вы с Тоней рассуждаете о жизни, как просто строите своё будущее, – вздохнула Василиса. – Но я, Ваня, не собираюсь давать тебе советы. Хватит с меня и Фроси.

Решай свою судьбу самостоятельно.

– Спасибо тебе, Васса. Мне очень помог разговор с тобой, – радостно проговорил Иван и неожиданно спросил: – Фрося тебе пишет?

– Да, на днях получила от неё письмо. Почему ты спрашиваешь?

– Она написала тебе, что Михаил повестку получил?

– Его в армию забирают? – почему-то встревожилась Василиса. – Когда?

– Двадцать пятого мая будут провожать, – торжественно сообщил Иван, будто это его самого призывали на службу.

– Значит, свадьбы не будет, – тихо и задумчиво промолвила Василиса. – Как же она теперь будет жить одна в незнакомом посёлке?

– Не беспокойся за сестру, не пропадёт наша Фрося. Со своим характером она никогда не останется одинокой.

– Тут ты прав. Фрося и в пустыне отыщет себе друзей. У неё удивительная способность на такие вещи.

Василиса хотела ещё что-то сказать о способностях сестры, но тут отворилась дверь, вернулась мать.

– О чём это вы тут балакаете? – спросила она с порога, увидев дочь и сына за одним столом.

– Разговор на философские темы, – отшутился Иван и срочно засобирался уходить.

– Куда ты, Ванечка? – спросила Евдокия. – Сестра приехала на полтора дня, а ты в бега подался. Посидели бы, по-

говорили.

– Чего тренькать языком зазря. Мы успели уже наговориться на неделю вперёд, – ответил Иван, взглянув на себя в зеркало. – Меня ждут более важные дела.

За ним захлопнулась дверь, послышались приглушённые торопливые шаги в коридоре, затем ухнула массивная входная дверь в барак.

– Куда это он, глядя на ночь? – в недоумении спросила мать.

– Будто ты, мама, не догадываешься.

– К Ваське Бородину, дружку своему, что ли? Ничего мне не сказывал. И когда вернётся, не обмолвился.

– На свидание к Тоне он побежал, к подружке своей, – сообщила Василиса.

– К Тоне? – наморщив лоб, мать пыталась вспомнить девочку, о которой шла речь. – Это та, у которой отец сталевар?

– Не знаю я, мама, кем работает у неё отец. Тоню я в глаза не видела.

– Она, точно она. Приводил он её к нам однажды, – мать с уверенностью кивнула головой. – Красивая дивчина, только языкастая чересчур.

– У нас и Ване палец в рот не клади – живо откусит, – усмехнулась Василиса. – Видать, нашли друг друга родственные души.

– Та нехай встречаются, раз тянет их друг к дружке. Лишь

бы не затянула раньше времени в свой омут нашего Ивана эта Тоня, – Евдокия как-то тягостно вздохнула. – А то принесёт в подоле ему то, чего не следует в таком возрасте, и закончится молодость у парня.

– Мамочка, а вы в каком возрасте с папой поженились? Подзабыла?

– Э-э, дочка! Тогда совсем другое время было.

– Любовь не спрашивает, когда ей поселиться в сердце, – солидно заметила Василиса, будто сама испытала однажды это непреодолимое трепетное чувство. – И отмахнуться от неё невозможно.

В то время, когда Евдокия с дочерью сели ужинать вдвоём, Иван стоял за толстым стволом старого тополя, растущего через дорогу напротив дома Тони Степановой и терпеливо ждал, поглядывая на калитку, когда та выйдет ему навстречу.

Ждать пришлось долго, Тоня почему-то задерживалась. Мимо Ивана прошли парень с девушкой. Девушка висела у парня на руке и безумолчно громко болтала, заглядывая ему в лицо. Парень снисходительно улыбался, и лишь изредка односложно отвечал на щебетание подруги.

«Неужели мы с Тонькой со стороны выглядим также?» – неожиданно для себя подумал Иван. И тут же возразил сам себе: «Нет, Тонька не ведёт себя так, как эта вертихвостка, и не виснет на мне с таким бесстыдством».

Наконец, отворилась дверь, на крыльце появилась Тоня. Она спешно сбежала по ступенькам и почти бегом направи-

лась к калитке. Иван вышел из-за дерева, помахал рукой.

– Заждался? – спросила Тоня, переводя дыхание. – Долго я провозилась с заданием отца. Ну, зато не будет больше упрекать меня, что я совсем забыла о его просьбе.

– О чём он тебя просил?

– Да так, пустяки. Начертила я ему кое-что. Он хочет внести какое-то рационализаторское предложение, а изложить на бумаге у него не получается. Никогда не сталкивался с черчением. Вот и пришлось помочь ему. Вернётся с работы – пусть порадуетя. Я положила свой труд ему на стол.

У Тони было какое-то вызывающе-игривое настроение. Ивану даже показалось, что и глаза её искрились совсем не так, как всегда.

– Ну, что, на реку пойдём?

– Пойдём на реку, – согласился Иван. – На наше место?

– У тебя есть другое предложение? – удивилась Тоня, озорно сверкнув своими большими карими глазами, и подмигнула.

– Нет, – ответил Иван в замешательстве и покосился на неё. Тоня вновь показалась ему сегодня какой-то необычной. Такой, как сейчас, он её не припоминал. То ли более оживлённой, чем всегда, то ли наоборот, более загадочной, поскольку её глаза лучились каким-то незнакомым прежде светом. Улыбаясь, она протянула Ивану свою ладонь. Он взял её за руку, и они, не торопясь, направились к реке.

Их любимым местом был крохотный заливчик, пророс-

ший по краям густым ивняком. Лет пять назад здесь располагался небольшой затон, где стояли несколько катеров лесосплавной конторы. Потом по каким-то причинам катера перегнали на другое место, затон затянуло илом, от него остался этот маленький заливчик. Чтобы попасть сюда, нужно было делать большой крюк, огибая огромные штабели шестиметровых брёвен. Никто здесь никогда не появлялся, и берег всегда был пустынным. На этот заливчик Иван наткнулся случайно ещё прошлым летом, прошагав по берегу с удочкой в руках в поисках «клёвого» места.

Заливчик для рыбалки не подходил, он был слишком мелким и тёплым для того, чтобы в нём водилась рыба, поэтому сюда заходил один лишь малёк. Зато вид на реку и противоположный берег завораживал. Река здесь делала изгиб и упиралась в Калапову гору, облачённую плотной порослью елей и пихт.

Встретаться вместе Иван и Тоня стали месяц назад, с середины апреля, когда семья Тони переехала сюда, на Стрелку, в дом умершей бабушки. Это было так неожиданно для Ивана, что он, увидев её в первый раз выходящую из своего дома, остановился, как вкопанный, буквально окаменев от непредвиденной встречи. Он стоял и смотрел на неё во все глаза, потеряв от внезапности и удивления дар речи.

Они учились в одном классе, и Иван давно стал тайком заглядываться на Тоню. В школе Иван видел её всегда только на расстоянии, в стайке подружек. Подойти к ней, загово-

ритель о каких-нибудь пустяках, как это делали другие парни, для него было почему-то затруднительно, не находилось ни повода, ни удобного случая, ни слов.

Лишь однажды, на новогоднем вечере, с большим трудом преодолев в себе робость, сильно волнуясь, Иван всё же отважился пригласить Тоню на танец. Но на протяжении всего танца он так и не решился произнести ни единого слова, старательно глядел в пол или в сторону, боясь встретиться с девушкой взглядом, словно этот взгляд мог поразить его насмерть.

Потом, весь остаток вечера с ней уже танцевал Валька Кудин из старшего класса. Этот Валька был сыном начальника смены, в которой трудился отец Тони, сталевар Савелий Степанов. Иван тогда разозлился на Вальку и, не дожидаясь окончания вечера, ушёл домой. В нём кипело и клокотало всё внутри. Он шел и убеждал себя, что шансов на дружбу с Тоней у него, конечно же, нет, и не будет никогда. И зря он сегодня её пригласил танцевать. О ней нужно забыть навсегда. Кто он такой? Сын врага народа. А Валька кто? Сын известного в городе человека, о котором не раз писали в газете и который всегда стоял на трибуне во время праздничных демонстраций.

Продолжая пялиться на неё округлившимися от удивления глазами и молчать, он, наверно, выглядел тогда глупо со стороны. Но Тоня словно и не заметила его состояния, заговорила первой:

– А я теперь буду здесь жить, мы переехали в бабушкин дом. Он просторный, с тремя комнатами и кухней. До этого мы жили в коммуналке у рынка, в одной комнате. Её освободили и сдали заводу, вот. А ты где живёшь?

Иван чуть было не брякнул «в бараке», но в последний момент, устыдившись перед ней за своё жилище, он сказал, неопределённо кивнув головой в сторону:

– Тут, неподалёку, на соседней улице.

– Значит, теперь мы с тобой будем ходить в школу вместе, правда? Будешь заходить за мной?

От таких слов у Ивана от волнения моментально пересохло в горле. Он не верил своим ушам. Даже в мыслях ему не могло прийти такое в голову.

– Пожалуйста, мне не трудно, – произнёс он незнакомым хриплым голосом и не узнал его. Сердце в груди стучало гулко и часто. Слова были сказаны с какой-то тусклой интонацией, и Иван тут же испугался своих слов. Ему показалось, будто Тоня сейчас расценит их как некое одолжение с его стороны, обидится, и из принципа будет ходить в школу одна. Иван замер в ожидании её реакции и впервые заглянул в глаза девушки. В них не было ни обиды, ни презрения. Они светились искренней благодарностью.

– Как хорошо, что ты согласен, – радостно сказала Тоня. – Когда я жила в коммуналке, в школу мы ходили с подружкой. С Ленкой Скворцовой из параллельного класса, ты её знаешь.

Иван, конечно же, знал эту худую, как доска, рыжую девицу в очках. Как ему было не знать её, если он тайком приглядывал за Тоней, знал, куда она пошла и с кем. Чтобы не выдать себя с головой, он с напускным безразличием высказался:

– Эта рыжая, что ли? С длинной косой, в очках, да?

– Да, но она очень умная девочка и добрая, – ответила Тоня, не уловив в словах Ивана пренебрежительной интонации. И без промедления спросила:

– Ты можешь показать мне ваш посёлок?

Сердце Ивана забилося ещё сильнее, гулко отдаваясь в висках. Он не мог поверить, что эта, как ему казалось в последнее время, недостижимая для него девушка уже через какую-то минуту пойдёт рядом с ним, и он, возможно, даже сможет взять её за руку.

– Прямо сейчас? – задал вопрос Иван, не поверив до конца в происходящее с ним.

– Извини, но я, наверно, поступила бестактно, да? Не спросила даже, есть ли у тебя время для прогулки?

– Конечно, есть, – поспешил заверить Иван.

– Тогда пойдём?

– Пойдём.

В тот день Иван провёл Тонию по посёлку и показал свой любимый заливчик. С тех пор они каждый раз ходили туда и подолгу сидели на бревнах у самой кромки воды.

Сегодня они шли к заливчику дольше обычного. Тоня,

вначале очень разговорчивая, на полпути к реке внезапно замолчала и не проронила ни слова, пока они не подошли к месту своего уединения. Остановившись в двух шагах от толстого бревна, одним концом увязшего в прибрежном песке, девушка отстранилась от Ивана и неожиданно спросила:

– Ваня, а как ты относишься ко мне? Скажи сейчас, только честно. Мне это очень важно.

– Как это... как относишься? – не совсем понимая, что же конкретно хочет услышать от него Тоня, проговорил Иван с некоторой заминкой.

– Ну, как, как? Очень просто. Ты гуляешь со мной, о чём-то думаешь, мечтаешь. Мне хочется знать всё, что думаешь обо мне. Всё-всё. Кто я для тебя? Подруга или просто подвернувшийся человек для времяпровождения? Какое место я занимаю в твоей жизни?

– А ты сама что бы хотела услышать? – задумчиво спросил Иван, догадавшись о том, что пытается его Тоня неспроста. По всей вероятности, у неё произошло какое-то событие или же неллицеприятный разговор. Не могла она вот так, без причины, задавать ему подобные вопросы.

– Ты не уходи от вопроса, – настойчиво заявила Тоня.

– А то что?

– А то я посчитаю тебя трусом...

– Даже так?

– Да.

– Могу предположить, что у тебя недавно состоялся с кем-

то разговор обо мне. И в этом разговоре меня охарактеризовали не лучшим образом, так?

Тоня резко развернулась к Ивану, резанула его взглядом, будто обожгла:

– Да, был такой разговор.

– С кем, если не секрет?

– С мамой, – призналась Тоня и сразу поникла, уставившись в какую-то невидимую точку далеко от берега.

Иван долго молчал, собираясь с мыслями. Потом неожиданно спросил:

– Ты помнишь неделю назад Валька Кудин пришёл в школу с синяком под глазом?

– Ну, помню.

– Так это я его разукрасил, – усмехнулся Иван. – И знаешь почему?

– Почему?

– Он потребовал, чтобы я оставил тебя в покое. Сказал, что я могу испортить твоё будущее. Дал понять, что сын врага народа не сможет сделать счастливой такую девушку, как ты. Что я не смогу поехать с тобой дальше Чусовского района, и даже жениться не смогу, потому что у меня нет паспорта. И твоя мама, наверно, высказала тебе что-то в этом роде, не так ли?

Тоня понуро кивнула головой.

– Я не знаю, что такое любовь, – продолжил Иван. – В книжках о ней пишут по-разному. Но если я постоянно ду-

маю только о тебе, вижу во сне только тебя и потом с нетерпением жду наших встреч, мучительно переношу те минуты, когда ты смотришь парням в лицо и улыбаешься при этом – думаю, ты лучше меня ответишь на свой вопрос. И вообще, я не представляю, как может продолжаться моя жизнь, если тебя не будет со мной рядом.

Тоня шагнула ему навстречу, остановилась на мгновение, пристально заглянула в глаза, потом рванулась и обняла его.

– Больше не говори ничего, – прошептала она. – Мне вполне достаточно того, что я услышала.

Они присели на бревно, Тоня прижалась к Ивану и положила голову ему на плечо.

Наступило молчание, и в этой тишине было слышно тихое дыхание реки. Едва уловимый ветерок гнал к берегу мелкую волну и она, достигнув песчаной кромки, издавала чмокающий звук, потом бесшумно скатывалась назад.

– Скажи, Ваня, а ты способен на обман? – спросила Тоня спустя некоторое время.

– Ты это о чём? – удивился Иван.

– Ну, скажем, совершил ты какой-нибудь непристойный поступок по глупости или со страху, а потом опасаясь, что о нём будет известно людям, после чего они могут отвернуться от тебя. Способен ты солгать ради собственного благополучия? Солгать, исказив действительность?

– Никогда не задумывался об этом, – пожал плечами Иван. – Но подличать не способен, это уж точно!

– Давай договоримся с тобой: что бы не случилось у каждого из нас в будущем – никогда не лгать друг другу, ладно?

Иван не ответил, только крепче сжал маленькую ладонь Тони в своей.

– Даёшь слово? – не унималась Тоня.

– Даю.

И опять наступило долгое молчание, видимо Тоня что-то решала очень важное про себя.

– Как ты думаешь, а Валька Кудин способен на подлость? – спросила она после длительной паузы.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Потому что Валька не может смириться с тем, что я продолжаю дружить с тобой, а не с ним, как бы он не старался помешать этому.

– Он что, угрожал тебе? – Иван повернулся лицом к девушке. – Скажи, не молчи!

– Нет, не угрожал, – задумчиво произнесла Тоня. – Только чувствую я, задумал он что-то нехорошее, подлое.

– Ничего он не сделает, не волнуйся, – уверенно сказал Иван. – Трус этот Валька, к тому же боится меня.

– Я знаю, что он побаивается тебя, потому и опасаюсь какой-нибудь гадости с его стороны. Ведь он ничем не отличается от того человека, который оговорил твоего отца и отправил его в тюрьму. Такие люди предпочитают действовать тишком.

– Ничего он сделать не посмеет, духу у него не хватит! –

с внутренним спокойствием произнёс Иван и усмехнулся. – Кишка у него тонка, чтобы совершить подлость против нас с тобой.

– И всё же, Ванечка, поостерегся бы ты, не бей его больше, ладно? – попросила Тоня. – Он же после этого в милицию может сообщить, и тебя упрячут за решётку. Как же я буду жить-то без тебя?

– Не обещаю, но постараюсь не трогать его без повода, – сердито ответил Иван. – Не могу я прощать людям, которые совершили зло. Руки сами тянутся к их горлу, чтобы крепко пожать его в знак «благодарности».

– Ты обидчивый?

– Даже не знаю, – после небольшого размышления сообщил Иван. – Когда отца арестовали, я обиделся на всех: и на начальника, у которого отец работал, и на людей, которые вместе с ним работали, и на милицию, и на судью. На первых за то, что не пришли заступиться за отца, а на вторых за то, что не захотели разобраться по-настоящему. Я не верил, что мой отец преступник, не верю и сейчас.

Иван умолк на минуту, потом заговорил вновь:

– Три с половиной года назад я, конечно, воспринимал всё по-другому, по-мальчишески, наверно. Меня душила горькая обида, потому что я лишился отца.

– А сейчас?

– Сейчас? – переспросил Иван, раздумывая. – Сейчас я думаю иначе. Человек не должен обижаться на всю совет-

скую власть, если в деле виновны вполне конкретные лица. Стукач и следователь. Один решил отомстить отцу за что-то, другой эту месть одобрил. Вот если бы я узнал, кто именно это сделал, я бы предпринял всё от меня зависящее, чтобы этот урод поменялся местами с моим отцом.

Тоня слушала Ивана и впервые почувствовала, какой он решительный, смелый и непримиримый.

– А теперь ты мне ответь, Тоня, – повернулся Иван к лицу девушки так близко, что она увидела в его глазах отражение узенькой полоски заката над горизонтом. – Не будешь ли жалеть, что подружилась со мной?

– Не буду, никогда, – Тоня несколько раз упрямо мотнула головой, потом добавила ещё, видимо, для пущей убедительности:

– В этом ты можешь не сомневаться.

И едва Тоня произнесла эти слова, которые Иван потом вспоминал много раз, как в небе плеснулась ослепительная молния, расколов посеревшее небо на части. Вслед за ней ударил оглушительный раскат грома.

Первая майская гроза заявила о себе совсем неожиданно и требовательно. Грозовая туча, крадучись, долго пряталась за Колаповой горой и только когда загромыхал гром, она выползла из-за скал и показалась над рекой – чёрная и страшная. Тут же взвинтился смерчем воздух и пробежался по берегу, расшвыривая в разные стороны обломки сучьев и древесной коры. В считанные секунды воздушный вихрь про-

нёсся по воде, закручивая её в воронку, и погнал к противоположному берегу. За минуту сделалось совсем темно.

– Бежим! – крикнула Тоня испуганно.

Не разнимая рук, они вскочили с бревна и вприпрыжку помчались к покосившемуся навесу у крайнего штабеля. Под навесом сохранился стол шириной в три доски и две лавки по бокам. По всей вероятности, это было место сбора сплавщиков, когда затон находился ещё в рабочем состоянии.

Как только Иван и Тоня очутились под крышей, первые капли тяжёлой свинцовой дробью пробарабанили сверху по иссохшему рубероиду. А потом обрушился ливень. Он шумел и бесновался, будто негодовал, что не догнал беглецов и швырял, разбрызгивая, под навес порции воды.

– Успели, – переводя дыхание, первой заговорила Тоня. – А то бы до нитки промокли.

Они сели на лавку в центре стола напротив друг друга и молчали некоторое время, искоса поглядывая на реку, которая в одно мгновение как бы исчезла, соединившись с серой пеленой дождя.

– Ты окончательно решил оставить школу? – спросила Тоня.

– Не вижу смысла в дальнейшей учёбе, – сказал Иван. – Двери института передо мной закрыты, а поступать кабы куда – не хочется. Фроська, сестра моя, – наглядный пример.

– А что с Фросей?

– Не хотела она поступать в техникум, но мать с Вассой

настояли, пошла наша Фроська учиться. И что? Через год всё равно бросила. Чего мучить себя, если душа не лежит к профессии? – сделал заключение Иван таким тоном, словно сам успел когда-то разочароваться в выборе профессии.

– Значит, шофёром хочешь стать? – Тоня смотрела в темноте в лицо Ивана, уткнувшись локтями в стол и подперев щёки ладонями.

– Угу. Устроюсь в такую контору, чтобы по округе разъезжать, мир посмотреть.

Сверкнула молния и в свете кратковременной вспышки Иван увидел улыбку на лице девушки.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он.

– Представила тебя за баранкой грузовика, – Тоня тихо рассмеялась. – Меня будешь катать?

– Если тебя мама отпустит, – пошутил Иван, не предполагая, что задел болезную тему.

– Это ты точно подметил, – сразу погрузнев, произнесла Тоня. – Мама может и не разрешить. После её разговора о тебе я даже не знаю, как себя вести с ней.

– А отец?

– Что – отец?

– Твой отец знает о том, что мы встречаемся?

– Ну, конечно, знает.

– И как он к этому относится?

– Зовёт меня хохлацкой невестой. Шутит, конечно, но больше молчит, не ругает.

– Значит, нейтралитет занял, наблюдает за нами со стороны, – усмехнулся Иван. – Это уже неплохо. Пусть наблюдает. Ничего плохого мы себе не позволяем, правда?

– И не позволим! – немного повеселев, произнесла Тоня громко. – А если кто-то надумает распускать руки – рискует нарваться на неприятности.

Дождь закончился быстро. Сбросив излишнюю тяжесть, туча легко и сноровисто удалилась к горизонту. Воздух насытился влагой, стало свежо.

– Пора по домам, – сказала Тоня отрывисто, приказным тоном, не терпящим возражений, будто была здесь старшей.

Иван всегда поражался резким переменам, происходящим в этой девушке. Ещё несколько минут назад она могла казаться ему маленькой, сопливой девчонкой, задающей вопросы с какой-то детской наивностью, а потом вдруг с поразительным рассуждением углублялась во взрослую жизнь.

В такие моменты Иван смотрел на Тоню с большим удивлением и даже восхищением, она представлялась ему старше лет на пять, а то и больше. Возможно, именно за такие перемены и неординарность тянуло его к этой девушке.

Иван не удержался, приподнялся над столом и намеревался поцеловать Тоню. Та успела увернуться, и он губами уткнулся ей в шею. Тоня рассмеялась от своего озорства, и в этом всплеске короткого смеха угадывалась её тихая радость и первое девичье счастье.

Взявшись за руки, они зашагали по направлению к посёл-

ку. В окнах жилых домов одно за другим лопалось и пропадало желтое пятно света.

Глава 23

В бараке ещё царило сонное царство, когда Иван, схватив вёдра, скорым шагом направился к колодцу. Надо было срочно натаскать в бак воды. Мать с утра затевала большую стирку, а для этого требовалась уйма воды. Сам Иван запланировал отправиться на полевые работы. Накануне вечером они с Тониным отцом сговорились сходить на картофельное поле вместе. Пару дней назад сосед по бараку доложил матери, что картофельная ботва поднялась уже на пару вершков, и всё поле сплошь затянулось сорняками. Нужно было срочно тятать, потому что окучивать картошку с такими сорняками станет невозможно.

В предыдущий год эту работу они выполняли втроём: Васса, Фрося и он. Нынче Фрося упорхнула следом за Михаилом Жуковым в Пашию, рассчитывать на неё помощь не приходилось. Мать не в счёт, у неё своих дел по дому хватает. Васса собиралась сходить на прополку вместе с ним, но Иван в последний момент её отговорил. Сказал, что справится и без неё. Совсем не обязательно выполнить работу за один день для того, чтобы потом упасть на поле с мыльной пеной на теле, как загнанная лошадь. Можно отложить работу ещё на день, времени свободного у него предостаточно. Курсы шоферов, на которые он поступил, начинались только с первого июля, впереди оставалось почти десять дней.

Да и обработать участок в пять соток для него не такой уж большой труд. То, что в поле он пойдёт не один, Иван умолчал. Хотя Васса, скорее всего, догадалась, потому что очень легко согласилась на предложение брата. Она внимательно посмотрела в глаза Ивану и, скрывая улыбку, сказала:

– Наверно, ты прав, Ваня. Если сорняков действительно много, я могу не успеть на автобус в Лысьву. Один только путь до поля и обратно займёт не меньше пары часов. У нас нет лодки, чтобы переправиться через реку, придётся идти в обход горы, через Углежжение.

– Вот- вот, – живо подхватил Иван, – зная твоё упорство во всём, ты будешь стучать тяткой, как дятел, до последней минуты, а потом побежишь с горы, сломя голову. Ещё распластаться где-нибудь на тропе, свихнёшь ногу, или того хуже – ходули свои стройные ломаешь. Сиди уж дома, Васочка, матери поможешь стирку провернуть.

Иван кивнул головой в угол, показывая на большую жестяную ванну, добавил:

– Смотри, сколько грязного белья накопилось. Гора выросла чуть не до потолка.

– Нет, Васса, ты только подивись на брата, какой брехун вырос, – вступила в разговор мать. – И где ты увидел гору белья? Всё ж, как обычно, ни больше, ни меньше. Бельё после бани, да простыни с наволочками. Скажи лучше, что не желаешь с Василисой трудиться. Тоньку, поди, решил запрячь на своём поле?

– Скажешь тоже – Тоньку! Будет она горбатиться на чужом участке, когда у них своя делянка через две межи. Да и не шесть соток у них, как у нас, а все восемь или девять.

Разговор этот состоялся вчера вечером, после мимолётной встречи с Тониным отцом. Его Иван встретил в проулке, когда возвращался из магазина.

– Привет, Иван, – весело проговорил сталевар, поравнявшись с ним. – Когда собираешься картошку окучивать?

– Здравствуйте, Савелий Архипович, – поздоровался Иван и пожал протянутую ему руку. – На завтра запланировал.

Иван намеренно ответил «запланировал», а не «запланировали». Так его ответ звучал более солидно, повышал собственный авторитет в глазах Тониного отца.

После памятного разговора с Тоней в ту майскую грозу, под навесом сплавщиков, Иван долго размышлял, что же нужно сделать ему, чтобы родители девушки поняли: он парень надёжный и не вредный, и нет причин для препятствия встреч с их дочерью. Он понимал, что ему, прежде всего, нужно заручиться доверием, основательно развеять их мнение о себе, как о неблагонадёжном человеке.

Он начал действовать. Когда родители Тони были на работе, Иван без их согласия решил выполнить кое-какие работы во дворе. Доставшийся от бабушки дом только на вид казался крепким и добротным, на самом же деле он обветшал от времени, в нём понемногу рушилось всё. Отец Тони

принялся устранять лишь те дефекты, которые требовалось выполнить безотлагательно, а мелочи, вроде завалившейся калитки или образовавшихся брешей в заборе, оставлялись им на потом. За устранение этих мелочей и принялся Иван.

Тоня вначале противилась, боясь, что отец может рассердиться за такое самоуправство, и тогда будет только хуже. Но, подумав, всё-таки отступилась, предоставив Ивану полную свободу действий.

Савелий Архипович оказался понятливым мужиком в житейских вопросах. Когда он увидел результат стараний Ивана на уже исправных воротах, проведя по доскам своей большой шершавой ладонью, он не только не выругался, а, наоборот, похвалил парня за ужином перед женой в присутствии дочери. Об этом Тоня сообщила Ивану на следующий же день.

Через пару недель Савелий Архипович уже здоровался с Иваном за руку и не препятствовал его присутствию в своём доме. Отношение Тониной матери тоже немного потеплело, но лёд отторжения к нему, как к сыну врага народа, полностью не растаял. Какая-то внутренняя насторожённость в ней все же сохранялась. Иван это чувствовал по её немногословности, по пристальным, изучающим взглядам во время встреч. Он старался не придавать этому большого значения и делал вид, что не замечает плотно поджатых губ Тониной матери при общении с ним.

– На завтра, говоришь? – переспросил отец Тони, сообра-

жая что-то про себя.

– Ага, на завтра.

– Один собрался?

Иван хотел ответить, что вдвоём с сестрой, но неожиданно выпалил:

– Один.

– В таком случае могу перебросить тебя через реку, чего лишние километры круголя выписывать. Мы с Тонькой тоже наметили завтра потрудиться. Второй хлеб, как-никак, нужно вовремя заботиться о хорошем урожае.

– Спасибо, – ответил Иван, скрывая на лице подступившую радость.

– Только мы рано отправимся, учти, – предупредил Савелий Архипович. – По холодку оно трудиться легче, чем в зной, да и освободиться мне надобно пораньше – во вторую смену завтра заступаю. Доменную печь запускаем после ремонта.

– Я буду ждать вас на берегу, – вырвалось у Ивана, хотя он впопыхах даже не спросил, в какое время ему надо быть там.

– Ровно в шесть мы отчалим от берега, – сообщил отец Тони. – Если проспишь, придётся топтать круголя. Ждать не буду, понял?

– Не опоздаю, Савелий Архипович, – заверил Иван. – Приду вовремя.

– Ну, коли так – тогда до завтра, – Савелий Степанов шагнул мимо Ивана и, не оглядываясь, направился к реке по ка-

ким-то делам.

Иван натаскал воды, наполнив два больших бака, и ещё два полных ведра поставил рядом. Пока он ходил с вёдрами к колодцу, мать поставила большую оцинкованную кастрюлю на плиту, налила ковшиком до краёв воды, затопила печь.

Иван наспех съел миску холодной перловой каши, потом завернул в тряпицу несколько варёных картофелин с кожурой, две головки лука, три солёных огурца и ломоть ржаного хлеба. Подумав, налил в бутылку кипячёной воды, заткнул пробкой из газеты. Затем снял с гвоздя холщовую торбу с вышитым сбоку крупным подсолнухом, положил в неё свёрток с обедом, пристроил сбоку бутылку с водой. Повернувшись к матери, сказал:

– Всё, я пошёл.

– Куда ты так торопишься, Ваня? – огорчённо спросила Евдокия. – Даже кашу не стал разогревать, съел холодной. И чай не пил.

– Тороплюсь, мама. Один добрый человек обещал перевезти через реку. Если опоздаю – придётся чапать вокруг Калапихи, – скороговоркой проговорил Иван. Он взял в углу тряпку, лезвие которой ещё накануне обмотал для безопасности тряпкой в несколько слоёв, и открыл дверь в коридор.

– К ужину вернусь, Васске передавай привет от меня, – уже в дверях произнёс он.

Дверь за ним захлопнулась, в коридоре послышались удаляющиеся шаги.

– Вот ветряный хлопец, – сокрушённо произнесла Евдокия, тяжело вздохнув, и принялась готовить бельё к стирке.

Лодка Савелия Степанова была маленькой и узкой, с низкими бортами, рассчитанной на лодочника и двух пассажиров. Её Иван нашёл без труда среди десятка громоздких плоскодонок, похожих друг на друга, словно их всех мастерили по одному шаблону. Лодки были привязаны цепями к толстому металлическому тросу, закреплённому меж двух бревенчатых свай.

На причале было безлюдно, казалось, Иван пришел сюда первым. Однако, устремив взгляд сквозь молочное марево на противоположный берег, он увидел несколько размытых силуэтов рыбаков. Их лодки покоились на водной глади под отвесной скалой Калаповой горы. Там были глубокие омуты, в которых хороводилась крупная рыба. В ожидании Степановых он стал прогуливаться вдоль берега.

Утреннее солнце уже выкатилось из-за горизонта, но, запутавшись в вершинах высоких елей и пихт на Колаповой горе, не могло пока в полной мере обласкать землю и разогнать туман. Оно с неистребимым упорством пробивалось через плотную стену деревьев, разбрызгивая первые лучи. Где-то в вышине, нарушив утреннюю тишину, зазвенела утренняя песня жаворонка. И в этот миг нельзя было даже представить, что в это же самое время далеко отсюда с жутким завыванием на землю посыпались первые немецкие бомбы.

Любуясь восходом солнца, Иван не заметил, как к нему

приблизилась Савелий Архипович с Тоней.

– Что, глаз оторвать не можешь от такой красотищи? – раздался позади басовитый голос Степанова.

Иван обернулся, восхищённо произнёс:

– Да, красивое зрелище. Смотрю, как солнце будто выпутывается из объятий деревьев.

– Оно-то выпутается, не сомневайся, – Савелий Архипович усмехнулся. – А ты?

– А что я? – пожимая руку отцу Тони, спросил Иван. Вопрос был для него непонятен и застал врасплох. Он жал твёрдую мозолистую ладонь Степанова и с тревогой смотрел ему в лицо.

«Что он имеет в виду под словом «выпутается»? – мелькнуло в голове. Неужели кто-то наговорил гадостей про меня? Но ведь Савелий Архипович не из тех, кто верит сплетням с первого слова? В этом я смог убедиться. Что же тогда он пытается выудить из меня?»

Отец Тони, словно специально решив поизмываться над Иваном, тянул секунды. Потом произнёс:

– А ты выпутаешься сегодня из дебрей? Сорняки-то, скажут, по пояс вымахали нынче. Всё в кучеросло: и пырей, и осот, и сурепка. Будто кто из вредности нам их засеял. Никогда такого не бывало. словно, предзнаменование беды какой-то.

Тоня стояла в сторонке, слушала отца, а сама не сводила глаз с Ивана.

– Да уж управлюсь, думаю, – ответил Иван, встретившись глазами с Тоней. – Можно трудиться и до заката солнца, мне не к спеху.

Степанов промолчал, прошагал до троса, принялся отвязывать лодку. Открыв простенький замок, отмотал назад металлическую цепь, снова просунул душку замка в крайнее кольцо, крутанул ключом один оборот, забросил цепь в нос лодки.

– Я – на корме, Антонина на лавочке в центре, ты, Иван, отталкиваешь лодку и запрыгиваешь в нос, – распорядился Савелий Архипович. – Всё, поехали.

Добравшись до картофельных наделов, Степанов визуаль-но оценил состояние дел, и сказал, обращаясь к Ивану:

– Ты, парень, как хочешь, но я буду тпать и окучивать свой участок за один раз. Ботва поднялась высокая, нет смысла оставлять её еще на неделю. Перерастёт, потом заму-чаемся огребать, чтобы не обломать.

До полудня трудились каждый на своём поле, сходясь для передышки у большого белого камня в нижней меже. Здесь росло с десятков пихт, которые создавали тень на краю небольшой полянки. Савелий Архипович ложился на спину на расстеленный брезентовый плащ и сразу закрывал глаза. Ему удавалось вздремнуть минут десять. Работая на заводе в разные смены, он за многие годы приучил себя засыпать в любое время суток. Иван с Тоней присаживались в сторонке, и тихонько переговаривались, чтобы не мешать дремоте

Степанова.

В полдень они сели обедать. К этому времени у Степановых было обработано больше половины участка, на делянке Ивана работа подходила к концу. Тоня расстелила газету, выставила литровую бутылку молока, большую краюху хлеба, небольшой шматок сала, заранее порезанный на кусочки. Иван выложил рядом свои припасы.

– Слабаки мы с тобой, Антонина, – сказал Савелий Архипович, запивая хлеб молоком. – Не выполним свой план на сегодня. Вон, смотри, сколько уже твой друг преуспел. Видать, его тятка чаще мелькает в воздухе, чем наши с тобой.

– Просто у него участок меньше нашего, – встала на свою защиту Тоня, не соглашаясь с отцом.

– Ну, да, – усмехнулся Степанов, – конечно. Только вот Иван машет тяткой один, а нас двое.

– А мы можем остаться с Тоней и закончить одни, – предложил Иван. – Перевезём вас на тот берег и вернёмся.

Степанов внимательно посмотрел на Ивана, потом перевёл взгляд на дочь.

– А что? Дельное предложение, – одобрительно отозвался он. – С лодкой управляться умеешь?

– Умею.

– Добре.

Они потрудились ещё около часа, потом все трое направились к реке.

– Ну, садись на корму, бери весло, будешь грести, – распо-

рядился Степанов. – Посмотрю, как ты управляешься с лодкой. Только после этого я смогу доверить тебе свою дочь.

Иван переправил Савелия Архиповича на противоположный берег и вернулся назад. Вышел из лодки, вытянул носовую часть на прибрежную гальку, обмотал цепью прибрежный куст. Тоня всё это время оставалась на берегу, дожидаясь возвращения Ивана.

– А ты хороший лодочник, – похвалила Тоня Ивана. – Лодка прямо шла, не вихляла из стороны в сторону. Где научился грести?

– Сосед на рыбалку брал несколько раз, заставлял грести. Вот и научился. Наука-то нехитрая.

Оставшись одни, они с Тоней стали работать в паре. Тоня шла впереди, выдергивала сорняки и относила в межу. Иван двигался следом за ней, огребал картофельный ряд.

С картошкой разделались к пяти часам. Собрали пожитки и, взглянув на обработанное поле в последний раз, отправились домой.

Переправившись через реку, Иван подогнал лодку к знакомому причалу и привязал её в том самом месте, где она постоянно стояла. Навесив замок, отдал ключ Тоне.

– Ну, вот и всё, справились с поставленной задачей, – похотейски высказался Иван. Он поднял тляпки, положил на левое плечо, взглянул на Тоню, спросил:

– Ну, что, подруга, сильно умаялась?

– Руки немного гудят, а так – ничего.

– И я немного притомился. Проклятая жара вымотала, сто потов с меня сошло. Солнце сегодня плавилось похлеще, чем сталь в мартене.

– Это уж точно, – согласилась Тоня. – На небе ни облачка, на земле ни ветринки. Да ещё оводы, проклятые, замучили, всю меня покусали. Ужас какой-то! Теперь дня два волдыри чесаться будут.

– Йодом помажь, легче будет.

– Ага, посмешище из себя сделать? С пятнами на людях появиться? Нет уж, дудки! Пройдёт и без йода, потерплю как-нибудь.

– Как знаешь, моё дело предложить, – пожал плечами Иван.

Тоня взяла Ивана за руку, и они пошли вдоль штабелей брёвен. Здесь их никто не видел, и они не стеснялись ходить, взявшись за руки. И лишь потом, когда выходили на открытое место, расцепляли свои ладони.

С края посёлка, в рубленом строении из брёвен, похожем на обычный жилой дом, находился поселковый магазин. После рабочего дня около него всегда толпился народ. Магазин был тем местом, где рабочий люд не только запасался продуктами, но и обменивался последними новостями, договаривался о совместных житейских действиях.

Сейчас здесь было пустынно.

– Странно, – удивился Иван. – Ревизию что ли затеяли? Не нашли дня получше, чем выходной день?

– И на улице нет никого, – с растерянностью произнесла Тоня. – Обычно в это время ребятня в лапту играет.

– Действительно, будто от грозы все попрятались, – Иван поднял голову, взглянул на небо. Оно было совершенно чистым, отливая немеркнувшей яркой синевой.

Когда они оказались в нескольких шагах от магазина, из распахнутых настежь дверей вышла бабуля. Лево́й рукой она прижимала к себе небольшой бумажный свёрток, а правой неистово крестилась. Так обычно крестятся набожные люди, когда их что-то ошеломляет.

До слуха Ивана и Тони донеслись лишь два слова: «супостат окаянный».

– Похоже, в магазине что-то стряслось, – проговорил Иван, кивнув головой на старушку. – Видишь, как она напугана?

Тоня сделала шаг навстречу бабуле и громким голосом спросила:

– Бабушка, что случилось?

Старуха сощурилась, вглядываясь бесцветными глазами в лицо Тони, и с негодованием прошипела, будто потревоженная змея:

– Супостат окаянный, германец этот, опять войной на нас пошёл – вот что случилось! – правая рука старухи вновь задвигалась в воздухе, накладывая на себя кресты.

– Как ... пошёл? Какой ещё германец? – не осознав до конца слова бабули, – с растяжкой спросила Тоня и повернулась

лицом к Ивану, ожидая от него разъяснения.

– Устинья сейчас доложила мне, будто днём ишо по радио собчили эту новость, будто сам Молотов сказывал её народу, – прошепелявила старуха беззубым ртом и, перекрестившись в очередной раз, зашагала, согнувшись пополам, к своему дому.

С минуту Иван и Тоня, оцепенев от страшной новости, смотрели друг на друга и не находили подходящих слов. Потом Тоня сообразила, что Устиньей, вероятно, зовут продавщицу и лучше будет, если сейчас они зайдут в магазин и всё узнают сами из первых уст. Она схватила Ивана за руку и потащила за собой в магазин.

Устинья, рослая женщина с твёрдым мужским подбородком, с большими серыми глазами навывкате и крючковатым носом, уставилась на вошедших. В магазине стоял запах гнилых овощей и тухлой селёдки одновременно, было ужасно душно, несмотря на то, что два окна напротив были распахнуты до конца. Круглое мясистое лицо Устиньи лоснилось от пота, на груди у неё, в разрезе платья торчала какая-то цветастая тряпка. Она взяла её, протёрла потное лицо, заткнула тряпку обратно и недовольно спросила:

– Говорите, что вам нужно, а то я уже закрываюсь.

– Да нам, собственно, ничего и не надо, – заговорил Иван. – Спросить хотели.

– Ну, спрашивай, да поскорее, – пробурчала продавщица, – нет у меня времени на политинформацию.

– Сейчас бабуля вышла от вас, сказала, будто днём было какое-то сообщение по радио. Мы толком так ничего и не поняли.

Широкие, совсем не женские брови Устиньи взметнулись вверх, она смотрела на молодежь, как на людей, появившихся из другого мира, будто они всё это время были глухонемыми и только сейчас вдруг обрели способность слышать. Её рот открылся от удивления, обнажив железные коронки на коренных зубах. Через несколько секунд лицо Устиньи преобразилось, потускнело, глаза потемнели, в них появилась нескрываемая печаль.

– Вы будто с луны свалились, – проговорила она глуховатым голосом. – Днём ещё было сообщение по радио, Молотов выступал. Гитлер без объявления войны напал на нашу страну. Так-то вот. Мы ещё спали, а фашисты уже бомбили Киев и Житомир.

Иван с Тоней во все глаза смотрели на Устинью, будто ждали, что рот её вот-вот расплывется в улыбке, и она под их пристальными взглядами признается, как ловко их одурачила. Но ничего подобного не произошло. Продавщица вновь стала такой, какой предстала перед ними в первую минуту.

– Чего уставились? – выдавила она недовольным голосом. – Больше мне нечего вам сообщить. Идите, куда шли, мне магазин закрывать надо.

Не проронив ни слова, Иван с Тоней переглянулись между собой и вышли из магазина.

– Как же так? – растеряно проговорила Тоня, когда они отошли от магазина метров на двадцать. – Ведь у нас с Германией подписан акт о ненападении. Выходит, Гитлер обманул Сталина?

– Выходит, так, – согласился Иван. – Фашистам нельзя было верить с самого начала, а Сталин почему-то поверил.

– И что сейчас будет?

– Что, что? Воевать будем, – убеждённо ответил Иван. – Накостыляли японцам на Халхин-Голе, финнам дали по зубам и фашистам дадим отпор, не сомневайся.

Тоня судорожным движением вцепилась обеими ладонями в локоть Ивана и повисла на нём. Они впервые, не стесняясь, прошли так по улице.

Страшное известие о войне сразу сблизило их, будто породнило в один момент. Они словно повзрослели на несколько лет и уже не задумывались над тем, что о них могут подумать встречные прохожие.

Продолжение следует...